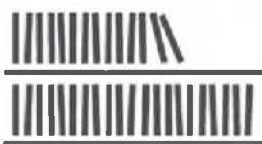


С Е М Е Н   Р Е З Н И К

# ЦАРЕУБИЙСТВО

НИКОЛАЙ II: ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ,  
ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА

Санкт-Петербург  
АЛЕТЕЙЯ



НЕЗАВИСИМЫЙ  
АЛЪЯНС





УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(3)611

Р 344

**Резник С. Е.**

Р 344 Цареубийство. Николай II: жизнь, смерть, посмертная судьба / С. Е. Резник. – СПб.: Алетейя, 2020. – 356 с.: ил.

ISBN 978-5-907115-06-4

Книга охватывает многовековую историю российского самодержавия, но основное внимание автора сосредоточено на царствовании Николая II, убийстве его семьи и ее посмертной судьбе. Показано, что хотя со времени расстрела царской семьи прошло сто лет, проблемы цареубийства остаются острыми в современной России и от того, как они решаются, во многом зависит ее настоящее и будущее.

**УДК 94(47).084.3**

**ББК 63.3(3)611**

ISBN 978-5-907115-06-4



9

785907 115064

© С. Е. Резник, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

## ОТ АВТОРА

Эта книга написана к столетию со дня расстрела царской семьи.

В ней прослежена тысячелетняя драма российского самодержавия, с ее жестокой борьбой за власть, борьбой без правил, с переворотами, убийствами царей, престолонаследников, претендентов на престол. В этом контексте царствование Николая II, включая его трагический финал, при всей уникальности, во многом оказывается повторением пройденного.

Но совершенно беспрецедентна посмертная судьба Николая II и всего августейшего семейства.

В книге повествуется о том, как и почему Николай II был свергнут с престола, о том, что предшествовало расстрелу царской семьи, о самом расстреле, о трусливых и бестолковых метаниях палачей в попытках замести следы злодеяния. О неуклюжем «расследовании» царевубийства следователем Соколовым под руководством генерала Дитерихса. О нелепых политических играх вокруг уже не существующего престола в кругу уцелевших родичей царя. О самозванцах и самозванках, разыгрывавших роли *чудесно спасшегося* царевича Алексея и *чудесно спасенной* царевны Анастасии.

Полны захватывающего драматизма поиски захоронения царской семьи, увенчавшиеся успехом, который хранился в тайне более десяти лет. Не менее драматична история идентификации «екатеринбургских останков». Почти четверть века назад, совместными усилиями ученых разных специальностей и разных стран, с использованием традиционных и новейших молекулярно-генетических методов, были идентифицированы останки царя, царицы, их трех дочерей, а также четырех служителей, разделивших их судьбу. После этого результаты научной экспертизы многократно перепроверялись, уточнялись и подтверждались с достоверностью, не оставляющей места для разумных сомнений (without reasonable doubt). А затем были найдены и идентифицированы останки двух лиц, отсутствовавших в основном захоронении: царевича Алексея и царевны Марии. Эта дополнительная находка подвергла прежнюю экспертизу строжайшему экзамену и снова с триумфом ее подтвердила.

Однако влиятельные круги российских национал-патриотов не ладят с наукой. Церковь признала Николая II и всех членов августейшей семьи *святыми великомучениками*, а их «мощи» остаются неприкаемыми. Владыки «не согласны» с тем, что эти останки царские, и отказываются их похоронить с подобающими почестями. Как католическая инквизиция не желала признать, что «все-таки она вертится», так нынешние владыки русского православия отказываются признать аутентичность «екатеринбургских останков». Противостояние науки и религии в XXI веке достигло столь же высокого накала, каким он был в век Джордано Бруно и Галилея.

Кто мог бы придумать такие острые сюжетные повороты, какие связаны с жизнью, смертью и посмертной судьбой последнего русского царя? Никто. Богиня истории Клио щедрее на изобретение захватывающих сюжетов, чем Канон Дойл, Агата Кристи и другие классики детективного жанра.

В книге частично использованы мои ранее написанные произведения: «Вместе или врозь»<sup>1</sup> и эссе «Цареубийство в русской истории»<sup>2</sup>. Они переработаны, дополнены и составляют общее целое с вновь написанными главами. Ссылки на используемые источники даются по ходу повествования, но я особо хочу сказать об одном из них. Это выдающийся по всеохватности и добросовестности труд Наталии Розановой «Царственные страстотерпцы: посмертная судьба» (М., «Вагриус», 2008, 560 стр.). В историко-документальной литературе немного примеров, когда повествование основано на столь обширном материале, тщательно выверенном, глубоко и тонко проанализированном. Большую помощь мне оказало и личное общение с Наталией Розановой — «путем взаимной переписки». Выражаю ей сердечную благодарность.

В работе над книгой мне, как всегда, помогала моя жена Римма Резник.

*Семен Резник  
Март 2018 г.*

---

<sup>1</sup> Семен Резник «Вместе или врозь? Судьба евреев в России: заметки на полях двухтомника А.И. Солженицына», М., «Захаров», 2003, 2005.

<sup>2</sup> Семен Резник. «Сквозь чад и фимиам: историко-документальная проза разных лет». С. 5–54.

## ЧАСТЬ I

### ЦАРЕУБИЙСТВО В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Правление в России есть самовластье,  
ограниченное удавкой.

*Мадам де Сталь в переводе А.С. Пушкина*

#### ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Когда еще в юности я прочитал романизованную биографию Стефана Цвейга «Мария Стюарт», меня поразила настойчиво повторяемая мысль автора. Она сводилась к тому, что казнь плененной королевы Шотландии, на которую решилась ее соперница и ненавистница Елизавета Английская, была величайшим революционным актом. Она стала прологом к крупнейшим потрясениям и, в конечном счете, привела к ликвидации режимов абсолютной монархии в Европе.

Развивая свою мысль, писатель утверждал, что в основе монархической системы правления лежат некоторые незыблемые постулаты, и главный из них — неприкосновенность личности монарха. Какие бы глупости и безумства монарх ни совершал, он не подлежит людскому суду. Воля монарха — высший закон. Монарх, по определению, не может быть нарушителем закона, то есть совершить преступление, и, следовательно, он не может быть судим и наказан. Свержение монарха с престола, а тем более казнь или убийство его самого или наследника — это не просто преступление, которое может быть искуплено наказанием и раскаянием, а такое грандиозное деяние, которое выходит за рамки обычных человеческих представлений о добре и зле. Монарх ответственен только перед Богом; тот, кто посягает на его власть и жизнь, идет против Бога.

Король может пасть в бою с неприятелем, но если он захвачен в плен, он все равно остается монархом со всеми вытекаю-

щими последствиями. Священный характер особы монарха обезрегает его надежнее любой охраны и обеспечивает стабильность государственного строя. Такие явления, как борьба группировок за верховную власть, при монархии сведены к минимуму. Вероятность тайных заговоров против особы монарха, если и не исключена полностью, то крайне мала. Различные круги и группировки могут вести борьбу за влияние на монарха, но все интриги, бушующие вокруг или внутри королевского дворца, утихают у подножья трона.

Вот эту вековую традицию, по Цвейгу, нарушила королева Елизавета. Начался медленный, но неотвратимый переворот в общественном сознании. Сброшенный с горы камень вызвал лавину. Кровавые революции последующих столетий покончили с преобладанием монархий в Европе.

Мысль Цвейга произвела на меня сильное впечатление, но это не значит, что я сразу с ним согласился. Я уже немного знал русскую историю — настолько, чтобы понимать, что, по крайней мере, к одной монархии его формула неприменима.

Мне хотелось разобраться, в чем тут дело. Если неприкосновенность особы государя — это основа монархического строя, то Россия не была монархией! Но как же так? «Российская империя», «российское самодержавие» и «российская монархия» — эти понятия считались тождественными.

Много позднее я прочитал классический труд Шарля Монтескье «О духе законов». Книгу «Избранного» Монтескье мне подарили еще в детстве, видимо, по недоразумению. Я несколько раз брался ее читать, но для детского восприятия философский трактат был непонятным и скучным. Много лет книга сиротливо ютилась на полке. Я снова взял ее в руки уже в зрелом возрасте и прочел на одном дыхании.

Монтескье анализировал основные формы государственного устройства, выявляя сходство и различие между ними. Он делал это с такой глубиной и проницательностью, что его основные положения незыблемы и сегодня.

Французский мыслитель XVIII века выделял три основные формы правления: республику, монархию и деспотию. При этом под монархией он понимал абсолютную монархию: современный ему британский режим, при котором король царст-



вовал, но не управлял, Монтескье считал республикой под оболочкой монархии. Истинная монархия — это абсолютизм, воля государя в ней высший закон.

В чем же разница между монархией и деспотией? Не в том же состоял смысл трактата, чтобы сказать, что «хороший» самодержец — это монарх, а «плохой» самодержец — деспот. Монтескье интересовали основополагающие принципы разных видов правления, а не то, как эти принципы воплощаются в конкретных случаях. Он показал, что между абсолютной наследственной монархией и деспотией имеются глубокие различия, которые накладывают отпечаток на общественное устройство и на общественное сознание стран и народов.

Монарх принимает престол по праву рождения. Власть переходит к нему автоматически от предшественника и так же автоматически передается преемнику. «Король умер, да здравствует король!» Власть монарха никем не оспаривается, потому он не озабочен ее удержанием. У него нет необходимости привлекать на свою сторону одни влиятельные круги, подрывать могущество других, заманивать в сети потенциальных соперников. Монарх над схваткой. Он может быть умен или глуп, покладист или своеволен, дальновзорок или близорук. Он может быть милостив или жесток, прямодушен или вероломен — словом, он человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но он всегда вне партий или группировок, вне мелких интриг и узких интересов.

Он опирается на привилегированный слой — дворянство, причем привилегии дворян тоже наследственны и неотторжимы. Для дворянина преданное служение государю, готовность умереть за него является высшей доблестью и честью. Вместе с тем понятия чести могут заставить дворянина отказаться от выполнения бесчестного, подлого приказа. То есть хотя воля государя — высший закон в монархическом обществе, традиционные понятия чести не позволяют монарху слишком сильно злоупотреблять своей абсолютной властью.

В монархии действует, по крайней мере, один закон, который выше воли государя. Это закон о престолонаследии. Монарх не может его отменить или с ним не считаться. Этим обеспечивается преемственность власти и стабильность всей государственной системы. Чем тверже соблюдается закон о престолона-

леди, тем прочнее монархический режим. Формального закона о престолонаследии мало — нужно еще такое моральное и духовное состояние общества, когда сама мысль о том, чтобы посягнуть на порядок престолонаследия, считалась бы верхом греха и кошунства, о котором страшно даже подумать. Только если в общественном сознании происходят такие глубокие сдвиги, что монархический режим становится для него неприемлемым, закон о престолонаследии, да и сам престол теряют свою стабилизирующую роль. Тогда происходит революция, которая ведет к смене общественного строя. Неприкосновенность монарха становится фикцией. Более того, поскольку свергнутый монарх вольно или невольно оказывается знаменем контрреволюции, то он почти неминуемо становится жертвой расправы революционеров, как это было в Великобритании в XVII и во Франции в XVIII веках.

При деспотии действуют иные закономерности. Самодержавная власть сидящего на троне лица обеспечивается не законом или традицией, а силой. Силой же она может быть отнята. Самодержец должен постоянно заботиться об укреплении своей власти. Он должен привлекать к себе сторонников, расширять их круг, всячески одаривая их и постоянно опасаясь измены. Опираясь на одни группировки, он подавляет другие. И постоянно интригует, дабы не стать жертвой интриг. Деспот всегда начеку. Он подозревает в коварных замыслах даже самых преданных своих сторонников, поощряет тайный сыск и доноительство, а потому никто из его приближенных не может чувствовать себя в безопасности. Привилегии, которыми деспот наделяет своих приближенных, в любой момент могут быть отняты, имущество конфисковано, а сами они могут быть подвергнуты пыткам, казнены или заживо похоронены в каземате.

Если при монархии общество разделено на сословия, наделенные наследственными правами и привилегиями, то в деспотии такое разделение призрачно. Подданные государя равны в своем бесправии. Могущественный клеветет, истязующий в застенке своих врагов, знает, что в любой момент может поменяться с ними местами. Конечно, и законы чести при таком строе призрачны.

Самый зависимый, самый уязвимый раб деспотического строя — сам деспот. Он завоевывает власть в борьбе и в борьбе

может ее утратить, побежденный более могущественным или коварным соперником. В этой смертельной борьбе все средства хороши. Если в монархии личность самодержца неприкосновенна и свята, то при деспотии ничто не стоит так дешево и не проливается столь обильно, как царская кровь.

Итак, взгляды Стефана Цвейга на природу монархии оказались весьма близкими взглядам Шарля Монтескье. Это не могло быть случайным. Стефан Цвейг был европейски образованным писателем. Труды Монтескье изучались в каждом серьезном курсе философии и политологии. Мне стало ясно, что «Мария Стюарт» Стефана Цвейга — это великолепная художественная иллюстрация к «Духу законов» Монтескье.

Сам Монтескье иллюстрировал свои мысли гораздо скупее, в основном примерами из античной истории. Лишь изредка он обращался к более поздним временам, упоминая некоторые события, происходившие в европейских странах, Персии, Китае, Японии. Россию он упоминал мельком, всего несколько раз. Из этих упоминаний видно, что французский мыслитель XVIII века не считал Россию монархией: для него это был типичный пример деспотии<sup>1</sup>.

## РЮРИКОВИЧИ

Возникновение российской государственности окутано туманом древних преданий. Согласно летописям, она началась с появлением в Новгороде, а затем и в других восточнославянских поселениях варяжских дружин Рюрика и его братьев.

Потомки Рюрика заняли княжеские «столы», но первым среди равных стал Великий князь Киевский, и за киевский стол между Рюриковичами шла нескончаемая борьба.

Уже в древнейших летописях мы находим предание о Борисе и Глебе, младших братьях Киевского князя Святополка. Видя в них потенциальных соперников, он их предательски умертвил.

---

<sup>1</sup> Считаю не лишним подчеркнуть, что далее анализируются некоторые особенности российской государственности, а не страна и ее культура. Я не считаю, что «каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет». Если, с оговорками, это применимо к представительной демократии, где народ свободно избирает своих правителей, то никак не к деспотии, в которой правление навязано силой.

Эти события относятся к началу XI века. Православная церковь возвела Бориса и Глеба в ранг святых покровителей Руси. «Можно думать, что святость Бориса и Глеба и проклятие, тяготеющее над Святополком, не раз удерживали впоследствии братоубийственные руки», — писал один из авторитетнейших российских историков С.М. Соловьев.

Однако борьба за власть между потомками Рюрика продолжалась и в следующих поколениях. Яд и кинжал пускались в ход не менее часто, чем военные дружины. Летописи сохранили немало историй о том, как замирялись вчерашние противники, как задавали друг другу пиры, целовали крест в знак верности взятым на себя обязательствам, а затем тот, кто был хитрее и коварнее, учинял расправу над поверившим ему простаком. Даже нашествие монголов на Русь не ослабило этой борьбы. Продолжалась она и после возвышения Москвы; изменилось только то, что предметом вожделений стал не киевский «стол», а московский. Вот, например, краткая энциклопедическая справка об одном из московских самодержцев XV века Василии II Темном, сыне Василия I: *«Вел борьбу за Великое княжение с дядей Юрием Галицким и двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым, был взят в плен и ослеплен (1446). При поддержке части феодалов и горожан одержал победу»*<sup>1</sup>.

После освобождения от монгольского ига могущество Московского княжества продолжало усиливаться, но на вершине власти с прежним ожесточением происходили смертельные схватки противостоявших соперников.

Великий князь Иван Васильевич (Иван III, 1440–1505), немало способствовавший усилению Московского княжества, добился окончательного освобождения от Золотой Орды — в 1480 году. Некоторые историки называют его Иваном Великим. Свою власть он отстаивал в борьбе с восставшими против него братьями. Они с ним ссорились и мирились, ища удобного случая для расправы. Когда стало ясно, что Ивана Васильевича не одолеть, завязалась борьба за его наследие. Первоначально Великий князь объявил своим наследником и даже соправителем старшего сына Ивана, у которого после женитьбы на дочери польского короля Казимира Елене родился сын Димитрий. Од-

---

<sup>1</sup> БСЭ, изд. 3, т. 4. С. 332.

нако Иван Иванович умер молодым, в 1490 году, так и не дождавшись престола. Пошла молва, что он был отравлен второй женой Великого князя Софьей, которая хотела, чтобы трон достался ее сыну Василию. Вопреки ее ожиданиям, Великий князь назначил наследником внука Димитрия и даже присвоил ему титул Великого князя. Тогда Софья и столкнувшись с ней духовенство «пошли другим путем». Некоторые приближенные Великого князя, наиболее просвещенные и пытавшиеся провести политические и церковные реформы, были обвинены в ереси «жидовствующих». После недолгого сопротивления состарившийся Великий князь их «сдал», они кончили жизнь на костре или на плахе. Мать наследника Елену обвинили в причастности к той же ереси и бросили в темницу, а заодно и ее сына Димитрия.

Наследником, а потом и Великим князем, стал Василий Васильевич (Василий III, 1479–1533), чего так страстно жаждала его мать Софья. Елена через два года умерла в тюрьме, а Димитрий продолжал томиться в заточении.

«Событие с Димитрием и Василием было проявлением самого крайнего... самовластья, — констатировал один из крупнейших историков XIX века Н.И. Костомаров. — Ничем не стеснялся тот, кто был в данное время государем; не существовало права наследия; кого государь захочет, — того и обличает властью».

После внезапной смерти Василия III вззошел на престол Иван IV. В трехлетнем возрасте. Облеченного всей полнотой власти регента при мальчике не было. Десять лет страну терзало «коллективное руководство» враждовавших между собой боярских групп с обычными в таких случаях сговорами и заговорами, интригами и убийствами. Все это происходило на глазах малолетнего государя. Правители либо не принимали его в расчет, либо использовали как орудие в своих интригах. Во взаимных разборках они проглядели его возмужание и превращение в Грозного самодержца, способного на такие злодеяния, которые им самим и не снились.

С тринадцати лет великий князь Иван Васильевич стал прибирать к рукам бразды правления, а в семнадцать лет, в 1547-м, провозгласил себя царем. Значит ли это, что он стал монархом? Увы, нет. Трудно найти в истории человечества более страшного деспота. Сперва Иван Грозный возвысил окольного Алексея Адашева, который чинил суд и расправу именем ца-

ря. Но слишком большая самостоятельность правителя посеяла подозрительность в душе государя. Он был одержим страхом перед готовящимся восстанием, заговором, царубийством. Он заточил Адашева в тюрьму, а репрессии развернул с еще большим размахом, создав специальное сыскное ведомство, *опричнину*, во главе с Малютой Скуратовым-Бельским.

Во время тяжелой болезни Ивана — тогда еще бездетного — бояре, дабы избежать новых междоусобиц, сговорились, что, в случае смерти царя, возведут на престол его двоюродного брата Владимира Старицкого. Но Иван выздоровел. Узнав о сговоре бояр, он велел схватить потенциального соперника и, вволю покуражившись над ним, заставил выпить яд. А Малюта Скуратов собственными руками задушил митрополита Филиппа, высказавшего недовольство опричниной.

Борьба с заговорами — действительными и мнимыми — стала содержанием всей жизни Ивана, из года в год ожесточая его и без того жестокий нрав. Страх, нагоняемый на подданных, был единственным средством удерживать власть. Боясь обнаружить слабость, Иван привык давать волю своему неистовому гневу, не задумываясь о последствиях. В порыве безумной ярости он собственными руками убил в чем-то возразившего ему сына, царевича Ивана. Это злодеяние, свершившееся в 1581 году, предопределило гибель династии Рюриковичей.

Иван Грозный был современником Елизаветы Английской и Марии Шотландской, но если казнь Марии Стюарт потрясла монархическую Европу, то убийство Иваном IV несостоявшегося Ивана V не произвело в России заметного впечатления: при деспотическом режиме подобное событие было заурядным. Правда, сам царь Иван, опомнившись после совершенного злодеяния, созвал бояр, начал каяться и объявил, что не хочет больше царствовать. А так как второй его сын, Федор, по слабоумию своему к роли самодержца был не способен, то Иван предложил боярам избрать царем кого пожелают. Казалось бы, представился случай избавиться от страшного деспота. Однако напуганные его неистовством бояре заподозрили, что Иван только куражится над ними. Стоит им назвать другого царя, как он расправится и с ним, и с теми, кто за него выскажется. Они заявили, что никого другого не желают и «упрашивали самого Ивана не покидать престола»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> С.М. Соловьев. Об истории Древней России. — М., «Просвещение», 1995. С. 47.

Но дни царствования Ивана Васильевича были сочтены. «В начале 1584 года обнаружилась в нем страшная болезнь — следствие страшной жизни: гниение внутри, опухоль снаружи»<sup>1</sup>. Грозный настолько запугал и подавил потенциальных соперников, что смог удержать власть до последнего своего дня и умер в своей царской постели — явление нечастое в истории российского самодержавия.

Шапка Мономаха легла на голову слабого умом Федора и — придавила его своей тяжестью. Всеми делами при нем управляла группа придворных, интриговавших друг против друга и использовавших его как ширму. Самым умным и дальновидным из правящей клики оказался Борис Годунов, постигший алгебру и гармонию деспотического режима в его высшей академии: в ведомстве Малюты Скуратова. Женившись на дочери Малюты, Годунов обеспечил себе быструю карьеру. Выдав свою сестру Ирину за царевича Федора, он еще больше укрепил свое положение.

Федор и Ирина детей не имели. Наследником престола числился третий сын Ивана Грозного, малолетний Димитрий. Годунов сослал его вместе с матерью Натальей, из рода Нагих, в Углич, так как сам мечтал о царском венце.

В 1591 году в Угличе произошло несчастье — при загадочных, вернее не до конца выясненных обстоятельствах. По версии официального заключения комиссии Василия Ивановича Шуйского, которой Борис Годунов поручил расследование случившегося, у девятилетнего царевича, при игре «в ножички», произошел приступ падучей болезни; падая, он напоролся на нож и погиб. По другой версии — наиболее вероятной — царевич был зарезан подосланными убийцами. Так позднее заявлял тот же Шуйский. И, наконец, известна версия, по которой царевич спасся, чтобы потом занять российский трон. Само существование столь разных версий ясно говорит о том, какие страсти бушевали вокруг царского венца — предмета вожделений для очень многих и очень разных претендентов.

Согласно «общественному мнению» современников, идя к своей цели, Годунов совершал новые и новые злодеяния. Через год после гибели Димитрия у царя Федора и Ирины роди-

---

<sup>1</sup> Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, — С. 244.

лась-таки дочь Феодосия. Девочка не прожила и года. При уровне детской смертности тех времен естественный характер ее смерти более чем вероятен. Но, как писал историк С.М. Соловьев, «в Москве плакали и говорили, что царскую дочь уморил Борис». Другой наследницей престола могла быть дочь Владимира Старицкого Марфа. Выданная замуж за Ливонского короля, она рано овдовела и вернулась в Россию. Ее устранили с дороги пострижением в монахини, что означало смерть для мирских дел; молва твердила, что пострижение было насильственным. Дочь Марфы Евдокия умерла в нежном возрасте, что опять-таки породило слухи, что ее «извели» по наущению Годунова.

Еще одним возможным наследником слабоумного царя Федора мог быть крещеный касимовский хан Симеон Бекбулатович — прямой потомок Чингизхана. По капризу юродствовавшего Ивана Грозного Симеон был им «венчан на царство» и около года номинально сидел на Московском престоле. В подобострастных посланиях Иван «бил челом» «Государю великому князю Семюну Бекбулатовичю всеа Руси». Была ли игра вызвана политической необходимостью, или Иван просто куражился, — об этом историки спорят до сих пор. Прогнав опереточного царя, Иван сохранил пожалованный ему титул. После смерти Грозного Симеон Бекбулатович именовался «царем тверским и первенствовал пред боярами», как писал тот же С.М. Соловьев. Некоторые боярские кланы делали ставку на Симеона. Так как позднее Симеон ослеп, то «в этом несчастии летопись прямо обвиняет Годунова».

## СМУТА

В 1598 году, после смерти царя Федора, которую молва также относила на счет Годунова, Борис переиграл всех оставшихся соперников и был венчан на царство. Он основал новую династию. Среди других претендентов на престол был Федор Никитич Романов, двоюродный брат царя Федора. Вполне понятно, что, воцарившись, Борис подверг Романовых опале. Федор Никитич был заточен в тюрьму, а затем насильственно пострижен в монахи под именем Филарет.

Но царствовать новой династии пришлось недолго. В 1604 году появился на русской земле Лжедмитрий (или назван-



ный Димитрий, как осторожнее выражается Н.И. Костомаров), и участь Годуновых была решена. Посылавшиеся против самозванца войска переходили на его сторону, и он, почти не встречая сопротивления, продвигался к Москве. Когда поражение стало неизбежным, Борис то ли умер от страха и отчаяния, то ли отравился. Царем стал его сын Федор. Второй (и последний) Годунов продержался на престоле полтора месяца. Московские бояре, стремясь подольститься к победителю, взбунтовали народ и свергли Федора Борисовича. Его умертвили вместе с матерью и сестрой. Род Годуновых перестал существовать.

А уже через год такая же участь постигла и названного Димитрия. Превосходя своих соперников образованностью, умом и многими талантами, он уступал им в коварстве, потому и был обречен. На царство был венчан Василий Иванович Шуйский, один из самых бывалых прохвостов той богатой прохвостами эпохи.

Его долгий путь к царскому венцу изобиловал опасностями и крутыми поворотами. Много раз он участвовал в заговорах, за что попадал в опалу и ссылку, много раз униженно вымаливал прощение, клялся в верности, чтобы затем снова устраивать заговоры и предавать. Так он действовал при царе Федоре, при Борисе и Федоре Годуновых, при названном Димитрии. Предав Годунова, он помог названному Димитрию войти в Москву. А затем стал распускать слухи, что настоящий Димитрий убит. Его схватили, судили боярским судом, приговорили к смертной казни. При огромном стечении народа Василия Ивановича выволокли на Лобное место. Он покорно опустился на колени, положил голову на плаху... Царское помилование остановило уже занесенный топор палача. За эту неожиданную милость Василий Иванович отплатил названному Димитрию тем, что возглавил новый заговор против него, увенчавшийся успехом.

Но появился на Руси Лжедимитрий Второй, и от Шуйского отшатнулись, как раньше от Годунова. В Тушине, в лагере Второго самозванца («Тушинского вора») объявился даже монах Филарет (Федор Романов). Лжедимитрий Первый вернул его из ссылки и возвел в сан митрополита Ростовского. Облаготворенный священнослужитель отплатил ему тем, что примкнул к Шуйскому. Затем он предал Шуйского и объявился в лагере Лжедимитрия Второго. Тот возвел его в сан патриарха.

С огромным трудом Василий Шуйский одолел «Тушинского вора»: тот бежал, был схвачен и казнен. Та же участь постигла и Лжедмитрия Третьего. Казнена была и Марина Мнишек — жена всех трех самозванцев, а также ее малолетний сын от одного из них. Лжерюриковичи были искоренены поголовно, как до них — Годуновы и настоящие Рюриковичи.

Но Василий Шуйский удержался у власти только три года.

В 1610 году, когда его войска потерпели поражение от поляков, бояре решили избавиться от него и пригласить на московский престол Владислава — сына польского короля Сигизмунда. Василий Шуйский был схвачен, насильственно пострижен в монахи и выдан полякам. Его увезли в Польшу и через некоторое время умертвили. Был схвачен поляками и увезен в плен и враг Шуйского — патриарх Филарет. Народное ополчение, собранное Кузьмой Мининым, под командованием князя Дмитрия Пожарского нанесло поражение полякам. Владиславу пришлось отказаться от притязаний на российскую корону.

## РОМАНОВЫ

В обескровленной стране был созван Земский Собор для избрания нового царя. По знатности происхождения и по личным заслугам одним из наиболее вероятных кандидатов на престол был князь Дмитрий Пожарский, но от притязаний на власть он отказался. Он отстаивал независимость России, не стремясь ни к каким личным выгодам.

Другим, из наиболее влиятельных, кандидатом мог быть Федор Никитич Романов (патриарх Филарет), но он находился в польском плену. Собор вручил скипетр юному и слабому сыну Филарета Михаилу Федоровичу Романову и «его потомкам на вечные времена».

В 1613 году возникла новая династия. Появилась надежда, что с деспотическим периодом российской истории покончено: начинается период наследственной монархии. Появились и признаки того, что эти надежды сбываются.

Сам Михаил оказался слабым и недалеким правителем, но его именем уверенно правил вернувшийся из польского плена отец — патриарх Филарет. После смерти Филарета в 1633 году

положение осложнилось, но не настолько, чтобы кто-либо решился посягнуть на права Михаила. Он процарствовал еще 12 лет, и его смерть тоже не привела к потрясениям. Венец перешел к его сыну Алексею.

При «добром» царе Алексее Михайловиче (1645–76) государство значительно окрепло. Под его руку гетман Богдан Хмельницкий подвел Украину. Но вместе с тем креп производ властей, против чего вспыхивали бунты в Москве, Новгороде, Пскове. Алексею Михайловичу пришлось выдать на растерзание москвичам некоторых особенно ненавистных сановников, чтобы утихомирить бунтарей. Гнев народа в основном был направлен на боярина Морозова, так как было известно, что царским именем правит Морозов и его клика.

Царь был спасен, но страшно напуган. Он ввел закон, по которому каждый, кто слышал что-либо оскорбительное для царя, обязан был донести; недонесение каралось смертью. «Понятно, что каждому, слышавшему что-нибудь похожее на оскорбление царской особы, приходила мысль сделать донос, чтобы другой не предупредил его, потому что в последнем случае он мог подвергнуться каре за недонесение», — комментировал Н.И. Костомаров<sup>1</sup>.

В 1667 году вспыхнула жестокая «крестьянская война» Стеньки Разина. Среди повстанцев находился некий Максим Осипов по кличке Нечай. Он выдавал себя за сына царя Алексея, и Разин планировал посадить его на престол. Другой самозванный сын Алексея Михайловича, Лжесимеон, обретался среди запорожских казаков. Появление самозванцев говорило о том, что на них был спрос. Какие-то круги стремились заменить царя Алексея своими ставленниками.

У Алексея Михайловича и его первой жены из сильного боярского клана Милославских было два сына, Федор и Иван, и несколько дочерей, из которых выделялась царевна Софья. Когда жена царя впала в немилость, ее постригли в монастырь. Таков был обычный способ избавиться от «постылой» царицы и жениться вторично. Второй женой Алексея Михайловича стала Наталья Нарышкина. Она родила ему третьего сына — Петра. Так были посеяны семена будущих битв за власть.

---

<sup>1</sup> Костомаров Н.И. Указ. соч., кн. 1. С. 678.

Правда, смерть Алексея Михайловича не вызвала потрясения: Петр едва вышел из младенческого возраста, и Нарышкиным рассчитывать было не на что. Царем стал 14-летний старший сын покойного, Федор Алексеевич. Плавный переход власти от отца к старшему сыну стал входить в обычай. Если бы царствование Федора Алексеевича было долгим и благополучным, такая традиция имела бы шансы укорениться. Но, увы! Прощаиваясь шесть ничем не примечательных лет (1676–82), Федор Алексеевич умер, не оставив потомства. Царем должен был стать второй сын Алексея Михайловича, Иван. Однако взбунтовавшаяся толпа стрельцов и городской черни «выкрикнула» Петра. То был «экспромт», хорошо подготовленный кланом Нарышкиных. Под их воздействием Патриарший Собор утвердил избрание на престол младшего из Романовых, Петра, коему было 10 лет. Это означало переход власти к клану Нарышкиных, что не могло устроить клан Милославских, в особенности царевну Софью, имевшую далеко идущие планы. На похоронах Федора Алексеевича она, в нарушение всех традиций, пошла за гробом вместе с Петром, громко голоса, заливаясь слезами и выкрикивая, что брата ее *извели*.

Каких-либо данных о том, что царь Федор Алексеевич был умерщвлен, не имеется, но такие случаи были столь частыми в прошлом, что стенания царевны Софьи произвели сильное впечатление на толпу. По Москве пошли тревожные пересуды. А еще через несколько дней был пущен слух, будто Нарышкины *извели* и не допущенного к власти царевича Ивана. Это вызвало новый стрельцкий бунт — теперь он был организован Милославскими. Толпа чуть было не растерзала малолетнего Петра и его мать Наталью. Несколько бояр было сброшено на стрельцкие пики, их изрубили на куски.

К счастью, Иван был тут же, во дворце. Его вывели на крыльцо, «предъявили» народу, это несколько утихомирило страсти. Но толпа продолжала бесчинствовать и требовать новых жертв. Пережитые ужас и страх наложили неизгладимый отпечаток на характер Петра и на его методы управления страной. А пока что был собран новый Патриарший Собор, который утвердил на троне сразу двух царей. Иван стал «первым» царем, Петр — «вторым», а правительницей — в виду малолетства обоих — царевна Софья.

Немало хитростей, лести, подкупа и провокаций пришлось пустить в ход Софье и ее приближенным, чтобы утихомирить ими же взбунтованных стрельцов — основную вооруженную силу в Москве. Братья ее между тем росли, приближая конец ее правления.

Болезненный и слабоумный Иван проводил время в молитвах и государственными делами не интересовался. А вот подраставший Петр становился для Софьи все более опасен. Софья изобретала способы избавиться от него, чтобы самой венчаться на царство. Однажды Петру пришлось бежать из Преображенского, куда двигалась направленная Софьей толпа стрельцов, чтобы его погубить. Софья и после этого не оставляла своих планов. Она пыталась втянуть в заговор Ивана, но богобоязненный первый царь отказался идти против «братца».

Подросший Петр при первой возможности рассчитался с «сестрицей». В 1689 году она была низложена и пострижена в монастырь. Младший царь узурпировал власть, нимало не считаясь со старшим. А после ранней смерти Ивана (опять невольный вопрос — естественной ли? не помогли ли ему очистить место?) Петр формально стал единодержавным царем, в 1721-м провозгласил себя императором.

Как ни был Петр увлечен созданием флота, строительством Петербурга, учреждением Академии Наук и бритьем боярских бород, он ни на минуту не забывал о том, каким путем «достиг верховной власти» и сколько бдительности требуется, чтобы ее удерживать. Он принимал меры против возможных интриг со стороны заточенной в монастырь Софьи, у которой оставалось немало тайных сторонников. Он учинял кровавые расправы над присмирившими, но продолжавшими вызывать недоверие стрельцами, самолично рубил им головы. Держал в острастке церковь, за что прослыл дьяволом в кругах духовенства. Учинил тайный сыск, всюду выискивая крамолу.

Во второй половине славного царствования, когда вся Россия, казалось бы, стала послушна любому жесту самодержца, возникла новая проблема: сын императора Алексей. Подросший царевич таил неприязнь к отцу из-за его сурового нрава и из-за обхождения с его матерью Евдокией, которую Петр сослал в монастырь, чтобы жениться вторично: на бойкой дочери литовского крестьянина и любовнице князя Меншикова Марте, принявшей имя Екатерина.

Угрозы для самодержавной власти Петра царевич Алексей не представлял. Он не замыслил никаких заговоров, а терпеливо ждал своего часа. Но, находясь под влиянием церковных кругов и клана родичей своей матери, Алексей не скрывал негативного отношения к петровским реформам, к войнам, флоту и многому другому, чем Петр гордился. Не оставалось сомнений в том, что, взойдя на престол, Алексей откажется от многих начинаний отца. Петр пытался увлечь сына своими проектами, учить наукам, фортификации, нещадно бил палкой за нерадивость и нерасторопность ума.

Петр хотел, чтобы его реформы, говоря современным языком, приняли необратимый характер, то есть чтобы его самодержавная воля правила страной и после его смерти. Чем дальше, тем становилось яснее, что царевич Алексей тому главная помеха. Петр потребовал от сына отречения от права наследия или пострижения в монахи. Запуганный Алексей соглашался на то и на другое, клялся, что всегда будет верен своему слову. Но Петр не верил этим клятвам, понимая, как мало будет стоить подписанная Алексеем бумажка после того, как он сам уйдет в иной мир. Стремление отделаться от наследника, рожденного «постылой» женой Евдокией, сильно возросло, когда появился на свет второй сын — от игривой Екатерины.

Петра не остановило ни естественное отцовское чувство, ни сознание святости царской крови, которого, впрочем, у него не было и не могло быть, ни элементарное чувство чести, обязывавшее держать царское слово.

Опасаясь за свою жизнь, опальный царевич бежал за границу, под покровительство австрийского императора. Лазутчики Петра выследили его, угрозами и посулами побудили воротиться. Петр обещал сыну свое отцовское и царское прощение, заверил, что не подвергнет его никаким карам. Привезенный в Москву Алексей, в торжественной обстановке, в присутствии Сената, Синода и всего синклита высших сановников, подписал отречение от престола и поклялся никогда не предъявлять никаких притязаний. Но и этого было недостаточно. Алексей был брошен в каземат, подвергнут истязаниям. Заплечных дел мастера вздымали царевича на дыбе, били кнутом, жгли каленым железом. Отец самолично присутствовал при пытках, требовал признаний в измене.

Царевич признался в мнимых заговорах и оговорил массу друзей, наставников, просто знакомых. Всех их тоже подвергли пыткам, под которыми они оговаривали других. Мнимых заговорщиков казнили страшными казнями — колесованием или четвертованием, «помилованных» стригли в монахи или ссылали в каторжные работы.

Среди прочего на следствии открылось, что однажды царевич нарушил запрет отца и тайно встретился с матерью.

При расследовании этого эпизода выяснилось, что у постриженной в монахини царицы после долгого затворничества взыграла кровь, и она завела тайного любовника, майора Степана Глебова. Его, конечно, тут же схватили, тоже били кнутом и жгли горячими углями. Майор признался в любовной связи с бывшей царицей, но никаких иных прегрешений за ним не оказалось: ни единым словом он ни разу не высказал ни насмешки, на какого-либо неодобрения в адрес царя. Тем не менее, майора Глебова посадили на кол на Красной площади. Умирал он долго, в жутких мучениях. Так как был лютый мороз, царь приказал надеть на голое тело «преступника» тулуп, дабы он не умер от холода прежде, чем испытает всю меру положенных ему мучений. Бывшая жена Петра, она же — возлюбленная Глебова, должна была присутствовать, видеть мучения казнимого. Приставленная к ней стража следила за тем, чтобы она не могла отвернуться или закрыть глаза.

Чтобы оформить царевубийство, Петр устроил тайный суд над царевичем Алексеем.

Приговор был предрешен. Никто из сановников не осмелился напомнить самодержцу о данном им слове помиловать сына. Смертный приговор подписан 120-ю *назначенными* судьями во главе со светлейшим князем А.Д. Меншиковым, игравшим особую роль в интригах против царевича. У Меншикова, как мы увидим, были свои причины жаждать его смерти. Приговор был приведен в исполнение воровским путем, словно орудовала шайка разбойников, а не государственная власть. Алексея задушили в каземате Петропавловской крепости, а официально объявили, что он якобы умер от расстройства чувств. Несколько следующих дней царь веселился — то по поводу годовщины Полтавской битвы, то по поводу собственных именин. Только

после этого тело царевича было погребено в Петропавловском соборе, рядом с еще раньше скончавшейся его супругой — царевной Шарлоттой. Траура объявлено не было.

Казнь Алексея очистила престол для малолетнего сына Петра от Екатерины-Марты, из которого Петр надеялся вырастить продолжателя своей политики и династии. Этого, конечно, жаждала сама Екатерина и ее партия во главе с Меншиковым. Судьба сыграла с ними горькую шутку. Новый наследник престола умер в 4-летнем возрасте, всего на год пережив казненного Алексея. Связанные с ним надежды рухнули. Произвести на свет еще одного сына Петр уже не мог. Он стремительно старел...

Был, правда, еще один Петр, малолетний сын царевича Алексея, внук Петра I. Но его воцарение означало бы переход власти к тем самым кругам, которые Петр держал в опале.

Пытаясь найти выход из назревавшего нового кризиса власти, Петр в 1722 году издал первый в истории России закон о престолонаследии, с особой яркостью высветивший деспотическую суть российского самодержавия. Императору предоставлялось неограниченное право назначать наследником любое лицо, даже совершенно постороннее царскому роду. Решение Земского Собора, венчавшего на царство первого Романова и вручившего власть ему и его потомству «на вечные времена», утрачивало силу. Как видим, петровский закон о престолонаследии не ограничивал произвола в вопросе о передаче власти, а делал его абсолютным.

Оставалось назвать преемника, но с этим Петр медлил. Через три года с ним случился удар, а наследник так и не был назван. Свалившись в постель, Петр первым делом потребовал перо и бумагу и написал: «Отдайте все...» Писать дальше он не мог и велел позвать дочь Анну Петровну, чтобы продиктовать ей свою последнюю волю. Когда она явилась, он уже ничего не мог сказать... Был 1725-й год. Великое царствование Петра Велико-го завершилось.

## ВТОРАЯ СМУТА

Кризис власти, так и не предотвращенный Петром, вызвал новую смуту, хотя и не такую всеохватную, как при падении Годуновых. Судьба престола вновь оказалась в руках враждовавших друг с другом кланов.



Часть из них, вопреки известной, но формально не объявленной воле покойного императора, высказалась в пользу малолетнего Петра Алексеевича. Если исходить из традиции передачи власти по мужской линии, то это было единственно возможное решение. Однако более сильными оказались «птенцы гнезда Петрова» во главе с Меншиковым. Передача венца сыну казненного Алексея означала бы отстранение их от власти, а, может быть, и расправу над ними. Эта группа поспешила провозгласить самодержицей жену Петра Екатерину — ту самую крестьянку-куртизанку, которую Меншиков, сам поднятый из грязи в князи, когда-то уступил своему повелителю.

При монархии такое было бы невозможно. Если властители и решились бы нарушить вековую традицию передачи власти по мужской линии, то у Петра были дочери. Но, оказавшись хозяином положения, Меншиков наводнил дворец гвардейскими офицерами и вывел на площадь два гвардейских полка, «пугавшие барабанным боем уши собранных во дворце сенаторов»<sup>1</sup>. Они постановили объявить императрицей и самодержицей Екатерину, перетолковав для этого в ее пользу петровский закон о престолонаследии.

Благодаря своей сметливости, находчивости, покладистости, фантастической удаче и несомненным женским прелестям, Марта-Екатерина сделала карьеру, какая не снилась самым обольстительным куртизанкам в мировой истории.

Однако неслыханное решение о возведении ее на престол усилило недовольство приверженцев малолетнего Петра Алексеевича и сплотило их. Покойный император знал бы, как с ними поступить, но без его могучего прикрития Меншиков и Екатерина чувствовали себя недостаточно прочно для крутых мер. Меншиков, как замечает по этому поводу Н.И. Костомаров, оказался в положении Годунова. Ради собственного спасения ему следовало либо «извести» юного Петра Алексеевича, либо приручить его. Светлейший князь избрал второй путь, за что и поплатился в скором времени. В поисках компромисса Меншиков и Екатерина предложили хитроумный, хотя и совершенно беспринципный план: объявить Петра Алексеевича официальным наследником мачехи его казненного отца — Екатерины I. Для

---

<sup>1</sup> Н.И.Костомаров. Указ. соч., кн.2. С. 508.

примирения обеих группировок планировалось также обручить малолетнего царевича с дочерью Петра и Екатерины Елизаветой Петровной, невзирая на то, что жена будет приходиться мужу родной теткой. Надеялись, что такая необычная комбинация позволит накормить волков и сохранить овец.

Дело пошло на лад, но в последний момент Меншиков переиграл своих же сторонников, предложив в невесты маленькому царевичу не дочь Петра, а свою собственную. Прожженный царедворец сумел убедить императрицу пойти на этот вариант, хотя Елизавета валялась в ногах у матери, прося не отбирать у нее царевича. Влияние светлейшего князя на Екатерину было столь сильным, что она поставила его интересы выше интересов собственной дочери.

Даже среди единомышленников Меншикова послышался ропот против еще большего усиления «Алексашки», но со строптивцами он тотчас расправился. Под пыткой заговорщики «раскололись» и были сосланы в Сибирь.

Императрица оставалась под полным влиянием Меншикова все два года ее короткого царствования. Когда она опасно заболела, он заставил ее письменно утвердить намеченный план. В завещании императрицы наследником назначался Петр Алексеевич, в невесты ему отдавалась княжна Мария Меншикова, а указ Петра I о престолонаследии, так хорошо послуживший ей лично, — отменялся. До совершеннолетия Петра Алексеевича, которому в ту пору было 11 лет, высшая власть переходила к Верховному тайному совету из восьми человек (первый Верховный совет в истории России!). Его решения могли иметь силу только при единогласии. Верховодил в нем, конечно, светлейший князь Меншиков.

Как только Екатерина I скончалась, и воцарился ее малолетний наследник Петр II (1727 год), Меншиков перевез его в свой дворец, чтобы не спускать глаз с мальчика-императора. Но «светлейший» выскочка переоценил свои силы. Своевольному мальчику не нравилась его нареченная невеста княжна Мария Меншикова, он явно благоволил к миловидной 17-летней тетке Елизавете — веселой, остроумной, неистощимой на выдумки и проказы. Она забавляла мальчика-императора, тогда как с Марией Меншиковой ему было скучно, а слишком строгая

опека тяготила и раздражала его. Возраставшую неприязнь юного царя к Меншикову исподволь подогревал официальный воспитатель мальчика, барон А.И. Остерман, коего Меншиков считал своим человеком. Князя Голицыны и Долгорукие тоже не упускали случая нашептать мальчику компромат на Меншикова. Они поведали ему, какую роль тот сыграл в судьбе его отца — царевича Алексея. Голицыны и Долгорукие примирились с Меншиковым, и он не подозревал о коварных наветах за его спиной. На какое-то время Алексашка утратил бдительность.

Когда он осознал, что надвигается беда, принимать контрмеры было уже поздно. Ближайший сподвижник Петра Великого, прошедший с ним огонь, воду и медные трубы, был обвинен в государственной измене и крупных хищениях.

Второе обвинение трудно не признать справедливым. Нечист на руку Меншиков был всегда, попадался еще при Петре, за что бывал нещадно бит, но потом вымаливал прощение. Конфискованное имущество сосланного светлейшего князя состояло из шести городов, множества имений в России и в других странах, пяти миллионов золотых рублей наличными и вдвое большей суммы в иностранных банках, 90 тысяч (!) крепостных крестьян... А ведь его отец был нищим, никакого наследства он не получил, все имущество было им «нажито», то есть награблено, на царской службе.

Новые властители обошлись с поверженным владыкой на удивление милостиво. Его не колесовали, даже не отрубили голову, а всего лишь сослали, сперва в его имение Раненбург, а затем, после открытия новых его прегрешений, в Березов, где он и скончался в нищете и ничтожестве.

Петр II умер от оспы, процарствовав всего три года. Мужская линия династии Романовых прервалась навсегда.

После падения Меншикова решающее влияние перешло к Долгоруким. Они сделали отчаянную попытку удержать власть, объявив, что покойный царь оставил завещание, по которому передавал корону своей невесте. Ею, конечно, уже была не княжна Меншикова, а княжна Долгорукая. Однако в самом клане Долгоруких возникли раздоры, да и подложность завещания была слишком очевидна. Предлагали передать престол бабке Петра II (первой жене Петра I Евдокии Лопухиной), для чего расстричь ее из монахинь. Но у нее не нашлось сильных сторонников. Ка-

залось бы, венец должен был перейти к одной из дочерей Петра I, Анне или Елизавете. Но Верховный тайный совет порешил призвать на царство племянницу Петра (дочь его старшего брата Ивана) Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую.

Петр в свое время выдал племянницу за герцога Курляндского, устроив пышную свадьбу в Петербурге. На радостях гости так отчаянно напоили жениха, что тот скончался, едва отъехав сорок верст от Петербурга. Молодая герцогиня вступила в свои владения вдовой. Курляндия утратила остатки независимости; всеми делами в ней стал заправлять посланный Петром наместник, П.М. Бестужев. Он не только стал правителем герцогства, но и утешителем герцогини и оставался в этом качестве до тех пор, пока неосторожно не представил ей своего сотрудника Эрнеста Бирена — молодого красавца, выбившегося в люди, по некоторым данным, из конюхов.

Вернувшись после очередной поездки в Петербург, Бестужев был встречен Анной Иоанновной с необычной холодностью, а вскоре и вовсе был удален от двора. Последующие годы она жила частной жизнью в неафишированном сожителе с графом (!), позднее герцогом (!!)) Бироном. Эрнест Бирен, снедаемый тщеславием, изменил одну букву в своей плебейской фамилии, чтобы «породнить» себя со старинным французским дворянским родом; французы посмеивались над самозванцем, но не протестовали.

Выбор Верховного тайного совета, в котором ведущую роль теперь играли князя Голицыны и Долгорукие, пал на Анну Иоанновну не случайно. Верховному тайному совету понравилось положение высшего органа власти при малолетнем государе, и сановникам хотелось хотя бы отчасти его сохранить. Герцогиню считали непритязательной, так что корону ей можно было предложить на определенных «кондициях». Они выговорили себе право на безопасность и на то, что важные решения будут приниматься только с их одобрения. Иначе говоря, Анна Иоанновна должна была править совместно с Верховным советом. Особо оговаривалось, что в случае нарушения этих «кондиций» она лишалась короны.

То был революционный акт, менявший систему власти в России! На смену самодержавной тирании шла тирания групповая, то есть олигархия. Но для скромной герцогини шапка Мономаха стоила любых кондиций.

Однако еще до торжественного прибытия в Москву на коронацию новая царица имела возможность убедиться, что непомерное усиление восьми «верховников» не по душе сановникам менее высокого ранга. Воспользовавшись ситуацией, она отказалась от всех обязательств, подписанных всего несколько дней назад, а затем ликвидировала и сам Верховный совет. В Москве и Петербурге такая узурпация власти не вызвала ни сопротивления, ни удивления. Это тоже характерная черта деспотии: при монархическом строе отказ самодержца от данного им слова противоречил бы понятиям чести, пойти на него было бы непросто.

Фактическим правителем при Анне Иоанновне (1730–40) стал Эрнест Бирон. Опасаясь за власть императрицы и свою собственную, он обзавелся множеством лазутчиков, шпионов, провокаторов, соглядатаев и спешил дать ход каждому доносу. С возможными противниками власти расправлялись сурово. Особому вниманию удостоились недавние «верховники», дерзнувшие ставить императрице свои кондиции. Был заточен в крепость фельдмаршал князь Василий Долгорукий, отправлены в «вечную работу» (на каторгу) Юрий Долгорукий, князь Бястрицкий, Столетов. В 1739 году бироновская опричнина добралась до князей Ивана и Василия Лукичей Долгоруких, обвиненных в новом заговоре. Их подвергли казни колесованием и отсечением головы. Той же участи подвергли их главных сообщников, менее видных отправили в ссылку. Еще через полгода, по другому групповому делу, был казнен известный деятель той эпохи А.П. Вольнский и часть его сторонников; других били кнутом и сослали в каторжные работы.

Однако обуздать противников Бирону не удавалось никакими жестокостями. На окраинах империи появлялись самозванцы, к которым стекались толпы недовольных. А в самом Петербурге некоторые видные сановники, окружая Бирона лестью и всячески демонстрируя ему свою преданность, в тайне готовили его падение.

Смерть Анны Иоанновны в 1740 году привела к новому кризису власти. На смертном одре она успела назначить преемником только что родившегося внучатного племянника Иоанна Антоновича — сына своей племянницы Анны Леопольдовны и ее мужа, герцога Антона Брауншвейского. Ввиду мла-

денческого возраста императора при нем следовало поставить регента. Бирон сумел повернуть дело так, что виднейшие сановники высказались, в присутствии умиравшей императрицы, в его пользу. Горячее и убедительнее других за Бирона ратовал фельдмаршал Бюрхард-Христов Миних, гидростроитель и военачальник, взятый на русскую службу Петром и сильно возвысившийся при Анне Иоанновне. Такое решение и вписала в свое завещание царица.

Став единоличным правителем России не только номинально, но и формально, Бирон очень быстро понял, что положение его шаткое. Заплечных дел мастера одного за другим хватили офицеров, неосторожно высказывавших недоумение, почему не мать или отец младенца-императора, стал регентом, а Бирон. Скоро был схвачен «диссидент» подполковник Пустошкин, который составил коллективный протест и собирал подписи у офицеров. Чтобы укрепить свое положение, Бирон начал гонения на родителей младенца-императора, но этим только подлил масло в огонь.

Точно оценив обстановку, фельдмаршал Миних, заручившись согласием Анны Леопольдовны, под покровом ночи, с семьей десятками преданных ему молодцов, ворвался в покои Бирона, арестовал его, а правительницей объявил Анну Леопольдовну.

Низверженного Бирона приговорили к смерти, но затем приговор был смягчен. Всесильный временщик, десять лет тиранивший Россию, был отправлен в ссылку, в далекий сибирский городок Пелым, где ему был построен дом по проекту, сделанному самим Минихом.

Однако фельдмаршал Миних не получил при Анне Леопольдовне того положения, на которое имел основания претендовать. Интриги хитрого царедворца Андрея Ивановича Остермана отодвинули его на вторые роли. Все еще влиятельный Миних внезапно и очень тяжело заболел, что вызвало подозрение, будто его пытались отравить. Он выздоровел, но был окончательно оттерт от престола.

Без надежной опоры Анна Леопольдовна была обречена. В обстановке она разбиралась слабо, к укреплению своего положения не стремилась, да и не знала, что для этого делать. Она

ссорилась с мужем, устраивала свадьбы своего любовника графа Линара, а в остальное время нечесаная и неодетая лежала в праздной задумчивости на софе, мечтая отнять трон у младенца-сына и провозгласить себя императрицей. В этих мечтах она прозевала новый заговор гвардии, которая вознамерилась возвести на престол дочь Петра Елизавету — ту самую, которую когда-то прочили в невесты малолетнему Петру II.

Когда Петр II умер, «ей было искушение предъявить свои права на корону»<sup>1</sup>. Точнее, искушение было не столько у самой Елизаветы, сколько у ее придворного врача Лестока, уроженца Ганновера, который вступил на русскую службу еще при Петре I, претерпел немало превратностей судьбы и, став личным врачом царевны Елизаветы, приобрел на нее большое влияние. Однако, нерешительная по характеру и не имевшая больших политических амбиций, Елизавета тогда отказалась от соблазна. При Анне Иоанновне она довольствовалась ролью «любимой племянницы» (фактически двоюродной сестры) императрицы. Блистая красотой и изысканным французским воспитанием, она царила на придворных балах; этим и удовлетворялось ее личное тщеславие. После смерти Анны Иоанновны положение Елизаветы Петровны изменилось. В Бироне, а затем в Анне Леопольдовне некоторые придворные круги видели представителей ненавистной неметчины, тогда как Елизавета Петровна, несмотря на превосходное французское происхождение, представлялась им носительницей истинно русского духа.

Ее стали подбивать действовать, пугая, что в противном случае ей грозит заточение в монастырь. Пока она колебалась, о заговоре донесли Анне Леопольдовне. Зная кроткий нрав Елизаветы, та не поверила, но на очередном придворном балу она вызвала Елизавету Петровну в соседнюю комнату и напрямую спросила о ее замыслах. Елизавета отвергла все наветы. Августейшие родственницы обнялись и дружно расплакались. А на следующую ночь Елизавета Петровна явилась в казармы, заявила гвардейцам, что ей грозит опасность. Вместе с ними она ворвалась во дворец и низложила безмятежно спавшее брауншвейгское семейство. Оно процарствовало немногим более года. Когда кормилица принесла так и не проснувшегося

---

<sup>1</sup> Н.И.Костомаров. Указ. соч., кн. 2. С. 707.

младенца-императора, Елизавета взяла его на руки и со словами «Бедное дитя! Ты ни в чем не винно; виноваты родители твои!» — понесла его к саням. В чем были «виноваты» родители, она не уточняла. Одновременно были арестованы Андрей Остерман, фельдмаршал Миних и другие сановники свергнутой администрации.

В ночь переворота, не будучи еще уверенной в успехе, трусившая Елизавета Петровна горячо молилась и дала обет: взойдя на престол, отменить смертную казнь. И, надо отдать ей должное, никогда не забывала об этом. Правда, закона об отмене смертной казни при ней принято не было, в ходу оставались самые жестокие приговоры. Так, Остермана, который тщетно предупреждал Анну Леопольдовну о заговоре, приговорили к казни колесованием, а фельдмаршала Миниха — четвертованием. Поднявшись на эшафот, оба выслушали указ новой императрицы о замене страшной казни менее страшной: отсечением головы. А вслед за тем — указ о даровании жизни.

Местом заточения Миниху был назначен тот самый Пельым, куда он годом раньше отправил Бирона. Соседями им стать не довелось, так как Бирону от новой императрицы вышла поправка. Новым местом ссылки ему был определен Ярославль. Пока Миниха везли в Пельым, Бирон возвращался из Пельыма. «Враги встретились при перемене почтовых лошадей в предместье города Казани, сняли друг перед другом шляпы, поклонились один другому и поехали каждый в свою сторону, не обменявшись ни единым словом», — живописал Н.И. Костомаров<sup>1</sup>.

Верная принятому обету, Елизавета Петровна не стала добивать свергнутых соперников. Редкий случай в истории борьбы за самодержавную власть. В своем манифесте, изданном сразу же после восшествия на престол, 28 ноября 1741 года, она заявила, что низложенное семейство будет выдворено за границу, где ему будет предоставлена полная свобода. Однако отправленный из столицы картеж, по секретному предписанию императрицы, двигался так медленно, что путь от Петербурга до Риги занял больше четырех месяцев. За это время, как и следова-

---

<sup>1</sup>Костомаров, Н.И. Указ. соч., кн. 2. С. 599.



ло ожидать, «открылись новые обстоятельства». Сопровождавший брауншвейцев граф Салтыков получил предписание задержать их и посадить под стражу. Затем из Риги поступил донос о том, что Анна Леопольдовна якобы намеревается бежать, переодевшись в крестьянское платье. Это дало повод засадить семейство в крепость.

Но и этим преследования несчастного семейства не кончились. Рига располагалась слишком близко к западной границе, чтобы императрица могла спать спокойно. Пленникам снова приказали складывать пожитки. Путь на этот раз был намечен дальний — на Соловки. Но добраться до них в те времена было непросто. Опальное семейство осело в Холмогорах, на берегу Белого моря, где и пребывало под строгим домашним арестом. Елизавета Петровна бдительно следила за ним из Петербурга, ей докладывали о каждом произнесенном или написанном слове. Когда низложенному императору Иоанну исполнилось 16 лет, беспокойство императрицы возросло настолько, что она велела отделить его от родителей и запрятать в Шлиссельбургскую крепость.

Тем не менее, о заживо погребенном императоре не забывали. В тайной канцелярии императрицы не прекращались расследования значительных и незначительных заговоров, неясных слухов и пустой похвальбы. Людей хватали, бросали в застенки, пытали на дыбе, на медленном огне. Арестованные показывали то, что было и чего не было, и почти во всех случаях истинные или мнимые заговорщики указывали на Иоанна Антоновича как на альтернативу Елизавете.

Отказавшись от обычного способа расправы с низвергнутым соперником — его убийства, — Елизавета Петровна обрекла себя на то, чтобы жить в страхе и постоянной тревоге.

«Император, так легко сведенный с престола, так заботливо заключенный и для всего мира неведомый, во всю жизнь Елисаветы стоял перед ней привидением до ее кончины, — подытожил Н.И.Костомаров. — Это привидение не давало ей надолго забываться в своем величии. То здесь, то там появлялся страшный призрак и появлялся в разных видах, при различной обстановке. То внутренние заговоры грозили Елисавете Петровне

возвращением на свет низложенного императора, то пугало ее опасение, что враждебные ей государи поднимут против нее знамя с именем императора Иоанна»<sup>1</sup>.

Впрочем, как показывало прошлое, а затем и будущее российского самодержавия, живой Иоанн Антонович был для императрицы менее опасен, чем мертвый: он исключал появление Лже-Иоаннов, которые могли бы, при благоприятных обстоятельствах, представлять для ее власти куда большую угрозу.

## ПСЕВДО-РОМАНОВЫ

...В 1913 году торжественно праздновалось 300-летие царствования Романовых. В основе мероприятия лежала ложь, окутывавшая всю историю Российского самодержавия, так как со смертью Елизаветы Петровны (1761) династия Романовых перестала существовать.

Тайно выйдя замуж за простого казака Алексея Разумовского, Елизавета не могла произвести на свет наследника престола. Своим наследником она объявила племянника Карла-Петра Ульриха, сына своей сестры Анны, которая была замужем за герцогом Гольштейн-Готтопским Карлом-Фридрихом — сыном шведского короля Карла XII. Того самого короля, которого Петр I разгромил в знаменитой Полтавской битве. При крещении в православную веру наследнику дали имя Петр Федорович. С ним во главе России утвердилось Пфальц-Цвайбрюккенская династия, которая, однако, продолжала называться Романовской.

Самозванщина всегда играла выдающуюся роль в истории российского самодержавия. Зафиксировано более шестисот самозванцев, выдававших себя за чудесно спасшихся или никогда не существовавших царей, наследников престола или членов царской фамилии. Самозванные престолонаследники российского престола появлялись до последнего времени — об этом у нас речь впереди. Удивляться этому не приходится, если помнить, что с воцарением Петра III самозванщина утвердилась на российском престоле.

---

<sup>1</sup> Там же, кн.2. С. 742.

Правда, сам Петр Федорович в этом повинен не был. Привезенный в Россию в качестве наследника престола, он не интересовался ею, боялся ее и был уверен, что найдет в ней свою гибель. Царствовать ему довелось всего полгода. Он был сметен все той же гвардией, которая возвела на престол его жену, урожденную принцессу Софью Фредерику Анхальт-Цербскую, ставшую императрицей Екатериной II.

Екатерина была не только одной из самых великих российских самодержиц, но и самой выдающейся узурпаторшей. Она лишила престола мужа, которого умертвила руками своих сатрапов, отняла трон у сына Павла Петровича, который должен был наследовать отцу, и ужесточила режим заключения свергнутого Елизаветой Иоанна Антоновича. Через два года, когда офицер Мирович сделал безумную попытку освободить Шлиссельбургского узника, Иоанн Антонович был убит «при попытке к бегству». Стража могла отважиться на убийство, только имея на то твердое распоряжение Екатерины. Уместно вспомнить и о судьбе загадочной княжны Елизаветы Таракановой, которая выдавала себя или на самом деле была незаконной дочерью Елизаветы Петровны. Неимоверные старания приложили сатрапы Екатерины, чтобы выследить ее в Европе, выкрасть, вывезти в Россию, где она, скорее всего, была умерщвлена в каземате Петропавловской крепости, хотя, по официальной версии, отраженной в знаменитой картине К.Д. Флавицкого, погибла во время наводнения. Даже если бы княжна Тараканова и вправду была дочерью Елизаветы, то никаких прав на российский престол у нее бы не было. Но у Екатерины их было еще меньше, потому княжна была ей опасна даже в каземате.

Дальновидная Екатерина хорошо понимала ненадежность своего положения. Венец она получила из рук высшего дворянства и офицерства, и оно могло сбросить ее с престола так же легко, как и возвело. Уже через несколько месяцев после ее воцарения там и здесь стали объявляться самозванцы, выдававшие себя за «чудесно спасенного» Петра III. Любой из них при желании мог быть использован против нее. Поэтому Екатерина, царствовавшая более тридцати лет, с 1762 по 1796-й, всю жизнь задабривала свое окружение, щедро наделяя сановников огромной властью, гигантскими латифундиями, тысячами крепостных крестьян, а многих также и своим пышным телом.

Несмотря на все усилия, Екатерина чуть было не лишилась всего, когда тень убитого мужа приняла облик Емельки Пугачева, двинувшего на Москву орды казаков, инородцев и примыкавшей к ним гольтьбы. В это критическое время и сработала политика задабривания дворянства и офицерства: защищая Екатерину, они защищали свое достоиние.

Екатерина пыталась быть просвещенной государыней, но до конца дней боялась крамолы и допускала просвещение лишь в угодных ей рамках. Она запретила масонские ложи, игравшие важную просветительскую роль, так как властям трудно было их контролировать. По-видимому, важный мотив гонений на масонов состоял в подозрении, что к ним примкнул наследник престола Павел Петрович, который может их использовать против нее. Страх подпитывало сознание того, что Павел, как законный сын Петра III, имел все права на престол, тогда как она не имела никаких. Впрочем, происхождение Павла — одна из неразгаданных тайн царствовавшего дома. Историки высказывали веские соображения о том, что его настоящим отцом был не Петр Федорович, а один из «фаворитов» Екатерины — граф Салтыков. Она и сама намекала на это в своих воспоминаниях. Если так, то все последующие Романовы были даже не Пфальц-Цвайбрюккенской династии, а — Салтыковской.

Опасаясь, что сын лишит ее трона, Екатерина вознамерилась лишит трона его самого. Она знала, что он не одобряет ее политики и в корне все переменит после ее смерти. Поднять руку на сына, как это сделал Петр I, она не решилась, но задумала обойти его, передав престол внуку. Юный Александр Павлович был изолирован от отца и воспитывался под присмотром бабки — в духе ее воззрений. Однако с официальным провозглашением его наследником Екатерина медлила. Умерла, так и не сделав этого (то есть почти повторив Петра). Трон все-таки перешел к сыну.

Взойдя на престол, 42-летний Павел Петрович первым делом устроил торжественное перезахоронение тела Петра III, причем во главе процессии заставил шагать перепуганного старенького графа Алексея Орлова, того самого, который, по прямому или косвенному указанию Екатерины, прикончил импера-

тора. Этим Павел продемонстрировал, что прежней малины для сатрапов покойной матери не будет. Заодно он показал свою преданность памяти венценосного отца, дав понять, что не потерпит толков о двусмысленности своего происхождения.

Еще за восемь лет до кончины Екатерины Павел подготовил Акт о престолонаследии. Он выстрадал необходимость этого закона, ибо отсутствие такового обрекло его на прозябание в наследниках до седых волос. Акт был опубликован в день коронации Павла, что подчеркивало его значимость. Составлен он был на немецкий манер, в форме договора между наследником престола и его супругой. Значение этого документа в российской истории невозможно переоценить. Акт впервые подрывал основные принципы деспотического правления, давая возможность обеспечить легитимность верховной власти и ее передачи преемнику.

Увы, самого Павла Акт о престолонаследии не спас. Обуздав дворцовую камарилью своей матушки жесткими мерами, Павел обрек себя на верную гибель, а заодно и на посрамление в глазах потомства. Ни одного российского венценосца не изображали таким самодуром и полоумком, как Павла Петровича. К этим характеристикам следует относиться скептически, памятуя, что они исходят из лагеря его хулителей и убийц. Как писал — уже в XX веке — А.А. Ухтомский (князь, физиолог, будущий академик, знаток русской старины), «у меня недоброе чувство, когда я хожу по кладбищу и читаю... имена на напыщенных памятниках. И у меня — по контрасту — доброе чувство к несчастному Павлу: должно быть, было в нем что-то действительно прекрасное, если эти негодяи и прохвосты озаботились его задавить!»<sup>1</sup>

В ночь на 12 марта 1801 года отряд заговорщиков, заручившихся согласием Александра, ворвался в Михайловский замок, выстроенный для себя и своей семьи Павлом. Заговорщики сняли немногочисленную охрану и ворвались в опочивальню императора. Заслышав шум, Павел вскочил с постели и заметался по комнате. Толкнулся в дверь на лестницу, которая вела вниз, в покои императрицы. Но дверь, по его собственной воле, была заперта: Павел был в ссоре с женой, запертая дверь

---

<sup>1</sup> Подробнее см: Резник С. Против течения: Академик Ухтомский и его биограф, Спб., «Алетейя», 2015. С. 159.

в ее покои символизировала его к ней немилость. Оказавшись в западне, император, как был в ночной рубашонке, скользнул в камин. Оттуда его и вытащили за пятку. Основательно измордовав, задушили. Официально император умер от апоплектического удара.

Александр, ожидавший исхода рискованной операции в другой половине дворца, пытался разыграть роль безутешного сына, который якобы не ожидал кровавой развязки. Но глава заговора граф П.А. Пален не дал ему доиграть. Схватив новоиспеченного императора за руку, он вытолкал его на балкон — показаться народу, сказав при этом свою «историческую» фразу: «Довольно ребячиться, Ваше величество, ступайте царствовать!» Вскоре Пален был отстранен от дел, сослан в свое имение, где раз в год, в ночь на 12 марта, в память о совершенном перевороте, напивался в стельку.

Через несколько лет, когда посетившая Россию французская писательница Анна Луиза Жермена де Сталь узнала о подробностях переворота, она определила суть российской системы власти кратким афоризмом. Вот он в переводе Пушкина: «Самовластье, ограниченное удавкой».

То, что самодержавная власть российского императора в любой момент может быть «ограничена» его свержением с престола и даже убийством, прекрасно сознавал и тогдашний царь Александр I, один из самых интересных и противоречивых российских венценосцев. С его именем связаны победа над Наполеоном, несомненные успехи просвещения, реформы Сперанского, и — одновременно — аракчеевские военные поселения, преследования молодого Пушкина, виртуозное двуличие и лицемерие. Для удержания власти и личной безопасности он принял особые меры.

Поскольку у Александра не было детей, наследником престола числился его брат Константин, получивший титул цесаревича. Александр отправил его подальше от Петербурга, поставив наместником в Царстве Польском. Когда Константин Павлович влюбился в шляхетку не царского происхождения и решил на ней жениться, Александр воспользовался ситуацией, чтобы еще сильнее упрочить свое положение. Законом о престолонаследии оговаривалось, что царственная особа не может находиться

в браке с нецарственной особой, в противном случае она лишается прав на престол. Александр поставил брату ультиматум: либо отказаться от женитьбы, либо от престола. Константин выбрал семейное счастье и подписал официальное отречение. Наследником-цесаревичем стал следующий по старшинству сын Павла — Николай. Вроде бы все ясно. Однако Александр велел держать в секрете отречение Константина и сохранил за ним титул цесаревича, тогда как Николай оставался великим князем. В обществе ходили неясные слухи, но наверняка ничего не было известно.

Сложную комбинацию Александра обычно объясняют его приверженностью к мистике и секретности, но в это трудно поверить. Он не мог не понимать, чем чревата неясность в вопросе о престолонаследии, зато она была выгодна ему самому. История России, с ее дворцовыми переворотами, убийствами, заточениями царей и наследников, с постоянно объявляющимися самозванцами, с его личным опытом участия в заговоре против отца, говорила Александру, что опасность для самодержца связана с именем престолонаследника. Если нет лица, которым предстоит заменить императора, заговор невозможен. Так, без участия самого Александра невозможно было бы устранить Павла. Создав ситуацию неопределенности, при которой Константин и Николай сами не знали, кто же из них наследник престола, Александр обезопасил себя.

Александра I заваливали доносами о тайных обществах, вознамерившихся не только лишить его трона, но и вообще покончить с самодержавием. Александр не обращал на них внимания. По его понятиям, заговорщики не представляли опасности, так как не могли опереться на наследника.

Последние годы царь много ездил по монастырям, замаливая грехи. Внезапная его смерть в далеком Таганроге в ноябре 1825 года породила слухи о том, что он вовсе не умер, а тайно устранился от власти, нарядившись старцем и отравившись по миру. Впоследствии объявился старец Федор Кузьмич, прозрачно намекавший, что он и есть бывший царь Александр. Интригующая легенда о грешном царе, переродившемся в «божьего человека», увлекала многих, в том числе Льва Толстого, который начал писать об этом роман, но замысла не осуществил. Еще в годы работы над «Войной и миром» он изучил двуличный ха-

рактир Александра. Даже могучее творческое воображение Толстого оказалось не в состоянии показать моральное перерождение такого человека.

При неясном положении с престолонаследием смерть Александра — истинная или мнимая — привела к вакууму власти. Константин в Варшаве, будучи наместником в Царстве Польском, дабы отвести возможные подозрения, поспешил продемонстрировать верность новому государю. Он вывел войска на площадь и вместе с ними присягнул императору Николаю. Николай в Петербурге, хорошо понимая, что старший брат может легко отказаться от тайного отречения, поспешил, во избежание осложнений, привести войска к присяге Константину. Когда фельдъегерь примчался из Варшавы с депешей, подтверждавшей отречение Константина, Николай велел вывести войска для новой присяги. Офицерам, состоявшим в заговоре против самодержавия, нетрудно было убедить солдат в том, что великий князь, пользуясь отсутствием законного наследника-цесаревича, хочет узурпировать власть. Если бы не этот предлог, восстание декабристов 14 декабря 1825 года вряд ли было бы возможным.

Декабристы ставили целью свергнуть самодержавие и отменить крепостное право. Этим они оказали огромное влияние на общественное сознание последующих поколений. Ленин экспроприровал престиж декабристов, объявив большевиков их наследниками. Следуя завету «Ильича», советская пропаганда воспитывала народ на примере «первого поколения русских революционеров», выступивших «против своего класса», на стороне интересов угнетенных масс. Из-за своей «дворянской ограниченности» декабристы лишь самую малость не дотягивали до большевистского стандарта.

Вдалбливание официальной доктрины вызвало ответную реакцию. Когда коммунистическая пропаганда в СССР начала давать сбои, и все больше людей освобождалось от оков партийного мышления, «пострадавшими» оказались и декабристы. С конца 1960-х годов в советской литературе, журналистике, исторической науке стало определяться так называемое национал-патриотическое направление, восхваление российской старины, патриархальных порядков, послушания и долго-



терпения русского народа. В этой новой — то есть старой, но хорошо забытой — мифологии декабристам отводилась роль преданных анафеме грешников.

Сперва робко, иносказательно, а потом все более откровенно их стали изображать врагами России; «масонами», выполнявшими задания «иностранных подрывных центров». Хотя в основе таких писаний лежали концепции, противоположные партийным догмам, их поощряло партийное руководство. «Патриотов» особенно возмущало то, что наиболее радикальные лидеры декабристов — Павел Пестель и другие — планировали цареубийство.

Негодование было бы понятным, если бы те же авторы негодовали по поводу кровавых расправ над Павлом I, Петром III, царевичем Алексеем, другими российскими венценосцами или их наследниками. Но нет, *те* расправы делались *во имя* России. Анафема падала на головы именно декабристов, хотя они задуманного не осуществили, их планы остались только планами.

Восстание на Сенатской площади отличалось от традиционных методов захвата власти в основном тем, что заранее было обречено на неудачу. Оно свелось к отказу принести присягу Николаю и к «стоянию», без серьезных попыток захватить царя и его приближенных. Восставшими был убит один человек — генерал Милорадович, выехавший перед строем увещевать солдат. Когда подошли верные Николаю части, «стоявшие» были расстреляны картечью. Потом было следствие, суд, лицемерные обещания молодого государя помиловать смутьянов в обмен на чистосердечные признания. Нравы к тому времени заметно смягчились, пытки уже не были главным методом добывания судебной истины. Тем не менее, большинство декабристов, поверив обещаниям, дали откровенные показания. А государь без колебаний нарушил свое царское слово, как это многократно делали его венценосные предки. В результате — пять повешенных при номинальном отсутствии смертной казни. Взяв верх, самовластье удавкой ограничило сопротивление своему произволу. Это было не наказание преступников, а расправа над поверженным противником.

Пережитый 14 декабря 1825 года испуг повлиял на все царствование Николая I. Российский деспотизм при нем достиг классической завершенности. Над замершей в страхе страной

был слышен свист розог и удары шпицрутенов. Царь железной рукой подавил восстание в Польше, помог подавить революционное брожение в ряде стран, прослыл жандармом Европы. Но могущество его оказалось дутым. Это выявила Крымская война 1853–56 годов, когда небольшой экспедиционный корпус англо-французского флота нанес России сокрушительное поражение. Процарствовав 30 лет, Николай Павлович внезапно простудился и умер, видимо, от воспаления легких. Произошло это столь неожиданно, что при таинственности, всегда окружавшей российский престол, не могло не возникнуть слухов и толков. По одной из популярных версий, Николай, глубоко уязвленный военными неудачами, потребовал от своего врача яд, и тот не посмел ослушаться. Однако сын Николая I Александр II воцарился в 1855 году без каких-либо препятствий. Его прав на престол никто не оспаривал.

Александр II был первым российским государем, который мог быть отнесен к числу монархов, а не деспотов. Так через два поколения отыгрался закон о престолонаследии, принятый Павлом I. Кажется, впервые в истории российского самодержавия государю не было нужды постоянно заботиться об устранении потенциальных соперников. Это позволило ему приступить к давно назревшим реформам, покончить с крепостным правом, войти в историю царем-освободителем.

Однако общественное сознание России не успело адаптироваться к этой коренной перемене. Деспотический строй продолжал пронизывать общество сверху донизу, определяя характер отношений на всех уровнях. Пренебрежение к законам и правопорядку, произвол, преклонение перед силой, раболепие перед вышестоящими и попираание нижестоящих — таковы были нормы российской жизни на всех уровнях управления, вплоть до семьи.

Несмотря на стремление Александра II цивилизовать систему правления, бюрократия действовала привычными методами. Лизоблюдство, угодничество и произвол оставались характерной чертой государственных учреждений. Чиновник обладал неограниченной властью над теми, кто от него зависел, и использовал ее для личных выгод. Любой закон можно было обойти при помощи взятки. Это и имел в виду Салтыков-Щедрин, когда писал, что страной управляют столоначальники.

Сам царь, при всем его либерализме, оставался частью той же системы и не считал нужным соблюдать законы, если это было не в его интересах. Так, он санкционировал полицейскую расправу над писателем-диссидентом Н.Г. Чернышевским, хотя, по всей видимости, знал, что дело против него сфабриковано охранкой. Когда друг царя поэт А.К. Толстой на вопрос Александра, что нового в русской литературе, ответил: «Русская литература надела траур по Чернышевскому», — либеральный венценосец сказал со скорбью в голосе: «Прошу тебя, никогда не называй при мне этого имени».

В 1880 году, после смерти царицы Марии Александровны (урожденной принцессы Гессен-Дармштадской) Александр II решил оформить брак со своей любовницей Екатериной Михайловной Долгорукой (светлейшей княгиней Юрьевской). Как мы знаем, по закону о престолонаследии, нединастические браки венценосных особ были запрещены. Если бы Александр II считался с законом, он мог осуществить свое намерение ценой отречения от престола. Но никто не посмел напомнить ему об этом, а сам он и не подумал о такой альтернативе. Удовлетворились тем, что его второй брак не афишировался, четверо его детей от Екатерины Юрьевской не были официально усыновлены, они оставались Юрьевскими.

Приходится признать, что даже Александр II последние месяцы занимал трон незаконно. А поступил бы он по закону, сохранил бы себе жизнь.

Стремление нарождавшейся при относительно либеральном режиме независимой общественности противостоять произволу воспринималось как покушение на устои. В завязавшейся борьбе обе стороны очень скоро стали прибегать к крайним средствам. На полицейские репрессии против молодежи, пытавшейся «идти в народ», молодежь ответила актами террора. Началась охота на императора. После шести неудавшихся покушений, седьмое удалось. 1 марта 1881 года, роковым взрывом бомбы на Екатерининском канале в Петербурге, Александр был смертельно ранен. По горькой иронии судьбы, произошло это в тот самый день, когда было назначено подписание конституции, ограничивавшей самодержавие...

Маньяки-террористы могут появиться в любой стране и при любой системе правления: от этого никто не застрахован. В

самых классических монархиях бывали случаи террористических актов против венценосных особ. Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Фердинанда в Сербии послужило поводом к Первой мировой войне. Однако при монархическом строе такие случаи редки и воспринимаются как чудовищные потрясения всей государственной системы и традиционного уклада жизни.

В России же убийства самодержцев были столь рутинным явлением, что действия террористов-народовольцев почти никого не ужасали. Значительная часть общества горячо сочувствовала им, видела в них героев, мучеников идеи. И даже те, кто не одобрял террор, полагали, что борьба с ним их не касается: это дело полиции. Иные недоумевали: зачем эти отчаянные храбрецы хотят убить «хорошего» царя, ведь его сын-солдафон будет куда круче? Но в самом факте пролития царской крови общество не видело ничего такого, что выходило бы за рамки обычного преступления.

Сразу после убийства Александра II Лев Толстой обратился к Александру III с письмом, в котором просил помиловать убийц и тем дать положительный пример: разорвать порочный круг насилия, порождающего насилие. Толстой, с его религиозной проповедью, конечно, осуждал террористов. Но именно как насильников, убийц, а не как *цареубийц*. С его точки зрения, между убийством царя и обычного человека не было принципиальной разницы. Он полагал, что помилование убийц уменьшит озлобление в обществе и побудит террористов воздерживаться от кровавых акций.

Константин Победоносцев, через которого Толстой направил письмо царю, утаил его от молодого самодержца. Он убеждал Александра III в обратном, то есть в том, что террористов следует карать самым беспощадным образом. Представления Победоносцева о природе царской власти были просты: она держится страхом, и чем больше страха в обществе, тем прочнее власть. Нелишне отметить, что Победоносцев был опытным государственным деятелем и высокообразованным правоведом.

При таком состоянии общественного сознания нарождавшаяся монархия выжить не могла. Самодержавие должно было либо погибнуть, либо вновь превратиться в деспотию, что и произошло при Александре III (1881–94). С «Народной волей» он боролся успешно, но ему приходилось бороться не только с ре-

волюционерами. Историк В.Б. Вилинбахов предложил и хорошо обосновал дерзкую гипотезу таинственной смерти генерала Скобелева вскоре после воцарения Александра III. Состоит она в том, что Скобелев был побочным сыном Александра II и при его колоссальной популярности представлял угрозу для власти молодого императора. По Вилинбахову, в пользу Скобелева работала влиятельная группа военных и гражданских чиновников, недовольных политикой закручивания гаек и планировавших при случае предложить престол Скобелеву. Дабы предотвратить нежелательные осложнения, Александр отравил своего сводного брата. При всей спорности, гипотеза заслуживает внимания. Очень уж она соответствует традиции российских самодержцев.

Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, которое на меня, еще в детстве, при первом посещении Третьяковской галереи, произвела картина Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Не знаю, сколько времени я простоял перед картиной и скольких красноречивых экскурсоводов, «объяснявших» картину различным группам, прослушал. Контраст между двумя фигурами поражал больше всего. Фигура царевича была совершенно безжизненной, похожей на куклу. Она написана так, что за ней не угадывается человеческой личности, трагически окончившей земное существование. Художник сделал все, чтобы у зрителя не возникло ни малейшего сочувствия к убитому. Внимание сосредоточено на убийце. По контрасту, фигура Ивана-отца потрясает своей выразительностью. Этот острый как клинок профиль, этот трепещущий нос с греческой горбинкой, эти полные отчаянного страдания глаза. Эта выразительная рука, судорожно зажимающая рану в безумной надежде закрыть ее, остановить кровь, уберечь еще, может быть, не до конца истаявшую и столь дорогую ему жизнь!..

Перед нами исполненное немой экспрессии и кричащей выразительности — страдание. Я, 8-летний мальчик, стоял завороженный этой отцовской мукой. Я страдал вместе с Иваном Грозным, я страдал за Ивана Грозного. Такого воздействия на зрителей добивался и добился художник.

Но давайте задумаемся: что он изобразил? Грозный властитель убил своего сына. Убил без причины, по прихоти всевластного самодура, знающего, что ему «все дозволено». Да за что же ему сочувствовать?! Напротив, этот кровавый акт сыно- и царе-

убийства должен вызывать безмерное негодование и отвращение! Однако — такова сила искусства — у тысяч и тысяч посетителей Третьяковки, у миллионов тех, кто знает картину по репродукциям, у сотен весьма умных и образованных искусствоведов и критиков, писавших об этом произведении, картина вызывает реакцию, прямо противоположную той, какую должна была вызвать запечатленная на ней сцена. Правда, в Большой Советской Энциклопедии сказано, что картина «прозвучала как обличение деспотизма»<sup>1</sup>, но это советский пропагандистский штамп. Большевикское искусствоведение «отредактировало» Репина: художник, писавший приподнято-байронические портреты Николая II и помпезные заседания Государственного Совета, был занесен в разряд обличителей царизма. Соответственно и толкование его произведений должно было укладываться в заданную схему. На деле же картиной «Иван Грозный и его сын Иван» Репин вызывал сочувствие к величайшему деспоту, и именно в связи с самым безобразным и жестоким актом его произвола.

Но Репин не оригинальничал. Он передал средствами искусства представления, господствовавшие в обществе. А за 14 лет до него это же сделал другой великий художник России — Николай Ге, обратившийся к сходному сюжету в одном из лучших своих полотен — «Петр и Алексей». Петр допрашивает вероломно захваченного сына. Его будут пытать на дыбе, приговорят к смерти и тайно прикончат по приказанию отца. Казалось бы, все симпатии автора картины должны быть на стороне несчастной жертвы. Но нет. Фигура Алексея, его лицо с опущенными глазами, написаны так, что не вызывают у зрителя не то что сострадания — даже малейшего сочувствия. Только брезгливое презрение. Алексей выглядит жалким, трусливым изменником, попавшимся негодяем. И — по контрасту — фигура Петра выражает само благородство. Скорбным пронизывающим взглядом всматривается он в сына. Он еще не потерял надежды увидеть в нем проблески раскаяния и простить, но уже полон решимости выполнить тяжкий долг государя — долг, который для него выше отцовских чувств. Трагичен на картине Петр, а не Алексей, к Петру вызывает наше сочувствие художник.

---

<sup>1</sup> БСЭ, 3-е изд., т. 22. С. 38.

Как видим, общественное сознание, отраженное кистью лучших художников конца XIX века, а это время наивысшего расцвета российской культуры и общественной мысли, оправдывало кровавые зверства «прогрессивных» правителей — даже против своих собственных сыновей и отцов. Так что нет ничего удивительного в том, что оно поддерживало террористов-народовольцев, а затем эсеров: ведь те тоже убивали ради «прогресса». Таково было состояние общества, когда взшел на престол последний император России Николай II.

## ЧАСТЬ II

### КОРОНОВАННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Властитель слабый и лукавый...  
Над нами царствовал тогда.

*А.С. Пушкин*

### ВОЦАРЕНИЕ

Николай Александрович Романов как частное лицо был вполне симпатичен. Он был невысок, но хорошо сложен, строен, с офицерской выправкой, приятным лицом и чарующим взглядом больших печальных глаз. Он любил наряжаться в мундиры самых разных полков, и некоторые ему очень шли. Он был хорошо воспитан, мягок, предельно выдержан, немногословен. Он не был умен, но обладал цепкой памятью. Умел вести неторопливую светскую беседу о пустяках — дружески, но держа дистанцию, не впуская собеседника себе в душу. Он никогда не повышал голоса, в его манере держаться не было ничего самодержавного или хотя бы барского. Он был любящим мужем, нежным, заботливым отцом, образцовым семьянином. Будь он, допустим, помещиком средней руки, он мог бы прожить спокойную, счастливую жизнь в кругу своих родных и близких. Он любил простые, здоровые развлечения и, вероятно, много времени уделял бы рыбалке, охоте, пилке и колке дров, верховой езде и особенно пешим прогулкам. Он мог бы стать хорошим метеорологом: мало кто с такой любовной пунктуальностью отмечал в дневнике малейшие колебания погоды.

Его природное здоровье и здоровый образ жизни давали ему хороший шанс дожить до глубокой старости, выдать замуж всех четырех дочерей и с наслаждением возиться с озорующим выводков внучат. Вот с единственным сыном Николаю Александровичу не повезло. Унаследованная болезнь оказалась роковой.



Она причиняла мальчику много страданий, доводила родителей до отчаяния, и — вопреки их героическим усилиям — в сравнительно раннем возрасте свела бы его в могилу. Мысль об этом причиняла отцу и матери много горя. Но можно не сомневаться, что при своей глубокой религиозности Николай Александрович сумел бы со скорбным достоинством пережить это несчастье. Тем больше отцовской заботы и нежности он отдавал бы дочерям и внукам и почил бы в окружении многочисленного семейства, обливающегося искренними слезами.

Закадычных друзей, в силу некоторых особенностей характера, у Николая Александровича, вероятно, не было бы; но среди знакомых он пользовался бы уважением и любовью. Правда, те, кому довелось бы узнать его ближе, вероятно, перешептывались бы о том, что-де человек он хороший, но неустойчивый; серьезных дел с ним лучше не затевать, так как слова своего он не держит, обещанного может не исполнить; судачили бы о том, что он скуповат, на чужую беду неотзывчив и что он был бы много приятнее, общительнее и интересней, если бы не находился под каблуком своей властной супруги — единственного в семье человека «в штанах», как она сама говорила.

Словом, Николай Романов был обычным средним человеком, со своими достоинствами и недостатками. Но этому среднему человеку выпала далеко не средняя роль на подмостках исторической сцены, и все его качества — положительные и отрицательные, полезные и вредные соединились роковым образом для того, чтобы привести к гибели его империю, его самого и столь любимое им семейство.

Оглядываясь на его жизнь, нельзя не увидеть в ней мистической заданности, словно с рождения неумолимый рок вел его к гибели в подвале Ипатьевского дома.

Николай Александрович, старший сын Александра III, родился в день праведного Иова, чему впоследствии придавал сакральный смысл.

В тяжелые минуты, когда надо было принимать судьбоносные для страны и для него самого решения, а у него опускались руки, он любил сравнивать себя с многострадальным Иовом, говоря, что изменить ничего нельзя, так как все зависит от воли Божией. Отговорка слабого, растерянного человека, пытающегося оправдать Божьим промыслом свою беспомощность. Фунда-

ментальное различие между ним и библейским персонажем состояло в том, что праведный Иов стал жертвой жестокого эксперимента; сыпавшиеся на него несчастья были предначертаны свыше и никак не зависели от него самого. Тогда как самодержавный российский государь Николай II многие несчастья накликал на себя сам.

По-видимому, его воля была сломлена еще в детстве — вероятно всего, слишком строгим и жестким отцом. Однако излишний родительский нажим может вызвать разную реакцию: одних он делает податливыми, робкими, мягкими, как воск; других ожесточает и заставляет противодействовать. Николай Александрович с готовностью покорился, подчинился отцу, которого боготворил, чьи заветы свято хранил и кому потом пытался подражать. Но отцовская палица оказалась ему не по плечу. Слишком они были разными — император Александр III и будущий император Николай II.

Александр III был высокого роста и могучего телосложения. Тучный, малоподвижный гигант, чья поступь была весома и значима, как и каждое слово. Он был ограничен и деспотичен — коронованный мужлан. Но он отличался большой цельностью, уверенностью в себе, отсутствием комплексов. Он охотно пользовался услугами людей, превосходивших его знаниями, культурой, умом, не чувствуя себя ущемленным.

Николай II был намного образованнее, воспитаннее, утонченнее своего отца, но он не обладал его уверенностью и прямоотой. Снедаемый мелким честолюбием, он испытывал скрытую ревность и зависть к более умным, знающим и сильным. Ему все чудилось, что его держат за несмышленища, что насмеваются над ним за его спиной. Это развило в нем крайнюю недоверчивость и скрытность. Ему было комфортнее с людьми мелкими, подобострастными, готовыми восхищаться каждым его словом и жестом — в таком окружении он ощущал себя полноценной личностью. Искреннее ли было восхищение или лицемерное — в это он подчеркнуто не вникал: внешнюю форму в отношениях ценил больше, чем суть. Он не умел говорить людям неприятное и еще меньше умел выслушивать. Двуличие и лицемерие были для него нормой. Высказанную ему неприятную правду он считал дерзостью. С возражениями он не спорил, но молча их отвергал, как посягательство на неограниченные права самодержавного властелина.

«Спорить было противно самой природе царя, — отмечал близкий к нему свитский генерал В.Н. Воейков. — Не следует упускать из вида, что он воспринял от отца, которого почитал и которому старался подражать даже в житейских мелочах, незыблемую веру в судьбоносность царской власти... Он склонялся лишь пред стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, пред невесомым, пред своим все возрастающим мистицизмом. Министры же основывались на одних доводах разума. Они говорили о цифрах, процентах, сметах, исчислениях, докладах с мест, примерах других стран и т. д. Царь и не делал [попыток], и не мог оспаривать таких оснований. Он предпочитал увольнять в отставку лиц, переставших преследовать одну с ним цель»<sup>1</sup>.

В этом отрывке почти все точно, но одна оговорка необходима. Как было бы все просто и объяснимо, если бы царь преследовал ясные цели и удалял тех сотрудников, которые в эти цели не верили! Но в том-то и дело, что никакой стратегии у него не было, а тактику он менял постоянно, уступая нашептываниям или нахрапу тех или иных царедворцев, и, с роковой последовательностью, проявлял неожиданное упрямство именно тогда, когда жизненно необходимо было уступить разумным доводам. Податливость, готовность изменить свои мнения, отказаться от намеченного плана, чтобы кого-то не обидеть или избежать истерической сцены с женой, сочетались в нем с упорством и неподатливостью по отношению к аргументам людей ответственных, принципиальных, т. е. имеющих свое мнение и готовых его отстаивать. Создается впечатление, что чем неотразимее были доводы, тем упорнее он их игнорировал. При этом был злопамятен и рано или поздно несогласных отправлял в отставку.

«По недостатку гражданского мужества, царю претило принимать окончательные решения в присутствии заинтересованного лица. Но участь министра была уже решена, только письменное ее исполнение откладывалось»<sup>2</sup>.

Одним из самых больших, почти непостижимых парадоксов личности Николая II было отсутствие властолюбия. Возмож-

---

<sup>1</sup> Воейков Н.В. С царем и без царя. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 234.

<sup>2</sup> Там же.

ность повелевать, играть судьбами людей его не тешила, а тяготила. Власть была для него бременем, это был крест, возложенный на него судьбой многострадального Иова. Отчего же не облегчить себе ношу?

Самодержцы или монархи, получившие власть по праву рождения, не всегда наделены талантами государственных деятелей. На то и состоят при них герцоги Ришелье, Меттернихи, Бисмарки. Отчего же венценосному Иову было не избавиться от своих мучений, вручив бразды правления какому-нибудь российскийскому Бисмарку? Но Николай II хотел *сам* играть ведущую роль. Над свежей могилой погибшего ради него П.А. Столыпина (впрочем, не над могилой: на похоронах царь *блистал своим отсутствием*), предлагая возглавить правительство В.Н. Кокцову, Николай не преминул предупредить: «Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?» Это был, может быть, наиболее выразительный по циничной неуместности пример, когда государь так ярко обнаружил уязвленность мелкого себялюбца, но далеко не единственный. «Такими примерами полно его царствование», — свидетельствовал А.Ф. Кони<sup>1</sup>.

Будучи наследником престола, Николай старался всячески угождать родителю. Из послушания он был прилежен в учебе. Он старательно нес тяготы военной службы, не манкируя, не злоупотребляя положением цесаревича. Больше всего времени он проводил в среде гвардейских офицеров — прямых, примитивных парней. С ними ему было хорошо. Даже в его речи до конца жизни улавливался гвардейский акцент.

Когда Николай повзрослел, но еще рано было его женить, отец велел ему завести любовницу (дабы отучить от некой вредной привычки). Он и это исполнил с готовностью. Так появилась в его жизни обольстительная балерина Мариинского театра Матильда Кшесинская, которую он потом передал с рук на руки своему двоюродному дяде, великому князю Сергею Михайловичу (от которого она ушла к другому великому князю Владимиру Александровичу и имела от него сына). Ее воспоминания о «Никки» дышат сердечностью женщины, бережно хранящей память о первой любви и недолгом счастье. Но, даже будучи еще очень неопытной молоденькой девушкой, без ума влюбленной в

---

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Николай II. См.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 165.

будущего императора, Матильда сознавала, что «он не сделан для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть»<sup>1</sup>. Он с ней соглашался не только по своему органическому неумению спорить.

Преждевременная кончина Александра III ошеломила Николая. Горе его было искренним и глубоким — не только потому, что он потерял обожаемого отца, но еще больше из страха перед собственной неспособностью его заменить. Он чувствовал, что шапка Мономаха слишком тяжела для него. И, хуже того, это понимали окружающие.

«Каждый... сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть, — вспоминал великий князь Александр Михайлович (Сандро). — Никто не понимал этого лучше самого Никки. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он. — Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!

... Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание, и что все мы стояли перед неизбежной катастрофой»<sup>2</sup>.

Итак, уже в день кончины Александра III *предчувствие катастрофы* было у всех, кто хорошо знал их обоих — почившего государя и его наследника. Правда, совсем иное ощущение господствовало в широких общественных кругах.

Александр III оставил сыну наследство в отменном порядке. За 13 лет своего царствования он последовательно избегал войн,

---

<sup>1</sup> Кшесинская М.Ф. Из «Воспоминаний». Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 33.

<sup>2</sup> Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 304.

поддерживал инициативы министра финансов И.А. Вышнеградского, а затем С.Ю. Витте, энергично проводивших политику укрепления рубля и привлечения иностранного капитала для развития промышленности и транспорта — особенно железнодорожного. Экономика развивалась рекордными темпами, с фантастической быстротой возникали акционерные общества, банки, различные предприятия. Страна крепла, рос объем внутренней и внешней торговли, рос ее международный престиж.

Правда, подавляющее большинство населения прозябало в бедности, бесправии и невежестве, периодические неурожаи приводили к массовому голоду, что мало заботило власти. В 1891 году государь отметил десятилетие своего царствования заявлением, что, «слава Богу, все благополучно». Имелось в виду то, что он сам и высшие чины администрации вне опасности: террор задавлен, вооруженная борьба против режима заглохла, оппозиции заткнут рот. А в это время в Поволжье от голода пухли дети, вымирали целые деревни. В.Г. Короленко, «работавший на голоде» (как тогда говорили), то есть участвовавший в усилиях общественности организовать помощь голодающим, на государево «благополучие» отозвался статьей, проникнутой болью и сарказмом. Опубликовать ее в России никакой возможности не было, статья появилась за границей без имени автора.

Но в самой империи царили спокойствие и тишина. Массовая кампания по высылке десятков тысяч евреев из Москвы, проведенная генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем (1891–1892), прошла при полном молчании печати.

В книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе» этому акту бесчеловечного произвола посвящено несколько скупых строк. Отмечена реакция на него в Европе и Америке. Солженицын с издевкой пишет о «крыловских порядках», позволивших американской правительственной комиссии приехать в Москву и своими глазами наблюдать творимые там ужасы. Члены делегации даже смогли, в тайне от полиции, посетить Бутырскую тюрьму, где томились евреи, виноватые только в том, что из-за крайней бедности не могли выехать из первопрестольной за собственный счет. Их вылавливали и сажали в тюрьму, чтобы затем выслать по этапу. Американцам удалось заполучить фотографии

высылаемых, образцы наручников, в которые их заковывали, и затем опубликовать свой отчет в материалах Конгресса США — «к вящему посрамлению России», как сокрушается Солженицын<sup>1</sup>. О реакции на это варварство российской общественности писатель ничего сказать не мог, ибо никакой реакции не было. То есть власти не позволили ей себя обнаружить.

Еще за год до этой карательной акции они запретили публиковать протест против травли евреев в печати, хотя под письмом, написанным Владимиром Соловьевым, подписались пятьдесят крупнейших деятелей русской культуры, в их числе Л.Н.Толстой и В.Г.Короленко. Мне приходилось упоминать об этом в исторической повести о Короленко<sup>2</sup>, причастность к этой акции Толстого подробно исследована В.И. Порудоминским<sup>3</sup>.

Этот эпизод говорит о многом. Невозможность публично критиковать власти и высказывать взгляды, им неугодные, создавала иллюзию полного благополучия. Иллюзия приводила к тому, что проблемы, вызывавшие общественное недовольство, не решались, накапливались, молчаливое недовольство усиливалось. В тогдашнем «образованном обществе» кончина слонopodobного императора не вызвала печали, а породила надежды на благотворные перемены в ближайшем будущем — по аналогии с тем, что уже было в недавней российской истории.

Николай I заморозил страну на тридцать лет, но, как только власть перешла к его сыну Александру II, началась оттепель, потом весна... Головокружительные реформы и вызванный ими подъем общественных сил захватывали дух.

Однако, проводя либеральные реформы, ослабляя гнет и тем способствуя возникновению и укреплению независимого общественного сознания, Александр II и его администрация как огня боялись какой-либо оппозиции. Не чувствуя за собой морального превосходства над оппозицией, они пытались ее задавить актами полицейского произвола в духе Николая I. Но в новых условиях эти акты не устрашали, а только озлобляли общество, обеспечивая широкую поддержку самым крайним анти-

---

<sup>1</sup> Солженицын А.И. Двести лет вместе, т. 1. С. 289. В дальнейшем том и страницы этого издания указаны в скобках.

<sup>2</sup> Резник С. Хаим-да-Марья. Кровавая карусель. Исторические романы. Спб. «Алегейя», 2010. С. 341–342.

<sup>3</sup> Порудоминский В. «...Равенство всех людей — аксиома». // «Октябрь». №9. 2001. С. 178–183.

правительственным выступлениям, включая террор. Особенно ярко это проявилось в известном деле Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Так она выразила протест против акта произвола, совершенного Треповым, который приказал высечь заключенного студента Боголюбова, не снявшего перед ним шапку в тюремном дворе. Для понимания атмосферы, царившей в обществе, важен не столько выстрел Веры Засулич, сколько реакция на него потерпевшего. Оправившись от ранения, градоначальник Трепов ездил по высокосветским гостиным, пытался как-то оправдаться в своем безобразном поступке и бормотал, что ни против Боголюбова, ни против Засулич ничего не имеет.

Арестованная террористка стала героиней дня. Лучшие адвокаты рвались защищать подсудимую, а вот прокурора, готового ее обвинять в суде, долго не находилось. Когда начался процесс, зал суда заполнило самое изысканное общество. Все симпатии были на стороне террористки, а не ее жертвы. Председатель суда А.Ф. Кони, вопреки закулисного давления, был предельно доброжелателен к обвиняемой и ее защитнику. Хотя сам факт покушения никем не оспаривался, присяжные вынесли Вере Засулич оправдательный приговор, что было понято, как прямое осуждение власти. Чувствуя общественную поддержку, террористы начали охоту на самого царя-Освободителя, чья жизнь трагически оборвалась взрывами бомб на Екатерининском канале 1 марта 1881 года.

Вместе с Александром II ушла из жизни великая эпоха. Но не пришла ли пора ей возродиться? Если Александр III, грубо оборвав преобразования отца, вернулся к курсу своего деда, Николая I, то отчего бы новому императору не возобновить курс своего деда, Александра II! Возможность поворота казалась тем более реальной, что об интеллигентности и мягком характере молодого императора ходили упорные слухи.

За три года до своей кончины Александр III решил женить наследника, — разумеется, на принцессе, ибо брак цесаревича должен быть династическим. Послушный сын не возражал, хотя его роман с Матильдой Кшесинской был в разгаре и приносил им много радости. Последовали зондажи европейских дворов, выезды за границу.

Николаю приглянулась принцесса Алиса Гессенская, внучка британской королевы Виктории.



Трудно понять, чем она прельстила изысканного гвардейского офицера. Она не была дурна собой, в каком-то смысле даже красива, но это была угрюмая красота замкнутой, словно чем-то всегда испуганной и сердитой девицы. В Алисе не было живости, непосредственности, женственности, веселости — всего того, что делает молоденьких девушек привлекательными и желанными. Но она покорила сердце Никки.

Император и императрица не одобрили его выбора, послушный сын не посмел перечить. Другие царственные невесты по разным причинам отпали, и вопрос о женитьбе наследника отсрочился на неопределенное время. К неопишуемой радости Матильды Кшесинской, уже успевшей оплакать вечную разлуку, Никки утешился в ее объятиях. Но когда болезнь императора приняла крутой оборот, женитьба наследника снова стала актуальной. Александр хотел, чтобы сын срочно обеспечил продление царского рода. Но тут Никки обнаружил ту пассивную агрессивность, которую мало кто подозревал в выдержанном и приветливом молодом человеке. Он сказал, что готов жениться только на Алисе, а поскольку родители этого не одобряют, то он вступать в брак пока не желает.

Других вариантов все равно не было, а с браком император спешил.

Никки был послан в Лондон на свадьбу его кузена принца Георга Йоркского, будущего короля Георга V, где, как было известно, он мог встретиться с Алисой и сделать официальное предложение. 24 июня (6 июля) 1893 года состоялась помолвка. Начались приготовления к свадьбе. Но как ни спешили, болезнь императора прогрессировала быстрее. Пока невеста собралась и доехала до России, пока прошла обряд крещения в православную веру, Александр III скончался.

Гроб с телом почившего из Ялты доставили в Петербург. Траурная процессия двинулась в Петропавловский собор — по заранее установленному маршруту. По обеим сторонам улицы в скорбном молчании стояли войска; за спинами солдат грудились толпы народа, привлеченного редким зрелищем. Когда процессия двигалась по Невскому проспекту, бравый молодой офицер-конногвардеец зычно scomандовал своему эскадрону: «Смирно!» И еще громче: «Голову направо! Смотри веселей!»

С.Ю. Витте, шедший за гробом в группе министров, с удивлением взглянув на офицера, спросил своего соседа: «Кто этот дурак?» И услышал в ответ: «Ротмистр Трепов»<sup>1</sup>.

В новом царствовании «дурака» ждала фантастическая карьера (как и двух его братьев). В самые трудные месяцы 1905 года именно он будет пользоваться наибольшим доверием государя и добьется отстранения Витте от власти.

## МЕЖДУ МЕРЗАВЦАМИ И ДУРАКАМИ

Через три недели после кончины Александра III состоялась свадьба Николая II и принцессы Алисы Гессенской, ставшей императрицей Александрой Федоровной. Свадебные торжества шли попеременно с траурными. Поспешность венчания выглядела бестактностью, но, хотя для Никки соблюдение внешних приличий имело первостепенное значение, его это не остановило. Когда престарелый министр двора граф И.И. Воронцов-Дашков намекнул, что свадьбу следовало бы отложить до окончания траура, Николай, по выражению личного секретаря Воронцова В.С. Кривенко, «закинулся, остался недоволен». Возникшее отчуждение привело к тому, что в конце концов графу Воронцову было указано на дверь<sup>2</sup>. Наиболее близкий из министров обожаемого отца, граф Воронцов стал жертвой пассивной агрессивности молодого императора. Он «почувствовал в нем опекуна, человека, знавшего его с пеленок, относившегося к нему как бы по-отечески, покровительственно. Именно слабые натуры и не выносят кажущийся им над собой контроль», — писал Кривенко<sup>3</sup>.

Слабые натуры не выносят контроля, но без него им сиротливо, одиноко, они потеряны и растеряны. Избегая контроля со стороны одних лиц, они тем охотнее поддаются под влияние других.

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. Таллинн-Москва: «Скиф Алекс», 1994. Т. II. С. 4. Дмитрий Федорович Трепов, один из трех сыновей Ф.Ф. Трепова.

<sup>2</sup> Кривенко В.С. Из рукописи «В министерстве императорского двора», в кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 34.

<sup>3</sup> Там же.

Характерен эпизод, которым Витте начинает свое повествование о Николае II.

Еще при отце его рассматривалось два альтернативных варианта для строительства базы военно-морского флота — в Либаве, на Балтике, или в Мурманске, на Баренцевом море. Стратегические преимущества Мурманска были очевидны: незамерзающий и практически недосыгаемый для возможного противника порт на севере делал Россию грозной морской державой, тогда как в Либаве корабли полгода были бы скованы льдами, да и в летнее время могли быть легко заблокированы в бухте флотом потенциального противника. После того, как командированный в Мурманск Витте нашел подходящую бухту, Александр III решил вопрос в пользу мурманского варианта, но указа подписать не успел. Поскольку Николай был в курсе этого дела, то он и захотел — при первом же докладе у него Витте — утвердить отцовское решение. Витте просил повременить, чтобы не сложилось впечатление, что он воспользовался неопытностью молодого государя и протолкнул свой проект за спинами оппонентов. Николай резонно возразил, что такие кривотолки исключены, так как он только подтверждает решение отца, но согласился выждать некоторое время. А через два месяца Витте прочитал в «Правительственном вестнике» высочайший указ о строительстве порта имени Александра III в Либаве. В Указе подчеркивалось, что имя покойного государя присваивается новому порту, потому что осуществляется его идея.

Оказалось, что решение Никки утвердить мурманский проект смертельно обидело главного сторонника Либавы великого князя Алексея Александровича, занимавшего пост генерал-адмирала. Сцена, которую ему закатил дядя, была для Никки — как нож в сердце. Он самолично приезжал к другому великому князю, Константину Константиновичу, — поплакаться в жилетку, но нажиму обиженного родича уступил. Он пожертвовал важными стратегическими интересами России ради того, чтобы *порадеть родному человечку*. Увоенные им «начала» самодержавия он понимал самым примитивным образом: Российская империя — это семейная собственность дома Романовых. Цель же своего царствования он, как хороший семьянин, видел в том, чтобы сохранить эти «начала» и передать их своему наследнику в таком виде, в каком получил от отца.

Предупредить Витте о перемене решения у него не хватило духу, так что министру финансов пришлось проглотить вдвойне горькую пилюлю, не подслащенную хоть каким-то личным объяснением. И, может быть, самый мелкий в серии мелких поступков, связанных с этим эпизодом, — трусливая попытка спрятаться за широкою спину покойного родителя.

Тут, как в капле воды, отразились почти все аспекты поведения бесхребетного царя в пиковых ситуациях. Впереди их будет много, и куда более судьбоносных с точки зрения выживания самого Николая, его семьи и империи.

Как же плохо понимало молодого государя общество, связывавшее с ним надежды на перемены! Это тотчас же обнаружилось в знаменитом приветственном Адресе тверского дворянства. Составленное в приподнятых верноподданнических тонах, это послание содержало намек на желательность того, чтобы «общественные учреждения» получили право «выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигнуть выражение потребностей и мыслей не только представителей администрации»<sup>1</sup>.

Невинная фраза вызвала в Зимнем Дворце переполох. Автор Адреса, впоследствии один из лидеров партии кадетов и депутат всех четырех Государственных Дум Ф.И. Родичев, живописно рассказал о том, какая мышьяная возня поднялась вокруг этого документа, а затем — вокруг церемонии вручения его государю.

Списки земских деятелей, которым дозволялось присутствовать на церемонии, многократно пересматривались дворцовой администрацией, сама церемония откладывалась. Съехавшиеся в Петербург земские представители судорожно совещались в своих гостиничных номерах, возражали против вычеркивания из списков отдельных имен, грозили коллективным бойкотом, после чего вычеркнутые имена восстанавливались. Наконец, в парадной зале, перед выстроившимися почтительным полукругом земцами, появился бледный, затравленный государь с фуражкой в руке. Заглядывая в припрятанный внутри фуражки листок (он так и не смог заучить коротенькую речь наизусть), он

---

<sup>1</sup> Родичев Ф.И. Из воспоминаний. В кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 39–40.

испуганно прокричал свой ответ на «голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель».

Ничего более безобразного перед лицом пришедших его приветствовать представителей земской России Николай сказать не мог, хотя вскоре получил восторженное одобрение из Берлина от своего родича кайзера Вильгельма:

«Мой рейхстаг держит себя из рук вон скверно, — писал кузен или кузену Никки, — колеблясь между социалистами, подстрекаемыми жидами, и ультрамонтанами-католиками; насколько я могу судить, скоро обе партии надо будет поголовно перевешать... Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты произнес перед депутациями в ответ на просьбы о реформах».

В самой России тоже не было недостатка в восторженных почитателях позорной речи — такова инерция страха и подобострастия. Многие представители земств, прямо из Зимнего дворца, гурьбой повалили в Казанский собор — отметить благодарственным молебном полученный плевков в лицо. Но лакейство не было всеобщим. Как вспоминал Ф.И. Родичев, предводитель харьковского дворянства князь П.Д. Святополк-Мирский в Казанский собор не пошел. А уже через день по рукам стало ходить неподписанное открытое письмо Николаю II. В нем говорилось о том, что царь нанес удар «по самым скромным надеждам» общества; что он отождествил самодержавие с чиновничеством и сословным режимом и тем самым вызвал на борьбу «живые общественные силы». «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать», — говорилось в письме<sup>1</sup>.

Автором самиздатского документа был молодой П.Б. Струве, будущий «легальный марксист», хотя до 1905 года он был нелегальным деятелем, а основанная им в Штутгарте независимая газета «Возрождение» следовала скорее традициям Герцена, нежели Маркса.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 42.

Струве оказался провидцем: всё царствование Николая II прошло в борьбе власти и общества.

Скандал вокруг «несбыточных мечтаний» едва перестал быть злобой дня, как разразилась куда более страшная драма — Ходынка.

На коронационные торжества в Москву съехались высокопоставленные гости со всего мира; помпезная коронация должна была продемонстрировать величие России и незыблемость самодержавных «начал». И вот эти единственные в каждом царствовании торжества ознаменовались горой растерзанных трупов. Верноподданные граждане, собравшиеся на Ходынском поле, чтобы получить копеечные государевы «гостинцы», при задаче их смяли полицию и передавили друг друга.

Однако страшнее самого несчастья стала реакция на него коронованного властителя.

«В три часа дня мы поехали на Ходынку, — вспоминал великий князь Сандро. — По дороге нас встречали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое „ура“ звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки [Московского генерал-губернатора] великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало Московского генерал-губернатора.

Мой брат, великий князь Николай Михайлович, ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образ французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

— Помни, Никки, — закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, — кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей<sup>1</sup> ос-

---

<sup>1</sup> Согласно проведенному позднее расследованию, в давке на Ходынском поле пострадало 2690 человек, 1389 из них умерло. Ужас перед случившимся был столь велик, что очевидцы невольно преувеличивали число жертв. О пяти тысячах погибших можно прочитать и у других очевидцев.

танется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую<sup>1</sup>.

Отложить назначенный на тот вечер бал у французского посла или хотя бы не являться на него — такова естественная реакция перед лицом неожиданного несчастья. Так и советовал поступить весь выводок Михайловичей, да и почти все, кто окружал царя в эти тяжелые часы и минуты. Предлагали пойти дальше: объявить национальный траур, на три дня приостановить церемонии. Но он — такой податливый, уступающий по любому поводу, чтобы только избежать ссоры или простого неудовольствия толпившихся у трона родичей, — на этот раз, поджав мелко подрагивающие губы, молчал и смотрел прямо перед собой остекленевшими упрямыми глазами. Очевидно, верх взял нажим со стороны главного виновника несчастья — великого князя Сергея. Его желание сделать вид, будто *ничего не произошло*, импонировало государю. «Вечером Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы сошли с ума».

А.Ф. Кони видел в появлении царя на балу один из примеров «отсутствия у него сердца»<sup>2</sup>. Это вряд ли справедливо. Был бы Николай беспечным гулякой, которому лишь бы повеселиться, покуражиться, поплясать, а там хоть потоп, — тогда куда ни шло. При его вялом флегматичном темпераменте его можно попрекать многим, но только не этим. Я не исключаю, что в душе он скорбел о невинных жертвах. Кроме того, он не мог не усматривать зловещего символа в том, что беда пришла в дни коронации. При его склонности к мистике он должен был видеть в ходынском несчастье предзнаменование будущих испытаний и бедствий. Если его смятение не бросалось в глаза, то не потому, что он не испытывал смятения. Прятать свое душевное состояние под маской почти дегенеративной заторможенности уже стало для него второй натурой. А то, что, явив-

---

<sup>1</sup> Вел. князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 306.

<sup>2</sup> Кони А.Ф. Указ. соч. С. 164.

шись на бал, он выставлял себя бесчеловечным монстром, — это он высокомерно игнорировал или вовсе не признавал. Он слишком твердо усвоил «начала» самодержавия: государь всегда прав, а если и нет, то ответ будет держать перед Богом; не смертным его судить.

При таких «началах» и при неустойчивом характере государства российское государство стало расплываться по швам. Первоначально этот процесс шел очень медленно, почти незаметно, как незаметно движение часовой стрелки на циферблате часов. Сильна еще была инерция стабильности, установившейся при его отце. Но со временем процесс распада убыстрялся, скоро его можно было уподобить ходу минутной стрелки, а затем и секундной. Одна из причин состояла в том, что «его величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолголюбивал и даже не переносил лиц <...> твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях»<sup>1</sup>.

Если государь все-таки терпел таких лиц, то по той же слабости характера да еще из пиетета к покойному отцу, частично переходившему на его сановников. Поэтому при поддержке Николая «недолголюбиваемому» Витте удалось провести денежную реформу и ввести в жизнь винную монополию. То и другое было начато при Александре III.

В эти же годы с большой энергией продолжалось прокладывание Транссибирской железнодорожной магистрали — то был один из самых грандиозных строительных проектов века.

Другим «обломком прошлого», которого Николай II, напротив, очень и очень «долголюбивал», был обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев.

Почти во всем расходясь с Витте, Победоносцев расходился с ним и в еврейском вопросе. Александр III однажды попрекнул министра финансов тем, что тот «стоит за евреев». Скорее всего, это было инспирировано Победоносцевым. Витте ответил государю, что если тот может утопить всех евреев в Черном море, то он, Витте, понимает такое решение вопроса. Если же не может, то надо дать им дышать, жить по-человечески. Самое неразумное и вредное — держать их *между* жизнью и смертью, ничего хорошего такая политика не принесет.

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 17.



Но Победоносцев стоял именно за такую политику. «Треть евреев вымрет, треть примет крещение [то есть ассимилируется и перестанет быть евреями], а треть — эмигрирует», — такова была формула *растянутого во времени* Холокоста, вычеканенная Победоносцевым. Она и проводилась в жизнь потом добрых сто лет.

«Ничего не менять!» — вот доминирующая установка Победоносцева. С таких позиций он подходил к любым проблемам, в том числе и к тому, что требовало немедленных перемен.

Набирая опыт «руководящей работы» и лучше узнавая Победоносцева, Александр III стал относиться к нему скептически. Царь видел, что его наставник может блестяще раскритиковать любую идею, но сам не способен предложить ничего конструктивного. Между тем, страной надо было *управлять*; Победоносцев был в этом плохой советчик, его влияние стало падать.

Но оно снова возросло при Николае II, на которого Победоносцев, по словам великого князя Сандро, воздействовал «в том направлении, чтобы приучить его бояться всех нововведений»<sup>1</sup>.

Между тем, борьба между властью и обществом набирала обороты. Отбиваться от общества, *ничего не меняя*, становилось все труднее. Не сознавая, что главная проблема — он сам, государь становился все более недоволен министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, на котором лежало обеспечение порядка и спокойствия во всей державе.

По свидетельству Витте, Горемыкин «был довольно либерального направления», но «под влиянием свыше, боясь себя скомпрометировать, начал вести довольно реакционную политику»<sup>2</sup>. Однако он был безынициативен, трусоват, действовал с оглядкой; и царь захотел посадить на его место сильного человека, так как «ему надоели пешки». Обратившись за рекомендацией к Победоносцеву, он услышал:

«— Есть два человека, которые принадлежат к школе вашего августейшего отца. Это Плеве и Сипягин. Никого другого я не знаю.

— На ком же из двух остановиться?

— Это безразлично. Оба одинаковы, ваше величество. Плеве — мерзавец, Сипягин — дурак.

---

<sup>1</sup> Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 309.

<sup>2</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 37.

Николай II нахмурился.

— Не понимаю вас, Константин Петрович, я не шучу.

— Я тоже, ваше величество. Я осознаю, что продление существования строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет. Задача эта может быть выполнена только людьми такого калибра, как Плеве и Сипягин»<sup>1</sup>.

Портфель министра внутренних дел достался «дураку». Два года спустя, будучи в гостях у Сипягина, Витте дружески заметил ему, что «он принимает чересчур резкие меры, которые по существу никакой пользы не приносят, а между тем возбуждают некоторые слои общества». Тот ответил, что иначе поступать не может: «наверху» (выше был только царь) даже эти меры считаются недостаточно строгими<sup>2</sup>.

2 апреля 1902 года Сипягин приехал на заседание Комитета министров. К нему подошел офицер в адъютантской форме и протянул пакет из Москвы — от великого князя Сергея Александровича. Сипягин взял пакет, но в этот момент курьер выхватил браунинг и выстрелил несколько раз в упор.

Схваченный на месте преступления террорист оказался бывшим студентом Балмашовым. Он был повешен. Сипягин скончался в больнице, не приходя в сознание. Он поплатился за «чересчур резкие меры», которые наверху считались чересчур мягкими.

«Дурака» Сипягина сменил «мерзавец» Плеве, вожделиво рвавшийся к высшему правительственному посту уже много лет. Его обошел Горемыкин, потом Сипягин, и теперь он был полон решимости доказать, что уж он-то наведет порядок! Он-то способен на такие меры, что земля содрогнется! Он-то сможет загнать обратно в бутылку вырвавшегося джинна крамолы!

Как и его предшественник, Плеве продержался на столь вожделенном посту всего два года. Бомба, брошенная в его карету эсеровским боевиком Евгением Созоновым, остановила его

---

<sup>1</sup> Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 309; Витте описывает этот разговор в сходных выражениях (только Плеве назван не *мерзавцем*, а *подлецом*), но относит его к более раннему времени, еще до назначения Горемыкина. (Витте С.Ю. Т.П. С. 34.) В контексте нашего повествования это различие несущественно.

<sup>2</sup> Витте С.Ю. Указ. соч., т. II. С. 191.

«энергичные» меры. Однако и за этот недолгий срок Плеве успел так похабно наследить в русской истории, что и через сто с лишним лет его имя звучит как синоним кровавых оргий и грязных провокаций. Добился же он только того, что крамола в стране продолжала нарастать с неудержимой быстротой. Не помогли карательные экспедиции против крестьян, репрессии против студентов, скулодробительные акции против рабочих, ссылка, каторга, даже смертная казнь, применявшиеся против активных революционеров<sup>1</sup>. Спровоцированный Плеве еврейский погром в Кишиневе не затормозил надвигающуюся революцию, а ускорил<sup>2</sup>. Не помог и следующий погром — в Гомеле, где, к тому же, погромщикам дала отпор еврейская самооборона. На суде, погром был представлен как банальная драка, причем погромщики и давшие им отпор евреи рассматривались равно виновными. Все попытки защитников внести ясность в существо событий пресекались судом. Протестуя против профанации правосудия, защитники подсудимых евреев демонстративно покинули судебное заседание.

Солженицын повествовал о Гомельском погроме в полном соответствии с позицией властей, а уход адвокатуры комментировал следующим образом: «Этот находчивый и революционный ход либеральной адвокатуры был вполне в духе декабря 1904 — взорвать само суждение!» (стр. 345).

Но адвокаты и раньше прибегали к такой крайней мере, к примеру, в Полтаве в 1902 году, когда судили крестьян, участвовавших в бунте и уже подвергнутых телесным наказаниям. Удостоверить это на суде было необходимо для спасения подсуди-

---

<sup>1</sup> Некоторые авторы любят подчеркивать, насколько мягко царский режим обошелся со своими противниками, отправляя их в ссылку, где жизнь «несчастных страдальцев за народное дело» походила на курорт, да и бежать из ссылки было легко. Проводится сопоставление с режимом ГУЛАГа. Конечно, царская карательная система была мягче советской, однако политические преступники, прибегавшие к насилию или подстрекательству к насилию, присуждались к долгой или бессрочной каторге и к смертной казни. К ссылке же приговаривали тех, кто был изобличен или только подозреваем в незначительных преступлениях. Широко практиковалась административная ссылка без следствия и суда. Когда Ленина, Троцкого, Сталина и многих других отправляли в ссылку, то именно потому, что они не были уличены в серьезных преступлениях.

<sup>2</sup> См.: С. Резник. Хаим-да-Марья. Кровавая карусель. Исторические романы. Спб., «Алетейя», 2006. С. 215–400.

мых от каторги, ибо закон запрещал дважды наказывать за одно и то же преступление. Однако, когда защитник кого-либо из обвиняемых пытался привести доказательства тому, что его клиент уже был наказан карателями, судья его обрывал, отказывал в вызове свидетелей, заявляя, что это не имеет отношения к делу. Лишенные возможности эффективно выполнять свой профессиональный долг, адвокаты, посоветовавшись (между прочим, в доме В.Г. Короленко), решили выразить протест совместным уходом из зала суда. Адвокаты не были революционерами, но сама власть толкнула их на революционный акт!

Таковы были успехи Плеве в борьбе с крамолой.

Когда Плеве исчерпал все свои полицейско-провокаторские ресурсы, то решил прибегнуть к последнему средству: «маленькой победоносной войне». По его понятиям, она должна была пробудить в народе патриотические чувства и сплотить его вокруг шаткого трона. Но «маленькая победоносная война» с первых же дней стала превращаться в крупнейшее и позорнейшее поражение. Это окончательно ввергло страну в анархию.

Отдавая должное «мерзавцу», мы не должны забывать, что власть ему принадлежала постольку, поскольку он выполнял волю своего государя, выдерживавшего за его спиной роль тихони.

## БЕЗОБРАЗОВЩИНА (ЭПОХА БЕЗОБРАЗОВА)

1904–1905

Тихоня навязал борьбу не только «живым общественным силам» страны. Не в меньшей мере он оказался склонен к внешним авантюрам. Остановить его мог только страх тяжелых последствий, а отнюдь не чувство чести или порядочности. Но оценивать меру риска он не умел — для этого у него не доставало стратегического мышления и политического чутья.

Беда чуть было не случилась уже в конце 1896 года, вскоре после Ходынки, когда посол России в Константинополе А.И. Нелидов явился с проектом захватить Босфор, воспользовавшись внутренней смутой в Турции. На собранном под председательством государя совещании против авантюры решительно высказался С.Ю. Витте. Он напомнил о Берлинском трактате, подписанном после Балканской войны, в конце царствования Алек-

сандра II. Россия тогда, ценой тяжелых жертв, одержала победу над Турцией и навязала ей выгодные для себя условия мира; но вмешались европейские державы и заставили отказаться почти от всех преимуществ, добытых кровью солдат. Витте говорил, что если России и удастся захватить Босфор, снова вмешаются европейские державы, и тогда придется уйти ни с чем, либо ввязаться в большую войну. Однако другие участники совещания, стараясь потрафить прямо не высказанному, но всем понятному желанию царя, поддержали Нелидова, и Николай объявил о своем самодержавном решении: спровоцировать конфликт и — брать Босфор!

То была напускная бравада. В душе Николай боялся ответственности за возможный провал и хотел переложить ее на других. Соответственно и «журнал» (то есть протокол) обсуждения босфорской авантюры был сфальсифицирован: решение подавалось в нем как единогласное. Получив этот журнал на подпись, Витте вернул его с письмом государю, в котором напоминал о своем несогласии с остальными участниками совещания. Он верноподданнически просил внести в журнал его особое мнение, так как он предвидит непоправимые бедствия, к каким приведет захват Босфора, и не хочет, чтобы потомки считали его причастным к этому решению. Демарш министра финансов заставил государя заколебаться, и Витте попытался дожать его, прибегнув к закулисной интриге (когда такие методы применялись другими, он их гневно осуждал). Он ввел в курс дела своего антипода К.П. Победоносцева и великого князя Владимира Александровича, объяснил им, какая каша может завариться. Оба имели большое влияние на Николая и сочли нужным его предостеречь. Кончилось тем, что царь дал отбой. Но сама легкость, с какой он склонился к аванюре, не предвещала ничего хорошего.

В Голландии, в Гааге, имеется единственное в своем роде учреждение — Международный дворец мира. Здесь же располагается Международный Суд ООН — в нем судят военных преступников. Здесь ведется научно-исследовательская работа по международному праву.

Вместе с тем, Дворец мира — это великолепный музей, в нем не иссякает поток посетителей. Обаятельные гиды расска-

зывают об удивительной истории этого учреждения. В строительство музея и в то, что ему придан современный облик, внесли свою лепту десятки стран мира, а также крупные частные фонды, в особенности фонд Эндрю Карнеги. А начало было положено в 1898 году на Международной Гаагской конференции, созванной по инициативе императора России Николая II. Его парадный портрет занимает в экспозиции почетное место, ибо это он выступил с великой идеей всеобщего разоружения и отказа от решения международных конфликтов военным путем.

Идеи, воплощенные в Дворце мира, до сих пор не стали определяющими в международных делах, но они живут второе столетие, набирают сторонников, и, может быть, когда-нибудь восторжествуют. То, что русский царь стоял у истоков этого гуманнейшего начинания, делает ему честь. Однако, когда узнаешь о генезисе его инициативы, то романтический ореол вокруг нее сильно тускнеет.

Началось с того, что разведка донесла о широкой программе обновления артиллерии в австрийской армии. Россия только что приступила к перевооружению пехоты, на что военному министерству были отпущены большие средства, а с артиллерией решили повременить: она была не хуже, чем у потенциальных противников. Австрийское начинание спутало расчеты. Военный министр А.Н. Куропаткин настолько растерялся, что обратился к министру иностранных дел Н.М. Муравьеву с предложением воздействовать на Австрию дипломатически: пусть повременит с модернизацией артиллерии, пока Россия не будет готова к тому же!

Витте, с которым снесся по этому вопросу Муравьев, высмеял генерала: уж лучше залезть в новые долги и ассигновать необходимые средства на артиллерию, чем демонстрировать свою несостоятельность. В ходе разговора Витте стал рассуждать о том, как много средств во всех странах тратится на вооружение, как это вредит экономике и каким благом для Европы и всего мира могло бы обернуться международное соглашение о том, чтобы положить этому предел. «Хотя мои мысли не представляли ничего особенно нового, — замечает Витте, — но для Муравьева при полной его некультурности в серьезном смысле этого слова многие из моих мыслей явились совершенно новыми»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 153.

Муравьев доложил обо всем государю. Так родилась инициатива о созыве международной мирной конференции: гуманное начинание Николая II было всего лишь военно-дипломатической хитростью!

«Тем не менее, — подытоживал Витте, — величайшая заслуга государя, что он возбудил этот вопрос, но, конечно, будет еще большая заслуга, если в дальнейшем царствовании своем он своими действиями покажет, что мирное предложение, им сделанное, представляет не только внешнюю форму, но содержит в себе и практическую реальность. К величайшему сожалению, надо признаться, что на практике пока мысль о мирном разрешении вопроса осталась в области разговоров, Россия сама делает пример совершенно обратный тому, что было предложено ее монархом, ибо несомненно, что вся Японская война и кровавые последствия, от этого происшедшие, не имели бы места, если бы мы не на словах, а на деле руководствовались мирными великими идеями»<sup>1</sup>.

Это было написано в 1912 году. Через два года, втравив Россию в совершенно не нужную ей мировую войну, Николай еще раз показал истинную цену своих мирных устремлений.

Авантюры Николая на Дальнем Востоке были серией безумств, спровоцировавших «маленькую победоносную войну», обернувшуюся большим кровавым позором.

«Кто виноват в этой войне? — спрашивал Витте и отвечал. — В сущности никто, ибо единственно кто виноват, это самодержавный и неограниченный император Николай II. Он же не может быть признан виновным, ибо он не только, как самодержавный помазанник Божий, ответственен лишь перед Всевышним, но, кроме того, с точки зрения новейших принципов уголовного права, он не может быть ответственен, как человек если не совсем, то, во всяком случае, в значительной степени неменяемый»<sup>2</sup>.

Круг событий, предшествовавших войне, показывает, насколько безнравственным был российский самодержец, считавший себя верующим христианином, но попиравший все Божьи и человеческие заповеди.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 155.

<sup>2</sup> Там же. С. 269.

Широко распространено убеждение, что мораль и политика — две вещи несовместные. Однако дальновидной и мудрой может быть только честная и гуманная, то есть нравственная, политика. Обманом, коварством, провокациями, жестокостью можно порой добиться сиюминутных выгод, но в дальней перспективе такая политика обречена на провал.

Для достижения химерических целей на Дальнем Востоке Николай и его правительство пустили в ход арсенал самых низких средств: ложные посулы, лицемерие, подкуп, нарушение договорных обязательств и — бесчисленные убийства своих и чужих... Самодержец всероссийский оставался верен себе в главном. Коронованный революционер постоянно строил интриги против своих собственных помощников, вступая в сговор с одними сатрапами за спиной других, а затем предавая первых под напором вторых.

Строительство Транссибирской магистрали побудило царское правительство всемерно улучшать отношения с Китаем, и пока эта политика проводилась честно, она приносила богатые плоды. Россия получила согласие на проведение части дороги по китайской территории, что значительно спрямляло, удешевляло и ускоряло постройку. Дорога, все сопутствующие сооружения и полоса отчуждения, охраняемая российскими войсками и пограничной стражей, оставались полностью под контролем России. Отношение китайских властей и населения к служащим Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и ее охране самое дружелюбное.

Позиции России на Дальнем Востоке в еще большей мере укрепили договоры, заключенные в Москве во время коронации 1896 года. По одному из них, Россия стала гарантом территориальной целостности Китая, еще теснее привязав к себе гиганта, на который с вождедением поглядывали колониальные державы. По другому договору, Япония отказалась от каких-либо притязаний в Корее. А по договору с Кореей, Россия направила в нее военных и финансовых советников и небольшой контингент войск. Практически вся финансовая и экономическая жизнь этой страны перешла под контроль России, причем, без какого-либо противодействия со стороны других держав.

Когда японские войска вторглась на Ляодунский полуостров, Россия добилась их ухода. Дружеское расположение ки-



тайских властей и всего населения к России возросли еще больше; и, хотя отношения с Японией ухудшились, она смирилась со своей неудачей.

И вдруг германский морской десант совершил высадку в китайском порту Циндао, причем оказалось, что Россия, несмотря на договорные обязательства по отношению к Китаю, потребовать их удаления не может, так как кузен Никки «неосторожно» дал кузену Вилли согласие на этот разбой. Более того, склонный к авантюрам министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев составил записку, в которой предлагал воспользоваться акцией кузена Вилли для собственного разбоя, а именно, для захвата Порт-Артура и бухты Даляньвань, куда незамедлительно была направлена российская эскадра.

Против новой авантюры опять возражал Витте, доказывая, что такое неслыханное коварство подымет против России дружественный Китай и разъярит Японию. Кроме того, удерживать Порт-Артур будет невозможно без проведения к нему железнодорожной ветки от Восточно-Китайской дороги, а для ее охраны придется оккупировать значительную часть Ляодунского полуострова, что еще больше ожесточит и Японию, и Китай, да и другие страны вряд ли останутся в стороне.

Доводы Витте, как и в случае с Босфором, произвели впечатление на Николая; он объявил, что муравьевский проект не утверждает. Но все уже знали, что решение царя редко бывает окончательным. Николая продолжали тянуть в разные стороны, и на этот раз верх взял Муравьев, придумавший новое основание для авантюры: вблизи Порт-Артура появились британские корабли; если «мы» прозеваем, то там высадутся англичане.

Британцы высадки не планировали, и это легко было выяснить по дипломатическим каналам. Но подзуживаемый Муравьевым, Николай предпочел не выяснять: слишком уж у него чесались руки. При этом ему хотелось верить, что он меняет решение самостоятельно — ввиду изменившихся обстоятельств.

Муравьев уверял китайские власти, что русские корабли прибыли к тихоокеанскому побережью, чтобы заставить уйти немцев: как только те уберутся, русские тоже уйдут. Китайцы верили. И вдруг посланник России в Пекине потребовал, чтобы

Китай передал ей «в аренду на 36 лет» Порт-Артур, бухту Далианвань и часть Ляодунского полуострова (Квантунскую область). Потрясенная коварством союзника, императрица-мать (регентша при малолетнем китайском императоре) отказалась выполнить это требование. Серьезной военной силы у нее не было, но послы Англии и Японии обещали поддержку — это придавало ей твердости. В воздухе запахло войной.

Стремясь предотвратить катастрофу, Витте обратился к германскому послу Родолину с просьбой передать от него лично кайзеру Вильгельму совет: уйти из Китая во избежание непоправимых бед и для Германии, и для России. Вильгельм велел передать Витте, что тот зря беспокоится: ему, видимо, неизвестны некоторые обстоятельства (то есть соглашение между Никки и Вилли, утаенное Николаем от собственных министров). Между тем, эта переписка была перехвачена министерством иностранных дел, дешифрована, и торжествующий Муравьев доложил о ней царю. Очередной доклад министра финансов был встречен с предельной холодностью. Завершая аудиенцию, царь предупредил его, что ему следует быть осторожнее в беседах с иностранными послами.

Витте вынужден был просить об отставке, мотивируя тем, что он, по-видимому, утратил доверие своего государя. Николай ответил, что вполне доверяет ему *как министру финансов* и просит остаться. Это означало, что, по крайней мере, частично царь ему доверять перестал, а, стало быть, отставка неминуема в ближайшее время.

В отчаянной попытке вернуть утерянные позиции, Витте решил доказать свою преданность не вполне обычным путем. Он дал указание представителю российского министерства финансов в Китае встретиться с наиболее влиятельным китайским сановником Ли Хун-Чжаном и его ближайшим сподвижником Чан Ин-Хуаном и от имени Витте (который хорошо знал обоих) настоятельно рекомендовать им убедить императрицу-мать, что она должна принять условия России. В случае успеха первому сановнику было обещано полмиллиона, а второму — четверть миллиона рублей.

Вскоре пришел положительный ответ, и когда Витте телеграммой сообщил об этом царю, тот в недоумении написал: «Не

понимаю, в чем дело?» А когда разъяснилось, как дешево досталась «аренда» лакомого куска территории Китая, Николай отметил: «Это так хорошо, что даже не верится»<sup>1</sup>.

Витте уверяет: то был единственный случай, когда он прибегнул к подкупу иностранных сановников. Если так, то случай вдвойне поучителен. Витте вернул себе фавор совсем ненадолго: отставка его все равно была неизбежна. Оба китайских сановника после этой сделки утратили всякое влияние; один из них окончил дни в тюрьме, где, видимо, был умерщвлен. А вечно колеблющегося Николая «блестящая» операция лишь поощрила на новые авантюры.

Захват Порт-Артура и Квантунской области прошли гладко, но отношение к России в Китае резко изменилось. Население из дружелюбного превратилось во враждебное. Началось так называемое боксерское восстание, которое принесло много материальных потерь и стоило немало жизней служащим КВЖД и ее охране. Но Петербург ликовал: появился повод для новых захватов.

Под предлогом умирения «боксеров» Россия ввела войска в Манчжурию, был разграблен Пекин, в том числе императорский дворец, спешно покинутый его обитателями. «Боксеров» умирили, но уходить из Китая не собирались. Генерал А.Н. Куропаткин, воинственный и недалекий, уверял, что Манчжурия так и останется российской провинцией.

Эти события до предела обострили отношения России с Японией, и на сторону последней стали почти все крупные державы: Великобритания, Соединенные Штаты, Франция, даже Германия, с которой всё и началось. Все настаивали на удалении российских войск из Манчжурии, а Япония потребовала за уступку Ляодунского полуострова вознаграждение в виде Кореи. Россия вынуждена была принять эти условия. Так гора родила мышь, да и та оказалась дохлой.

Но и на этом дальневосточные авантюры венценосного революционера не прекратились.

Вместо умершего в 1900 году графа Муравьева Министром иностранных дел был грамотный дипломат и уравновешенный политик граф В.Н. Ламсдорф. Но скоро выяснилось,

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 135–136.

что царь с его мнением не считается. Роль министра иностранных дел была сведена к *оформлению* чужих решений. Зато великий князь Сандро — человек неутомонный, авантюрного склада — охотно вмешивался во все и вся, включая внешнюю политику. Он отыскал «знатока» дальневосточных дел, отставного ротмистра А.М. Безобразова, ввел его в Зимний Дворец, и тот очаровал государя «хитроумным» проектом ползучего возвращения в Корею.

Коль скоро договор с Японией не позволял правительству России соваться в эту страну, то пусть в нее проникают частные фирмы! Такова была светлая мысль Безобразова. Пусть они заключают сделки, берут концессии на всяческие разработки в Корее, вгрызаются в ее природные богатства, прибирают к рукам ее экономику, а субсидировать их и действовать за их спиной будет государство! Эти детские хитрости и легли в основу дальневосточной политики империи. Николай не понимал, что надует не Японию, а самого себя.

Об опасности безобразовского курса неустанно говорил государю Витте, его осторожно поддерживал граф Ламсдорф, о том же Николаю писал князь В.П. Мещерский<sup>1</sup>, имевший на него немалое влияние, один из немногих, с кем государь был на «ты». Государь не спорил, но продолжал закулисные интриги с отставным ротмистром, который не занимал никакого официального поста и ни за что не отвечал. Мещерскому царь ответил в характерном для него стиле конспиратора: «6 мая [1903 года] увидят, какого мнения по этому предмету я держусь»<sup>2</sup>.

6-го мая тайное стало явным: Безобразову был пожалован пост статс-секретаря его величества. Когда его жена (из-за болезни она жила в Женеве, но приехала представляться при дворе) узнала, какую силу забрал ее благоверный, она не могла

---

<sup>1</sup> В.П.Мещерский издавал крайне реакционную и лакейскую газету «Гражданин», на которую ежегодно получал щедрую правительственную субсидию. Будучи гомосексуалистом, он постоянно находился в окружении «любимцев», о чьей судьбе проявлял неустанную заботу. Благодаря его связям и влиянию все они делали головокружительную карьеру на государевой службе, благодаря чему усиливалось влияние самого Мещерского.

<sup>2</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 227.

сдержат изумления: «Никак не могу понять, каким образом Саша может играть такую громадную роль, неужели не замечают и не знают, что он полупомешанный»<sup>1</sup>.

Полупомешанный стал поводьем полуневменяемого.

Япония не раз обращалась с предложениями урегулировать спорные вопросы и всю систему двухсторонних отношений, но Николай, демонстрируя свое пренебрежение к «макакам», высокомерно отвечал послу страны восходящего солнца: «Япония дождется того, что рассердит меня». Для вящего посябления «макашек» все дела с ними, как заведомо мелкие, были переданы начальнику Квантунской области, возведенному в ранг заместителя на Дальнем Востоке, адмиралу Е.И. Алексееву. Это само по себе было оскорбительно для суверенной державы, а при полной никчемности адмирала Алексеева прямо вело к конфликту.

Карьера Алексеева была одиозна даже по тем временам. Молодым морским офицером он попал в свиту великого князя Алексея Александровича и угождал ему особой услужливостью. Оказавшись в Марселе, великий князь с компанией русских моряков отправился «в веселое заведение с дамами», где подвыпивший член императорской фамилии так надебоширил, что в «заведение» явилась полиция. Запахло международным скандалом. А наутро в полицейский участок пожаловал молодой офицер Алексеев и дал показания, что это он бесчинствовал в публичном доме, а не великий князь Алексей; в протоколе-де оказалась ошибка из-за сходства имени одного и фамилии другого.

За подобные услуги великий князь и двигал вверх Алексеева. Не пройдя реальной выучки ни в сухопутных войсках, ни во флоте, ни в административном аппарате, он оказался во главе дальневосточной политики империи, а затем — воюющей армии.

Возможно, инстинкт самосохранения все-таки удержал бы Николая на краю пропасти, если бы вслед за Безобразовым его не стал в нее спихивать министр внутренних дел Плеве. Для борьбы с надвигающейся революцией ему требовалась «маленькая победоносная война». Последним препятствием оставалось

---

<sup>1</sup> Там же. С. 174.

сопротивление министра финансов. Витте был честолюбив и хотел удержаться у власти, но не любой ценой: ему было важно, какое место он займет в истории. Неминуемо приближался день, когда царь, с необычной любезностью выслушав его очередной доклад и, пряча глаза от смущения, произнес:

«Я вас хочу назначить на пост председателя комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить [управляющего государственным банком Э.Д.] Плеске». И — с лицемерным недоумением: «Разве вы недовольны этим назначением? Ведь это самое высокое место, какое только существует в империи»<sup>1</sup>.

«Высокое место» было почетной отставкой, так как главой правительства был царь, каждый министр отчитывался только перед ним и получал указания только от него. Когда обескураженный Витте удалился, Николай с облегчением перевел дух, сказав только одно слово: «Уф»<sup>2</sup>. Гора спала с плеч многострадального Иова: ведь он так не любил обижать людей! Но другого выхода у него не было, путь к катастрофе должен был быть расчищен!

Самым поразительным было то, что, провоцируя военный конфликт с Японией, венценосный конспиратор не считал нужным к нему готовиться. Война началась в январе 1904 года «неожиданным» нападением японских кораблей на русскую эскадру и осадой Порт-Артура. Николай заметил, что это для него как булавочный укол, хотя тысячи русских моряков уже кормили рыб на дне Тихого океана. Попытки Плеве инспирировать массовые патриотические шествия провалились. Война с самого начала была непопулярной, а по мере того, как приходили вести о поражениях, все более крупных и позорных, она становилась более и более ненавистной.

С развитием событий на Дальнем Востоке вал революционного движения пошел круто вверх. В июле 1904 года эсеровский боевик Егор Созонов достал-таки Плеве. Взрывом бомбы все сильного министра разнесло на куски. Сам террорист был тяжело ранен, контужен и тут же избит. Когда Созонов-отец выехал из родной Уфы в Петербург, чтобы как-то облегчить участь аре-

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 232.

<sup>2</sup> Там же. С. 269.

стованного сына, он боялся, что в поезде его узнают и — растерзают. Его узнали. И стали обнимать, откупоривать бутылки шампанского, произносить тосты в честь его сына. Созонов-отец был богатым лесопромышленником и ездил в первом классе, так что его попутчиками были добропорядочные и весьма состоятельные обыватели, отнюдь не революционеры. Ненависть к первому министру и олицетворяемому им режиму была всеобщей.

Убийство Плеве показало Николаю, как далеко завела его десятилетняя борьба против общества. Не на шутку перепугавшись, он назначает на главный пост в стране князя П.Д. Святополка-Мирского — человека иного склада и ориентации. Будучи Виленским губернатором, он проводил политику сотрудничества с общественными кругами и сумел в сложном, весьма пестром по религиозному, этническому и социальному составу крае заслужить высокую репутацию и пользовался всеобщим уважением.

Сделав его министром внутренних дел, царь показал, что «несбыточные мечтания» все-таки могут сбыться, и очень скоро. В первом же выступлении перед чинами министерства П.Д. Святополк-Мирский сказал: «Плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном и искренне доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы получим мы взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устроения государства»<sup>1</sup>.

Таких слов от власти в России не слышали, кажется, за всю ее тысячелетнюю историю!

В числе первых дел нового министра было — возвращение из ссылки земских деятелей, попавших в опалу при Плеве, и ослабление цензуры. Началась эпоха *гласности и перестройки*. Становилось похоже на то, что власть — в лице нового министра внутренних дел — *искренне* готова к сотрудничеству с общественными силами.

Но Николай, поддавшись этому настроению из страха, тотчас дал задний ход. Прямо и косвенно Мирскому стали ставить палки в колеса. Слово «выборы», появившееся в некоторых его

---

<sup>1</sup> Цит. по: Игнатъев А.В., Голиков А.Г. Комментарии. В кн.: Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 554.

документах, для Николая было крамольным. Напрасно Мирский внушал государю, что промедление смерти подобно, так как ситуация выходит из-под контроля. Николай давал обещания и тотчас от них отказывался. А общество, видя, что кулак власти стал разжиматься, усиливало нажим.

В декабре 1904 года Святополк-Мирский подготовил царский указ о разработке целого ряда реформ, где главным было положение о созыве «представительных учреждений». Но царь снова вычеркнул крамольный пункт, в значительной мере обесценив весь документ. Он не терпел «парламентрияднии адвокатов». Презрительный неологизм он соорудил из слов *парламент* и *Финляндия*. Особый статус Финляндии с ее сеймом и конституцией не давал царю покоя; он не раз пытался ограничить полномочия сейма, обломать непослушных депутатов, что приводило к острым эксцессам. Финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков, рьяно проводивший политику подавления свобод, гарантированных финляндской конституцией, вскоре будет убит террористом. Даже императрица-мать, Мария Федоровна, тщетно просила сына «не травить финляндцев». И вот теперь, «парламентрияднию» ему предлагали распространить на всю империю! Это никак не совмещалось с усвоенными им «началами».

Однако остальные пункты программы Мирского были утверждены. Конкретная разработка реформ поручалась канцелярии Комитета министров, что частично возвращало к активной деятельности Витте, в котором Мирский видел своего союзника. Томившийся бездельем Витте стал энергично создавать комиссии и особые совещания по подготовке решений в духе новых начинаний. В короткий срок были подготовлены проекты постановлений о водворении законности, о веротерпимости, об облегчении положения старообрядцев и сектантов, о свободе пользования украинским языком, в то время запретным. Возобновилась работа по земельной реформе, начатая им еще в 1903 году, по рабочему законодательству, по подготовке более либерального цензурного устава.

Напуганный государь большинство предложений утверждал без сопротивления. Но вскоре он «по обыкновению заколебался», ибо «пошли наушничанья из темных углов», и «сделав шаг вперед, он уже решил сделать шаг назад»<sup>1</sup>. А ведь речь

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 342.



шла об очень умеренных реформах, идущих навстречу не столько даже требованиям общества, сколько требованиям здравого смысла.

«То, что говорилось [в Комитете министров], почиталось бы между всеми конституционными фракциями, не говоря о тайных и явных революционерах, обскурантизмом», признавал тот же Витте<sup>1</sup>.

С Дальнего Востока приходили вести о новых тяжелых поражениях. Без толку и смысла гибли тысячи солдат. Под напором общественности царь назначил командующим военного министра А.Н. Куропаткина, тогда еще пользовавшегося престижем решительного вояки, но оставил на посту главнокомандующего адмирала Е.И. Алексеева. Перед отъездом в действующую армию Куропаткин пришел к Витте за советом: что ему делать по прибытии на место? Тот ответил, что первым делом следует арестовать адмирала Алексеева и отправить его под конвоем в Петербург, а царю послать телеграмму с просьбой либо казнить за самоуправство, либо дать возможность вести войну с несвязанными руками, ибо ничего не может быть опаснее на войне, чем двоевластие. Куропаткин это понимал, но совету последовать не мог. Не того калибра был человек.

Двоевластие в Дальневосточной армии отражало двоедущие мечущегося государя. Шарахаясь из стороны в сторону, он с неумолимой последовательностью принимал самые гибельные решения. Великий князь Сандро картинно живописует, как несколько раз убеждал Николая *не* посылать на Дальний Восток эскадру адмирала Э.П. Рожественского и как Николай «твердо» с ним соглашался, а затем столь же «твердо» менял свое решение. Произошло неминуемое:

«Наш флот был уничтожен в Цусимском проливе, адмирал Рожественский взят в плен. Если бы я был на месте Никки, я бы немедленно отрекся от престола. В Цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя (будто в чем-то другом самодержиц мог винить других, но не себя! — *С.Р.*). Он должен был бы признаться, что у него недоставало решимости отдать себе отчет во всех последствиях этого самого позорного в истории России поражения. Государь ничего не сказал, по своему обыкновению. Только смертельно побледнел и закурил папиросу»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 341.

Положение на внутренних фронтах складывалось еще опаснее, чем на дальневосточном. Здесь тоже царило двое- и многовластие. Даже самые крутые приверженцы самодержавия не строили иллюзий относительно того, на ком лежит основная вина за переживаемые бедствия. Один из наиболее образованных и умных «монархистов» Б.В. Никольский<sup>1</sup>, представлявшийся государю в апреле 1905 года, записал в дневнике:

«Нервность его ужасна. Он, при всем самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста. Когда его лицо не движется, то оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся. Веки все время едва уловимо вздрагивают. Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие. Когда говорит, то выбирает расплывчатые, неточные слова, и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая... Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет»<sup>2</sup>.

Никольский считал, что «не быть ему [самодержавию] нельзя... Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию — одно и то же»<sup>3</sup>. Но, по мере ухудшения ситуации, записи в его дневнике становились все более жесткими, даже заговорщическими. Вот пассаж от 15 апреля: «Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен! Он — прости меня Боже, — полное ничтожество. Если так, то нескоро искупится его царствование. О, Господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность была так безнадежна?.. Я мало верю в близкое будущее. *Одного* покушения [на царя] теперь мало, чтобы очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское. [В Сербии в 1903 году группой офицеров был совершен

---

<sup>1</sup> Борис Владимирович Никольский был профессором Римского права, преподавал в Юрьевском и Петербургском университетах и в элитарном училище Правоведения. Был активным участником и идеологом монархического «Русского собрания», из которого затем вырос «Союз русского народа». После раскола «Союза» в 1908 году Никольский примкнул к группе Дубровина, хотя в дневнике характеризовал его «противным, грубым животным». Принимал активное, хотя и не афишировавшееся, участие в выработке стратегии черносотенцев в связи с делом Бейлиса.

<sup>2</sup> Дневник Бориса Никольского. «Красный архив». 1934. Т. 2 (63). С. 72.

<sup>3</sup> Там же. С. 73.

государственный переворот; король и королева были убиты.] Конечно, мне первому погибать. Но мне жизни не жаль — мне России жаль»<sup>1</sup>.

26 апреля: «Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся царь с его ничтожным, мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что творит, губит Россию. Не будь я монархистом — о, Господи! Но отчаяться в человеке для меня не значит отчаяться в принципе»<sup>2</sup>.

19 мая: «В какое ужасное время мы живем! Чудовищные события в Тихом океане превосходят все вероятия. Что дальше будет, жутко и подумать...Конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии. На чудо рассчитывать нечего... Но, конечно, если бы я верил в чудеса и в возможность вразумить глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека, то я предложил бы пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целостность и наше отечество. Повесить, например, Алексея и Владимира Александровичей, Ламсдорфа и Витте, запретить по закону великим князьям когда бы то ни было занимать ответственные посты, расстричь Антония<sup>3</sup>, разогнать всю эту шайку и пламенным манифестом воззвать к народу, заключив мир до боя на сухом пути. Тогда еще все могло бы быть спасено. Но это значит: распорядись, чтобы сейчас стала зима. Замени человека другим человеком... Я не Бог, чтобы из бабы делать мужчину, из Николая — Петра... Агония может еще продлиться, но что пользы?.. Династия — вот единственная жертва. Но где взять новую? Ведь придворный переворот безнадежен, ибо при нем — долой закон о престолонаследии, а тогда полная смута. Словом, конец, конец!.. Еще если бы можно было надеяться на его самоубийство — это было бы все-таки шансом. Но где ему!..»<sup>4</sup>

Вот когда, оказывается, — не у эсеровских боевиков, а у самых крайних «патриотов» и адептов самодержавия — возникла

---

<sup>1</sup> Там же. С. 80.

<sup>2</sup> Там же. С. 80–81.

<sup>3</sup> Митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Александр Васильевич Вадковский) выступал за меньшую зависимость церкви от светской власти. Предложенную им реформу торпедировал обер-прокурор синода К.П. Победоносцев. Как видим, предложения Антония были не по нутру и идеологам черной сотни, охотно выступавшим под флагом православия.

<sup>4</sup> Дневник Бориса Никольского. С. 83.

мысль о необходимости устранить Николая! Впрочем, есть свидетельство, на мой взгляд, сомнительное, что еще раньше, в 1903 году, Витте обратился к главе департамента полиции А.А. Лопухину с конкретным предложением:

«У директора Департамента полиции ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и царя, — так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату (тогда еще сына у Николая II не было), у которого я, С.Ю. Витте, пользуясь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе»<sup>1</sup>.

Витте не был близок с Лопухиным, не доверял ему как сотруднику Плеве и вряд ли решился бы на такую откровенность. В крайнем случае, мог сделать намек, которому Лопухин впоследствии дал свое толкование. Но мысль о том, что гибель государя могла бы стать спасением для страны и монархии, наверняка посещала Витте!

Однако ни в убийстве, ни в самоубийстве царя необходимости не было. Вполне достаточно было отречения от престола. Какую огромную услугу он этим оказал бы любимому отечеству! Но для принятия хотя бы такого решения нужно было быть личностью: а не «тварью дрожащей». Так что — «где ему!»

Но законно было бы спросить того же Никольского, где был он и подобные ему «патриоты»? Видя единственное спасение России в устранении Николая, они отваживались только на кукиш в кармане.

Что до террористов из революционного лагеря, то смелости им было не занимать, но настоящей злости к царю у них не было. Слишком он был мелок, ординарен, неприметен, походил на тень самодержавного деспота. Своей податливостью, мягкостью, умело разыгрываемой ролью тихони, он прятался за спину «сильных личностей» типа Плеве, а позднее — Столыпина, одновременно ревнуя к их репутации и подставляя их под пули и бомбы террористов вместо себя. Центральный Комитет партии социалистов-революционеров даже принял особое решение, запретившее Боевой Организации покушаться на царя. Запрет был снят только на излете деятельности Боевой Организации,

---

<sup>1</sup> Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.—Пг., 1926. С. 73.

когда она, благодаря двойной игре ее главаря Евно Азефа, была под надежным колпаком у тайной полиции. Коронованный революционер оказался куда более ловким конспиратором, чем все Азефы и Савинковы, вместе взятые.

Витте назвал внутреннюю политику тех судьбоносных месяцев 1904–1905 года «реакционными шатаниями» с «искрами напускного либерализма»; они «не только не успокаивали смуту, а производили совершенно обратное действие»<sup>1</sup>.

Одной из «искр либерализма» стало удаление в отставку московского генерал-губернатора Сергея Александровича, давно ставшего символом всего самого жестокого и реакционного в реакционном режиме, хотя сам великий князь был игрушкой в руках обер-полицеймейстера Москвы, к тому времени уже генерала, Д.Ф. Трепова.

Трепов «принципиально» ушел в отставку вслед за своим патроном, громогласно заявив, что он «не согласен» с политикой министра внутренних дел Святополка-Мирского и намерен отправиться в действующую армию. В сущности, это был открытый выпад против государя, который Святополка поставил. Но выпад «справа» царя не оскорбляли, он не чувствовал себя уязвленным ими; напротив, к тем, кто это себе позволял, он тотчас проникался особой симпатией. Когда бравый конногвардеец, перед тем, как отправиться на фронт, приехал в Петербург, министр двора граф В.Б. Фредерикс — тоже бывший конногвардеец, по традиции протезировавший «своим», — представил его государю. Тот не только принял фрондера, но с первого взгляда, как гимназистка, «влюбился» в бравого генерала с выпяченной грудью и страшными глазами. Трепов тотчас был назначен Петербургским генерал-губернатором. О его отъезде в действующую армию вопрос уже не стоял. Вслед за тем, Трепов был назначен заместителем министра внутренних дел и командующим Петербургским гарнизоном. Заняв три ключевых поста и заручившись исключительным доверием государя, он фактически стал главой исполнительной власти с почти диктаторскими полномочиями.

Между тем, анархия, разгулявшаяся в стране, проникла в само государственное управление. На всех уровнях власти царили неразбериха, растерянность, боязнь бездействия и еще больший страх действовать.

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 351–352.

То, что на воскресенье 9 января 1905 года назначено массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу — для подачи петиции с изложением их нужд, ни для кого не было секретом. То, что манифестация будет мирной, под руководством священника Григория Гапона, вскормленного в Департаменте полиции «самим» Зубатовым, тоже было известно. Копию петиции рабочих Гапон заблаговременно передал властям — в ней не было ничего крамольного. Петербургский градоначальник генерал И.А. Фуллон лично знал Гапона и полагался на него. Казалось бы, к такой демонстрации следовало отнестись благосклонно.

Однако, когда намеченный день придвинулся и стало ясно, что демонстрация примет небывалый размах, власти охватила паника. Пример подал сам государь: заблаговременно убрался в Гатчину. 8 января вечером Святополк-Мирский собрал совещание. На нем был принят план градоначальника Фуллона и генерал-губернатора Трепова — самое нелепое из всех возможных решений: не препятствовать демонстрантам при прохождении по улицам города, но на Дворцовую площадь не допускать, загородив подходы к ней полицейскими кордонами; а в случае отказа разойтись, пустить в ход оружие. Если бы намеренно хотели устроить кровавую баню, то нельзя было избрести лучшую ловушку.

Пока шло заседание у Мирского, к Витте, видимо, как к наиболее здравомыслящему представителю власти, пришла депутация от редакции «Наших дней» (включавшая Максима Горького). Делегация просила принять срочные меры для недопущения кровопролития. Обер-министр без портфеля, уязвленный тем, что даже не приглашен на совещание к Мирскому<sup>1</sup>, ответил, что он ни во что не посвящен, помочь не может. Все же он позвонил Мирскому и попросил выслушать депутацию; тот ответил, что принять ее не может.

На следующий день страна содрогнулась от кровавой расправы, в которой неизвестно, чего было больше — трусости,

---

<sup>1</sup> Приглашению Витте воспротивились некоторые министры, в особенности В.Н. Коковцов, который имел с ним счеты и потом сводил их до конца жизни, в том числе в своих двухтомных воспоминаниях. О совещании у Мирского вечером 8 января он пишет в таких выражениях, будто оно не имело никакого значения, а сам он в нем хотя и участвовал, но к принятию решения никакого отношения не имел. (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Книга 1. М.: Наука, 1992. С. 62.)

подлости или бездушия. Либеральная печать, вчера еще благоволившая к Святополку-Мирскому, обвиняла его в «слабости» и в этом сошлась с дворцовой камарильей. Недолгая эпоха «доверия к обществу» кончилась. «Слабый» Мирский был отставлен, зато позиции «сильного» Трепова — главного виновника Кровавого Воскресенья — укрепились.

Министром внутренних дел царь назначил добродушного А.Г. Булыгина. Он много лет состоял вторым человеком в Москве после генерал-губернатора Сергея Александровича, но не имел никакого влияния, так как все держал в своих руках Д.Ф. Трепов. Теперь Трепов стал заместителем («товарищем») Булыгина. Двоевластие продолжалось!

Генерал Трепов представлял собой ухудшенное издание Плеве. Он был столь же «решителен», но необразован, глуп и обладал склонностью влипнуть в нелепые ситуации, вроде команды «смотри веселей», отданной на похоронах Александра III.

*Кровавое Воскресенье* стало детонатором новой волны беспорядков, перекинувшихся теперь даже в армию и во флот. В феврале в Москве был убит великий князь Сергей Александрович. Акция эсера Ивана Каляева была тем более бессмысленной, что великий князь уже был в отставке. Но общественный резонанс от нее был еще больший, чем от недавнего убийства Плеве: ведь жертвой стал виднейший член царствующего дома.

Николай в высшей степени странно отреагировал на гибель августейшего дяди и свояка<sup>1</sup>. Через два часа после получения страшного известия иностранные послы стали свидетелями изумившей их сцены: государь и великий князь Сандро сидели на узком диване и изо всех сил спихивали с него друг друга; и оба заливались хохотом...

Говорило ли это о чудовищной бессердечии Николая, в чем его упрекал А.Ф. Кони, или он пребывал в шоковом состоянии, когда атрофируются все чувства, или это был истерический хохот непреодолимого страха? Кто может это знать!..

Если осенью 1904 года царь отверг предложение Святополка-Мирского пополнить государственный совет выборными представителями земств, а в декабре — вычеркнул из его про-

---

<sup>1</sup> Сергей Александрович был женат на сестре царицы Александры Федоровны — великой княгине Елизавете Федоровне.

граммы пункт о представительных учреждениях, то летом 1905 года уже спешно обсуждался законопроект о Булыгинской Думе — по имени автора проекта, нового министра внутренних дел. Дума намечалась не как законодательный, а только как законосовещательный орган, но — *избираемый!*

6 августа 1905 года царь издал манифест о «даровании» представительных учреждений. Он вынужден был пойти на такую уступку, ибо земля — в буквальном смысле — горела под ногами российского самодержавия.

«Вся Россия была в огне, — живописал Великий князь Сандро. — В течение всего лета [1905 года] громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что темный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства, и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Рабочие бастовали. В черноморском флоте произошел мятеж, чуть не принявший широкие размеры»<sup>1</sup>.

Однако, речь шла не о всенародном представительстве: рабочие, студенты, солдаты, бедный городской люд, как и женщины, не получали никаких избирательных прав. Остальное население было разбито на курии, в которых выборы должны были проводиться многоступенчато, в каждой — по своей норме. Преимущество получали дворяне и верхний слой буржуазии, а следом шло крестьянство. Вопреки тому, что происходило в стране, Николай упрямо продолжал верить, что крестьяне консервативны и стоят за неограниченного царя-батюшку. Он полагался на крестьян даже больше, чем на дворян: среди них было много «умников», то есть интеллигентов, выступавших с теми или иными «мечтаниями» об ограничении царской власти.

Как бы то ни было, а стране было обещано нечто вроде парламента! Пусть без права принимать законы, но все-таки с правом их обсуждать, выражать свое независимое мнение! Это было нешуточное завоевание либерально-демократического общества. Но оно не верило царскому слову. Столько раз давались обещания и столько раз не выполнялись! Что может помешать царю опять отступить? Тем более, что Дума была связана с именем Булыгина, а правил бал Трепов.

За спиной Булыгина творились акции, о которых он сам узнавал из газет, а когда к нему обращались за разъяснениями, так

---

<sup>1</sup> Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 341.



и отвечал: ничего не знаю, не посвящен! Он просился в отставку, но государь его не отпускал: треповский срам нуждался в прикрытии фиговым листком. Дошло до того, что «вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждению», как назовет Трепова князь Д.С. Урусов, тайно, при помощи ротмистра Комиссарова, организовал в типографии Департамента полиции нелегальную публикацию антисемитских прокламаций погромного содержания. Конспирация в квадрате! Когда позднее, благодаря А.А. Лопухину, Витте разоблачил эту затею и доложил о ней государю, то, по реакции венценосного конспиратора, понял, что тот был в курсе этой преступной акции, и, стало быть, она проводилась с его высочайшего одобрения.

Остается добавить, что рвение ротмистра Комиссарова было оценено по достоинству. Вместо того, чтобы за преступные действия, отягощенные злоупотреблением служебным положением, пойти под суд и на каторгу, он был «прощен» государем «за прошлые заслуги», успешно продолжал свою карьеру и в 1917 год встретил в чине жандармского генерала!

Вот когда тот же Лопухин разоблачил двойную игру своего бывшего агента Азефа, «прошлые заслуги» бывшего начальника Департамента полиции в зачет не пошли: он был предан суду и сослан в Сибирь!

Отправляясь на театр военных действий, генерал А.Н. Куропаткин подготовил стратегический план — вполне грамотный и здравый. Поскольку основная часть армии еще не прибыла на Дальний Восток, Куропаткин намеревался избегать крупных сражений. Ведя планомерное отступление и сдерживая продвижение противника, он хотел дождаться прибытия и развертывания основной части войск, а затем перейти в контрнаступление. Однако на месте Куропаткин стал подгонять свою «кутузовскую» тактику под шапкозакидательство главнокомандующего Алексеева. Одно позорное поражение следовало за другим. Дважды уничтожив российский флот и овладев океаном, японцы добились подавляющего превосходства и на суше. Многократно разбитые русские войска к лету 1905 года были обескровлены и деморализованы. Но и японцы к этому времени выдохлись.

На фронтах наступило затишье. Президент США Теодор Рузвельт выступил с мирной инициативой, за что российские

власти, конечно же, ухватились. Граф Ламсдорф предложил государю отправить на переговоры Витте. Царь не мог не понимать, что это наилучший выбор. Но соображения мелочного самолюбия, как всегда, брали верх над государственными интересами. С каким лицом он должен был просить Витте ехать за океан расхлебывать кашу, которую тот так упорно просил его не заваривать, за что и попал в опалу! Говоря витиеватым слогом самого Витте, «его величеству были отлично известны мои убеждения и мои старания предотвратить от России и ее монарха великие бедствия и что мои старания не увенчались успехом потому, что его величеству не угодно было в этом вопросе оказать мне доверие»<sup>1</sup>.

Царь решил возложить миссию на посла в Париже Нелидова — того самого, который когда-то чуть было не втравил его в босфорскую авантюру, но доверия не утратил. Однако Нелидов, сославшись на преклонный возраст и болезни, от многотрудного задания уклонился. Тогда царь обратился к посланнику в Дании Извольскому, но тот ответил, что такое дело ему не по плечу; единственный человек, способный его вытянуть, — Витте. Следующим кандидатом стал посол в Италии Н.В. Муравьев (бывший министр юстиции).

Муравьев явился в Петербург, но, узнав, что на расходы главы делегации ассигнуется 15 тысяч рублей, а не 100 тысяч, как он рассчитывал, он на аудиенции у государя расплакался и, сославшись на болезни, стал просить уволить от столь тяжелой миссии.

Пришлось-таки самодержцу всероссийскому прищемить собственный хвост и пойти на поклон к опальному председателю комитета министров!

Витте отправился за океан и добился такого соглашения, что весь мир ахнул. Таковую дипломатическую победу после позорного военного поражения, кажется, никто еще никогда не одерживал! Получив телеграмму о благополучном исходе переговоров, государь, по своему скудоумию и бедности воображения, не понял, что же произошло в далеком Портсмуте. И только когда на него обрушился шквал поздравлений со всего света, он осознал масштаб случившегося.

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 375.

По возвращении Витте в Петербург Николай сердечно благодарил его за то, что он *не только по букве, но и по духу* выполнил все инструкции, и возвел его в графское достоинство. А через год, когда черносотенная пресса поносить вторично опального графа Витте, ставя ему в вину и Портсмутский мир, заключенный в угоду «жидам и масонам», газета «Новое время» привела слова государя: «Тогда все, кроме меня, были за то, чтобы заключить мир».

Говорил это царь или нет, неизвестно, но, как замечает Витте, «конечно, Суворин бы этого не печатал, если бы он не знал, что сие будет встречено свыше одобрительно»<sup>1</sup>.

Пока Витте вытаскивал Николая из кровавой дальневосточной трясины, в которую тот себя загнал с помощью кузена Вилли (Вильгельма II), Безобразова и Плеве, венценосный конспиратор ухитрился попасть в новую ловушку, расставленную тем же неугомонным кузеном. Летом 1905 года состоялась встреча двух императоров на борту государевой яхты «Полярная Звезда», в Балтийском море, у острова Бьёркё, недалеко от Выборга. Официально она была объявлена частным свиданием родственников, не имеющим никакого отношения к политике. На самом деле два августейших кузена приятно совместили с полезным. Кузен Вилли, преследуя именно политические цели, выцарапал у кузена Никки ни больше ни меньше, как договор о военном союзе на случай войны с какой-либо третьей страной. Оговаривалось, что договор войдет в силу *после* ратификации мирного договора России с Японией. То есть, в случае провала переговоров в Портсмуте, которые вел Витте, и возобновления военных действий на Дальнем Востоке Россия на помощь Германии рассчитывать не могла. А вот если бы Германия ввязалась в войну с какой-либо страной, а как раз обострился ее конфликт с Францией из-за притязаний обеих стран на Марокко, то Россия обязалась выступить на стороне Германии!

Кузен Никки сделал приятное кузену Вилли, ни с кем не проконсультировавшись и даже *скрыв* подписанный им договор от министра иностранных дел и всех остальных министров. Лишь три месяца спустя граф Ламсдорф смог ознакомиться

---

<sup>1</sup> Там же. С. 452. А.С. Суворин — владелец и главный редактор газеты «Новое время».

с текстом соглашения и пришел в ужас. Россия состояла в военном союзе с Францией, по которому страны обязывались защищать друг друга. А теперь получалось, что в случае военного столкновения между Францией и Германией Россия по одному договору должна выступить на стороне Франции, а по другому — на стороне Германии!

Несовместимость этих двух договоров очевидна, не понимать этого мог только умственно отсталый человек. Может быть, прав был В.И. Гурко, полагавший, что «начала» самодержавия Николай понимал в том смысле, что поскольку он отвечает только перед Богом, то может поступать так, «как Бог на душу положит»!

Ламсдорф, благодаря поддержке Витте и великого князя Николая Николаевича, настоял на внесении «поправки», которая фактически аннулировала Бьёркское соглашение. Но это привело к ненужному осложнению отношений с Германией. Союз ведущих держав континентальной Европы — Франции, Германии и России, к чему стремились наиболее прозорливые политические деятели всех трех стран, оказался невозможным. Так конспиративными действиями кузен Никки еще раз объегорил самого себя. Европа осталась разделенной, что, в конечном счете, ввергло ее в мировую войну и привело к гибели императорской России и императорской Германии.

Двоедушие царя проявлялось буквально во всем, а самым губительным образом — в том двоевластии, которое продолжало расшатывать устои государства. В один и тот же день публиковался манифест, подтверждающий незыблемость самодержавия, и рескрипт, поручающий Булыгину разработать проект о представительных учреждениях. Мало того, что Булыгин и Трепов тянули в разные стороны, смута проникла в душу самого «железного» Трепова. Тараща вахмистрские глаза и выпячивая грудь погромщика, затянутую в генеральский мундир, бравый конногвардеец праздновал труса.

«Ему, как всякому невежде, все сначала казалось очень просто: бунтуют — бей их; рассуждают, вольнодумствуют — значит, надо приструнить... Никакой сложности явлений нет, все это выдумки интеллигентов, жидов и франкмасонов», — издевался Витте<sup>1</sup>. Но когда *простота, что хуже воровства* стала давать

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 334.

осечки, Трепов «сделался политическим вахмистром-Гамлетом» и стал шараяться из одной крайности в другую. Он стоял за *начала* неограниченного самодержавия, а в проект Булыгинской Думы предлагал внести такие положения, что даже крайние либералы считали их слишком левыми. Он требовал выгнать из университетов всех профессоров и студентов, как главных носителей крамолы, а потом настаивал (и настоял!) на предоставлении вузам самой широкой автономии. Он был автором знаменитого приказа «холостых залпов не давать, патронов не жалеть» и тут же высказывался за широкую политическую амнистию...

В сентябре 1905 года, когда Витте, заключив мир, с триумфом вернулся в Петербург, страна была залита огненной лавой бунтов, забастовок, многотысячных митингов и демонстраций, тюремных голодовок, отстрела губернаторов, жандармов и других наиболее ретивых представителей власти, а заодно, конечно, гибли посторонние, ни в чем не повинные люди. Мир с Японией пришел слишком поздно и лишь подлил масла в огонь. Резервисты, мобилизованные на время войны, рвались разъехаться по домам, а вывезти их с Дальнего Востока было невозможно, так как всеобщая забастовка парализовала железные дороги, в том числе и Транссибирскую магистраль. Да и опасно уже стало возвращать столь беспокойную массу понюхавших пороху и ничего не боявшихся людей, не лояльных правительству. Власти стремились поскорее вернуть именно регулярные войска, дабы бросить их на усмирение волнений, но из-за этого волнения резервистов передались регулярным частям, и теперь уже становилось безопаснее держать тех и других подальше, так как на них нельзя было положиться.

В правительственных сферах царила растерянность, все в один голос говорили о необходимости срочных уступок. Даже «супер-патриотические» газеты стали требовать конституции. В «Новом времени» об этом писали такие твердые «монархисты», как Меньшиков и Никольский, в «Гражданине» — князь Мещерский.

6 октября председатель полубездействующего Комитета министров (по возвращении из Портсмута Витте вернулся на прежний пост) запросил аудиенцию у государя, дабы «изложить соображения о современном крайне тревожном положении». Он понял, что настает его время. 9 октября Витте был вызван в Пе-

тергоф, где «имел счастье явиться к его величеству» с всеподданнейшей запиской. В ней излагалось два возможных выхода из положения — либо назначить полновластного диктатора и «с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях», либо стать на путь конституционных преобразований. 10 октября Витте снова был вызван к императору. На этот раз при разговоре присутствовала императрица Александра Федоровна. Он детально повторил свои соображения в ее присутствии.

После долгих обсуждений с разными лицами, после составления нескольких проектов манифеста, после настоятельных рекомендаций Витте вообще никакого манифеста не издавать, а утвердить и обнародовать его всеподданнейший доклад, было все-таки решено сопроводить доклад Манифестом, «дабы все исходило лично от государя»<sup>1</sup>.

Ведя переговоры с Витте, венценосный конспиратор оставался верен себе: по секрету он поручил редактирование манифеста И.Л. Горемыкину и барону А.А. Будбергу.

«Если бы в это решающее на много лет судьбы России время вели дело честно, благородно, по-царски, то многие происшедшие недоразумения были бы избегнуты. При всей противоположности моих взглядов с взглядами Горемыкина и тенденциями балтийского канцеляриста барона Будберга, если бы они были призваны открыто со мною обсуждать дело, то общее чувство ответственности, несомненно, привело бы нас к более или менее уравновешенному решению, но при игре в прятки, конечно, события шли толчками, и документы составлялись наскоро, без надлежащего хладнокровия и неторопливости, требуемых важностью предмета»<sup>2</sup>.

Увы, Николай думал не о важности предмета, да и вряд ли понимал значение того, что происходит. Он думал только о том, как бы ни продешевить, как бы ни уступить слишком многого, сверх абсолютно необходимого минимума! Да, может быть, и минимума не потребуется, авось все еще как-нибудь обойдется!..

Ознакомившись, наконец, с горемыкинским вариантом Манифеста, который поздно ночью привез ему граф Фредерикс,

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. III. С. 34.

<sup>2</sup> Там же. С. 38.

Витте, взвинченный до предела, сказал, что вполне с ним согласен, но при условии, что выполнять правительственную программу будет поручено ее автору. Он предложил свою программу и берется ее проводить в жизнь, но не чужую.

Вскоре после возвращения графа Фредерикса в Петергоф туда прибыл великий князь Николай Николаевич, имевший репутацию «сильного» человека и военного стратега. Фредерикс сказал ему, что для спасения самодержавия надо установить диктатуру и он, великий князь, должен стать диктатором. В ответ на это страшно возбужденный Николай Николаевич выхватил револьвер и сказал, что сейчас пойдет к государю и либо заставит его принять программу Витте, либо застрелится на его глазах. Взять на себя роль диктатора Николай Николаевич боялся, да и опереться диктатуре было не на что.

Свершилось! Конспирировавший против самого себя и своей собственной власти государь император Николай II «добился» того, чему так упрямо противился. 17 октября 1905 года был обнародован Манифест о «даровании» народу России конституции, хотя в Манифесте она называлась «основными законами», парламента, названного народным представительством, основных гражданских свобод. То есть царь отказался от тех «начал» самодержавия, которые он так упорно подрывал все одиннадцать лет с момента восшествия на престол.

Так кончилась первая половина царствования Николая II.

Итог этой половине царствования подвел один из ведущих поэтов эпохи Константина Бальмонта:

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,  
Наш царь — кровавое пятно,  
Зловонье пороха и дыма,  
В котором разуму — темно...  
Наш царь — убожество слепое,  
Тюрьма и кнут, под суд, расстрел,  
Царь-висельник, тем низкий вдвое,  
Что обещал, но дать не смел.  
Он трус, он чувствует с запинкой,  
Но будет, час расплаты ждёт.  
Кто начал царствовать — Ходынккой,  
Тот кончит — встав на эшафот.

Заключительные строки оказались пророческими...

## ЭПОХА ВИТТЕ

1905–1906

«Уступки следует делать заблаговременно и в позиции силы, а не в условиях слабости», — писал А.И. Солженицын по поводу издания манифеста 17 октября (т. I, стр. 368).

Что и говорить, справедливое замечание. Но если бы такой совет был дан самому Николаю II (и давали не раз!), он бы его просто не понял. Достаточно вспомнить его реакцию на «бессмысленные мечтания» тверского дворянства, чтобы убедиться, что ни единой крохой абсолютной власти *в позиции силы* он бы не поступился. И не потому, что он так сильно ею дорожил — мы знаем, что власть для него была тяжелой обузой, — а потому, что таково было его понятие долга, которое в нем усиленно культивировали те, кто его окружал. При желании в этом можно видеть смягчающие обстоятельства, но ведь только он сам определял, кому быть, а кому не быть «особами, приближенными к императору». Даже с минимальными ограничениями, установленными для себя самим самодержавием, Николай и его камарилья не хотели считаться. В.И. Гурко, один из высокопоставленных бюрократов, который хорошо знал внутренние пружины государственной системы, так как был ее частью, писал:

«Представление Николая II о пределах власти русского самодержца было во все времена превратное. От воли государя зависело самовластно и единолично отменить закон и издать новый, но поступить вопреки действующему закону он права не имел. Между тем Николай II... этого положения не признавал и неоднократно, по ничтожным поводам и притом в вопросах, весьма второстепенных, нарушал установленные законы и правила»<sup>1</sup>.

Однако негодование Солженицына направлено не по адресу слабого и лукавого деспота, вынужденно подобравшего когти, а по адресу «либерального и революционного общества»: почему оно не удовлетворилось крохами и захотело большего?

---

<sup>1</sup> Гурко В.И. Царь и царица. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 366–367.



Общественность с ликованием встретила свободы, «дарованные» Манифестом 17 октября. Значит, борьба и жертвы были не напрасными! Люди, принадлежавшие к самым разным слоям населения, нацепив красные банты, выходили на улицы, обнимались, целовались, смеялись и плакали от радости. Многие считали, что добились далеко не всего, к чему стремились. Но — лиха беда начало. На дальнейшие преобразования власть по собственной воле не пойдет, но, оказывается, ее можно заставить.

Увы, царь и его подобострастное окружение полностью разделяли это мнение. «Дарование» народу свобод для них было вынужденной *уступкой*, а не принципиальной переменой стратегического курса.

Пойти на коренное реформирование государственного строя, так, чтобы все в равной мере подчинялись законам? Чтобы народ, в лице своих избранников, мог сам решать свою судьбу? Чтобы верховная власть стала воплощать сбалансированные интересы разных групп населения, а правительство — служить этим интересам?

В окружении Николая нельзя было высказать большей крамолы. При его понимании своего долга — сохранить самодержавную власть и во всей полноте передать ее сыну — требовалось остановить время, заморозить политическую жизнь страны, надеть на нее ледяной панцирь. Поскольку жизнь брала свое, многострадальный Иов чувствовал себя уязвленным в лучших своих чувствах. А те, кого он считал наиболее себе преданными, и впереди всех обожаемая супруга, не уставали льстиво и вместе с тем укоризненно нашептывать, что все неурядицы происходят от безграничной его доброты, покладистости, от его глубинного характера.

Царь, камарилья и полицейско-бюрократический аппарат исходили из того, что чем больше власти у царя, тем меньше прав и свобод у народа. И наоборот. Потому вынужденные уступки, должны были быть минимальными и, по возможности, временными.

«Ограничения царской власти, провозглашенного манифестом 17 октября 1905 года и закрепленного в 1906 году новым содержанием Основных Законов Империи, Николай II определенно не признавал. Правда, самого факта издания этого мани-

феста он никогда не мог простить ни самому себе, ни тем, которые его к тому подвинули, и в душе, по-видимому, лелеял мысль манифест этот со временем отменить, но, тем не менее, упразднения самодержавия он в нем не усматривал»<sup>1</sup>.

Властитель слабый и лукавый упирался до того, что уже готовили корабль для бегства царской семьи за границу, под крылышко кузена Вилли, услужливо предложившего ему свое гостеприимство. А когда он уступил, то «вся королевская рать» вдруг оказалась в положении больших роялистов, чем сам король. Манифест 17 октября поверг ее в смятение. Для нее это был удар в спину, надругательство над «патриотическими» чувствами, а, главное, подрыв ее — королевской рати — сверхпрочного положения. Ответила она на царский Манифест о свободах своим бунтом против Манифеста, бессмысленным и беспощадным, зато направленным в привычное русло.

Девятый вал еврейских погромов покатился по городам и весям черты оседлости и даже выплеснулся за черту. «Вы хотели свободы — вот вам свобода!» Таков был основной лозунг «монархистов», возмущенных уступчивостью монарха. По масштабу, количеству жертв, по неистовости разгула темных страстей эти кровавые оргии во много раз превзошли еще недавно казавшийся таким чудовищным Кишиневский погром.

Говорить об этом разгуле ненависти и насилия вкратце нельзя, а чтобы рассмотреть гору всевозможных материалов, надо писать отдельную книгу. Я остановлюсь только на том, как эти события освещены в книге Солженицына «Двести лет вместе».

Солженицын в основном ограничивается пересказом отчетов двух сенатских ревизий: сенатора Е.Ф. Турау о погроме в Киеве и сенатора А.М. Кузминского о погроме в Одессе. Сенат, по Солженицыну, «был авторитетнейшим и независимым юридическим учреждением», а ревизии сенаторов — это «высший класс достоверного расследования, применявшийся в императорской России». (Стр. 370)

Однако в самодержавном государстве независимые учреждения невозможны по определению. Относительной гарантией

---

<sup>1</sup> Гурко В.И. Указ. соч. С. 366.

*некоторой* самостоятельности сенаторов служило то, что, по закону, назначения в Сенат были пожизненными. Но свои собственные законы, как мы знаем, самодержец часто нарушал. Излишне самостоятельных сенаторов под тем или иным предлогом удаляли, а на их место ставили угодных и готовых угодничать. Обычной практикой было *сбрасывание* в Сенат несильно прощтрафившихся или просто ставших ненужными чиновников высшего ранга, и они там старательно заглаживали свои грехи, надеясь на то, что их снова отличат и поднимут на более высокую ступень. Или, напротив, в Сенат *подбрасывали* за особые заслуги и усердие чиновников относительно низкого ранга, от которых можно было ждать еще большей угодливости. Так, прокурор Киевской судебной палаты Г.Г. Чаплинский был назначен в Сенат за его усердие при фабрикации ритуального дела Бейлиса, в которое сам он, конечно, не верил. С другой стороны, Н.Н. Кутлер, составивший слишком «дерзкий» проект земельной реформы и за это уволенный с высокого поста, почти равного министерскому, ни в Государственный Совет, ни в Сенат определен не был. Сопоставление только этих двух примеров показывает, какого сорта личности преимущественно оседали в Сенате и чем они руководствовались при выполнении деликатных поручений.

Даже беглое ознакомление с отчетами двух сенаторов-ревизоров обнаруживает предвзятость — большую у Турау, меньшую, но тоже вполне очевидную, у Кузминского. Я говорю о предвзятости, которая видна невооруженным глазом, то есть в самом тексте их отчетов. Еще в большей мере она обнаруживается при сопоставлении с фактами, изложенными в независимых от власти источниках, например, в книге очевидца одесского погрома 1905 года А.С. Изгоева «Русское общество и революция»<sup>1</sup>.

В каждом из отчетов есть обширная вступительная часть, подробно излагающая ход революционных событий всего 1905 года в Киеве и в Одессе, а еврейские погромы, последовавшие за Манифестом 17 октября, представлены как прямое следствие того, что в противоправительственных акциях евреи «выделя-

---

<sup>1</sup> Изгоева А.С. Русское общество и революция, М., 1910. С. 142–143. См. также: Максудов С. Не свои. «Культура» // №113, 29 июня 2001.

лись». Полуцитируя, полупересказывая отчет сенатора Турау, Солженицын четко расставляет акценты: «„Еврейская молодежь, говорится в отчете, преобладала и на митинге 9 сентября в политехническом институте“; и при оккупации (?! — С.Р.) помещения литературно-артистического общества; и 23 сентября в актовом зале университета, где „сошлись до 5 тысяч студентов и посторонних лиц и в том числе 500 женщин“. 3 октября в политехническом институте „собралось до 5 тысяч человек... преобладала еврейская молодежь женского пола“. И дальше упоминания о преимущественном участии евреев: на митингах 5–9 октября; и в митинге 12 октября в университете...» (т. I, Стр. 372).

Цитату можно продолжить, но и из приведенного фрагмента видна руководящая идея сенатора Турау, который, как для большей вескости подчеркивает Солженицын, опросил более 500 свидетелей. Что и говорить, материал был собран обширный! Но именно поэтому он мог быть обобщен по-разному. Только от самого сенатора Турау зависело, что в этом материале считать характерным, а что случайным, что важным и заслуживающим доверия, а что второстепенным или сомнительным. Сам язык изложения, местами сухой и точный, каким и должен быть юридический язык строгого ревизора, в других местах становится намеренно зыбким, расплывчатым, выдавая стремление не столько прояснить истину, сколько создать нужное *впечатление*.

В одном случае, как мы видели, сенатор, указав на участие в революционном митинге необычно большого числа женщин, вполне определенно проставил оценочную цифру: *пятьсот* из *пяти тысяч* участников. А вот говоря о другом пятитысячном митинге с большим участием женщин, сенатор обходится без цифр: *преобладала* «еврейская молодежь женского пола»!

В каком смысле — преобладала? Из пяти тысяч участников женщин было больше двух с половиной тысяч? И откуда известно, что все эти женщины — еврейки? Паспортов у них не проверяли, имен не переписывали, а по внешности не каждую еврейку определишь с первого взгляда. За юридически установленный факт выдается *личное впечатление*, причем не самого сенатора, а каких-то свидетелей, видимо, антисемитов, в чьих глазах евреи *преобладают* и *выделяются* во всем, что они не одобряют.

Чтобы понять цену таким «ревизиям», надо вспомнить, что революционные выступления в 1905 году проходили по всей стране, а основная масса евреев концентрировалась в черте оседлости. В городах и местечках черты евреи составляли от двадцати до пятидесяти процентов населения, где-то и больше, и, конечно, участвовали в революционных выступлениях. Но ничто не говорит о том, что накал борьбы здесь был сильнее, чем вне черты, где евреев либо вообще не было, либо было очень мало, причем среди них преобладали люди обеспеченные — не те, кто рвался на баррикады.

Не еврейская молодежь женского пола жгла помещичьи усадьбы в Саратовской губернии, с чем никак не мог совладать бесстрашный губернатор П.А. Столыпин. Не еврейская молодежь восстала на «Потемкине» и «Очакове», митинговала в Дальневосточной армии, парализовала всеобщей забастовкой железные дороги и крупнейшие предприятия Петербурга, Москвы и других городов.

Но главное, о чем следовало бы спросить обоих сенаторов: где коза и где капуста? Царь издал Манифест о «даровании» свобод, народ в радостном возбуждении высыпал на улицы — какие основания считать, что эти вполне *законные* выступления (ведь разрешена свобода собраний и манифестаций!) в *поддержку* царского манифеста носили антиправительственный характер?

Правда, такие представления укоренились в постсоветской России, что обнаруживается самым неожиданным образом. Например, в переизданной в Москве книге воспоминаний дочери П.А. Столыпина помещена фотография с подписью: «Демонстрация в Киеве, направленная против царского манифеста»<sup>1</sup>, хотя демонстрация была в *поддержку* манифеста. *Против* были направлены именно вспыхнувшие следом еврейские погромы.

Но надо отдать справедливость почтенным сенаторам. При явном стремлении показать, что погромы, хотя бы отчасти, инициировали сами евреи, они не скрывали того, что и в Киеве, и в Одессе жертвами погромов стали те, кто не имел никакого отношения *ни к каким* выступлениям — ни антиправительствен-

---

<sup>1</sup> Бок М.П. П.А.Столыпин. Воспоминания о моем отце. М.: «Новости», 1992 (блок фотографий между стр. 64 и 65).

ным, ни проправительственным. Удостоверили оба сенатора и то, что избияения евреев проходили при попустительстве, поощрении и прямом участии полиции, войск, военных и гражданских чинов высоких рангов. Впрочем, как могли бы они утаить то, что в обоих городах было известно каждому обывателю, и по всей России разошлось широко — благодаря прессе, ставшей, наконец, почти свободной!

Сенатор Турау отдал под суд два десятка полицейских чинов во главе с полицмейстером Киева Цихоцким, отметив, что погромщики его с восторгом качали за поощрение их бесчинств, а сенатор Кузминский — четыре десятка, включая градоначальника Одессы Д.Б. Нейгардта. Солженицын видит в этом доказательство безупречной объективности обоих ревизоров: наказали виновных, не взирая на звания и чины! И тем показали непричастность более высокого, петербургского, начальства.

Вот об участии шесть десятков отданных под суд мундирных погромщиков Одессы и Киева никаких данных мне найти не удалось, если не считать упоминания Витте о том, что Д.Б. Нейгардт был им уволен, но снова «выплыл на поверхность административного влияния при Столыпине в качестве брата его жены»<sup>1</sup>.

В чем именно состояла роль выплывшего Нейгардта, можно узнать из других источников, например, из воспоминаний почетного лейб-медика, академика Г.Е. Рейна, на чьих руках умирал в 1911 году смертельно раненый П.А. Столыпин. Рейн пишет, что «принял на себя организацию ухода за раненым министром, пока не прибыли супруга министра Ольга Борисовна и два ее брата сенаторы Александр Борисович и Дмитрий Борисович Нейгардт»<sup>2</sup>. (Курсив мой — С.Р.)

Так вот в каком качестве «выплыл» одесский оберпогромщик, отданный сенатором Кузминским под суд: в качестве его коллеги-сенатора! И не надо думать, что это уникальный случай, то есть что Нейгардту кровавые преступления сошли с рук благодаря протекции высокопоставленного ро-

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. III. С. 132.

<sup>2</sup> Цит. по кн.: П.А. Столыпин. Жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном совете и Думе. Убийство Столыпина. Следствие по делу убийцы. М: Рюрик, 1991. С.45.

дича. О том, что и других мундирных погромщиков ждала отнюдь не мученическая судьба, видно по аналогичному погромному делу того времени.

«Провокаторская деятельность департамента полиции по устройству погромов дала при моем министерстве явные результаты в Гомеле, — засвидетельствовал С.Ю. Витте. — Расследованием... неопровержимо было установлено, что весь погром был самым деятельным образом организован агентами полиции под руководством местного жандармского офицера графа Подгоричани, который это и не отрицал. Я потребовал, чтобы [министр внутренних дел П.Н.] Дурново доложил это дело Совету министров. Совет, выслушав доклад, резко отнесся к такой возмутительной деятельности правительственной секретной полиции и пожелал, чтобы Подгоричани был отдан под суд и устранен от службы. По обыкновению был составлен журнал заседания, в котором все это дело было по возможности смягчено... На этом журнале Совета министров государь с видимым неудовольствием 4 декабря (значит, через сорок дней после 17 октября) положил такую резолюцию: „Какое мне до этого дело? Вопрос о дальнейшем направлении дела графа Подгоричани подлежит ведению министерства внутренних дел“». В другом месте Витте уточняет: «На мемории по этому делу, конечно, не без влияния министра внутренних дел Дурново, его величество соизволил написать, что эти дела не должны быть доводимы до его сведения (вероятно, по маловажности?..)». А вот и итог: «Через несколько месяцев я узнал, что граф Подгоричани занимает пост полицмейстера в одном из черноморских городов»<sup>1</sup>.

Возвращаясь на Олимп власти, можно сказать, что первые полгода после Манифеста 17 октября напоминали отчаянную борьбу над пропастью между самоубийцей, рвущимся к роковому прыжку, и его спасителем, который пытался оттащить его от края бездны.

«Я вступил в управление империей при полном ее, если не помешательстве, то замешательстве, — вспоминал Витте. — Ближайшими признаками разложения общественной и государ-

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. III. С. 84, 132.

ственной жизни было общее полное недовольство существующим положением, что объединило все классы населения; все требовали коренных мер государственного переустройства»<sup>1</sup>.

Это еще мягко сказано. Комментируя «Воспоминания» Витте, А.В. Игнатъев и А.Г. Голиков с протокольной точностью указывают, что, кроме массовых забастовок и манифестаций в городах, крестьянских бунтов, всевозможных требований, раздававшихся с трибун съездов земских, городских и иных организаций, «осень 1905 г. была отмечена массовыми выступлениями в армии и на флоте. С октября 1905 г. до начала 1906 г. было 195 массовых выступлений. Причем в 62 случаях дело доходило до различных форм вооруженной борьбы, включая восстания. Наиболее крупными выступлениями осени 1905 г. были отмеченные С.Ю. Витте „волнения“ в Кронштадте и Севастополе. В Кронштадте матросы 12-ти флотских экипажей из 20-ти и солдаты гарнизона крепости в течение двух дней вели бои с правительственными войсками. Военно-полевой суд грозил полутысячам матросов и нескольким сотням солдат. Под воздействием 160-тысячной всеобщей забастовки рабочих Петербурга дело было передано не в военно-полевой, а в обычный военно-окружной суд. Угроза смертной казни для восставших миновала»<sup>2</sup>.

Затем последовала широкая амнистия политических заключенных и другие шаги, направленные на смягчение противостояния власти и общества. Хотя и неровно, толчками, но началось успокоение. В Петербурге вскоре прекратилась всеобщая забастовка. Хотя Совет рабочих депутатов, который еще накануне чувствовал себя полным хозяином в столице, постановил забастовку возобновить, это решение не было выполнено. Снова заработали заводы и фабрики. Пошли поезда по железным дорогам. Заработал телеграф.

Витте хотел тотчас отдать приказ об аресте председателя Петербургского совета Г.С. Носаря (Хрусталева), но ему посоветовали с этим повременить, дабы не вызвать нового возмущения еще не остывших рабочих. В 1905 году беспартийный юрист Носарь-Хрусталева был подлинным лидером рабочего движения в столице, блестящим организатором и трибуном. Его авторитет в

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. III. С. 127.

<sup>2</sup> Там же. С. 583.



рабочей среде был непререкаем. Это были те самые рабочие, которые всего несколькими месяцами ранее, в январе, под руководством Гапона, с хорутвями и церковными песнопениями, шли поклониться царю и просить выслушать их нужды, но, встреченные картечью, бежали, оставляя на мостовых истекающих кровью товарищей. В октябре, под лидерством Носаря, они были сплочены и непреклонны. Но после 17 октября рабочее движение стало утрачивать свою монолитность, а авторитет Совета и его председателя — быстро падать.

Учитывая все это, Витте согласился выждать.

Любопытно сопоставить то, как эти события отложились в памяти разных участников, в зависимости от их сектора обзора. Если Витте делал ставку на раскол единого антиправительственного фронта и прибегал к маневрированию, то жандармский генерал А.В. Герасимов, в то время — начальник Петербургского охранного отделения, понимал борьбу с революцией так, как ему было положено по должности: «держать и не пущать». Всё, кроме лобовых ударов, с его точки зрения, лишь способствовало успеху революции. Для него малейшее неодобрение скулодробительных мер — свидетельство слабости и некомпетентности. «Философия» генерала Герасимова прекрасно выражена в приводимом им эпизоде, касающемся первого его доклада у вновь назначенного министра внутренних дел П.Н. Дурново:

«Я чувствовал, что мой доклад был Дурново несколько не по вкусу. Он морщился и наконец перебил меня:

— Так скажите: что же, по-вашему, надо сделать?

— Если бы мне разрешили закрыть типографии, печатающие революционные издания, и арестовать 700–800 человек, я ручаюсь, что я успокоил бы Петербург.

— Ну, конечно. Если пол-Петербурга арестовать, то еще лучше будет, — ответил Дурново. — Но запомните: ни Витте, ни я на это нашего согласия не дадим. Мы — конституционное правительство. Манифест о свободах дан и назад взят не будет. И вы должны действовать, считаясь с этими намерениями правительства как с фактом.

Наша беседа длилась около часа. Больших надежд она в меня не вселила»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Всероссийская мемуарная библиотека. Основана А.И.Солженицыным. Серия «Наше недавнее». №4. Paris: YMCA-PRESS, 1985. С. 43.

Правда, через некоторое время Дурново «исправился», то есть стал проводить линию на усиление репрессий, получая на то согласие царя и Трепова, в обход Витте.

Носарь-Хрусталеv был арестован 26 ноября, то есть через месяц с небольшим после царского Манифеста. Никаких эксцессов не последовало. 3 декабря был арестован весь Совет рабочих депутатов в составе 267 человек, что тоже не вызвало беспорядков в столице.

Через три дня после ареста Петербургского Совета в Москве состоялся съезд железнодорожников, который призвал к всеобщей забастовке и превращению ее в вооруженное восстание. Но мало где последовали этому призыву, кроме самой Москвы. Вооруженное восстание во второй столице оказалось изолированной вспышкой. Петербург, вопреки опасениям Герасимова, оставался относительно спокойным. Это позволило снять наиболее надежный Семеновский полк под командованием генерала Г.А. Мина и послать его на помощь московскому генерал-губернатору адмиралу Ф.В. Дубасову<sup>1</sup>.

Жестоко подавленное декабрьское восстание 1905 года стало высшей точкой революции, после чего она пошла на спад. Как только наступило успокоение во второй столице, Дубасов, не желая мстить побежденным, предложил судить мятежников не военным, а гражданским судом: это значило — не присуждать к смертной казни. Император не понял такой мягкотелости. Мелкий человек, он был мстителен.

Конечно, до полного успокоения было еще далеко. В ответ на жестокие акции властей революционное подполье усилило акты индивидуального террора. В Петербурге две группы боевиков вели охоту на министра внутренних дел Дурново. Покушение не удалось только потому, что глава боевой организации эсеров Евно Азеф, состоявший на службе в Охранном отделении, искусно направлял своих товарищей-террористов по ложному следу. Но он же содействовал покушению в Москве на адмирала Дубасова, чудом уцелевшего: бомбой, брошенной в его экипаж, был убит его адъютант; сам Дубасов был выброшен из экипажа и

---

<sup>1</sup> Существует версия, будто Декабрьское восстание в Москве было спровоцировано властями, желавшими получить предлог для кровавой расправы, но она маловероятна.

получил контузию, от которой потом долго лечился. В апреле 1906 года, после ухода Витте, Дубасов тоже подал в отставку. Царь его не удерживал<sup>1</sup>.

Отвечая ударами на удары «непримиримых», Витте пытался навести мосты к умеренным общественным кругам. Процесс примирения шел бы значительно быстрее, если бы не самодержавный конспиратор, все время хватавший своего премьера за руки.

Видные общественные деятели, которых Витте склонял к сотрудничеству — в их числе М.А. Стахович, князь Е.Н. Трубецкой, Д.Н. Шипов<sup>2</sup>, — готовы были войти в правительство или оказать ему частичную поддержку. Но они ставили условия. Одно из них — введение прямого и равного избирательного права вместо системы курий, которую Витте унаследовал от Булыгина, хотя и распространил избирательные права на низшие слои общества. Но о «четырёххвостке», то есть *всеобщем, прямом, равном и тайном* голосовании царь не хотел слышать: слишком это походило бы на конституционные режимы европейских стран!

П.Н. Милюков, у которого премьер тоже «просил совета», хотя министерского портфеля ему не предлагал, сказал, что коль скоро правительство «решило дать России конституцию, то оно „лучше всего поступило бы, если бы прямо и открыто сказало это — и немедленно открыировало<sup>3</sup> бы хартию, достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкие круги общества“». Как на образец Милюков «указал на болгарскую конституцию, явно доступную для русского народа, или какую-нибудь другую разновидность бельгийской, — во всяком случае, с всеобщим изби-

---

<sup>1</sup> Отставка не прекратила охоту на Дубасова: ему метили за подавление Московского восстания. Позднее в него стрелял какой-то юноша в Петербурге, но, испуганный собственной акцией, промахнулся. (Дубасов просил его помиловать.) В августе генерал Мин был выслежен и убит эсеровским боевиком Зинаидой Коноплянниковой.

<sup>2</sup> М.А.Стахович (предводитель дворянства Орловской губернии), Д.Н.Шипов (председатель Московской земской управы) были в числе основателей партии октябристов, но Шипов затем перешел в небольшую партию Народного обновления. Князь Е.Н.Трубецкой (профессор философии Московского университета) был в числе создателей партии кадетов, однако, оказавшись в ней на правом фланге, тоже перешел в партию Народного обновления.

<sup>3</sup> Открыировать конституцию — значит пожаловать ее волей монарха, а не принять голосованием в парламенте.

рательным правом». Указал он и на то, что «проект такой конституции уже разработан земским съездом». «Уклоняясь от прямого ответа по существу, — продолжал в своих воспоминаниях Милюков, — он начал возражать мне очень извилистой и внутренне противоречивой аргументацией... Я хотел добиться от Витте прямого ответа и спросил его в упор: „Если ваши полномочия достаточны, то отчего вам не произвести этого решающего слова: конституция?“ Витте, уже охлажденный моими предложениями, ответил каким-то упавшим голосом, лаконично и сухо, но так же прямо: „Не могу, потому что царь этого не хочет“. Это было то, что я ожидал: краткий смысл длинных речей. И я закончил нашу беседу словами, которые хорошо помню: „Тогда нам бесполезно разговаривать. Я не могу подать Вам никакого дельного совета“»<sup>1</sup>.

Но если относительно избирательного закона Витте еще мог как-то сговориться с умеренными общественными кругами, то большую их часть оттолкнуло то, что портфель министра внутренних дел он предложил П.Н. Дурново. В глазах общественного мнения это был один из самых одиозных столпов режима полицейского произвола. Сам Витте знал его как человека нечистоплотного и даже «пострадавшего» еще при Александре III за то, что свое положение начальника Департамента полиции использовал для слежки за своей содержанкой и ее любовником — испанским (по версии А.В. Герасимова, бразильским) послом. Был он нечистоплотен и в финансовых делах. Тем не менее, «либеральный» премьер на нем остановил свой выбор, хотя у него было минимум два других варианта.

Ему рекомендовали князя С.Д. Урусова, человека принципиального, с немалым административным опытом и безукоризненной репутацией. На посту Кишиневского губернатора, куда он был назначен в 1903 году после погрома, Урусов в короткий срок добился успокоения и возвращения жизни в нормальное русло; ради этого он не побоялся пойти на конфликт с самим Плеве. И позднее он проявил себя с наилучшей стороны. Однако, когда в разговоре о предполагавшемся его назначении на пост министра внутренних дел Урусов заикнулся о своей неопытности, Витте поспешил согласиться. Для успокоения раз-

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Воспоминания. М.: «Современник», 1990. Т.1. С. 330–331.

бушевавшего революционного моря предстояло прибегать не только к прянику, но и к кнуту; на посту министра, в чьем ведении находилась полиция, жандармерия, тайный сыск, нужен был человек, не отличавшийся излишней чистоплотностью.

Второй вариант, который предлагали общественные деятели, — возглавить наиважнейшее министерство главе формируемого правительства, то есть самому Витте. Он отговорился тем, что совмещать два поста в столь трудное время не сможет. Видимо, он не хотел брать на себя *прямую* ответственность за грязную и кровавую работу, которой министру внутренних дел было не избежать.

Дурново для этого вполне подходил. С министерством внутренних дел была связана вся его карьера. Он дорос до поста товарища министра и пересидел целую серию сменявшихся шефов: Сипягина, Плеве, Святополка-Мирского, Бульгина. Для Витте важно было то, что ко всем ним — столь разным по личным качествам и проводимому курсу — Дурново был лоялен, потому можно было рассчитывать, что он будет лоялен и к премьеру. К тому же Дурново не ладил с Треповым, что, по мнению Витте, делало его еще более надежной опорой.

Трепов опрокинул эти *макиавельные* расчеты. По его наущению, царь утвердил Дурново только *исполняющим обязанности* министра, и теперь от Трепова зависело, удержится ли тот на возделенном посту, или нет. Дурново стал угождать Трепову и ставить палки в колеса премьеру. Витте не только заполучил коварного врага, но из-за него осложнил и без того сложные отношения с общественностью.

Но даже появление столь одиозной личности во главе карательной системы правительства не остановило общей тенденции к успокоению. Главную причину того, что революционная волна пошла на спад, просто объяснил П.Н. Милоков: «начался шестлет избирательных бюллетеней». Хотя сложная, многоступенчатая система выборов обеспечивала огромные преимущества одним группам населения за счет других<sup>1</sup>, Витте не уставал разъяснять, что Манифест и Основные законы — это только на-

---

<sup>1</sup> Система курий была устроена таким образом, что один голос помещика приравнивался к трем голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Военные, учащиеся, «бродячие инородцы» и некоторые другие слои населения вообще не имели права голоса.

чало преобразований; дальнейшее развитие реформ будет зависеть от избранных законодателей. Это звучало убедительно. Заново возникавшие или выходявшие из подполья политические партии видели смысл в переходе от силовой конфронтации с властью к предвыборной борьбе. Даже в ЦК партии эсеров заговорили о том, что следует приостановить террористическую борьбу и направить основные усилия на пропагандистскую работу в массах. Непримируемыми оставались некоторые крайние революционеры, но они оказались в изоляции. Большевики призвали рабочий класс к бойкоту выборов и этим только лишили себя представительства в Думе; рабочие же в массе своей от участия в выборах не отказались.

Но!.. Чем дальше царь отодвигался от края пропасти, тем меньше становилось влияние премьера. Сбывалось пророчество одного из самых интимно близких царской семье людей, товарища министра двора князя Н.Д. Оболенского. Он на коленях умолял Александру Федоровну воздействовать на государя с тем, чтобы тот *не* ставил Витте во главе правительства. Что бы ни делал Витте для успокоения страны, говорил ей Оболенский, личная неприязнь к нему государя будет только нарастать, перейдет в чувство мести, и при первой возможности Витте будет отставлен; в результате пострадают и государь, и Россия.

Когда все произошло именно по этому сценарию, в немилость впал... князь Оболенский. Его перестали приглашать во дворец, а если он должен был являться с докладом в отсутствие министра двора барона Фредерикса, то царь всегда назначал аудиенцию на вторую половину дня, чтобы не приглашать его к завтраку, как было заведено еще со времен Александра III. Принять Оболенского перед завтраком и не пригласить было неловко, а пригласить при охладившихся отношениях, рискуя получить нахлобучку от решительной супруги, тоже не хотелось. «Какой маленький — великий благочестивейший самодержавнейший Николай III!», восклицает по этому поводу Витте<sup>1</sup>.

Из тех, кто снова стал тянуть государя к пропасти, первую скрипку играл все тот же Д.Ф. Трепов. С назначением Витте премьером он должен был оставить посты петербургского генерал-

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. III. С. 36.

губернатора и товарища министра внутренних дел. Но царь назначил его дворцовым комендантом, то есть своим личным охранником, что давало ему возможность по несколько раз в день общаться с императором. Влияние Трепова на государя усилилось, хотя, не занимая никакого административного поста, он теперь не нес ровно никакой ответственности за принимаемые решения.

«Трепов во время моего министерства имел гораздо больше влияния на его величество, нежели я; во всяком случае, по каждому вопросу, с которым Трепов не соглашался, мне приходилось вести борьбу. В конце концов, он являлся как бы безответственным главою правительства, а я ответственным, но мало-влиятельным премьером»<sup>1</sup>.

Обнаружились и другие поползновения атаковать правительство с тыла, то есть со стороны самой власти. П.И.Рачковский, поставленный Дурново во главе политической полиции империи, стал создавать по всей стране «монархические» организации Союза Русского народа — во главе с доктором Дубровиным. Союз стал в прямую оппозицию к Манифесту 17 октября, как подрывающему самодержавие. «Союзников» взял под свое покровительство великий князь Николай Николаевич, а вскоре и сам государь стал их поддерживать. Он теперь не уставал повторять, что Манифест у него «вырвали», причем имелось в виду, что это сделал не Николай Николаевич, разыгравший перед ним мелодраму с приставленным к собственному виску револьвером, а граф Витте. В то время, когда премьер с огромным трудом пытался проводить курс реформ, намеченный царским Манифестом, автор Манифеста все более откровенно отмежевывался от самого себя!

С февраля 1906 года Витте стал говорить о том, что поставлен в невозможное положение. Как глава правительства он несет всю полноту ответственности за происходящее в стране, подвергается нападкам со всех сторон, а проводить свой курс ему не дают безответственные элементы, окружающие трон; работать в таких условиях он не может и должен будет просить государя об отставке. Он заговаривал об этом то

---

<sup>1</sup> Там же. С. 85.

с Треповым, то с министром двора Фредериксом, а то и с самим государем. Конечно, он знал, что в нем нуждаются и не отпустят. Бряцание отставкой было способом борьбы с противодействием его начинаниям.

Но, по мере того, как ситуация в стране становилась менее острой, царь становился все более подозрителен к своему премьеру. Ему нашептывали о коварстве Витте, о том, что тот чуть ли не готовит заговор, дабы свергнуть монархию и самому стать президентом республики. Николай благосклонно выслушивал наветы и, наконец, дал понять премьеру, что не возражает против его ухода, но не раньше, чем тот завершит основные дела по вытаскиванию из ямы страны и самого государя. Для этого оставалось вернуть с Дальнего Востока армию, успешно провести по всей стране выборы и заключить крупнейший в истории иностранный заем, без чего государство неумолимо катилось к банкротству — со всеми вытекающими последствиями, вплоть до нового — уже ничем не остановимого — революционного взрыва. Царь был намерен выжать из премьера последние соки, а затем выбросить вон.

Когда все было исполнено, в апреле 1906 года, за несколько дней до открытия Государственной Думы, «просьба» Витте об отставке была удовлетворена.

Прощаясь с ним, верный в своем постоянном непостоянстве государь сказал, что решил вручить бразды правления его врагам, но не потому, что они его враги, а потому, что «в настоящее время такое назначение полезно».

Прекрасно зная, на ком государь — по наущению Трепова — остановил свой выбор, Витте спросил: «Ваше величество, может быть вам будет угодно мне сказать: кто это такие мои враги, ибо я не догадываюсь о том». После того, как государь назвал И.Л. Горемыкина, Витте сказал: «Какой же, ваше величество, Горемыкин мой враг? Во всяком случае, если все остальные лица такого калибра, как Горемыкин, то они мне представляются врагами очень мало опасными»<sup>1</sup>.

Государь усмехнулся, оценив иронию.

Когда-то он уволил Горемыкина с поста министра внутренних дел, потому что ему «надоели пешки». И вот теперь он ста-

---

<sup>1</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Т. III. С. 328.



вил эту пешку на капитанский мостик корабля, которому предстояло плавание по далеко еще не успокоенному и притом совершенно неведомому морю! Почему?

«Для меня главное то, что Горемыкин не пойдет за моей спиной ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти, и я могу ему вполне доверять, что не будет приготовлено каких-либо сюрпризов, и я не буду поставлен перед совершившимся фактом, как было с избирательным законом, да и не с ним одним»<sup>1</sup>.

Так Государь объяснит В.Н. Коковцову. Объяснит лицемерно, еще раз демонстрируя свою мелочность. Ни избирательного, ни какого-либо иного закона Витте не мог издать «за спиной» государя. Все делалось с его согласия и одобрения! Правда была только в том, что премьер исходил из *широко* понимаемых государственных интересов России, тогда как государь превыше всего ставил свои *личные* интересы, и понимал их *узко* — так, как их понимали льстивые ничтожества, составлявшие его ближайшее окружение. Горемыкин подходил больше, чем Витте, ибо «его [государя] доверие направилось к тем, кто толкал его к гибели»<sup>2</sup>.

Неумолимый дрейф к краю пропасти не мог не возобновиться.

## ЭПОХА ТРЕПОВА

1906

Поработать с Государственной Думой, которую он породил, Витте не дали, а И.Л. Горемыкин не имел ни малейшего понятия о том, с какой стороны подступиться к такому чудищу. Как предупредил государя В.Н. Коковцов, «личность Ивана Логгиновича, его величайшее безразличие ко всему, отсутствие всякой гибкости и прямое нежелание сблизиться с представителями новых элементов в нашей государственной жизни, все это не только не поможет сближению с ними, но послужит скорее лозунгом для усиления оппозиционного настроения»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Книга 1. М.: Наука, 1992. С. 152.

<sup>2</sup> Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. London: Overseas Publications Interchange LTD, 1991. С. 10.

<sup>3</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 152.

Такая характеристика нового премьеры (Коковцов, по его словам, «до мельчайшей подробности» передал этот разговор самому Горемыкину, во что трудно поверить) не помешала назначению Коковцова министром финансов в горемыкинский кабинет! Пойдя на образование *солидарного* Совета министров, Николай продолжал делать все, чтобы солидарности не допустить. Кажется, «разделяй и властвуй» был единственный метод управления, которым он владел. Он походил на капитана тонущего корабля, который, вместо того, чтобы налаживать дружную работу команды, дабы попытаться задрать брешь и дотянуть до спасительного берега, озабочен только тем, как бы старший помощник и боцман не сговорились между собой и тем не нанесли ущерба его безграничной власти на судне.

Нечего и говорить, что, коль скоро ему так важно было противопоставлять друг другу министров, то гораздо важнее было поссорить правительство с Государственной Думой, еще даже не открывшейся. Если созданное *для работы с Думой* правительство в чем-то и было солидарно, то именно в том, чтобы с Думой *не* работать! Когда Государственный контролер П.К. Шванебах заметил, что в новом правительстве оказалось «немалое количества элементов, не слишком нежно расположенных к идее народного представительства и едва ли способных внушить к себе доверие со стороны последнего», Коковцов резонно ответил: «Пожалуй, что и все мы принадлежим к тому же разряду, начиная с нашего председателя»<sup>1</sup>.

А вот картина приема депутатов Думы царем в Тронном Георгиевском зале Зимнего дворца — перед началом ее работы.

«Вся правая половина от трона была заполнена мундирной публикой, членами Государственного Совета и — дальше — Сенатом и государевой свитой. По левой стороне, в буквальном смысле слова толпились члены Государственной думы и среди них — ничтожное количество людей во фраках и сюртуках, а подавляющее же количество их, как будто нарочно, демонстративно занявших первые места, ближайšie к трону, — было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках-косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах, некоторые в национальных уборах, и масса членов Думы от духовенства»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 155.

<sup>2</sup> Там же. С. 155–156.

Ради чего Николай устроил эту бестактную демонстрацию пышности в пышной своей резиденции вместо того, чтобы самому явиться в Таврический дворец и показать свое уважение к народным избранникам? А ради того, чтобы показать прямо противоположное: в державе ничего не изменилось и меняться не будет! Он снизошел к народным чаяниям по безграничной своей милости и добросердечию; но тот, кто раздает милости, может их отобрать. Народные представители в своих жалких зипунишках и косоворотках должны знать свое место!

Понятно, как восприняли этот прием представители народа. Они стояли насупленные, глядели исподлобья, а «наглое лицо» одного из депутатов дышало «таким презрением и злобой», что новый министр внутренних дел П.А. Столыпин сказал стоящему рядом с ним Коковцову: «Мы с Вами, видимо, поглощены одним и тем же впечатлением, меня даже не оставляет все время мысль о том, нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастья»<sup>1</sup>.

Состав Думы оказался в большинстве оппозиционным, отчасти и революционным. Поскольку избирательный закон давал многократные преимущества привилегированным классам, то настроение широких масс в среднем было еще более радикальным.

Вопреки антисемитской демагогии черной сотни, которая так импонировала царю и дворцовой камарилье, основной движущей силой революции было крестьянство. Как вскоре скажет П.А. Столыпин, «смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаюсь смутою гораздо более серьезною, смутою социальной развившейся в нашем крестьянстве... Социальная смута ускорила и вспоила нашу революцию»<sup>2</sup>.

Это не значит, что другие вопросы — в особенности рабочий и национальный (польский, финский, еврейский и другие) — стояли менее остро. Но крестьянство составляло основную массу населения, и потому главный вопрос, который требовалось решить, чтобы всерьез и надолго оградить страну от потрясений, был вопрос о земле.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 156.

<sup>2</sup> Столыпин П.А. О праве крестьян на выход из общины. Речь на заседании Государственного совета 15 марта 1910 г. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. М.: Рюрик, 1991. С. 135.

До отмены крепостного права земля в России была *собственностью* помещиков (а также государства и монастырей), но часть возделываемой земли находилась в *пользовании* крестьян. Они отработывали барщину, а остальное время трудились на «своем» наделе, что избавляло помещика от необходимости их содержать. Крестьянская часть помещичьей земли находилась в ведении *мира*: от него каждая семья получала надел — пропорционально числу едоков. Обычно крестьянский надел состоял из нескольких участков в разных местах, дабы равномерно распределялись лучшие и худшие, удобные и неудобные земли. Поскольку одни семьи росли быстрее других и образовывались новые семьи, то время от времени производился передел *мирской* земли.

Когда Александр II решил покончить с крепостным правом, сразу возник вопрос о земле. Сохранить всю землю за ее владельцами значило превратить вчерашних крепостных в толпы голодных бродяг, рыщущих в поисках пропитания. Последствия неминуемой смуты могли быть ужасными. Отдать же «мирскую» землю крестьянам значило разорить помещиков, оставив их хозяйства без рабочей силы, а города — без *товарного* хлеба. Было принято компромиссное решение: вместе с личной свободой крестьян обеспечивали землей, но в *собственность крестьянской общины*, за выкуп, переходила только *часть* той земли, что раньше была в ее ведении.

Так удалось избежать коренной ломки экономических отношений: свободные крестьяне все-таки должны были работать на помещиков — теперь уже по найму, так как урожай, снимаемый с урезанных наделов, стал меньшим, и крестьянам нужны были заработки для выкупа земли и уплаты податей. С годами производительность полей, при общинной уравниловке, почти не росла, но стремительно росло народонаселение. Благодаря вхождению в жизнь элементарных норм гигиены стала сокращаться детская смертность, а высокий уровень рождаемости сохранялся. Число едаков в семьях увеличивалось, а количество хлеба не прибавлялось, быстрое обнищание большей части населения стало ведущей тенденцией. Остроту положения смягчали миграционные процессы: крестьяне мигрировали в города, где они превращались в пролетариев, или на свободные земли Сибири и Средней Азии, для чего правительство предоставляло

поощрительные льготы. Но эти процессы поглощали лишь часть избыточного населения. Социальное напряжение росло, и к 1905 году вылилось в массовые крестьянские бунты по всей стране.

Растерянность властей граничила с паникой. Даже Д.Ф. Трепов носился с идеей принудительного отторжения части помещичьих земель в пользу крестьян, объясняя, что он сам помещик, но он готов отдать половину своей земли, чтобы сохранить вторую половину.

Витте, давно работавший над проблемой земельной реформы, хорошо знал, что в Западной Европе крестьяне-собственники собирали в три-четыре раза большие урожаи, чем русские крестьяне-общинники; ликвидация общины — это путь к наращиванию урожаев и улучшению жизни крестьян. Он сделал первые шаги к преобразованию общины в частновладельческие наделы: провел закон о сокращении вдвое выкупных платежей в 1906 году и полной их ликвидации в 1907-м, ибо, пока на крестьянской общине висели долги за землю, рассассировать ее было невозможно. При крайней необходимости Витте готов был пойти и на принудительное изъятие части земли у помещиков в пользу крестьян, указывая на реформу 1861 года как на исторический прецедент. В любом случае он считал, что земельную реформу нельзя вводить бюрократическим путем, да еще в канун созыва Государственной Думы. Гражданские свободы дарованы для того, чтобы народ сам — через своих представителей — решал такие вопросы. Реформа, навязанная сверху, будет принята в штыки, какой бы «хорошей» она ни была. Предварительно можно было начать составлять *проект* реформы. Это он поручил Н.Н. Кутлеру, главноуправляющему земледелия и землеустройства, как официально назывался пост министра земледелия.

В основу проекта Кутлера были положены две определяющие идеи: частичное отторжение помещичьих земель в пользу крестьян (за выкуп по справедливой оценке) и постепенная замена общины фермерством. Но, по мере того, как наступало успокоение, в высших сферах отпала охота «отдать половину, чтобы сохранить вторую половину». Когда проект Кутлера был готов к предварительному обсуждению, он уже стал неуместным. Витте счел за лучшее отмежеваться от него и *сдал* одного из

лучших своих сотрудников. Царь был настолько рассержен, что отклонил просьбу Витте назначить Кутлера в Государственный Совет или хотя бы в Сенат. Да и собственные дни Витте у власти были сочтены.

С открытием Государственной Думы сразу же со всей остротой был поставлен вопрос об аграрной реформе. Самый радикальный вариант выдвигали эсеры: национализация всей земли и передача ее в пользование «тем, кто ее обрабатывает». Но это был только лозунг: для его осуществления нужен был полный социальный переворот, а в 1905 году он не удался<sup>1</sup>.

Иным был законопроект кадетов. Он основывался на тех же принципах, что проект Кутлера<sup>2</sup>. Кадеты доминировали в Думе, и к ним присоединилась группа «трудовиков», вторая по численности, объединившая большинство депутатов-крестьян.

Глава политической полиции П.И. Рачковский устроил для крестьянских депутатов особое общежитие, где их накачивали «патриотической» идеологией: «царь и народ едины, а воду мутят евреи». Их пытались втянуть в орбиту Союза русского народа, создававшегося доктором Дубровиным при содействии той же политической полиции. Затея не удалась. «Всем крестьянам, как бы правы [по своей политической ориентации] они ни были, было присуще стремление получить землю. А потому, как только выяснилось, что левые партии за отчуждение [части помещичьих земель]... „большой“ план Рачковского — привлечение на сторону правительства правых крестьян, потерпел полное крушение», — вспоминал генерал А.В. Герасимов<sup>3</sup>.

Глава правительства И.Л. Горемыкин понятия не имел, что предпринять. В Думе он объявил кадетский законопроект «недопустимым», что было прямым посягательством на ее права и «вызвало среди депутатов целую бурю»<sup>4</sup>. Даже очень умеренные из них потребовали отставки правительства.

---

<sup>1</sup> Он удался через 12 лет, когда пришедшие к власти большевики, не имея своей аграрной программы, перехватили эсеровскую. Ленинский декрет о земле предусматривал национализацию всей земли и передачу ее в «вечное» пользование крестьянам.

<sup>2</sup> Вскоре Н.Н. Кутлер вошел в партию кадетов. Во второй Думе именно ему будет поручено готовить и отстаивать кадетский законопроект.

<sup>3</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 76–77.

<sup>4</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 37.

Таков был разрыв между царским правительством и народным представительством. Наводить мосты Горемыкин не пытался. Его председательство в правительстве было фикцией. Заседания совета министров он проводил редко, наскоро, для проформы. Общую линию кабинета не вырабатывал. Он твердил, что он только слуга своего государя, и ждал указаний. Именно такого премьера хотел иметь Николай, но это оказалось не так комфортно, как он воображал. К роли амортизатора между царем и Думой Горемыкин не годился. Д.Ф. Трепов, чьими интригами он был поставлен, теперь стал внушать царю, что народное представительство против государя ничего не имеет, в конфронтации между правительством и Думой виновато правительство. То же самое напевала вся камарилья. Государю такая песня была по душе.

Но кем заменить Горемыкина? Очевидно, тем, кто сможет работать с Думой!

Трепов делает очередной пируэт и набрасывает список будущих министров. В него попадают кадеты и близкие к ним общественные деятели: С.А. Муромцев (председатель Совета), П.М. Милюков, И.И. Петрункевич, В.Д. Набоков, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.Н. Львов, М.Я. Герценштейн, Д.Н. Шипов. Они-то наверняка устроят Думу! В список, как видим, попал даже крещеный еврей Герценштейн — через месяц он будет убит черносотенцами.

Но тут-то и обнаружился предел влияния всесильного дворцового коменданта! При его шатаниях вправо оно было безграничным, при отклонении влево натолкнулось на стену.

Когда царь, по секрету, показал список предполагаемых министров Коковцову, тот, по его собственным словам, пришел в сильное волнение. Для него в *таком* правительстве места не было. И он сразу же стал запугивать государя: если тот передаст власть кадетам, то вскоре сам лишится власти и трона!<sup>1</sup>

В тот же день к Коковцову явился не менее взволнованный А.Ф. Трепов, родной брат дворцового коменданта, и рассказал о «безумном» проекте. Он просил «раскрыть глаза государю на всю катастрофическую опасность этой затеи», иначе проект может «проскочить под сурдинку». В способность государя самому

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 176.

понять, что к чему, он не верил. «Невежественные люди, привыкшие командовать эскадроном, но не имеющие ни малейшего понятия о государственных делах, ведут Россию к гибели», негодовал А.Ф. Трепов на своего брата<sup>1</sup>.

Встретившись с П.Н. Милюковым, Д.Ф. Трепов стал почти навязывать ему и его партии власть, объясняя, что сознает степень риска, но «когда дом горит, приходится прыгать и из пятого этажа».

Милюков выставил два условия: царь должен согласиться на частичное отторжение помещичьей земли в пользу крестьян и на полную амнистию политических заключенных. Иначе, объяснил он, кадеты не смогут «разоружить революцию, заинтересовав ее в сохранении нового порядка». Но Трепову уже стали выламывать руки. Он «безусловно отвергал принцип экспроприации [земли]» и «находил по-прежнему невозможным говорить о „полной амнистии“». Тогда на авансцену был выдвинут министр внутренних дел П.А. Столыпин. Теперь уже он «по поручению государя» пригласил лидера кадетов для беседы. Согласно Милюкову, обсуждался вопрос о коалиционном правительстве. Столыпин предлагал себя в качестве председателя и оставлял за царем исключительное право назначать ключевых министров — военного, иностранных и внутренних дел, а также министра двора; остальные портфели отдавались избранникам Думы, то есть кадетам. Милюков не соглашался на председательство Столыпина и, главное, на то, чтобы оставить вне контроля Думы министерство внутренних дел, то есть карательную систему империи<sup>2</sup>. А.В. Герасимов, которому Столыпин в тот же вечер подробно передал ход беседы, подтверждает: «Столыпин говорил, что готов был поддержать план создания думского министерства, но с большими оговорками»<sup>3</sup>. Сам Столыпин позднее это отрицал<sup>4</sup>.

Как бы то ни было, а сделка не состоялась. Царь и Столыпин не захотели выпрыгивать с пятого этажа горящего дома. Еще один шанс к гражданскому примирению был упущен.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 177–178.

<sup>2</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 382–384.

<sup>3</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 77–78.

<sup>4</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. С. 385.



7 июля 1906 года, на восемь часов вечера, в дом Горемыкина были приглашены все министры, но хозяина не оказалось на месте. Не было и министра внутренних дел Столыпина. Выяснилось, что оба, хотя и порознь, были вызваны в Царское Село и еще не вернулись.

Через час явился Горемыкин, и первые слова его были: «Поздравьте меня, господа, с величайшей милостью, которую мне мог оказать государь, я освобожден от должности председателя Совета министров, и на мое место назначен П.А. Столыпин с сохранением, разумеется, должности министра внутренних дел»<sup>1</sup>.

Коковцов уверяет, что радость Горемыкина была неподдельной: он «чувствовал себя школьником, вырвавшимся на свободу»<sup>2</sup>. Но сам Горемыкин доверительно рассказал своему «врагу» Витте, что его съел Трепов. Витте, сам съеденный Треповым, заметил, что такая же участь постигла бы и Столыпина, если бы внезапная смерть не выключила Трепова из игры.

Но дворцовый комендант еще при жизни стал политическим трупом. После того, как царь отбыл на яхте «Штандарт» в шхеры, а Трепов приглашен не был, он впал в хандру и умер от разрыва сердца. Короткая, но бурная эпоха конногвардейца, метавшегося между погромной и либеральной политикой, между «патронов не жалеть» и «отдать половину земли, чтобы сохранить другую половину», кончилась.

## ЭПОХА СТОЛЫПИНА

1906–1911

Миф о Столыпине как о несостоявшемся Спасителе отечества, убитом евреями, возник в эмигрантских кругах праворадикального толка, а затем был оприходован Всероссийской фашистской партией — малочисленной, но крикливой организацией, образовавшейся в 1920-е годы под влиянием успехов Муссолини и Гитлера. Первая биография Столыпина была издана в Хар-

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 185–186.

<sup>2</sup> Там же. С. 186.

бине — дальневосточной цитадели партии. Ее название «Первый русский фашист»<sup>1</sup>. В Харбине действовала и «Столыпинская академия» — Высшая партийная школа русских фашистов<sup>2</sup>.

С разгромом и дискредитацией Гитлера и его союзников миф, казалось бы, должен был угаснуть. Но *хранители огня*, из числа прямых потомков и близких к ним почитателей П.А. Столыпина, этого не допустили. Конечно, миф пришлось подновить: из коричневой униформы штурмовика Столыпина перерядили в белые одежды патриота-свободолюбца. Огонек этот, мало кем замечаемый, десятилетиями теплился на обочине общественного сознания, пока Александр Солженицын не превратил его в олимпийский факел, понесенный вперед и выше.

На крыльях всемирной славы Солженицына столыпинский миф внедрился в самую сердцевину диссидентской и нонконформистской России и так глубоко в нее врос, что с начала 1990-х годов, когда рухнул коммунизм, а с ним и цензурные преграды, он стал одним из немногих объединяющих мифов русскоязычного информационного пространства<sup>3</sup>.

Столыпин был водружен на пьедестал, где до него перебивали все главные советские вожди. Чем объясняется неистребимая потребность России в таком культе, я судить не берусь. А.И. Солженицын писал, сочувственно цитируя В.В. Шульгина: «Русские не способны делать дела через самозарожденную организованность. Мы из тех народов, которым нужен непременно вожак»<sup>4</sup>. С этим я спорить не стану: тем, кто претендует на понимание загадочной славянской души, виднее. Нужен вожак, и все тут! Если его нет, его надо выдумать. О том, как это делает-

---

<sup>1</sup> Горячкин Ф.Т. Первый русский фашист: Петр Аркадьевич Столыпин. Харбин: «Меркурий», 1928.

<sup>2</sup> См. Stephan John J. The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. New-York, Hagerstown, San Francisco, London: Harper & Row, 1978. С. 159.

<sup>3</sup> Отчасти он выплеснулся и за его пределы, о чем свидетельствует книга американского политолога Дэниела Махони. См.: Mahoney Daniel J. Alexander Solzhenitsyn: The Ascent from Ideology. New York-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. Lanham-Boulder, 2001, а также мою рецензию на эту книгу и последовавшие отзывы в: The Washington Times. September 23, 27 & 28. 2001; Резник С. Солженицын между Востоком и Западом. «Вестник». 28 марта 2002. №7. С. 37–41. (<http://www.vestnik.com/issues/2002/0328/koi/reznik.htm>)

<sup>4</sup> См. Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. С. 166.

ся, можно узнать из сборника, составленного двумя апологетами П.А. Столыпина А. Серебряковым и Г. Сидоровниным. Вот характерная выписка:

«За 15 лет пребывания „макиавелистого“ (по выражению А.И. Солженицына) Витте на высших государственных постах, неизбежно расстраивались: железные дороги — крушение царского поезда с Александром III произошло в бытность его министром путей сообщения; финансы — в бытность его на посту министра финансов; обороноспособность страны — в бытность его на посту министра внутренних дел, и, наконец, первые грозные симптомы гражданской войны проявились в бытность его на посту премьер-министра. <...> Фактически сделав все для возникновения в стране острого политического, экономического и военного кризиса, правительство Витте подало в отставку.

На предложение государя Петр Аркадьевич ответил царю немедленно: „Это против моей совести, ваше величество. Ваша милость ко мне превосходит мои способности... Я не знаю Петербурга и его тайных течений и влияний“. Но Николай II настоял. <...> Молодой, статный, с характером необычайно решительным и выдержанным, чуждый кичливости, блестящий оратор, Столыпин сразу же стал инициатором и проводником реформ и законоположений, поучительность и результативность которых поражает и сегодня. Главным делом его жизни стала земельная реформа. Жизни стоившая, но давшая ему всемирную и вневременную известность»<sup>1</sup>.

Непременным атрибутом мифотворчества должна быть демонизация конкурента на роль лучезарного героя. (Как не вспомнить Эммануэля Голдстейна, противопоставляемого Старшему Брату в мрачной утопии Джорджа Оруэлла!)

Был ли Витте «макиавелистом»? Безусловно. Иные в высшем эшелоне власти не удерживались. Это в равной степени относится и к Столыпину. Что же касается крушения царского поезда, то оно произошло *до того*, как Витте стал министром путей сообщения. Это крушение и заставило Александра III вспомнить о предостережениях Витте, когда тот, будучи сотрудником «жидовской», по словам разгневанного царя, железной дороги,

---

<sup>1</sup> Столыпин П.А. Жизнь и смерть. Сост. Александр Серебряников и Геннадий Сидоровнин. Приволжское книжное издательство, 1991. С. 42–43.

не позволил гнать царский поезд со слишком большой скоростью — в нарушение правил безопасности. Будучи министром финансов, Витте сумел укрепить курс рубля и перевести его на золотое обеспечение, что позволило привлечь иностранные капиталы для развития экономики страны. Министром внутренних дел Витте никогда не был; обороноспособность страны развалили те, кто втянул ее в позорную японскую войну, против чего Витте возражал. А «гражданская война» (то есть революционные события 1905 года) началась, когда Витте был в опале; для того, чтобы ее погасить, он предложил план конституционных преобразований и, став премьером, в труднейших условиях проводил его в жизнь.

При всех его ошибках, непоследовательности и *макиавельности*, Витте стремился искать выход из системного кризиса, в который страну загнал Николай II, в *сотрудничестве с обществом*. Это открывало путь к эволюционным преобразованиям вместо революционных потрясений. Но *такой* Витте создателей культа Столыпина устроить не может. По отношению к нему пускаются в ход оруэловские «две минуты ненависти», дабы ярче воссияло солнце «всемирного и вневременного» Старшего Брата, конечно же «молодого, статного, чуждого кичливости» и т. п.

Что же представлял собой *исторический* Столыпин?

Об этом можно судить по его конкретным делам в конкретных обстоятельствах.

Для роспуска Государственной Думы, назначенного на воскресенье 9 июля 1906 года, то есть через 2,5 месяца после того, как она начала работать, новый премьер и министр внутренних дел в деталях подготовил строго законспирированную операцию. Прежде всего, были приняты меры против преждевременной утечки информации об Указе, печатавшемся накануне ночью в Сенатской типографии. В качестве отвлекающего маневра на понедельник 10 июля было назначено слушание в Думе объяснений правительства по депутатскому запросу о еврейском погроме в Белостоке: никто не должен был заподозрить, что до понедельника Дума не доживет. Для еще большего усыпления бдительности депутатов Столыпин просил Коковцова не отменять обычного субботнего отъезда в деревню: перемена в рутин-

ных перемещениях министра финансов могла быть замечена прессой и послужить сигналом тревоги. «А что, если вспыхнет забастовка на железной дороге и я не смогу вернуться?» — спросил Коковцов. Столыпин тотчас позвонил министру путей сообщения и распорядился, в случае необходимости, доставить министра финансов специальным паровозом, так что и это было предусмотрено!<sup>1</sup>

Предосторожности отнюдь не были лишними! Ведь готовился акт, означавший крутой разворот в политике царского правительства — от медленного, осторожного, но все-таки сближения с обществом к новой конфронтации.

Согласно Основным законам, роспуск Думы при некоторых обстоятельствах допускался. Но сделать это через два месяца после начала ее работы! Да назначить новые выборы так, чтобы новая Дума начала работать только через семь месяцев! Да и где гарантии, что новые выборы — и новая Дума — вообще состоятся! Внезапный разгон Думы общественность могла интерпретировать как государственный переворот, отнимающий свободы, «дарованные» царем так недавно! Словом, власть имела все основания бояться организованного сопротивления.

Роспуска Думы вождеденно ожидал государь, но, хорошо зная его неустойчивость, И.Л. Горемыкин, официально еще не отставленный, в субботу 8 июля пораньше исчез из дома, а, вернувшись поздно вечером и убедившись, что из Царского Села никаких указаний не поступало, приказал швейцару ни под каким видом себя не будить. Ночью, как потом говорили, было-таки доставлено повеление царя — *отложить* исполнение Указа о роспуске Думы! Но Горемыкин спал; пакет до утра пролежал нераспечатанным! Коковцов, приводя эту подробность, добавляет: «Лично я совершенно не доверяю этому рассказу и не допускаю мысли, чтобы государь мог в такой форме изменить сделанное им распоряжение... за спиной человека [Столыпина], на которого он только что возложил такой ответственный долг. Но рассказ этот характерен как показатель настроения, господствовавшего в ту пору»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 191.

<sup>2</sup> Там же. С. 192.

Однако такое настроение господствовало не случайно, ибо было уже известно, что вечно конспирировавший против всех и вся государь *мог* действовать таким манером. И Столыпину, и Коковцову предстояло многократно испытать это на себе.

В воскресенье утром 9 июля депутаты Думы прочли Указ о ее роспуске. Бросились к Таврическому дворцу, но здание было оцеплено полицией, все двери заперты. Население, тоже застигнутое врасплох, организовать не смогло, специального паровоза за Коковцовым посылать не понадобилось. Вроде бы все прошло без сучка, без задоринки. Но часть депутатов Думы, потолкавшись у оцепленной своей резиденции, незаметно, по одному или небольшими группами, направились на Финляндский вокзал, оттуда в Выборг — город, как-то защищенный от полицейского произвола финской конституцией. В зале одной из гостиниц собралось около 230 депутатов — большинство кадетов. Муромцев, заняв председательское место, невозмутимым голосом объявил:

«Заседание Государственной Думы продолжается!»

Воззвание под названием «Народу от народных представителей», подписанное большинством депутатов, резко осуждало роспуск Думы. «Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодную Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы», — говорилось в воззвании, призывавшем оказать сопротивление этому произволу. «Правительство не имеет права без согласия народных представителей ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправе ему не давать ни солдат, ни денег». Это был призыв к *мирному* гражданскому неповиновению. Ни к всеобщей забастовке, ни к вооруженному восстанию призыва не было, так что, по тем временам, это было умеренное воззвание, отражавшее умеренную левизну партии кадетов. Позднее, на суде, Муромцев даже скажет, что, призывая народ к *пассивному* сопротивлению, Выборгское воззвание ставило целью предотвратить *активное* сопротивление, то есть новый революционный взрыв<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. New York: Russica, 1980. С. 194.

Воззвание не достигло своей прямой цели, но достигло гораздо большего. Оно заставило власти *доказывать*, что обещание провести выборы в новую Думу выполнят. Выборгцы заплатились тремя месяцами тюрьмы каждый — то была небольшая плата за срыв заговора против конституционного строя!

А пока, пользуясь свободой рук в междумный период, Столыпин, поддерживаемый государем, развернул бурную деятельность, показывая каждым своим словом и делом, что кулак, разжимавшийся целых два года, теперь будет сжиматься.

Для революционного подполья это послужило новым сплачивающим и мобилизующим импульсом.

После Манифеста 17 октября 1905 года оно лишилось безусловной поддержки умеренных кругов, а в его собственных рядах возникли сомнения, колебания, разброд. Руководство самой крупной революционной партии — эсеров — в ответ на Манифест 17 октября постановило прекратить террор, но возобновило его после жестокого подавления Декабрьского восстания в Москве. В связи с созывом Думы Совет партии снова постановил прекратить террор, но дал Центральному комитету право, «не дожидаясь следующего собрания Совета, возобновить террор в тот момент, когда этого потребуют интересы революции»<sup>1</sup>. Правда, наиболее радикально настроенные террористы с этим не согласились и выделились в самостоятельную группу «максималистов». В разных местах действовали другие автономные группы. Тем важнее было для власти проводить курс, который бы привлекал или хотя бы нейтрализовал как можно более широкие слои населения, обрекая экстремистов на изоляцию.

Столыпин, поддерживаемый царем, пошел другим путем. Направление ответного удара можно было предвидеть.

Пикантная подробность побоища в доме премьера на Аптекарском острове состояла в том, что прямым соучастником его был... сам премьер.

История этого злодеяния прямо связана с тем, что в июне, в Киеве, некто Соломон Рысс, арестованный «при попытке ограбления артельщика», предложил свои услуги полиции. Начальник Киевского Охранного отделения полковник А.М. Еремин спешно доложил в Петербург о возможности заполучить ценно-

---

<sup>1</sup> Там же.

го агента. Получив одобрение от начальника департамента полиции М.И. Трусевича, Еремин устроил преступнику побег, а два охранника, упустившие его якобы по халатности, были судимы и приговорены к каторге!<sup>1</sup>

Рысса переправили в Петербург для внедрения в группу максималистов и туда же перевели, с большим повышением, полковника Еремина, поставленного «заведовать всей секретной агентурой». Ни с кем другим из полицейского начальства провокатор контактировать не желал, а с его условиями приходилось считаться. Своей властью проводить эти перемещения и назначения Трусевич не мог: он действовал, получив одобрение министра внутренних дел Столыпина<sup>2</sup>.

Рысс потребовал до поры не арестовывать никого из группы максималистов, к которой он примкнул. Трусевич снова обратился к Столыпину, а тот запросил мнение начальника Петербургского охранного отделения Герасимова. У Герасимова не было принципиальных возражений против использования уличенных преступников в целях сыска: он сам действовал такими же методами. Он только высказал сомнения в надежности *данного* агента, — скорее всего потому, что тот проходил не по его Отделению. Именно так это расценил Столыпин: выслушав Герасимова, он «присоединился к мнению Трусевича и подтвердил приказ о непроизводстве арестов максималистов»<sup>3</sup>.

12 августа, к дому Столыпина на Аптекарском острове, в обычное время приема, когда там толпилось много посетителей, в открытом ландо подкатили два жандарма. Они вошли в вестибюль, неся каждый по тяжелому портфелю. Заметив какие-то непорядки в их форме, охрана бросилась наперерез, но было поздно. Страшный взрыв разнес в клочья обоих «жандармов» и отправил на тот свет еще 25 человек. Часть дома взлетела на воздух. Сквозь клубы дыма и пыли слышны были жалобные стоны, ржание раненых лошадей. Тяжело пострадали дочь и сын премьерера.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 88.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 90. Заимствуя факты из вполне надежных в этом отношении воспоминаний А.В.Герасимова, я в то же время хочу оттенить очевидное стремление автора всячески подчеркивать свое профессиональное превосходство — в противовес дилетантизму его бывших соперников и товарищей по оружию.



Чудом уцелевший Столыпин проявил самообладание и мужество. То, что злодеяние было совершено при прямом участии агента полиции и соучастии самых высших чинов, удалось скрыть от общественности. Даже после этой бойни Рысс не был арестован и продолжал служить сексотом.

Зато уже через неделю, по представлению Столыпина, царь подписал чрезвычайный закон о введении скорострельных военно-полевых судов. Этим «решительным» ответом власть маскировала то, что действенного средства борьбы с террором у нее не было.

В чем, в чем, а в кровавой юстиции недостатка в России не ощущалось. Гражданское судопроизводство смертной казни не знало, но параллельно действовали военные суды двух типов.

Достаточно было объявить ту или иную губернию на военном положении (три четверти губерний в то время), как в юрисдикцию военных судов автоматически переходила определенная категория уголовных дел. Суд вершился скорый, без излишних формальностей; смертный приговор часто выносился при юридически ничтожных уликах.

Адепт пунктуальной законности В.А. Маклаков подчеркивал, что при всей жесткости такой юстиции в ней еще не было абсолютного произвола, так как это была «общая мера для всех». Но ее дополняла другая категория военных судов: на основе Положения о чрезвычайной охране. Это положение позволяло предавать военному суду *любого* подозреваемого по усмотрению генерал-губернатора, то есть *по произволу*. В.А. Маклаков видел в этом миниатюрную модель всей системы *старого* самодержавия. «В этом был разврат, который всех приучал к беззаконию, заменял закон произволом и этим „воспитывал нравы“».

В.А. Маклаков, правый кадет, еще более поправивший в эмиграции, в своих воспоминаниях склонен выставлять Столыпина в максимально выгодном свете. Тем не менее, задавая вопрос, что же сделал Столыпин с доставшейся ему карательной системой, он отвечал: «Он не только не исправил, хотя бы частично, „исключительных положений“, но он их в самом „неврологическом пункте“ *ухудшил*. Единственная новелла, введенная им в эту область, была знаменитая мера 19 августа 1906 г. о „военно-полевых судах“» (курсив В.А. Маклакова — *С.Р.*)<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Там же.

«Новелла» обрекала на виселицу почти каждого, кто попал в мясорубку. По положению, суд происходил не позднее 48 часов после ареста, так что ни о каком серьезном следствии не могло быть и речи. В состав суда входили строевые офицеры, без допущения юристов, даже военных. Для профессиональной оценки представленных им улик у них не было квалификации. Приговор приводился в исполнение не позже, чем через 24 часа после его вынесения; обжалованию или пересмотру не подлежал. Очевидная цель максимального сближения *преступления*, чаще всего не доказанного, и *наказания*, почти всегда неотвратимого, состояла в *устрашении*. Тогда как террористы безнаказанно творили кровавые дела, нередко при содействии полиции, петля в большинстве случаев затягивались не шее тех, кто ни к какой революционной работе причастен не был. Во Второй Думе Столыпин бросит в зал знаменитое: «Не запугаете!» Но сам он делал ставку именно на запугивание. Большевики многократно усовершенствуют эту систему и придадут ей небывалый размах, но в числе тех, кто возвращал ее ростки, одно из самых видных мест принадлежало Столыпину.

Поскольку законоположения, принятые в промежутке между Первой и Второй Думами, надо было как-то оформить, то они вводились царскими указами по 87-й статье Основных законов. Статья позволяла во время перерыва в работе законодательных учреждений, «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном», вводить временные законы, при условии, что после возобновления работы Думы они должны ею утверждаться или прекращать свое действие. Это значило, что такие законы должны были носить временный и обратимый характер.

В свете этого положения, закон о военно-полевых судах, строго говоря, мог быть принят по 87-й статье, так как впоследствии он мог быть (и был) отменен Второй Думой, хотя тысячи повешенных уже нельзя было воскресить. Но этого никак не скажешь о ряде других законов, включая наиболее важный из них — от 9 ноября 1906 года, — положивший начало аграрной реформе.

В Советском Союзе столыпинскую реформу предавали анафеме. В постсоветской России, а в диссидентских и нонконформистских кругах много раньше, в ней увидели спасение для

сельского хозяйства страны, доведенного коммунистической властью до полного развала и деградации. С зияющих высот колхозного строя иного видения столыпинской реформы трудно было бы ожидать. Но если спуститься в долину дореволюционной России, то легко увидеть, что столыпинский вариант реформы был не единственным и, видимо, не наилучшим. Он не решил главного: острой нехватки земли, которую испытывали крестьянские массы.

Альтернативный проект реформы предлагала партия конституционных демократов в Первой, а затем во Второй Думе. Он также предполагал в перспективе превращение крестьянина-общинника в фермера-собственника. В этом оба проекта *сходились*. Разница состояла в том, что кадеты настаивали на увеличении крестьянской доли землевладения — за счет помещичьей. Этого требовали прагматические соображения, так как основные требования крестьянства сводились к одному короткому слову: «Земли!» Удовлетворить это требование хотя бы частично — значило ослабить социальное напряжение в стране.

Столыпин восстал против посягательств на «священные права собственности». Не потому, что он не сознавал крестьянской нужды в земле. Он предлагал ускорить процесс переселения крестьян на свободные земли Сибири, облегчить покупку крестьянами земли у помещиков, *желавших* ее продать. Эти меры были полезными и достаточно эффективно проводились в жизнь. Будучи способным администратором, Столыпин сделал немало для улучшения работы государственного аппарата. Но глава правительства — прежде всего политик, а потом уже администратор. Как политик он должен либо согласовывать интересы различных групп населения, смягчая противоречия между ними, либо брать сторону одних групп в ущерб другим. Политика Столыпина в земельном вопросе сводилась к тому, чтобы идти навстречу крестьянам лишь до тех пор, пока это не ущемляло интересы помещиков. Принудительного выкупа помещичьей земли он не допускал. Это означало, что крестьяне в большинстве регионов страны должны были довольствоваться теми наделами, которые получают при выходе из общины. Вот когда научатся хозяйствовать на *своей* земле, тогда урожаи возрастут, и даже малые наделы станут давать достаточно хлеба — таков был основной посыл Столыпина.

Но — улита едет, когда-то будет. Премьер хорошо знал — когда. Неспроста он говорил: «Дайте мне двадцать лет, и вы не узнаете России». А как протянуть эти двадцать лет? Прозябать в нищете?

Приватизацию общинной собственности даже черносотенные депутаты от крестьян считали недостаточной мерой, резко расходясь в этом вопросе с черносотенными депутатами-помещиками<sup>1</sup>. Показывая, что «священному праву собственности» 130-ти тысяч помещиков власть отдает предпочтение перед сытостью десятков миллионов крестьян, Столыпин лишь подтверждал то, что внушала массам революционная пропаганда: власть стоит на страже интересов «помещиков и капиталистов», а не простого народа.

Аграрная реформа Столыпина *НЕ* решала основного вопроса русской революции. Об этом, между прочим, ярко свидетельствует одно вскользь брошенное замечание будущего председателя Третьей и Четвертой Думы М.В. Родзянко, относящееся к последним месяцам царского режима:

«Так как на дворянство и духовенство уже не полагались, то по мысли [министра внутренних дел] Протопопова решено было привлечь на сторону правительства крестьян и с этой целью стали разрабатывать законопроект о наделении крестьян — георгиевских кавалеров [!] — землей в количестве до тридцати десятин, путем *принудительного отчуждения от частных владельцев*» (курсив мой. — *С.Р.*)<sup>2</sup>. Конечно, вопрос о земле таким *принудительным отчуждением* не решался: георгиевских кавалеров среди солдат были единицы на много тысяч. Цель, видимо, состояла в том, чтобы поднять дух армии.

Но, увы!

Одна из причин того, что летом 1917 года, вопреки усилиям Временного правительства, стал разваливаться фронт, состояла в том, что солдаты массами разбежались по домам, где, по слухам, начинался передел земли, и они не хотели быть обде-

---

<sup>1</sup> Подробнее см.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М.: ВЗПИ А/О «Росвузнаука», 1992. С. 245–250.

<sup>2</sup> Родзянко М.В. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986. С. 217.

ленными. В этом же причина того, что после Октября ленинский декрет о земле, наряду с декретом о мире, бросил солдат и крестьян в лагерь большевиков.

Таковы были *дальние* последствия столыпинский реформы — в момент принятия их трудно было предвидеть. Но очевиден был ее *правовой* аспект. Речь шла о реформе, рассчитанной на долгий срок и не имевшей характера чрезвычайной срочности; а, главное, необратимой, ибо после передачи общинной земли в собственность отдельных крестьян, ее уже нельзя было вернуть обратно. Значит, вводить ее царским указом по 87-й статье можно было, только профанируя и эту статью, и Основные законы вообще. Против этого должны были протестовать все, для кого «дарованные» свободы не были пустым звуком. Столыпин сознательно шел на попрание законов.

«Столыпин... юридической стороне придавал наименьшее значение, и если для него какая-нибудь мера представлялась необходимой, то он никаких препятствий не усматривал... Тут его рассуждения были таковы, что, когда в государственной жизни создается необходимость какой-нибудь меры, — для таких случаев закона нет»<sup>1</sup>.

Такое объяснение действий Столыпина многого стоит, ибо оно исходит от И.Г. Щегловитова, с чьим именем связаны самые скандальные беззакония той эпохи. Будучи министром юстиции в кабинете Столыпина, он сфабриковал дело Бейлиса и многие другие дела.

Да и сам Столыпин, не стесняясь, излагал свое кредо: «Не думайте, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россию подкрасить румянами всевозможных вольностей, и она станет здоровой»<sup>2</sup>.

Если так, к чему вообще румяна и прочая косметика?

---

<sup>1</sup> Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Редакция П.Е. Щеголева. Л.; М.: Госиздат, 1925. Т. II. С. 439. (Допрос И.Г. Щегловитова.)

<sup>2</sup> Столыпин П.А. О деле Азефа. Речь на заседании Государственной Думы 11 февраля 1909 г. Цит. по: П.А.Столыпин. Жизнь и смерть за царя. С. 119. См. также: Столыпин А.А. П.А.Столыпин. 1862–1911. Париж, 1927; репринт. М.: Планета, 1991. С. 46.

Для разгона Второй Думы Столыпин прибегнул не только к конспирации, но к провокации. Ключевая роль выпала на долю Екатерины Шорниковой — секретного агента охраны по кличке Казанская.<sup>1</sup> Она была секретарем некоей петербургской военно-революционной группы и держала в своих руках все нити ее работы среди солдат гарнизона. Этой группой, при активном участии Шорниковой и, вероятно, по ее инициативе, был составлен крамольный «солдатский наказ» для социал-демократической фракции Государственной Думы. Шорникова передала его копию начальнику Охранного отделения Герасимову, тот — Столыпину, который санкционировал все дальнейшие действия.

«Он потребовал, чтобы аресты были произведены в тот момент, когда солдатская делегация явится в социал-демократическую фракцию, чтобы, так сказать, депутаты были схвачены на месте преступления», — свидетельствовал Герасимов.

В чем же состояло «преступление» депутатов? Может быть, кто-то из них находился в предварительном сговоре с солдатской группой, придумавшей «Наказ»? Но Герасимов подтверждает: «Для самой социал-демократической фракции появление этой [солдатской] делегации оказалось полной неожиданностью»<sup>2</sup>.

Так как состава преступления не было, Охранка должна была его создать. И провалилась. «Приняв от них [неожиданно явившихся солдат] наказ [и заподозрив неладное], депутаты поспешно выпроводили их из помещения через черный ход»<sup>3</sup>.

Когда явились жандармы, уже было поздно. Депутатские удостоверения, гарантировавшие парламентскую неприкосновенность, не заставили их ретироваться. Они перевернули все помещение, перерыли и забрали кучу бумаг, но ни солдатской делегации, ни крамольного «наказа» не нашли. «Схватить депутатов на месте преступления», как наставлял Столыпин, не удалось. Премьера это не остановило. Крамольных солдат арестовали в казармах — по списку Шорниковой. Приобщили к делу полученную от нее же копию «наказа». Был выписан ордер и на ее арест, но ей «удалось скрыться». Много лет она так удачно

---

<sup>1</sup> В воспоминаниях В.Н. Коковцова она ошибочно названа Марией.

<sup>2</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 110.

<sup>3</sup> Там же.

«скрывалась», что, числясь в списках преступников, разыскиваемого Департаментом полиции, в том же Департаменте получила справки о благонадежности для устройства на работу<sup>1</sup>.

Как видим, борьба с революционной пропагандой в армии служила ширмой для проведения куда более важной операции. То был столыпинский «поджог Рейхстага»! Готовился государственный переворот, под него следовало подвести надежный фундамент.

Столыпин явился в Думу с сенсационными разоблачениями и потребовал лишить парламентской неприкосновенности всю фракцию социал-демократов (эсдеков) в количестве пятидесяти пяти депутатов, то есть выдать их для суда. К мнимому заговору эсдеков он пристегнул еще один, куда более зловещий. Отвечая на запрос правых депутатов, специально для этой цели поданный, он «подтвердил» слухи о раскрытии «образовавшегося в составе партии социалистов-революционеров *сообщества*», которое поставило «целью своей деятельности *посягательство на священную особу Государя императора и совершение террористических актов, направленных против великого князя Николая Николаевича и председателя совета министров*» (курсив в тексте — С.Р.)<sup>2</sup>.

Никаких имен и подробностей Столыпин не сообщил, но имелось в виду дело группы Владимира Наумова, сына начальника Петергофского почтово-телеграфного отделения. Познакомившись с казаком Ратимовым, служившим в охране царского

---

<sup>1</sup> Коковцов уверяет, что «никто из нас», в том числе и Столыпин, не знал о провокаторской роли Шорниковой. Это не может не вызвать иронической усмешки — в свете его же повествования о большой неприятности, выпавшей на его долю пять лет спустя, когда Шорникова появилась в Петербурге и стала требовать денег, чтобы уехать в Америку — от преследований бывших товарищей по партии. Коковцов, тогда уже премьер, должен был лично заниматься этим делом, для чего вызвал из отпуска министра юстиции Щегловитова и даже ставил вопрос на обсуждение Совета министров. Столыпин такие вопросы на заседания Совета министров не выносил, поэтому неудивительно, что в 1906 году Коковцов не был посвящен в тайные игры охранки. Но Столыпин, будучи не только премьером, но и министром внутренних дел, лично ею руководил. Ни одного серьезного шага охранка без него не делала.

<sup>2</sup> Столыпин П.А. О заговоре против Государя императора, великого князя Николая Николаевича и П.А. Столыпина. Ответ на запрос правых партий от 7 мая 1907 г. В кн.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 98.

дворца, Наумов стал ему говорить о предстоящей революции. Когда тот доложил об этом разговоре начальству, ему велели продолжать контакты с Наумовым, прикидываясь сочувствующим. Остальное было делом техники. Режиссуру первоначально взял на себя начальник дворцовой охраны полковник Спиридович (через несколько лет он сыграет роковую роль в судьбе Столыпина), а затем «сам» Герасимов. Доведя дело до нужной кондиции, Герасимов арестовал Наумова, запутал его предстоявшим смертным приговором, а затем пообещал даровать жизнь — в обмен на известные услуги. Наумов оговорил многих друзей и знакомых, но на суде от своих показаний отказался. Других улик против восемнадцати (!!) обвиняемых не было. Чтобы спасти дело, пришлось вызвать свидетелем... самого начальника Охранного отделения. Ради конспирации и пушнего эффекта Герасимов давал показания густо загримированным. Но и сквозь толстый слой грима проступали черты раздутой полицейской провокации. Юридическая несостоятельность сфабрикованного дела о несостоявшемся цареубийстве «вызвала протесты в рядах защиты, и один из защитников, кажется, В.А. Маклаков, во время моих показаний с возмущением покинул зал заседания»<sup>1</sup>. Это не помешало присудить Наумова и еще двух человек к смертной казни, а десяток других отправить на каторгу. Партия эсеров отрицала связь с группой Наумова, и на суде она не была установлена.

Но даже если бы это дело не граничило с блефом, то какое отношение террористическое «сообщество» эсеров могло иметь к депутатской фракции эсдеков, которым солдаты принесли свой «наказ»? Зато *посягательство на священную особу*, плюс *на особу великого князя*, плюс *на импозантную особу* стоящего тут же на трибуне премьера — это звучало гордо! На такой липе и основывалось требование Столыпина о снятии парламентского иммунитета с пятидесяти пяти депутатов Государственной Думы и выдачи их для расправы! Экспансивный Пуришкевич выскочил на трибуну вслед за Столыпиным и завопил, что «преступники должны быть немедленно выданы и отправлены на виселицу»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 107.

<sup>2</sup> Цит. по: Маклаков В.А. Указ. соч. С. 243.



Крайне правые, к которым принадлежал черносотенный бессарабский помещик, составляли среди депутатов Второй Думы ничтожное меньшинство. Но отвергать с порога требование премьера Дума не стала, а постановила передать вопрос для изучения в Комиссию, дав ей сроку один день. И тут премьер запаниковал. Ему нужны были не головы депутатов-эсдеков, а повод для нового разгона Думы. «По существу Столыпин рассчитывал именно на несогласие Государственной Думы», — откровенничал Герасимов<sup>1</sup>.

С разгоном Думы давно уже торопил царь, причем он «не входил вовсе в рассмотрение детального вопроса о необходимости соблюсти какую-то особенную осторожность при роспуске, — свидетельствовал Коковцов. — Его взгляд был до известной степени примитивен, но ему нельзя, по справедливости, отказать в большой логичности. Я хорошо помню, как на одном из моих всеподданнейших докладов между 17 апреля и 10 мая государь прямо спросил меня, чем я объясняю, что совет министров все еще медлит представить ему на утверждение указ о роспуске Думы и о пересмотре избирательного закона»<sup>2</sup>.

Тут сквозило недовольство Столыпиным, о чем Коковцов поспешил ему сообщить, а председатель совмина, столь грозный и решительный вне стен Царскосельского дворца, стелился перед государем. Что, если Дума выдаст депутатов-эсдеков? Он жалобно запросил: «Можно ли Думу не распускать, если она согласится на исполнение требования?» Николай, к счастью, понял, что в таком случае роспуск был бы неуместен. Но к еще большому счастью премьера...

«Заседание 2-го июня длилось недолго. — К концу его Кизеветтер, председатель комиссии, занимавшейся делом соц[иал]-демократов, пришел доложить, что комиссия работы своей не окончила, и просил продлить ей срок до понедельника. Предложение было принято Думой»<sup>3</sup>.

Дальше медлить было нельзя. И напрасно в тот же вечер, уже около полуночи, втайне от своих товарищей по фракции, В.А. Маклаков и трое других правых кадетов отправились к Сто-

---

<sup>1</sup> Герасимов А. В. Указ. соч. С. 111.

<sup>2</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 226.

<sup>3</sup> Маклаков. Указ. соч. С. 243.

лыпину уговаривать его проявить терпение. «Было что-то возмущающее в том, что этот роспуск надвинулся как раз в тот момент, когда Дума благополучно обошла последние подводные камни, и когда настоящая работа ее, наконец, началась, и могла продолжаться».

Столыпин какое-то время валял Ваньку, а потом, «как будто перестав притворяться, грустно сказал: „Пусть все это так; но есть вопрос, в котором мы с вами все равно согласиться не сможем. Это — аграрный. На нем конфликт неизбежен. А тогда к чему же тянуть?“»<sup>1</sup>

Аграрный закон, принятый по 87-й статье, подлежал утверждению Думой, а она стояла за кадетский законопроект, включавший увеличение крестьянских наделов за счет выкупа, если потребуется, принудительного, части земли у помещиков. Тут-то и была зарыта собака. Не депутаты-эсдеки были камнем преткновения, а то, что Столыпин не желал уступить ни пяди помещичьей земли!

«Он кончил неожиданной любезностью, — завершает эту сцену В.А. Маклаков. — „Желаю с вами всеми встретиться в 3-ей Думе. Мое единственное приятное воспоминание от Второй Думы, — это знакомство с вами. Надеюсь, что и вы... узнали нас поближе [и] не будете считать нас такими злодеями, как это принято думать“. Я ответил с досадой: „Я в 3-ей Думе не буду. Вы разрушили всю нашу работу и наших избирателей откинете влево. Теперь они будут *не нас* избирать“. Он загадочно усмехнулся. „Или вы измените избирательный закон, сделаете государственный переворот? Это будет не лучше. Зачем же мы тогда хлопотали?“ Он не отвечал, и мы с ним простились»<sup>2</sup>.

Давно подготовленный Указ о роспуске Думы был подписан в тот же вечер, 3 июня. Он вошел в историю под названием «третьеиюньский переворот», так как то был государственный переворот в точном значении этого понятия, хотя апологеты Столыпина пытаются это оспаривать. Ибо, в нарушение Основных законов, одновременно с роспуском Думы был изменен избирательный закон. От участия в выборах отсекалось большинство крестьян, рабочих и даже мещан. В еще большей степени

---

<sup>1</sup> Там же. С. 246.

<sup>2</sup> Там же. С. 247.

были урезаны избирательные права жителей окраин империи, дабы в Думу могло пройти как можно меньше инородцев. Обеспечивался сдвиг всего депутатского корпуса далеко вправо, с таким расчетом, чтобы правительство всегда имело большинство. Витте назовет Третью Думу не избранной, а *подобранной*, а мы, имея за плечами советский опыт, можем увидеть в ней прообраз будущего Верховного Совета. Коммунисты довели подмену *избранных* депутатов *подобранными* до логического конца, но начат процесс был Столыпиным.

Манипулирование законом было ведущим методом государственной деятельности Столыпина, на чем он, в конечном счете, и подорвался. Его политическое влияние кончилось — в связи со скандалом вокруг закона о Западном земстве.

Апологеты Столыпина видят в этом законе свидетельство его умеренности и даже демократичности, что, увы, снова не соответствует исторической правде.

Особенность Западного края состояла в том, что значительная часть крупных поместий принадлежала польским магнатам, тогда как русские помещики, владевшие там крупными имениями, как правило, в них не жили и в местных делах не участвовали. Введение здесь земского самоуправления на тех же основаниях, что во внутренних губерниях, привело бы к преобладающему положению в нем поляков, что никак не устраивало «национально» мыслящего премьера. Он решил «демократизировать» систему выборов в губерниях Западного края, понизив в десять раз имущественный ценз избирателей. Это давало право голоса более широким слоям населения, в основном православного. Но именно таким избирателям Столыпин не доверял, считая их малограмотными и малокультурными для самостоятельного участия в политической жизни; чего доброго, по своей неосознанности, они могли голосовать за кандидатов-поляков, если бы те соблазнили их какими-нибудь посулами. Чтобы понижение избирательного ценза работало так, как было задумано, Столыпин специально для Западного края вводил систему национальных курий. Это заставляло русских избирателей голосовать только за русских, и за ними закреплялось 84 процента мест в земских собраниях, а поляков голосовать за поляков, на остальные 16 процентов. «Демократизация» выборов превращалась в манипулирование избирателями.

Имея твердое большинство в Третьей Государственной Думе, Столыпин, в марте 1911 года, без труда провел в ней свой законопроект. Неожиданное сопротивление возникло в Государственном Совете, хотя половина его членов назначалась государем, так что правительство имело гарантированное большинство. Но в данном случае произошло иное. Лидер правых членов Совета — им был бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново — написал записку государю, в которой изображал законопроект о Западном земстве как почти революционную затею. Его единомышленник В.Ф. Трепов (еще один брат покойного дворцового коменданта) запросил у Николая аудиенцию, на которой выставил Столыпина заговорщиком, стремящимся лишиться его власти. Августейший конспиратор, по своему обыкновению, скрыл закулисные наущничанья от премьера, а по секрету разрешил В.Ф. Трепову передать противникам столыпинского законопроекта в Государственном Совете, что им *разрешается голосовать по совести*. Намек был понят.

Неожиданный провал законопроекта о Западном Земстве в Государственном Совете поразил Столыпина, а когда ему стали известны подробности интриги, которая этому предшествовала, он понял, что получил от обожаемого государя удар ниже пояса и оставаться на своем посту не может. Недалекий государь ждал от премьера всего, что угодно, но не прошения об отставке. Рассчитал ли премьер ответный ход, или так получилось «само собой», но он тоже ударил ниже пояса, повергнув государя в смятение.

Вообще-то Столыпин давно уже надоел Николаю, давно уже было ему некомфортно с премьером. Слишком тот был авторитарен, решителен, уверен в себе, словом, *заслонял* государя своей крупной фигурой. Давно уже государь давал это понять премьеру разными способами. А.В. Герасимов сообщает об удивительном разговоре Николая со Столыпиным еще в 1909 году, о чем премьер тогда же поведал Герасимову на возвратном пути из Царского Села:

«„Ваше величество, по мнению генерала Герасимова, Вам во время этой поездки [в Полтаву] никакой опасности не грозит. Он считает, что революция вообще подавлена и что вы можете теперь свободно ездить, куда хотите“.

„Я не понимаю, о какой революции вы говорите, — последовал ответ. — У нас, правда, были беспорядки, но это не револю-

ция. Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы были несколько таких людей, как полковник Думбадзе, все пошло бы по-иному»<sup>1</sup>.

Столыпин ждал «удовольствия и благодарности», а получил щелчок по носу — особенно обидный и незаслуженный потому, что с комендантом Ялты полковником Думбадзе он прятельствовал, они дружили семьями, их дети вместе играли и дружно распевали задорную песенку:

Жид Пергамент /Попал в парламент.  
Сидел бы дома, /Ждал погрома.

Крещеный еврей Осип Яковлевич Пергамент (1868–1909), адвокат, присяжный поверенный, был депутатом 2-й и 3-й Государственной Думы от партии кадетов. Он имел дерзость утверждать, что «освобождение евреев из-под тяготеющего над ними гнета — одна из сторон раскрепощения русского народа от административного произвола», что и вызывало насмешки «истинно русских людей», вроде полковника Думбадзе<sup>2</sup>.

По свидетельству А.В. Герасимова, Думбадзе «отличался беспощадным преследованием мирных евреев, которых он с нарушением всех законов выселял из Ялты». «Как-то раз (кажется в ту зиму 1908–09) на Думбадзе было совершено покушение. Неизвестный стрелял в него на улице и скрылся затем в саду прилежавшего дома, перепрыгнув через забор. Думбадзе вызвал войска, оцепил дом и арестовал всех его обитателей, а затем приказал снести сам дом с лица земли артиллерийским огнем. Приказ был исполнен»<sup>3</sup>.

Такие действия были по нраву тишайшему императору, а, главное, «замечательного грузина» превозносила печать Союза русского народа. Усердный почитатель «союзников», государь дал понять премьеру Столыпину, что тому не следует кичиться крутизной своих мер: можно найти людей и покруче.

---

<sup>1</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 146.

<sup>2</sup> Ксеендзук О. В поисках Пергамент. Мигдаль Times, 2014, № 127. <http://www.migdal.org.ua/times/127/>

<sup>3</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 146.

Сделал ли Столыпин надлежащие выводы из этого намека, или нет, но он продолжал позволять себе слишком многое, даже вторгаться в «святая святых»: в отношения царя и царицы со «старцем» Григорием Распутиным.

О похождениях Гришки Столыпин имел исчерпывающие сведения: их собирала охранка, следившая за каждым шагом шарлатана, втершегося в доверие к царице и к самому царю. Когда премьер впервые спросил государя о старце, тот, заметно смутившись, ответил, что слышал о нем от государыни, но сам его ни разу не видел. Премьер понял, что государь хитрит, и сам прибегнул к хитрости:

— Простите, ваше величество, но мне доложили иное.

— Кто же доложил это иное?

— Генерал Герасимов<sup>1</sup>.

Герасимов уверяет, что *в то время* еще не имел сведений о личных встречах царя с Распутиным и ничего подобного Столыпину не докладывал: тот брал Николая на пушку. Провокация удалась!

— Ну, если генерал Герасимов так доложил, то я не буду оспаривать. Действительно, государыня уговорила меня встретиться с Распутиным, и я видел его два раза.

Выдавив из себя это признание, царь перешел в атаку: «Но почему, собственно, это вас интересует? Ведь это мое личное дело, ничего общего с политикой не имеющее. Разве мы, я и моя жена, не можем иметь своих личных знакомых? Разве мы не можем встречаться со всеми, кто нас интересует?»<sup>2</sup>

Столыпин выложил все, что было известно о похождениях Гришки из агентурных сведений: о его попойках, сексуальных оргиях, хлыстовской ереси; о том, как слухи о близости его к царской семье подрывают престиж царской власти. Николай был поражен (или сделал вид, что поражен) и обещал больше не встречаться со «святым чертом». Обещания не выполнил, а только затаил еще большую неприязнь к премьеру, которая становилась все более лютой, ибо бродила внутри, не находя выхода, так как высказать ее прямо государь не умел.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 162.

<sup>2</sup> Там же. С. 163.

В.Н. Коковцов свидетельствует о том, что видел записку государя Столыпину, датированную 10 декабря 1910 года: Николай «в резких выражениях» выговаривал премьеру за появление скандальных публикаций о Распутине в прессе<sup>1</sup>.

Вероятно, под влиянием этой записки Столыпин вызвал к себе Гришку, и, если верить М.В. Родзянко, накричал на него и велел немедленно убраться из столицы, пригрозив арестом и судом за сектантство<sup>2</sup>. Видя, что премьер не шутит, Гришка поспешно уехал в свое родное село Покровское. Можно себе представить, какую истерику после этого закатила государю супруга и сколько ненависти вылила на премьера, представив его ослушником царской воли.

Не воспользоваться интригой Дурново-Трепова мстительный Николай просто не мог! Но согласиться на отставку Столыпина он тоже не мог: получилось бы, что уход премьера обусловлен неодобрением законодательного органа. Так водилось в какой-нибудь республиканской Франции или в Англии, где король царствовал, но не управлял. В императорской России такого посягательства на «начала» терпеть было нельзя.

«Во что же обратится правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с [Государственным] Советом, а завтра с Думой, будут сменяться министры», — растерянно сказал государь Столыпину и предложил найти другой выход из тупика, в который он сам загнал их обоих<sup>3</sup>.

Почувствовав себя опять на коне, Столыпин всадил в бока шпоры. Он согласился остаться при условии выполнения двух требований: во-первых, принять закон о Западном земстве по чрезвычайной 87-й статье, а для этого распустить обе законодательные палаты на три дня. Во-вторых, отправить Дурново и Трепова в длительный отпуск, дабы впредь никому неповадно было затевать интриги за его спиной.

Пока царь раздумывал над этим ультиматумом, императрица-мать Мария Федоровна предсказала дальнейших ход событий, словно читала открытую книгу:

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 26.

<sup>2</sup> Родзянко М.В. Крушение империи. С. 42.

<sup>3</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т.1. С. 389.

«Я не минуты не сомневаюсь, что государь после долгих колебаний кончит тем, что уступит, — сказала она Кокцову, — [но] будет глубоко и долго чувствовать всю тяжесть того решения, которое он примет под давлением обстоятельств... и чем дальше, тем больше у государя будет расти недовольство Столыпиным, и я почти уверена, что теперь бедный Столыпин выиграет дело, но очень ненадолго, и мы скоро увидим его не у дел»<sup>1</sup>.

Дума и Государственный Совет были распущены на три дня, закон о Западном земстве утвержден по 87-й статье, Дурново покорно ушел в преждевременный отпуск, Трепов предпочел отставку. Но для Столыпина то была пиррова победа.

«Можно сказать без преувеличения, что почти вся печать была враждебно настроена по отношению к Столыпину... Она критиковала с полной беспощадностью роспуск палат, проведение нескрываемым искусственным способом... отвергнутого закона и еще более резко отзывалась о мерах преследования лиц, хотя бы и замешанных в интриге, но подвергнутых совершенно несвойственным мерам взыскания. Клубы, особенно близкие к придворным кругам, в полном смысле слова дышали злобой и выдумывали всякие небылицы. Столыпин был неузнаваем. Что-то в нем оборвалось, былая уверенность в себе куда-то ушла»<sup>2</sup>.

Не нападки в печати повергли Столыпина в уныние, а то, что царь, уступивший его диктату, теперь брал реванш за свое унижение. В апреле 1911 года премьерство Столыпина фактически кончилось. Правда, сам он еще на что-то надеялся. Зная, с каким нетерпением царь теперь ждет его прошения об отставке, он упорно этого «не понимал». Из-за чего поплатился уже не карьерой, а жизнью.

Столыпин не избрал провокацию. Он унаследовал ее от Плеве, Рачковского, Зубатова, Дурново и более ранних предшественников. Но при нем она достигла расцвета. Герасимов, Трусович и их коллеги, непосредственные организаторы провокаций, ничего не делали без одобрения Столыпина. Герасимов почти ежедневно являлся к нему с обстоятельными докладами, сопровождал его в поездках к царю, стал доверенным человеком

---

<sup>1</sup> Там же. С. 394–395.

<sup>2</sup> Там же. С. 297.



в семье. Столыпин настолько высоко ценил начальника Петербургского Охранного отделения, так хорошо говорил о нем государю (когда еще был в фаворе), что тот тоже захотел с ним познакомиться.

«По традиции, только особы высших четырех классов (по рангу) имели право личного доклада царю. Я же по [тогдашнему] чину полковника принадлежал лишь к пятому классу»,<sup>1</sup> — сообщает Герасимов об оказанной ему чести. Беседа продолжалась полтора часа, а поскольку сидеть в присутствии его величества полковнику не полагалось, то и Николай весь прием простоял. Что же он вынес из душевной беседы? «Это настоящий человек на настоящем месте», — сказал государь Столыпину, а тот, конечно, поспешил передать самому имениннику.<sup>2</sup>

Козырной картой Герасимова был Евно Азеф, служивший под его началом и «по совместительству» возглавлявший Центральную боевую организацию партии эсеров, то есть организовавший покушения на царя и высших представителей власти. Добрая половина книги Герасимова «На лезвии с террором», написанной уже в эмиграции, посвящена Азефу. Главное, что он в ней пытался доказать, это то, что *при нем* Азеф «честно» служил охранке. О том, что и как глава боевой организации делал в прежние годы, Герасимов якобы не знал и не интересовался, хотя получил его с рук на руки от Рачковского, который был прекрасно осведомлен о том, как далеко зашла преступная работа агента на *втором фронте*.

Но шила в мешке не утаишь. Герасимов вынужденно признает свою осведомленность в том, что, по крайней мере, одно покушение, на адмирала Дубасова в Москве, произошло при участии Азефа, о чем ему донес другой агент, Зинаида Жученко. Герасимов пишет об этом, петляя, запутывая кровавые следы, но они проступают помимо его желаний, словно в фильме ужасов: «Существовала возможность, что Жученко принимала участие в организации покушения на Дубасова, но этим не исключалось и предположение, что Азеф, будучи в те немногие месяцы свободен от своей службы (! — *С.Р.*) в Департаменте полиции, мог по поручению партии принять на себя организацию покушения, а

---

<sup>1</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 98.

<sup>2</sup> Там же.

организовав, он расстроить его не сумел. Кажется, только одно не подлежит сомнению: как Азеф, так и Жученко знали о готовящемся покушении, но, по соображениям шкурного характера, они не доносили о нем, так как оба были на подозрении в партии»<sup>1</sup>.

Герасимов умалчивает о том, что Азеф позднее рассказал своему разоблачителю В.Л. Бурцеву: как Рачковский кричал на него, *в присутствии Герасимова*: «Это его дело в Москве!» На что Азеф не без вызова ответил: «Если мое, то арестуйте меня!»<sup>2</sup> Он знал, что арестовать его они не могли, так как были повязаны с ним общей веревкой, то бишь, общими преступлениями.

Об Азефе Герасимов постоянно докладывал Столыпину, и тот проникся к нему таким уважением, что интересовался не только его агентурными сведениями, но и политическими суждениями.

«Столыпин несколько раз в беседах с Герасимовым выражал даже желание лично встретиться с Азефом для того, чтобы в устной беседе подробнее ознакомиться с настроениями и взглядами, распространенными в революционной среде. Таковую встречу Столыпина с Азефом Герасимов по разным причинам устроить не мог, но вопросы Столыпина Азефу передавать ему приходилось часто... Азеф знал, кто именно ставит перед ним эти вопросы, был несомненно польщен вниманием к нему Столыпина и с особенным старанием давал свои ответы».<sup>3</sup> Герасимов сообщает, что Азеф «почти с восхищением... относился к аграрному законодательству Столыпина»<sup>4</sup>. Был ли польщен премьер лестной оценкой сексота, Герасимов не сообщает.

Охранка оберегала от ареста не только самого Азефа, но и его команду, а когда кто-то попадался по оплошности — своей или полиции — организовывала им побег, да так, чтобы они сами не могли догадаться о том, кто им покровительствует. Не без юмора Герасимов повествует о том, как, по требованию Азефа, устроил побег Петру Карповичу и как измучился жандарм, на которого была возложена эта деликатная миссия. Очень трудно за-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 84.

<sup>2</sup> Цит. по: Николаевский Б. Указ. соч. С. 189. (См. также «Падение царского режима...» Показания В.Л. Бурцева.)

<sup>3</sup> Там же. С. 211.

<sup>4</sup> Герасимов. Указ. соч. С. 144.

ставить бежать арестанта, который этого не хочет! Жандарма (якобы переводившего Карповича в другую тюрьму) мучила то жажда, то расстройство желудка. Вместе с арестантом он заходил то в кофейню, то в пивную, то в ресторанцию. Подолгу отсиживался в туалете. А тот все сидел и ждал, как болван, пока, наконец, не догадался, что спокойно может уйти. А ведь на счету беглого каторжника было, как минимум, одно мокрое дело. Застрелив в 1901 году министра просвещения Н.П. Боголепова, Карпович открыл счет самым громким убийствам XX века. Когда он примкнул к группе Азефа, тот донес о нем Герасимову, зная, что таков лучший способ обеспечить беглому каторжнику прикрытие.

Что ж, коронованный революционер был прав: Герасимов был «настоящий человек на настоящем месте», как и его сотрудник Азеф. Оба мастера провокаций устраивали и государя, и премьера Столыпина, чего никак не скажешь об их разоблачителях.

Когда бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин узнал от В.Л. Бурцева, какими делами занимался его бывший агент на *втором фронте*, он написал письмо Столыпину, своему гимназическому товарищу. Он давал шанс премьеру самому разоблачить и покарать провокатора. Ответ он получил не прямой, но вполне выразительный. К нему на квартиру явился сам Азеф. Уговорами и угрозами пытался принудить к молчанию. И этим, конечно, ускорил развязку. Заверенную копию своего письма Лопухин передал Бурцеву, а сам отправился в Лондон для встречи с лидерами партии эсеров, перед которыми открыл второе лицо главы их Боевой организации. По возвращении его ждали арест и суд, санкционированные государем по докладу Столыпина.

Состава преступления в действиях Лопухина не было. Но — был бы человек, а статья найдется! Найти статью для своего бывшего приятеля премьер поручил особенно сноровистому в таких делах министру юстиции И.Г. Щегловитову. Лопухина «оформили» по 102-й статье Уголовного уложения, хотя «для применения [этой статьи] необходима была принадлежность подсудимого к тайному преступному сообществу, что, конечно, не имело ни малейших фактических оснований»<sup>1</sup>. Ни малей-

---

<sup>1</sup> Ген. Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин: «Отто Кирхнер», 1923. С. 101.

ших! Так впоследствии написал генерал Курлов, заместитель Столыпина по полицейской части и сам большой дока по части провокаций.

Генерала Курлова общественное мнение заклеямило как чуть ли не главного организатора убийства Столыпина, а он сам, отрекшись от обвинений, представлял себя преданным другом и почитателем Столыпина и всячески его превозносил. Тем не менее, даже он вынужден был признать, что дело против Лопухина было от начала до конца сфабриковано в отместку за разоблачение Азефа. Правда, Курлов пишет об этом без тени осуждения. Да и как он мог осуждать то, что сам практиковал в полной уверенности, что так и надо. В 1917 году, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Курлову был задан вопрос, считает ли он законным использование полицией двойных агентов, которые участвуют в преступных акциях, а затем выдают своих соучастников. Курлов, не моргнув глазом, ответил: «Законным — нет, но необходимым — да»<sup>1</sup>.

Нечего и говорить, что, фабрикуя дело против Лопухина, премьер был уверен в полной солидарности с ним государя. На докладе по этому делу тот изволил начертать: «Надеюсь, что будет каторга». А когда шемякин суд эту надежду оправдал, государь воскликнул от радости: «Здорово!»<sup>2</sup>

Учинив расправу над безвинным Лопухиным, Столыпин встал горой за Азефа — тоже, конечно, с одобрения государя: «Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу»<sup>3</sup>. Это глава правительства говорил с высокой трибуны Государственной Думы в то время, когда «другие данные» (заблаговременно представленные ему Лопухиным) потрясли мировую прессу!

---

<sup>1</sup> Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Редакция П.Е.Щеголева. Л.-М.: Госиздат, 1925. Т. III. С. 204. (Допрос П.Г.Курлова.)

<sup>2</sup> Там же. Т. П. С. 400 (Допрос И.Г.Щегловитова). А.А. Лопухин был приговорен к четырем годам каторги, которые высшая судебная инстанция заменила вечным поселением в Сибири. Он вернулся в 1913 году по амнистии.

<sup>3</sup> Столыпин П.А. О деле Азефа. Речь на заседании Государственной Думы 11 февраля 1909 г. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 127.

Но, скажут мне, революционеры делали свое черное дело не в белых перчатках, так могли ли чистоплюйствовать власти? Что ж, оставим в стороне морально-уголовную сторону балансирования «на лезвии с террором» и зададимся прагматическим вопросом: была ли кровавая игра *полезна* для борьбы с революцией? Проще всего ответить на этот вопрос словами самого Азефа. Встретившись через несколько лет (15 августа 1912 года) с Бурцевым для выяснения отношений, он был вполне откровенен.

«„Ну, вы сравните сами, — убеждающим голосом говорил он. — Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство вел[икого] кн[язя] Сергея...“, — и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую падают грузные гири... — „А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну, еще Веденяпина...“, и, называя эти имена, он не спускал, а наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция»<sup>1</sup>. И тут же: «Он надеялся, что ему удастся убить царя, тогда он рассказал бы всю правду. Но в этом ему помешал он, Бурцев: „Если бы не вы, — с упреком в голосе говорил Азеф, — я его убил бы...“»<sup>2</sup>.

Не успел отшуметь скандал с разоблачением Азефа, как Герасимов завербовал другого эсеровского бомбиста, Александра Петрова (Воскресенского) — ветерана, даже потерявшего ногу в этих баталиях. Петров, вместе с группой подпольщиков, приехал в Саратовскую губернию — подымать крестьянские восстания, но вскоре вся группа попала в руки полиции. Зная, что многолетнюю каторгу он — одноногий — не вынесет, Петров предложил свои услуги охранке. Из Саратова последовал запрос в центр, после чего Петров был тайно доставлен в столицу. Сам Герасимов учинил ему строгий экзамен и уверился в искренности его желания переквалифицироваться из террориста в доносчика. С одобрения начальника департамента полиции и министра внутренних дел Столыпина была проведена тонкая операция. Петров был возвращен в саратовскую тюрьму, там симулировал сумасшествие, был переведен в психбольницу, откуда уже мог бежать без особых осложнений, не вызывая подозрений у

---

<sup>1</sup> Цит. по: Николаевский Б. Указ. соч. С. 363–364.

<sup>2</sup> Там же. С. 363.

своих товарищей. План этот разработал сам Петров, Герасимов его одобрил, «конечно, испросив на проведение его в жизнь согласия Департамента Полиции и Столыпина»<sup>1</sup>. Это еще один пример *личного* участия премьера в подобных акциях. Как признает Герасимов, «несомненно формальное нарушение закона нами тогда было сделано. Но это небольшое [!] нарушение закона давно стало своего рода традицией для политической полиции»<sup>2</sup>. Сказано вполне откровенно!

Вскоре сам начальник питерской охраны Герасимов пал жертвой интриг. Столыпин хотел назначить его своим заместителем по полицейской части, но Распутин и враждебный к Столыпину дворцовый комендант Дедюлин провели на этот ключевой пост генерала Курлова. Тот поспешил отправить Герасимова в длительный отпуск, после чего к сыскной работе его уже не допустили. Петров перешел под начало нового главы Петербургского охранного отделения, полковника Карпова. Через какое-то время они стали друзьями: вместе бражничали по ресторанам, нередко ночевали друг у друга. А тем временем Петров устраивал из своей конспиративной квартиры западню, начиненную динамитом. Карпову он рассказал по секрету, что опальный Герасимов вступил с ним в контакт. Он жаждет мести и склоняет его убить генерала Курлова, сломавшего его карьеру. Герасимов обещает большие деньги и гарантирует безнаказанность, но он, Петров, решил *сдать* Герасимова. Он готов заманить его в свою квартиру для обсуждения деталей покушения, а из соседней комнаты разговор может быть подслушан, и таким образом заговорщик будет изобличен.

Карпов доложил ошеломляющую весть начальству, план секретного сотрудника был одобрен. Чтобы уличить Герасимова в преступном замысле, в соседней комнате должны были засесть три человека: сам генерал Курлов, заместитель начальника Департамента полиции Виссарионов и, конечно, Карпов. Таким образом, почти вся верхушка политического сыска попадала в западню. Петрову надо было только выйти в прихожую и соединить два проводка. У него еще оставался шанс уцелеть и скрыться.

---

<sup>1</sup> Герасимов А.В. Указ. соч. С. 168–169.

<sup>2</sup> Там же.

Осуществлению этого грандиозного плана в полном объеме помешала слишком близкая дружба террориста с его шефом и... грязная скатерть, покрывавшая стол, под которым находился мешок с динамитом. Накануне рокового дня к Петрову пожаловал полковник Карпов с выпивкой и снедью, но скатерть на столе ему показалась несвежей, он ее сдернул, требуя заменить. Вместе с обнажившейся адской машиной раскрытым оказался и план Петрова. Тому ничего не оставалось, как выскочить в прихожую и соединить провода. Полковника Карпова разорвало на куски.

Взрыв в квартире на Астраханской улице снова потряс всю Россию. Столыпину опять пришлось отдуваться в Государственной Думе. Он «торжественно обещал, что будет произведено исчерпывающее расследование всего и что результаты его будут опубликованы»<sup>1</sup>. И в очередной раз обманул. «Суд состоялся при закрытых дверях, отчеты о заседаниях не были опубликованы, и загадка Астраханской улицы так и осталась неразгаданной после того, как Петров взошел на эшафот»<sup>2</sup>, — писал Герасимов.

Загадка осталась неразгаданной не только для современников, но и для потомков. На следствии и на суде Петров продолжал утверждать, что генерал Герасимов подговаривал его к убийству Курлова. Это обязывало открыть судебное дело, за что и высказалось большинство участников совещания по данному вопросу, в их числе Виссарионов, Еремин и Курлов. Но Столыпин «распорядился не давать делу дальнейшего хода»<sup>3</sup>, чем навсегда похоронил тайну одного из самых интригующих эпизодов в истории российского политического сыска. (Вскоре царь так же похоронит тайну убийства самого Столыпина).

Однако дело Петрова было уже одной из последних туч расеянной бури. Маска, сорванная с Азефа разоблачениями Бурцева и Лопухина, повергла в смятение все революционное движение, особенно партию эсеров. Впервые широкая общественность стала осознавать предостережения Ф.М. Достоевского, которые, уже на нашей памяти, генерал-диссидент П.Г. Григоренко отлил в чеканную формулу: «В подполье можно встретить только

---

<sup>1</sup> Там же. С. 172.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

крыс». Террористическая деятельность в России резко пошла на убыль. Приток молодежи, жаждавшей «революционного подвига», почти прекратился. А тех, кто уже был заангажирован, разъедали сомнения, разлады, в спянные группы вьелась тотальная подозрительность. Террористические акты после этого стали редкими и осуществлялись в основном одиночками.

Недолгое относительное успокоение Столыпин приписывал собственной заслуге; но в гораздо в большей степени это заслуга таких людей, как Лопухин, приговоренный к каторге почти в то самое время, когда Петрову устроили побег, дабы он мог каторги избежать! Черные дела творятся во тьме сверхсекретности, конспирации и подполья; свет правды для них губителен. Этого света как раз и боялся Столыпин. Есть неумолимая логика в том, что он пал жертвой той самой азефовщины, которую насаждал.

Кому и для чего надо было убить Столыпина? На этот счет высказано множество суждений, но однозначного ответа не будет получено никогда, так как державный конспиратор принял к тому надлежащие меры. Известно, однако, что Дмитрий Богров был не единственным участником этого убийства.

Незадолго до начала киевских торжеств по случаю открытия памятника Александру II генерал-губернатор Киева Ф.Ф. Трепов получил уведомление, что охрана царя и его приближенных в Киеве изымается из его ведения и передается заместителю министра внутренних дел генералу Курлову. Это было вопиющим нарушением давно установленного порядка: охрана царя при его поездках всегда была прерогативой местных властей. Считалось, что они для этого более эффективны, так как лучше знают местные обстоятельства. Неожиданное отстранение от столь важного дела Ф.Ф. Трепов воспринял как высочайшее недоверие. Он был уверен, что обязан этим Столыпину. Ведь он был родным братом В.Ф. Трепова, интриговавшего против премьера и удаленного за это из Государственного Совета. Ф.Ф. Трепов направил телеграмму премьеру с просьбой доложить государю о его желании уйти в отставку.

Но отставка второго Трепова в столь короткий срок была бы воспринята как непозволительная демонстрация, и Столыпин докладывать такое прошение не решился. Он ответил, что *не советует* огорчать государя в канун столь большого праздника.



Действительно ли Столыпин участвовал в комбинации, составленной с целью унижить Ф.Ф. Трепова и возвысить Курлова, или она была затеяна вопреки нему, — такова одна из загадок в цепи неразгаданных тайн, окружающих его убийство.

Дочь Столыпина Н.П. Бок свидетельствует, что Курлов интриговал против ее отца, и настолько серьезно, что однажды ей вместе с мужем пришлось срочно приехать из Берлина в Петербург, чтобы предупредить его об этом. Выслушав их, Столыпин будто бы сказал: «Да, Курлов единственный из товарищей министра, назначенный ко мне не по моему выбору»<sup>1</sup>.

Сам Курлов, конечно, подчеркивал свою безграничную преданность Столыпину, но по лживости его воспоминания бьют все рекорды. Курлов в 1905 году был губернатором Минска, где устроил форменное побоище. После того, как на него было совершено покушение, он просил перевода в другую губернию, но таковой для него не нашлось, и его причислили к министерству внутренних дел. Столыпин долго не давал ему ходу, но в 1909 году вынужден был назначить его своим заместителем по полиции и начальником корпуса жандармов, хотя прочил на это место Герасимова (по другой версии, Трусевича). Одно это ставило Курлова в антагонистические отношения ко всем троим. От Герасимова, как мы знаем, ему вскоре удалось избавиться, Трусевич был «сослан» в сенат, а когда зашатался Столыпин, Курлов увидел, что для него открывается возможность дальнейшего продвижения. На пост премьера он претендовать не мог, а вот министерство внутренних дел само плыло в руки. Чтобы закрепить его за собой, надо было чем-то отличиться. Охрана киевских торжеств могла стать трамплином.

Киевское охранное отделение во главе с полковником Кулябко перешло под прямое начало Курлова, а также приехавших с ним начальника дворцовой охраны Спиридовича и вице-директора Департамента полиции Виригина. Спиридович был близким родственником Кулябко, к которому и явился секретный сотрудник Дмитрий Богров с вестью о том, что в Киев прибыл террорист Николай Яковлевич, который дожидается приезда террористки Нины Александровны для убийства премьера Столыпина или другого министра или самого государя.

---

<sup>1</sup> Бок М.А. Указ. соч. С. 300–301.

Кулябко и его столичные начальники поверили (или сделали вид, что поверили!) легенде Богрова. Полученные от него сведения они не проверяли, попыток выследить и обезвредить мифического Николая Яковлевича не делали, за самим Богровым слежки не установили. Зная, что Столыпин в опасности, оставили его без личной охраны и вообще постоянно «забывали» о нем, давая понять, что он на торжествах — лишний. Наконец, они всячески способствовали появлению Богрова в тех местах, где бывал Столыпин. Как установил потом сенатор Трусевич, у Богрова было минимум три возможности застрелить премьера. Между тем, инструкции категорически запрещали в подобных ситуациях подпускать секретных сотрудников на пушечный выстрел (не то, что револьверный) к высокопоставленным особам и вообще требовали не спускать с них глаз.

Получается, что если бы Курлов, Спиридович, Виригин и Кулябко *знали* об истинных намерениях Богрова и *хотели* ему помочь, то они должны были действовать именно так, как действовали!

Их соучастие в преступлении Богрова было очевидным с первых минут. Коковцов, по закону заместивший раненого Столыпина, пишет, что Курлов сразу же явился к нему с вопросом: «Угодно ли мне, чтобы он немедленно подал в отставку, так как при возложенной на него обязанности руководить всем делом охраны порядка в Киеве, я могу считать его виновным в случившемся»<sup>1</sup>.

Суд над убийцей тоже пришел к заключению: руководители Охраны допустили столь вопиющие нарушения, что против них должно быть открыто уголовное дело.

Предварительное сенатское расследование было поручено бывшему начальнику Департамента полиции Трусевичу, которое, однако, быстро было прекращено. В 1917 году, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Трусевичу был задан вопрос о том, не могло ли быть умысла со стороны Курлова. Трусевич ответил: «Я скажу одно: мотив какой-нибудь должен быть; занять место Столыпина — единственный мог быть мотив... Но ведь этим убийством он губил себя, по-

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 410.

тому что, раз он охранял и при нем совершилось убийство, шансы на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, падали, — он самую почву у себя из-под ног выбивал этим, и выбил»<sup>1</sup>.

Таково самое веское соображение в пользу того, что Курлов и его сподвижники *не* были *намеренными* соучастниками убийства Столыпина. Однако вескость этого аргумента значительно снижается, если допустить, что Курлов действовал не на свой страх и риск, а по указанию или намеку из более высоких сфер. (Иван Карамазов ведь не инструктировал Смердякова убить старика Карамазова, а «только» незаметно его к этому подстрекал).

Председатель комиссии Муравьев скептически отнесся к объяснениям Трусевича, напомнив ему, что «Столыпин был неприятен Распутину». Ведь тот, кто был «неприятен» Распутину, тотчас впадал в немилость к царице. (О том, как Столыпин стал «неприятен» царю, подробно рассказано). В этом контексте особенно знаменательно то, что уже через месяц после гибели Столыпина его преемник услышал от ее величества:

«Мне кажется, что вы очень чтите его память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало. Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был стусеваться... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место, и что это — для блага России»<sup>2</sup>.

А потом и сам государь, прервав очередной доклад предсовмина, вдруг заговорил о том, что у него на душе лежит тяжелый камень, который он хочет снять. Заметно волнуясь и глядя прямо в глаза Коковцову, он сказал:

«Я знаю, что я вам причину неприятности, но я хочу, чтобы вы меня поняли, не осудили, а главное не думали, что я легко не соглашаюсь с вами. Я не могу поступить иначе. Я хочу ознаменовать исцеление моего сына каким-нибудь добрым делом и решил прекратить дело по обвинению генерала Курлова, Кулябки, Виригина и Спиридовича. В особенности меня смущает Спиридович. Я вижу его здесь на каждом шагу, он ходит, как тень, около меня, и я не могу видеть этого удрученного горем человека, кото-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 232.

<sup>2</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 8.

рый, конечно, не хотел сделать ничего дурного и виноват только тем, что не принял всех мер предосторожности. Не сердитесь на меня, мне очень больно, если я огорчаю вас, но я так счастлив, что мой сын спасен, что мне кажется, что все должны радоваться кругом меня, и я должен сделать как можно больше добра»<sup>1</sup>.

Напрасно Коковцов стал объяснять, сколько *зла* принесет такое решение самому царю, престижу его власти. Напрасно растолковывал, что его «великодушия» никто не оценит, тем более, что за ним всегда остается право помилования — после суда! Милуя тех, кто еще не осужден, государь «закрывает самую возможность пролить свет на это темное дело, что могло дать только окончательное следствие, назначенное Сенатом, и Бог знает, не раскрыло ли бы оно нечто большее, нежели преступную небрежность, по крайней мере, со стороны генерала Курлова»<sup>2</sup>.

*Макиавельно* согласившись с министром, что поступил опрометчиво, царь сказал, что решения переменить не может, потому что уже объявил о нем Спиридовичу. (Как будто в других случаях его это останавливало!) Как видим, государь прекрасно знал, что делал! Досудебное «помилование» четверки преступников обнаруживало только одно: он *не желал*, чтобы на темное дело был пролит свет. Не потому ли, что тогда могло бы выявиться *нечто большее, нежели преступная небрежность!* Поэтому навсегда останется тайной, кто же кого в этом деле обманывал и использовал: Богров своих полицейских начальников, или эти начальники — Богрова, или их всех — сам государь. Немало темных деяний творилось при последнем русском самодержце, но ни от одного из них не разит так сильно смердяковщиной, как от убийства Столыпина.

Но пора перейти к личности убийцы. Кем был Богров — «пламенным» революционером или сотрудником Охранки? Споры об этом начались чуть не на следующий день после его роковых выстрелов в Киевском оперном театре. Но постановка вопроса некорректна, ибо Богров не был ни революционером, ни сотрудником Охранки, или, если угодно, был и тем, и другим. Он был *провокатором!*

---

<sup>1</sup> Там же. Т. 2. С. 116.

<sup>2</sup> Там же. С. 118.

В 1905 году восемнадцатилетний юноша, внук известного русско-еврейского писателя и сын состоятельного адвоката и домовладельца с солидными связями в высшем киевском обществе, поступил в Киевский университет и сразу же попал в среду революционно настроенной молодежи. Из боязни, что опасные увлечения доведут до беды, отец вскоре услал его за границу, в Мюнхенский университет, где уже учился старший брат Дмитрий Владимир.

Но Дмитрий почти не посещал университетских занятий; он просиживал все дни в библиотеке, накачиваясь революционной дурью. По свидетельству брата, его кумирами стали теоретики анархизма: Кропоткин, Реклю, Бакунин. Вернувшись в 1906 году в Киев, Богров вошел в кружок анархистов-коммунистов, но вскоре «разочаровался» в них и предложил свои услуги Охранке. Полковник Еремин, сделавший карьеру на провокаторе Рысе, занимал уже высокий пост в Петербурге, а на его место был назначен Н.Н. Кулябко. Он положил Богрову 150 рублей в месяц и присвоил агентурное имя Аленский.

Богров не был Азефом, он был маленьким азефиком. Да и Кулябко был не чета таким мастерам провокации, как Рачковский или Герасимов. Он вроде бы действовал «по правилам»: проведя операцию против выдаваемых Богровым лиц, полиция устроила обыск и у самого доносчика. А в другой раз даже подвергла его аресту на пару недель. Но делалось это неумело, так что у друзей Богрова возникли подозрения на его счет. Он, конечно, все отрицал, и так как твердых улик против него не было, а сам он на какое-то время затихал или уезжал за границу, то подозрения сглаживались, забывались. Но и эффективность его работы на Охранку снижалась. И Богрову приходилось снова увеличивать свою революционно-доносительскую активность: жалование надо было отрабатывать.

Высокий, худой, толстогубый, с выпуклым лбом и лошадиными зубами, Богров всегда был изысканно одет. Его часто видели в дорогих клубах и ресторанах, он кутил в обществе женщин легкого поведения, азартно играл в карты. Его брат впоследствии это отрицал, но факты не на его стороне. Отец давал Дмитрию средства на безбедное существование, но денег ему не хватало; приварок от Охранного отделения никогда не был лишним. Залезал он и в революционную кассу, из-за чего имел серьезные неприятности.

Нравилась ли Богрову двойная жизнь? Видимо, и да, и нет.

В революционных идеях он разочаровался, едва с ними познакомившись, власть презирал всей душой. Он мнил себя исключительной личностью, но подкрепить свое высокое представление о себе ему было нечем. Привязанностей у него не было. Семью он использовал как дойную корову, оставаясь равнодушным к отцу, матери, брату. Кажется, ни разу не был влюблен. Близких друзей не имел. Да и как занять друга тому, кто никому не может открыться, поведать о том, что лежит на душе! Порой он упивался состоянием оглушительного одиночества: именно оно создавало иллюзию исключительности; но чаще оно лишь усиливало черную тоску. Никакой цели впереди он не видел, будущее рисовалось ему как «бесконечная череда котлет», которые ему предстояло скушать.

Что же толкнуло его на сомнительный подвиг? Утрата интереса к жизни? Стремление прославиться любой ценой? Или трехтысячелетняя еврейская ненависть к России, которую усмотрел в нем Солженицын? Власти постарались скрыть внутренние пружины преступления Богрова, но кое-что о его мотивах узнать можно.

В 1910 году Богров, к тому времени уже окончивший юридический факультет, получил незначительное казенное место в Петербурге, куда и перебрался. А вперед полетела зашифрованная телеграмма полковника Кулябко столичному коллеге полковнику фон-Коттену.

Фон-Коттен, сменивший убитого Карпова, казалось бы, должен был быть осторожен. Но рекомендация Кулябко, видимо, в его глазах имела вес. Он без колебаний согласился на конспиративную встречу с Богровым и предложил ему те же 150 рублей в месяц (не Азеф, получавший у Герасимова тысячу!), а тот обещал поднести ему на блюдечке петербургскую организацию анархистов-коммунистов. Но обоих ждало разочарование: никаких анархистов в столице не оказалось!

Они решили попытать счастья у эсеров, и вскоре Богров вышел на след некоего Егора Лазарева.

Тот согласился встретиться, но вопросов не задавал, сам отвечал односложно. Едва начавшийся разговор увядал; Богров чувствовал, что первая встреча может стать и последней. Тогда-то он и заговорил о Столыпине. Скорее всего, это была

импровизация — попытка просунуть ногу в дверь, пока та окончательно не захлопнулась. Однако неожиданное заявление Богрова о том, что он задумал убить главу правительства, лишь усилило настороженность Лазарева. Заметив это, Богров поспешил добавить, что никакой помощи от партии эсеров не ждет: замысел исполнит в одиночку. Что же тогда ему надо? Только одно: пусть потом, когда дело свершится, партия заявит о своей причастности — это придаст акту больший политический вес. Но и на эту удочку Лазарев не клюнул. Он только сказал, что если намерение Богрова серьезно, то ему не следует об этом болтать.

Словом, ничего полезного ни для революционного дела, ни для охраны провокатор не извлек. А затем уехал за границу и в Питер уже не вернулся. В марте 1911 года (он снова в Киеве) к нему явился Петр Лятковский, один из прежних товарищей-анархистов. Он только что освободился из тюрьмы.

Позднее Лятковский расскажет, что Богров первый заговорил с ним о том, что товарищи подозревают его в связях с охранкой; что он опозорен, успел поседеть от переживаний и не знает, как доказать свою невиновность. Лятковский посоветовал ему «реабилитировать себя». На языке подпольщиков это означало — совершить террористический акт. Богров мрачно усмехнулся и сказал, что может пойти и убить первого попавшегося городского, но какая от этого будет польза? И вдруг патетически воскликнул:

«Только убив Николая, я буду считать, что реабилитировал себя!»

«Да кто же из революционеров не мечтает убить Николая?» — возразил Лятковский.

«Нет, — воскликнул Богров, — Николай — ерунда. Николай — игрушка в руках Столыпина. Ведь я — еврей — убийством Николая вызову небывалый еврейский погром. Лучше убить Столыпина. Благодаря его политике задушена революция и наступила реакция».

Лятковский опять возразил: Столыпина охраняют почти так же плотно, как и царя; чтобы достать его, нужна долгая подготовка, работа целой организации. Богров ответил, что в групповой акции участвовать не может: если произойдет случайный провал, то опять обвинят его. Прощаясь, он несколько раз по-

вторил: «Вы и товарищи еще обо мне услышите». Лятковский не придал серьезного значения этой похвальбе, но и уверенности в том, что перед ним провокатор, — не вынес<sup>1</sup>.

Через два месяца к Богрову снова явились гости: два давних знакомых из парижской анархистской группы «Буревестник». Эти парни оказались покруче. Одного из них Богров знал по кличке «Вася», второй никак не назвался. От имени ревизионной комиссии «Буревестника» они потребовали вернуть деньги, растраченные им еще в 1908 году, — 520 рублей. Богров отчаянно торговался и скостил сумму вдвое. Сроку ему дали два дня, но когда пришли снова, то сказали, что «на прежнее решение не согласны и что требуют все деньги сполна». Неясно, чем они ему угрожали, но, видимо, чем-то серьезным. Ему пришлось подчиниться. 150 рублей он выпросил у матери, 210 — у отца; остальные 160 наскреб сам<sup>2</sup>.

Выпроводив крутых «буревестников», Богров полагал счета с прежними товарищами поконченными. Но в июле он получил заказное письмо из Парижа, подписанное четырьмя «буревестниками». В крайне враждебном тоне от него требовали ответа по поводу ряда провалов за несколько лет. А в августе к нему явился еще один старый знакомый, « Степа ». Подлинное его имя Богров не знал или утаил на допросе, зато сообщил о нем некоторые подробности. « Степа » был отпетый террорист. Однажды, идя выполнять какой-то подготовленный террористический акт, он увидел, как на улице офицер распекает солдата, не отдавшего ему чести. Душа « Степы » взыграла, и он тут же разрядил в офицера свой браунинг. С каторги ему удалось бежать, и он, без копейки денег, появился в Киеве. Тогда-то (в 1908 году) и познакомился с ним Богров. В Охранное отделение не донес, а дал ему восемь рублей и адрес конспиративной квартиры в Черкассах. Оттуда « Степе » удалось выехать за границу. Теперь он явился в ином качестве. Он сообщил, что в Париже над Богровым состоялся партийный суд, его провокаторская роль была полностью изобличена. Листовка с изложением данных о его предательстве в ближайшее время будет распространена всюду, где он быва-

---

<sup>1</sup> Воспоминания П. Лятковского. См.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 122.

<sup>2</sup> Показания Д.Богрова жандармскому подполковнику П.Иванову от 10 сентября 1911 г. См.: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 159.



ет, — в коллегии присяжных поверенных, в суде, в университете. От него отшатнутся, как от прокаженного. А следом за тем он будет убит, ибо ему вынесен смертный приговор. Но ему оставлен шанс — «реабилитировать» себя террористическим актом.

Желательной жертвой «Степа» назвал начальника Киевского охранного отделения Кулябко, но добавил, что, поскольку в конце августа в Киев съедутся двор и правительство, то появится «богатый выбор». Окончательный срок для «реабилитации» — 5 сентября<sup>1</sup>.

Арестованного Богрова допрашивали четыре раза. Три допроса были сняты до суда: 1, 2 и 4 сентября. Столыпин был еще жив, так что Богров обвинялся «в нанесении опасных поранений с целью лишения жизни». Это давало ему маленький шанс избежать смертного приговора.

Богров умел лгать, поэтому его показания не могут не вызывать недоверия. Но даже протоколы трех *досудебных* допросов не обнаруживают ни малейшей попытки с его стороны смягчить свою вину и облегчить свою участь. Если он был не вполне искренен, то, только в том, что изображал из себя идейного революционера.

Мотивы своего преступления он на втором допросе объяснил так:

«Я решил убить министра Столыпина, так как я считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна»<sup>2</sup>.

Примерно так же, как мы помним, он объяснял свое намерение в разговоре с П. Лятковским. Высказывал ли он свои сокровенные убеждения или только озвучивал стереотипные мнения революционной среды, этого мы не знаем.

После третьего допроса — самого короткого и ничего к первым двум не добавившего — следствие было закончено.

Столыпин умер 5 сентября, военный суд состоялся 9-го. Судили уже за убийство, смертный приговор был обеспечен.

Что именно говорил Богров на суде, навсегда останется тайной: стенограмма либо не велась, либо была уничтожена. Но вскрылись *неожиданные* обстоятельства, что заставило жан-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 160–161.

<sup>2</sup> Там же. С. 151.

дармского подполковника Иванова 10 сентября еще раз допросить Богрова. Тот уже был приговорен к повешению и отказался подавать ходатайство о помиловании.

Похоже, что на допросе *после* суда, когда все было решено окончательно и бесповоротно, у него уже не было сил доиграть роль «пламенного революционера». Тогда он и рассказал о визите Лятковского, затем — «Васи» с безымянным товарищем и, наконец, «Степы» со смертным приговором и предложением «реабилитироваться».

О том, почему его выбор пал на Столыпина, он теперь объяснил иначе:

«Буду ли я стрелять в Столыпина или в кого-либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из немногих лиц, которых я раньше знал [т. е. видел и мог узнать в лицо], отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики»<sup>1</sup>.

Любопытно приложение к протоколу второго допроса Богрова. Оно подписано прокурорами Чаплинским и Брандорфом и следователем Фененко, которые его допрашивали. В нем излагалась *неподписанная* часть показаний Богрова, где он, «между прочим упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое деяние, которое вообще могло бы навлечь на евреев подобное последствие и вызвать стеснения их прав»<sup>2</sup>.

Тут же объясняется, почему Богров потребовал исключить это место из своих показаний. По его словам, он хотел, чтобы его *дела* поощряли революционно настроенных юношей, в том числе и евреев, на новые террористические акты, и не хотел, чтобы его *слова* их от этого удерживали. Разумеется, то была та же игра в «пламенного революционера». Того, что убийство премьера Столыпина *не* отзовется еврейским погромом, он предвидеть не мог.

Черносотенная молодежная организация «Двуглавый орел» во главе со студентом В. Голубевым уже полгода вела в Киеве погромную агитацию в связи с «ритуальным» убийством

---

<sup>1</sup> Допрос Дмитрия Богрова от 10 сентября 1911 г. Там же. С. 161.

<sup>2</sup> Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 155–156.

Андрюши Ющинского. Атмосфера в городе была накалена. Лучшего подарка, чем убийство евреем премьера Столыпина его «орлята» не могли получить!

«В населении Киева, узнавшем, что преступник Богров — еврей, [возникло] сильнейшее брожение и готовился грандиозный еврейский погром», — свидетельствовал В.Н. Коковцов. Еврейскую часть населения охватила паника. «Всю ночь они укладывались и выносили пожитки из домов, а с раннего утра, когда было еще темно, потянулись возы на вокзал. С первыми отходящими поездами выехали все, кто только мог втиснуться в вагоны, а площадь перед вокзалом осталась загруженной толпой людей, расположившихся бивуаком и ждавших подачи новых поездов»<sup>1</sup>.

Государь, как ни в чем не бывало, уехал на маневры, и туда же отправились войска. Намеченная программа торжеств должна была выполняться и была выполнена! Силы полиции в городе были незначительны. О том, чтобы своей властью вернуть часть удалившегося гарнизона, генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов не мог и помыслить, как и о том, чтобы ночным звонком доложить обстановку государю и испросить указаний. Коковцов, по закону вступивший в исполнение обязанностей премьера, на свою ответственность, приказал вернуть в город три казачьих полка. Они явились к семи часам утра, заняли ключевые позиции и бесчинств не допустили. За эти «непатриотичные» действия Коковцову тотчас и досталось от не названного им по имени «избранного представителя вновь учрежденного земства, члена Государственной Думы третьего созыва, впоследствии члена Государственного Совета по выборам», то есть отнюдь не от рядового обывателя. Тот подошел к Коковцову в Михайловском соборе, куда оба пришли на молебствие об исцелении раненого премьера.

«Вот, Ваше высокопревосходительство, — с явным расчетом на скандал заявил этот господин, — представлявшийся прекрасный случай ответить на выстрел Богрова хорошеньким еврейским погромом теперь пропал, потому что вы изволили вызвать войска для защиты евреев»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 409.

<sup>2</sup> Там же. С. 410–411.

Коковцов пишет, что отбрил наглеца, «выразив удивление, что в храме Христа, пострадавшего за грехи человека и завещавшего нам любить ближнего, вы не нашли ничего лучшего, как выражать сожаление о том, что не пролита кровь неповинных людей»<sup>1</sup>.

Дерзкая выходка высокопоставленного черносотенца заставила Коковцова разослать зашифрованные телеграммы всем губернаторам черты оседлости с требованием не допускать погромов всеми законными способами, «до употребления в дело оружия включительно». Поэтому бесчинств не было и в других городах.

Мог ли Богров, стреляя в Столыпина, все это предвидеть? Разумеется, нет. Он переиграл самого себя в своих революционно-доносительских играх, был обречен на гибель и, как азартный игрок, решил: погибать, так с музыкой!

В трактовке А.И. Солженицына и других апологетов Столыпина, премьер старался положить конец всем антиеврейским законам и ограничениям. Да и царь не возражал против их отмены, только немного умерил пыл премьера. А воспрепятствовали этому *ставленники евреев* в Государственной Думе, каковыми А.И. Солженицын изображает кадетов: «закон о еврейском равноправии [они] не довели даже до обсуждения, не говоря о принятии». Их дальний политический расчет состоял в том, чтобы «в борьбе с самодержавием играть и играть дальше на накале еврейского вопроса, сохранять его неразрешенным — в запас. Мотив этих рыцарей свободы был: как бы отмена еврейских ограничений не снизила бы их штурмующего напора на власть. А штурм-то и был для них всего важней»<sup>2</sup>.

Что здесь от истории и что от мифологии?

Как свидетельствовал В.Н. Коковцов, в начале октября 1906 года Столыпин, завершив официальную часть заседания Совета министров и удалив канцелярских работников, предложил обсудить «один конфиденциальный вопрос, который давно озабочивает его». Выражаясь корявым, но, тем не менее, достаточно точным языком В.Н. Коковцова, речь шла «об отмене в законо-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 410.

<sup>2</sup> А.И. Солженицын. Указ. соч. т. 1, 423.

дательном порядке некоторых едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России и, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, — только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной противорусской пропаганде со стороны самого могущественного еврейского центра — Америки»<sup>1</sup>.

Министры поддержали идею премьера. Когда каждый из них представил список предлагаемых к отмене ограничений, касающихся его ведомства, Столыпин свел их в единый документ — для утверждения царским указом по 87-й статье<sup>2</sup>. Продержав законопроект около двух месяцев (до 10 декабря), государь вернул его неутвержденным, объяснив в сопроводительном письме:

«Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, вы тоже верите, что „сердце царево в руцех Божиих“. Да будет так»<sup>3</sup>.

Кажется, это был первый случай, когда Столыпин получил щелчок по носу от своего государя. Он тут же бросился извиняться в самых лакейских выражениях: «Вашему величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей»<sup>4</sup>.

Свое намерение смягчить антиеврейское законодательство, да еще по 87-й статье, то есть в порядке чрезвычайной срочности, Столыпин объяснил более кратко и внятно:

«Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 206.

<sup>2</sup> О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев. Особый журнал Совета министров за 1906 г. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 413–419.

<sup>3</sup> Переписка П.А.Столыпина и Николая II.//«Красный архив». 1924. №5. С. 105. Цит. по: Столыпин П.А. Жизнь и смерть за царя. С. 419–420.

<sup>4</sup> Там же. С. 420.

октября, евреи имеют законные основания домогаться (! — С.Р.) полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе *отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок*<sup>1</sup>. (Курсив мой. — С.Р.)

Все ясно, не правда ли?

Прошло уже больше года после провозглашения Манифестом 17 октября равноправия всех граждан России независимо от сословных, национальных, религиозных и иных различий. Пора платить по векселям, но платить-то не хочется! Между тем, надвигается открытие Второй Думы, она-то непременно предъявит векселя ко взысканию. И вот, как с аграрной реформой и другими законами, срочно вводимыми по 87-й статье, Столыпин спешил сыграть на опережение. Бросить кость с царского стола, отменить наиболее бессмысленные ограничения, которые сама жизнь смела, и этим снять остроту вопроса! Тем самым предоставление евреям конституционных прав «в полном объеме» отложится на долгие годы. Да в каком положении окажется Дума, еще не созванная, но уже ненавистная, когда чрезвычайный закон будет вынесен на ее утверждение! Отклонить — значит, выступить против отмены части ограничений. Утвердить — значит, законодательно закрепить остающиеся ограничения!

Настаивая на том, что Столыпин проводил «среднюю линию», Солженицын подчеркивает, что он подвергался нападкам не только слева, но и справа. Верно, покусывали его и князь Мещерский в «Гражданине», и Меншиков в «Новом времени», и самые непотребные черносотенные издания типа «Земщины» Маркова Второго. Но это были отдельные редкие эпизоды. Они участились и действительно стали жалить только в последние месяцы его премьерства, когда определилось с очевидностью его скорое падение. Не те нравы царили в среде «патриотов», чтобы поддержать падающего; напротив, подсесть, подтолкнуть и — добить! Если же отбросить последние полгода, то об истинном характере отношений Столыпина с черносотенными организациями лучше всего говорили финансовые ведомости. «Честный бухгалтер» Коковцов, стоя на страже казны и борясь с бессмысленными, по его разумению, тратами (кабы со смыслом, то и он бы не возражал!), свидетельствовал:

---

<sup>1</sup> Там же.

«Кадеты совсем не фигурируют в списках, что и понятно по их враждебности к Столыпину. Октябристы также упоминаются весьма редко и то больше в качестве передаточной инстанции ничтожных сумм, по преимуществу благотворительного характера. Зато имена представителей организаций правого крыла фигурировали в ведомости, так сказать, властно и нераздельно. Тут и Марков 2-й, с его „Курской быльи“ и „Земщиной“, поглощавший 200 000 р. в год; пресловутый доктор Дубровин, с „Русским знаменем“, тут и Пуришкевич с самыми разнообразными предприятиями, до „Академического союза студентов“ включительно; тут и представители Собрания националистов, Замысловский, Савенко, некоторые епископы с их просветительными союзами, тут и листок Почаевской лавры. Наконец, к великому моему удивлению в числе их оказались и видные представители самой партии националистов в Государственной думе»<sup>1</sup>.

Если Коковцов, как министр финансов, а затем и премьер, пытался ограничить (не отменить — нет, а только ограничить!) выдачу «темных денег», как их окрестили в Государственной думе, то Столыпин, напротив, всячески поощрял эти выдачи. Причем, распоряжался ими бесконтрольно и безотчетно, дабы рука берущая никогда не забывала о том, кому персонально принадлежала рука дающая. Так премьеру легче было держать в узде расхристанную черносотенную братию. Вот еще одно свидетельство Коковцова:

«Еще в 1910-м году на почве подготовки выборов в [Четвертую] Государственную Думу, упавших на лето 1912 года, между мною и Столыпиным произошли серьезные недоразумения. Столыпин, ссылаясь на то, что ни в одном государстве правительство не остается безразлично к выборам в законодательные учреждения<sup>2</sup>, и что, несмотря на наш избирательный закон 3-го июля 1907-го года, такое безучастное отношение приведет неизбежно к усилению оппозиционных элементов в Думе и даст преобладание кадетской партии, потребовал от

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 11.

<sup>2</sup> Чисто «макиавеллистая» аргументация. Хорошо известно, что в любом государстве тайное финансирование (иначе говоря, подкуп) правительством отдельных политических групп считается преступлением и, в случае обнаружения, становится источником крупных политических скандалов.

меня — и получил, несмотря на все мое сопротивление, крупные суммы на так называемую подготовку выборов. Ему хотелось разом получить от меня в свое распоряжение до 4-х миллионов рублей, и все, что мне удалось сделать, — это рассрочить эту сумму, сокративши ее просто огульно, в порядке обычного торга, до 3-х с небольшим миллионов рублей и растянуть эту цифру на три года 1910–1912, разбив ее по разным источникам, находившимся в моем ведении»<sup>1</sup>.

Вряд ли после этого можно говорить о сколько-нибудь серьезном противостоянии черной сотни Столыпину. Да и откуда могла бы проистекать такая враждебность, если Столыпин пять лет возглавлял *царское* правительство, служил своему государю верой и правдой, а государь не только не скрывал, но афишировал свои симпатии, да и прямую принадлежность к черной сотне.

После того, как Д.Б. Нейгардт, уличенный сенатором Кузминским как соучастник Одесских погромов 1905 года, был смещен с поста градоначальника и заменен генералом А.Г. Григорьевым, тот посчитал своей обязанностью положить предел разгулу в городе черносотенной анархии. В Одессе местное отделение Союза русского народа имело свои «чайные», где проводились «патриотические» митинги и всякие сборища. Оттуда распространялись погромные листовки, там же были склады оружия. Глава отделения граф Коновницын имел свою дружину: вооруженные отряды молодчиков в полувоенной форме браво маршировали по улицам города, наводя ужас на обывателей. Дружинники куражились над прохожими, избивали ни в чем не повинных людей на глазах державшейся в стороне полиции. Почти каждый день происходили убийства. Нередко жертвами бесчинств оказывались сотрудники иностранных консульств, что приводило и к международным осложнениям. Словом, то были предтечи будущих штурмовиков СД и СС, как и российских баркашовцев, «памятников», бритоголовых.

В ответ на попытки Григорьева как-то обуздать дружинников граф Коновницын поехал в Петербург, получил аудиенцию у государя, и тот заверил его, что Союз русского народа — это единственная его надежда и опора, о чем, воодушевленный

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 9.



граф, возвратившись, раструбил на всю Одессу. Особенно охотно он рассказывал о том, как маленький наследник престола, присутствовавший на встрече, взобрался к нему на колени, тербил его бороду и, увидев на его груди ленту Союза русского народа — такую же, как у него самого, спросил: «Ты союзник?»; и, получив утвердительный ответ, сказал: «Я тоже союзник!»<sup>1</sup>

Градоначальник Григорьев сам поехал в столицу, чтобы рассказать государю правду о Коновницыне и его братве. Но — «когда государь явился, то генерал к своему ужасу увидел на его груди значок Союза русского народа, тот самый значок, который он так часто видел в Одессе на груди у участников погромов»<sup>2</sup>. Заготовленные слова застряли у Григорьева в горле. На своем посту он продержался недолго.

Вскоре Одесса получила «правильного» градоначальника, И.Н. Толмачева, который тотчас вступил в сговор с черной сотней. Условились даже о том, что черносотенные газеты будут его время от времени «продергивать»: так Толмачеву было удобнее сохранять видимость беспристрастного стража законности и порядка.

Не такую ли роль в общероссийском масштабе играли «продергивания» премьера Столыпина в праворадикальных газетах — даже если между ними и не было прямого сговора? Возможно, не всегда их нападки нравились премьеру, но по большей части они были ему на руку, служа противовесом критике слева.

Для понимания цены праворадикальных нападков, перепавших Столыпину, надо помнить, что сам черносотенный лагерь не представлял собой монолитного целого. Как на левом фланге большевики боролись с меньшевиками, те и другие с анархистами и все вместе с эсерами, так и на правом фланге шла грызня между отдельными группами и их лидерами. Сперва Пურიшкевич со своей группой «Архангела Михаила» откололся от дубровинского «Союза русского народа», потом Марков Второй вышвырнул группу Дубровина. Все дружно обвиняли друг друга в подрыве монархического начала, «потворстве жидам», антипатриотизме... Понятно, что поддерживая какие-то из этих

---

<sup>1</sup> Цит. по: Степанов С.А. Черная сотня в России. М: ВЗПИ, 1992. С. 150.

<sup>2</sup> Там же. С. 151.

групп, правительство получало на орехи от других, считавших себя обойденными. И, конечно, представители власти использовали эти столкновения для сведения своих счетов.

А.В. Герасимов, который вместе с Рачковским энергично насаждал в столице первые организации Союза русского народа, позднее в них «разочаровался». Причиной или поводом послужило то, что новый градоначальник Петербурга фон-Лауниц, прославившийся карательными экспедициями против крестьян Тамбовской губернии, взял столичных «союзников» под свое крыло. Он активно поощрял и финансировал их из городского бюджета, а они сформировали отряд для его личной охраны. Герасимов формально подчинялся фон-Лауницу, но, имея поддержку Столыпина и прямой выход на него, не посвящал градоначальника в свои тайные игры «на лезвии с террором» и всячески пресекал его попытки вмешаться в дела Охраны. Они невзлюбили, а затем и возненавидели друг друга.

3 января 1907 года фон-Лауниц был убит террористом во время многолюдных торжеств по случаю освящения Медицинского института, основанного принцем Ольденбургским. Там же планировалось убийство Столыпина. Получив об этом сведения накануне, Герасимов лично отправился сначала к Столыпину, а затем к Лауницу — предупредить об опасности и убедить их не появляться на торжествах. Столыпина он убедил, а Лауница — нет. На предостережение тот высокомерно ответил: «Меня защитят русские люди!» (Имелись в виду черносотенные телохранители). Судя по тону, каким пишет об этом Герасимов, он несколько не сожалел о гибели Лауница. Невольно возникает подозрение, что он не без умысла разозлил градоначальника, подставив его под пулю террориста. Если Азеф использовал охранку для устранения своих противников в партии эсеров, то почему его шеф не мог использовать террористов для устранения *своих* противников?

Так что, хотя между Столыпиным и черносотенными организациями порой возникали трения, в основе их лежали карьерные или амбициозные мотивы, а отнюдь не принципиальные расхождения.

Подводя итог этой главе, можно сказать, что если бы Столыпин не делал ставку на провокацию, то не погиб бы от руки провокатора. Если бы не задействовал Шорникову для разгона

Второй Государственной Думы и государственного переворота, а проводил реформы в соответствии с духом и буквой Манифеста 17 октября, то, глядишь, число недовольных в стране стало бы таять, революционные партии — терять влияние, и Россия пошла бы по пути «нормального» эволюционного развития. Но если бы Столыпин проводил *такую* политику, то не продержался бы у власти пяти месяцев, не то что пяти лет! *Исторический* Столыпин действовал в рамках, определенных царем, а тот упорно рубил сук, на котором сидел. Остановить самоубийственный дрейф государственного корабля на рифы большевизма можно было только одним способом — устранив Николая с капитанского мостика.

Он и был устранин, но слишком поздно.

## ЭПОХА РАСПУТИНА

1911–1916

Анна Александровна Вырубова, в интимном кругу — Аннушка, ближайшая подруга императрицы и главная посредница между ней и «старцем» Распутиным, после Февральского переворота была арестована, помещена в Петропавловскую крепость и многократно допрашивалась Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства по расследованию преступлений царского режима. Аннушка отрицала какую-либо причастность — свою и старца — к политическим решениям. Она утверждала, что с царем и царицей Распутин виделся редко, говорил с ними о Боге, молитвах, врачевании; с ней самой он вел только душеспасительные беседы. В воспоминаниях, написанных потом в эмиграции, она держалась той же линии<sup>1</sup>. Через несколько лет после их публикации в советском альманахе «Минувшие дни» появился «Дневник» Вырубовой, который свидетельствовал об обратном, но Аннушка заявила, что ничего общего с этим дневником не имеет. Его подложность подтвердила научная экспертиза. Это была «шалость» писателя А.Н. Толстого и литературоведа и историка П.Е. Щеголева.

Однако, при всей сомнительности такого литературного приема, в *поддельном* «Дневнике» Вырубовой оказалось куда

---

<sup>1</sup> Вырубова А.А. Страницы из моей жизни. Париж—Нью-Йорк, 1923.

больше исторической правды, чем в ее *подлинных* мемуарах. В этом нет ничего мистического. В 1917 году Щеголев был секретарем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, которая допрашивала Аннушку, а также десятки других весьма осведомленных лиц. Большевистский переворот пресек работу Комиссии, но она успела накопить обширный материал. Позднее Щеголев обработал и издал стенограммы допросов в семи объемистых томах — бесценный источник для всех, кто интересуется закатным периодом императорской России. Авторам «аннушкиного» Дневника было на что опереться.

Что же касается *подлинных* материалов о Распутине, то они больше похожи на мистификацию, чем подделка Толстого-Щеголева. Многие очевидцы, подчеркивавшие свою близость к Распутину и оставившие сотни страниц «личных воспоминаний», на поверку едва были с ним знакомы. Те же, кто хорошо знал «старца», либо намеренно замалчивали свои связи с ним, либо многократно их преувеличивали. Так, известный нам генерал П.Г. Курлов был возвращен в высший эшелон власти Распутиным<sup>1</sup>. Но он категорически отрицал, что пользовался протекцией старца. Товарищ обер-прокурора Святейшего синода князь Н.Д. Жевахов уверяет, что репутацию распутинца заработал незаслуженно, так как всеми силами боролся против «старца». Впрочем, по его мнению, старец вообще никакого значения не имел, так думают о нем «честные люди», «как Бог велит, а не так, как приказывают думать жида»<sup>2</sup>.

Но и материалы, исходящие от тех, кто не скрывал своей близости к Распутину, столь же сомнительны. В глазах некоторых из них Распутин был святым, пророком, прорицателем, воплощенным божеством; для них он объект беспредельной любви и поклонения. Для других он был жуликом, извращенцем, сексуальным маньяком — средоточием низости и порока. Особое место занимают почитатели Распутина, которые затем стали его

---

<sup>1</sup> См., например: Белецкий С.П. Григорий Распутин. В кн.: Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. I. М.: Терра, 1997. С. 129.

<sup>2</sup> Князь Жевахов Н.Д. Воспоминания. Там же. С. 542. Князь Жевахов также известен как один из самых яростных *жидоедов*. В двадцатые годы, в эмиграции, он активно занимался пропагандой «Протоколов сионских мудрецов», доказывал их подлинность «еврейским» характером власти большевиков.

врагами, такие, как неистовый иеромонах-расстрига Илиодор (Сергей Труфанов), одержимый «одной, но пламенной страстью» — уничтожить, стереть в порошок ненавистного Гришку! Мало кто опубликовал о нем столько разоблачительных документов, но можно ли доверять сведениям, исходящим из такого пристрастного источника?!

Словом, самые, казалось бы, достоверные материалы о Распутине — это царство кривых зеркал. Найти в них адекватное отражение старца — дело почти безнадежное. Возможна ли золотая середина между крайними суждениями? Пока ее никто не нашел.

Доктор филологических наук Татьяна Миронова опубликовала доклад, в котором заявлено, что существовало *два* Распутина: подлинный и фальшивый. Подлинный Распутин был праведником, патриотом, сгустком русской народной мудрости; он беспрестанно молился за Россию, ее самодержца, его семью, спасал от смерти больного наследника, радел об укреплении трона и о благе России. А дебоширил по ресторанам, устраивал хлыстовские оргии, изгонял оптом и в розницу «блудного беса» из своих почитательниц — *двойник* Распутина. Двойник манипулировал министрами, губернаторами, церковными владыками. Двойник писал нарочито безграмотные записочки-приказы, обдывая все те грязные дела, которые приписывали Распутину.

«Ни один чиновник, получивший от просителя-мошенника такую записку, не знал ни действительного почерка Распутина, ни его самого... И какая же буря негодования должна была взметнуться в душе высокопоставленного лица, получившего невозможную по наглости просьбу мошенника, с подобным сопроводительным письмом „от Гришки“. И эта буря негодования немедленно распространялась на Государя, чего и добивались еврейские аферисты»<sup>1</sup>. Вместе с праведным *Игорием* жертвами клеветы становились царь, царица, подрывался престиж государства. «Для этого и была изобретена иудейская афера с появлением фальшивой личности — двойника Григория Распутина»<sup>2</sup>, — итожит Т. Миронова.

---

<sup>1</sup> Татьяна Миронова, доктор филологических наук. Игорь Распутин: оболганная жизнь, оболганная смерть. Доклад на конференции «Исторические мифы и реальность» (Москва, 4 октября 2002 года). «Русский вестник». № 38–39, компьютерная распечатка. С. 7.

<sup>2</sup> Там же. С. 4.

Разобравшись с жизнью старца Игория, она вступает в единоборство с его смертью. До ее сенсационных открытий было известно, что Гришка Распутин был убит во дворце князя Юсупова, причем наиболее активную роль играли сам Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович и член Государственной Думы В.М. Пуришкевич. Опубликованы дневник Пуришкевича и воспоминания Юсупова. Оба в подробностях описали убийство, нисколько не пытаясь умалить своего участия в этом подвиге. Однако Т. Миронова считает, что изданный посмертно дневник Пуришкевича был сочинен кем-то другим, а князь Юсупов писал воспоминания под диктовку тех же таинственных лиц. «Не только жизнь Григория Ефимовича исказили, оклеветали, сфальсифицировали, но и смерть его мученическую оболгали»<sup>1</sup>.

Что же было на самом деле? Уж не убили ли в юсуповском дворце *двойника* Распутина, тогда как праведник был спасен промыслом Божиим? Нет, говорит Т. Миронова, убит был подлинный Распутин, но в другом месте, другими лицами и другим способом. «Умышленно запутали историю страшной смерти, и все это делалось и продолжает делаться только для одного — сокрыть ритуальный характер убийства»<sup>2</sup>.

Новаторская идея!

В традиционной антисемитской мифологии еврейский заговор и ритуальные убийства существовали параллельно, не пересекаясь; а тут убийство Распутина стало точкой пересечения параллельных — вклад в науку, достойный Лобачевского!

Не менее плодотворно и открытие распутинского двойника.

Я вообще люблю двойников: с ними жить лучше и веселее. Не зря они густо населяют вороньи слободки шуток и анекдотов. Каких только двойников тут не встретишь — и Ленина, и Сталина, и Берии; есть забавный кинофильм о двойнике Наполеона. А вот анекдот из реальной российской жизни рассматриваемой эпохи. Когда был вынесен приговор Дмитрию Богрову, киевские черносотенцы захотели присутствовать при казни — чтобы убедиться в том, что Богрова не подменят его *двойником*. Просьба была уважена.

---

<sup>1</sup> Миронова Т. Указ. соч. С. 7.

<sup>2</sup> Там же. С. 7.

Чем больше двойников, тем объяснимей исторические загадки, парадоксы и несуразности! А уж для полного объяснения всего и вся надобен двойник (двойница) автора открытия. Не могла же доктор филологии выступить с такой распутинщиной. Не иначе, как ее подменили с коварной целью подорвать престиж патриотической филологии!

В книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе» евреи делают ставку не на двойника Распутина, а на него самого — единого и неделимого. «Если раньше ходатайством за евреев занимался открыто барон Гинцбург, то вокруг Распутина этим стали прикрито заниматься облепившие его проходимцы» (стр. 496). Подтверждение этому Александр Исаевич находит в книге Арона Симановича «Распутин и евреи»<sup>1</sup>, хотя считает ее «хващливой» и содержащей «разный бытовой вздор и небывлые эпизоды» (стр. 496), в чем безусловно прав.

Опираясь на хващливые воспоминания Симановича, именуя себя «секретарем» Распутина, Солженицын вводит в ближайшее окружение старца банкира Д.Л. Рубинштейна, промышленника И.П. Мануса и даже «выдающегося авантюриста» И.Ф. Манасевича-Мануйлова<sup>2</sup> — одного из создателей антисемитской фальшивки века: «Протоколы сионских мудрецов».

Крайности сходятся: если у А.И. Солженицына старец Распутин — величина отрицательная, и его «облепляют» евреи, то у Олега Платонова и Татьяны Мироновой старец Распутин — величина положительная, и евреи «облепляют» его врагов и даже делают его жертвой ритуального убийства.

У Олега Платонова самый злостный и коварный из врагов Распутина — журналист В.Б. Дувидзон<sup>3</sup>. Он даже становится «женихом» дочери «старца» Матрены, чтобы вернее клеветать и готовить покушение на ее отца (в ее собственных воспоминаниях журналист Давидсон — только мимолетный ухажер). Зато Солженицыным этот враг Распутина вообще не упоминается, и понятно почему. Его появление сильно бы подорвало концепцию: «Распутин — ставленник евреев». По той же причине за пределами повествования остается и такой «секретарь» Распутина,

---

<sup>1</sup> Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига: Историческая библиотека, 1991.

<sup>2</sup> Солженицын А.И. Указ. соч., т. 1. С. 496–499.

<sup>3</sup> Разночтения Давидсон-Дувидзон у цитируемых авторов.

как полковник Комиссаров — тот самый, который в 1905 году печатал погромные листовки в тайной типографии Департамента полиции (тогда он был еще ротмистром). Когда его конспиративная типография была раскрыта и ликвидирована, ротмистра услали в провинцию, где он дослужился до полковничьего чина, после чего его вернули в столицу. Его прочили в начальники Охранного отделения, но так как скovyрнуть с этого поста полковника Глобачева не удалось, то ему доверили присмотр за Распутиным. За старцем был установлен двойной надсмотр: филеры Глобачева мерзели в подъезде, тогда как комиссаровцы располагались в самой квартире старца, а сам он близко сошелся со своим подопечным<sup>1</sup>.

Однако серьезные дела решались не на секретарском уровне.

Куда более влиятельные силы использовали Распутина, чтобы подняться в высшие этажи власти, и затем там удерживаться. Они-то и облепляли старца, действуя заодно с ним и через него. О том, как именно это делалось, подробно изложил товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий, рассказавший в частности, о том, как он и его шеф А.Н. Хвостов съезжались с Распутиным у Аннушки Вырубовой. На этих полуконспиративных совещаниях и определялось, с чем старцу пожаловать к «маме» и «папе», какие советы давать по части назначений, перемещений, помилований, награждений, многомиллионных подрядов и концессий. В числе особых заслуг Белецкого, прежде занимавшего пост начальника департамента полиции, — использование секретных фондов для подкупа экспертов обвинения на процессе Бейлиса. Так что, как ни раскладывай этот пасьянс, а получается, что черносотенцы и погромщики «облепляли» старца куда гуще, чем евреи.

Эпоха Распутина началась не с появления старца при дворе, а значительно позже, когда он стал, так сказать, политической силой. Начало этого периода примерно приходится на последний год премьерства Столыпина, а завершается февральским переворотом 1917 года. Распутина тогда уже не было в живых.

---

<sup>1</sup> Белецкий С.П. Указ. соч. С. 195–198 и др. Именно Комиссарову было поручено организовать убийство Распутина, но он, при поддержке Белецкого, этот приказ саботировал.



Причина кризиса — не сам «старец», а одряхление всего государственного организма. Воля к самосохранению, остатки которой спасли царизм в 1905 году, теперь была на исходе. Если в этом организме еще проявлялись признаки жизнедеятельности, то не в виде нормального обмена веществ, а в виде судорожных конвульсий. Распутин не был причиной болезни, а лишь наиболее зримым ее проявлением. Поэтому и устранение Распутина ничего не изменило. С другой стороны, даже в пору наивысшего влияния старца оно не было абсолютным. Прежде чем повернуть очередное дельце, Вырубова и Распутин тщательно расследовали обстановку, готовили почву, но если чувствовали, что с каким-то вопросом лучше не возникать, то и не возникали. Так, с Распутиным сблизился С.Ю.Витте, надевшийся через старца снова занять ведущий пост в государстве. Распутину очень льстила эта дружба, но, зная отрицательное отношение к Витте «мамы» и «папы», он так и не решился предложить им его кандидатуру.

Распутин был противником войны с Германией. Оправляясь после ранения в далекой сибирской больнице, он слал «папе» и «маме» телеграммы, умоляя не затевать гибельной бойни. Его не послушались не только потому, что в тот момент его не было в Петербурге. Это еще одна иллюстрация к тому, что Распутин, распутищина были следствием, а не причиной гангрены, разлагавшей государственный организм. Трупные пятна проступали и в таких событиях, к которым старец вообще не имел отношения. Наиболее значительное из них по своим последствиям — дело Бейлиса.

Непреклонное убеждение Солженицына состоит в том, что если бы не два роковых выстрела Богрова, то «это опозорение юстиции» при Столыпине «никогда бы не состоялось»<sup>1</sup>. Но дело Бейлиса заварилось именно при Столыпине, и, конечно, при его ощутимом личном участии.

Напомню, что когда в Киеве был найден труп Андриюши Ющинского (март 1911) и молодежная организация «Двуглавый орел» повела ритуальную агитацию, то, после несмелых попыток урезонить черносотенцев, министр юстиции Щегловитов пошел у них на поводу. Но с постановкой ритуального процесса

---

<sup>1</sup> Солженицын А.И. Указ. соч. С. 444.

заклинило. Работники киевской прокуратуры не обнаруживали «еврейского следа» в убийстве Ющинского, а фабриковать улики им не позволяло слишком серьезное отношение к такой ерунде, как законность и профессиональная совесть. Тогда расследование *уголовного* преступления было передано *политической* полиции: у нее никаких проблем с совестью не возникало. Но министр юстиции не мог привлечь к делу Охранное отделение, ибо оно входило в другое ведомство: министерство внутренних дел, которое возглавлял Столыпин.

По характеристике Витте, «Щегловитов держался все время министром юстиции при Столыпине только потому, что был у него лакеем, и министр юстиции, глава русского правосудия, обратился в полицейского агента председателя Совета министров». Но в данном случае нелегко разобрать, кто у кого оказался лакеем.

Арестовывать Бейлиса явился отряд жандармов во главе с полковником Кулябко. Так дело об убийстве Ющинского было превращено в дело Бейлиса. Произошло это за несколько дней до роковых киевских торжеств, так как к приезду государя надо было отрапортовать об успехе в расследовании *ритуального* убийства.

Выслушав *благою весть*, царь размашисто перекрестился, чем вдохновил чины всех ведомств и рангов на дальнейшие подвиги. Было ли убийство ритуальным, или все-таки нет, — так вопрос больше не ставился. На «ритуал» теперь работала вся государственная машина империи, а не только охранка, юстиция и полиция<sup>1</sup>.

В.Н. Коковцов, не допустив еврейских погромов «в ответ» на выстрелы Богрова, восстановил против себя не только черную сотню, но и сочувствующую ей часть правительства и двора. Он понял, что продолжать эту линию опасно. Хотя дело Бейлиса сопровождало почти все его премьерство, в его двухтомных воспоминаниях оно не упомянуто. Это молчание выразительно! Если бы Коковцов предпринял хоть самую слабую попытку противостоять позорищу, если бы высказал хоть одно скептическое замечание по этому поводу в Совете министров, или при докладе царю, или в разговоре с тем же Щегловитовым, или с кем-то еще, он об этом бы написал!

---

<sup>1</sup> См.: Резник С.Е. Убийство Ющинского и Дело Бейлиса: К столетию процесса века. Спб., «Алетейя», 2013.

Но Коковцов и без того с трудом удерживался на плаву. На роль главы императорского правительства он ни по силе характера, ни по уровню государственного мышления не вытягивал. К тому же, он возглавлял правительство, которое не он формировал. Министры не чувствовали себя ему обязанными, как раньше Столыпину. Не облегчало положение премьера и то, что за ним осталась пост министра финансов. Блюдя финансовую дисциплину, «честный бухгалтер» чаще должен был отказывать в просьбах, чем их удовлетворять, множа своих врагов. Для борьбы с ними у него не было той власти, какую Столыпину давало совмещение постов премьера и министра внутренних дел, когда в его руках находилась тайная полиция, а, значит, и компромат на министров. Позднее генерал Курлов говорил рвавшемуся к посту премьера А.Д. Протопопову: «Председатель Совета министров должен одновременно быть и министром внутренних дел или иметь на этом месте своего друга, иначе положение председателя Совета министров будет непрочно»<sup>1</sup>. Курлов знал в этом толк!

Одним из наиболее ловких противников Коковцова был министр земледелия Кривошеин. Он считал, что министр финансов поглощен бухгалтерской цифирью и не видит за ней леса большой политики. Он хотел подгрести под себя Крестьянский банк, а Коковцов категорически возражал, доказывая, что кредитная политика должна быть единой, иначе будет подорвана вся финансовая система государства. Кривошеин сумел внушить еще Столыпину, что прижимистость Коковцова сдерживает проведение аграрной реформы. Столыпин вел двойную игру: на словах соглашался с Коковцовым, а за его спиной готовил его падение. Интрига не удалась, потому что государь, не желая быть пешкой в руках «заслонявшего» его Столыпина, взял сторону Коковцова. Но Кривошеин остался в правительстве и продолжал интриговать.

Еще более опасным противником Коковцова был военный министр В.А. Сухомлинов. Шумливый и бестолковый красобай, Хлестаков в чине генерала и в ранге министра, он не пользовался авторитетом ни в армии, ни в обществе. Об уровне военного и

---

<sup>1</sup> Протопопов А. Господину председателю Чрезвычайной следственной Комиссии. Дополнительные показания. Цит. по: «Гибель монархии». М., Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 410.

политического мышления Сухомлинова (и самого царя) говорит эпизод, случившийся 10 ноября 1912 года. Накануне вечером Сухомлинов позвонил Коковцову, министру иностранных дел Сазонову и министру транспорта Рухлову и сообщил, что они вызваны к государю, но о предмете предстоявшего обсуждения отозвался незнанием. А наутро выяснилось, что решено объявить мобилизацию в двух военных округах (Киевском и Варшавском) — ввиду малочисленности пехоты, сосредоточенной вблизи границы с Австрией, причем, по словам государя, «военный министр предполагал распорядиться еще вчера, но я предложил ему обождать один день»<sup>1</sup>.

Опешивший Коковцов стал объяснять, что объявление мобилизации равносильно началу войны — не только с Австро-Венгрией, но и с Германией, так как две страны связаны военным договором. Россия к войне не готова. Рассчитывать на союзную Францию нельзя, так как договор с ней обязывает предупредить союзника о таких акциях, или тот освобождается от своих обязательств.

Доводы премьера были столь элементарными, что все с ним согласилось, включая Сухомлинова. Закрывая совещание, государь любезно сказал премьеру: «Вы можете быть совсем довольны таким решением, а я им больше вашего». И Сухомлинову: «И вы должны быть очень благодарны Владимиру Николаевичу, так как можете спокойно ехать за границу»<sup>2</sup>.

Дальше Коковцов продолжает: «Эти последние слова озадачили нас всех. Мы пошли завтракать наверх... и я спросил Сухомлинова, о каком его отъезде упомянул государь? Каково же было наше удивление, когда Сухомлинов самым спокойным тоном ответил нам: „Моя жена за границей, на Ривьере, и я еду на несколько дней навестить ее“. На мое недоумение, каким же образом, предполагая мобилизацию, мог он решиться на отъезд, этот легкомысленнейший в мире господин, без всякого смущения и совершенно убежденно, ответил: „Что за беда, мобилизацию производит не лично военный министр, и пока все распоряжения приводятся в исполнение, я всегда успел бы вернуться вовремя. Я не предполагал отсутствовать более 2–3 недели“»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч., т. 2. С. 123.

<sup>2</sup> Коковцев. Указ. соч., т. 2. С. 126.

<sup>3</sup> Там же. С. 126–127.

Армия теряла боеспособность, а тактика военного министра сводилась к нападкам на «скарядного» министра финансов. Свои претензии Сухомлинов прямо Коковцову не предъявлял, а приберегал их к личным докладам государю, так что премьер не мог их парировать. Когда же с опозданием ему становилось о них известно, он, почти со слезами на глазах и с цифрами в руках, объяснял, что никогда в кредитах военному министерству не отказывал, но те работы и заказы, на которые отпускались деньги в прошлые годы, не проводятся. Сотни миллионов рублей остаются неосвоенными — при общем годовом бюджете в два с небольшим миллиарда это были астрономические суммы! Государь все это выслушивал и — продолжал конспирировать с Сухомлиновым против премьера. А армия оставалась дезорганизованной, недовооруженной и недоукомплектованной. Зато за Сухомлинова стоял «наш друг» — старец Распутин.

Дело Бейлиса принесло министру юстиции Щегловитову репутацию изолгавшегося негодяя и монстра, способного на любые, в том числе кровавые, провокации. В глазах всей страны его имя было покрыто несмываемым позором. Зато из «высших сфер» на Щегловитова и всех других чинов, причастных к позорищу, пролился благодатный дождь наград, чинов, высоких назначений. Дегенерировавшая власть выражала презрение к обществу! Чувствуя себя как никогда прочно, Щегловитов возглавил группу противников Коковцова в Совете министров, намекаясь занять его место.

Вместе с более умеренными министрами Коковцов рассчитывал на поддержку Государственной Думы, но не тут-то было.

После столыпинского переворота 1907 года Дума стала послушной. Наибольшее число мест в ней принадлежало созданной «под Столыпина» и возглавляемой А.И. Гучковым партии «Союз 17 октября» (правильнее ее было бы называть «Союзом против 17 октября»). В 1912 году срок полномочий Третьей Думы истек, и состоялись выборы в Четвертую. Благодаря столыпинской избирательной системе и секретным денежным вливаниям в избирательную кампанию, состав Думы изменился мало. Но настроение ведущих парламентских фракций было уже другим. Они активно выступали против «темных сил», окружавших престол и губивших государство. Под «темными силами» понимали Распутина.

В чем же был секрет его влияния?

Став русской царицей, Александра Федоровна мечтала как можно скорее подарить мужу и своей новой стране наследника престола. В этом она видела свой религиозный и патриотический долг. Но у нее рождались дочери. Страстное желание родить мальчика привело даже к *мнимой* беременности. Организм Александры Федоровны перестроился так, что сначала ей самой, а потом и всем окружающим стало ясно: императрица в интересном положении! Когда все сроки прошли, а родовых схваток не наступало, стеснительная государыня согласилась допустить к себе врача. Он и установил, что ее набухшее чрево наполнено... *пустотой!* То было самовнушение огромной силы, полная победа духа над материей! Увы, не совсем полная... На такое способны только очень страстные, одержимые натуры. Одержимые тяжелой душевной болезнью — истерией.

Через десять лет после замужества императрица добилась того, к чему стремилась: родила сына! Радость августейших супругов была безмерной. Но затем на них обрушился удар невероятной силы. Наследственная болезнь царевича, гемофилия, была почти равносильна смертному приговору. (Дефектный ген, передаваясь в роду предков Александры Федоровны по женской линии, проявлялся у мужчин).

Глубоко религиозная женщина, Александра Федоровна должна была бы увидеть в своем несчастье знак Божий. Возмездие за гордыню, за отказ покориться судьбе. «Ты хотела сына — вот тебе сын, обреченный на муки и раннюю смерть!»

Но не такой была *ее* вера в Бога, *ее* религиозность! Покориться? Нет, только не это. Ведь Господь Бог может все. ВСЕ! Надо достучаться, докричаться, домолиться до него. Надо найти к нему путь. К мольбам простых смертных Господь глух: грехи обесценивают их молитвы. Но есть праведники, Божьи люди, на них нисходит благодать. *Их* молитвы достигают престола Всевышнего; на *их* просьбы Он откликается. Молитвами праведника наследник будет спасен! Да и всю царскую семью, и Россию, он будет беречь от невзгод и несчастий, как талисман. Надо только найти такого праведника, найти *свой* талисман!

И случилось так, что когда наследник, при очередном обострении болезни, лежал, обессиленный от потери крови, и рас-

терявшиеся врачи предсказывали самое худшее, «отец» Григорий возложил на него свои заскорузлые руки с грязными ногтями и уверенно сказал, что мальчик будет жить.

И мальчик выжил!..

Квадратура круга была решена: царица обрела свой талисман.

В литературе о Распутине есть немало уверений, что он действительно обладал даром ясновидения, гипнотического внушения, пророчества. В эту мутную область я не вторгаюсь. Бесспорно одно: старец умел распознавать людей и находить правильный тон с теми, кто склонен был поддаваться его чарам. Императрицу он раскусил безошибочно. Понял, как она одинока, как тяжело себя чувствует в свете, с его условностями, лицемерием, искательством, лестью, злословием. Хитрый и умный мужик надел на себя маску еще большего простака и грубияна, чем был на самом деле. Это был правильный ход. Императрицу не шокировали его мужицкие манеры, нечесаные патлы, наглый взгляд, вульгарное «тыканье». Все, что было в нем отталкивающего, ее привлекало, так как свидетельствовало о его бесхитростной натуре, искренней преданности и — прямой связи с небесными силами. Она внушила себе (а внушить себе она могла *все!*), что *его* устами с ней говорят Бог и народ. Тот Бог, от которого исходила власть ее мужа и зависело исцеление ее сына; и тот народ, который безмерно обожал своего государя и свою государыню — в противоположность «образованному классу», всегда недовольному и чего-то требующему.

В родном селе Покровском (Тюменского уезда, Тобольской губернии) Гришку Распутина знали как бездельника, хулигана и конокрада. От его дебошей стонало все село, сладу с ним не было и в семье: спьяну Гришка буянил, избивал родного отца. Попытки местного священника усюветить Гришку сделали их врагами. Но загулы у Гришки сменялись периодами набожности. Уже имея собственное хозяйство, семью, детей, он «бросил все» и пошел странствовать по монастырям и обителям. Он ходил в рубище, изнурял себя постами, носил вериги, в истовости религиозного бдения ему не было равных. Он не умел читать, но обладал цепкой памятью. В беседах с монахами и священниками, он усвоил немало отрывков из Священного писания.

Понимал он их на свой манер. При народной образности речи и туманности суждений его сентенции порой казались неожиданными, как бы внушенными свыше. Бесхитrostные монахи и батюшки представляли его более высоким церковным иерархам; Гришка и им умел внушать доверие к себе и своему благочестию. Молва о Божьем страннике, «старце», ширилась и поднималась все выше.

Странствия по глухим местам привели Гришку в сектантский «корабль» «Божьих людей» (хлыстов). По их учению, Иисус не вознесся на небо, а обитает среди живущих, вселяясь в праведников-«христов». Гришке это понравилось, как и хлыстовские «радения». Они сопровождались хлестаньем собственного тела, трясением и плясками до полного изнеможения, а кульминацией становился «свальный грех», который у хлыстов считался не грехом, а Божьим очищением.

В Петербурге Распутин появился примерно в 1904 году, но молва опередила его, что помогло ему без труда войти в круг известных и почитаемых священнослужителей. Его отличили популярный религиозный деятель Иоанн Кронштадтский, епископ Гермоген, инспектор Петербургской Духовной академии и личный духовник императрицы архимандрит Феофан.

От своего духовника императрица и услышала впервые о благочестивом «старце». Привели же его к ней «черногорки» — дочери черногорского князя Негоша Анастасия и Милица Николаевны, жены великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича. С Александрой Федоровной их сближало то, что все трое были иностранками и все трое увлекались мистикой. Черногорки активно искали *блаженных* и охотно поставляли их императрице.

После того, как Распутин «доказал» свое благотворное влияние на здоровье наследника, ему уже нетрудно было убедить Александру Федоровну, что от него зависит благополучие всей царской семьи и короны.

Общение с Распутиным стало для императрицы постоянной потребностью, но она не могла слишком часто принимать его во дворце, где каждое посещение фиксировалось и становилось известным. Странная дружба мужика и царицы и без того вызывала толки и пересуды, доходившие до насмешек и даже скабрёзных намеков. Потребовалось подыскать нечто вроде дома свиданья



ний, где царица могла бы встречаться со старцем без огласки. Выбор пал на дом Аннушки Вырубовой, благо, она жила в Царском селе, поблизости от императорского дворца.

Аннушка была дочерью управляющего императорской канцелярией А.С. Танеева и, можно сказать, выросла во дворце. В больших, широко распахнутых глазах пухленькой миловидной девушки Александра Федоровна читала столько преданности и обожания, что не могла не проникнуться к ней взаимной симпатией. Как только она подросла, императрица сделала ее своей фрейлиной. Отношения между ними были самыми сердечными — до тех пор, пока государыня не стала замечать, как Аннушка вспыхивает всякий раз при появлении государя. Надо было срочно удалить потенциальную соперницу, но сделать это так, чтобы не обнаружить своей ревности и не нанести ей обиды. Для этого был один простой способ — выдать ее замуж: служба фрейлины этим автоматически прекращалась. Энергично взявшись за дело, императрица подыскала жениха — лейтенанта флота Вырубова.

Незадолго до свадьбы великая княгиня Милица Николаевна пригласила невесту к себе — «на старца Распутина». Сильного впечатления он на нее не произвел, но, улучшив момент, она все-таки спросила, что ждет ее в замужестве. Тот ответил:

— Замуж ты выйдешь, но счастья не найдешь.

Старец как в воду глядел!

Лейтенант флота Вырубов оказался половым извращенцем, садистом и импотентом. Какие фокусы выдвигал он на брачном ложе с молодой супругой, можно только догадываться. Единственное, на что он был неспособен, это лишить ее девственности. Аннушка много месяцев скрывала следы истязаний, но, в конце концов, поведала о своем несчастье матери. Когда тайное стало явным, супруги разъехались, позднее развелись. Григорий Распутин приобрел еще одну — до гроба верную — поклонницу. А Александра Федоровна прониклась чувством вины к своей бывшей фрейлине: ведь это она, из собственных эгоистических побуждений, устроила скоропалительный брак, столь трагически неудачный!

Между двумя женщинами произошло объяснение. Они плакали, целовались, просили друг у друга прощения, клялись в вечной дружбе и преданности. Аннушка чистосердечно призна-

лась в любви к государю, но дала слово, что никогда не позволит себе никакой нескромности, могущей осложнить отношения августейших супругов. Александра Федоровна ей поверила. Особенно же их сблизило общее преклонение перед старцем. А так как Аннушка умела держать язык за зубами, то в ее маленьком домике государыня могла бывать хоть каждый день, не возбуждая любопытства к тому, кто еще там бывает...

Однако слухи о близости простого мужика ко двору, его целительном воздействии на наследника, а со временем и на некоторые назначения — сперва по духовному, потом и по другим ведомствам, — ширились. Вокруг Распутина сложился кружок почитателей и особенно почитательниц. Наиболее преданными старцу были неуравновешенные, легко внушаемые девицы и женщины, пережившие какое-то личное горе и, видимо, страдавшие половой психопатией. Бывали и нормальные женщины: они приходили похлопотать за мужа, сына, брата, жениха, любовника. На шумных сборищах у Распутина не различали чинов и званий. Графини и генеральши были равны служанкам и уличным проституткам. Распутин шумно и бесцеремонно «любил» всех своих поклонниц: смачно их обцеловывал, грубовато обласкивал, хватал за «мягкие места». Он проповедовал «очищение через унижение». Его туманные проповеди вызывали восторг, но если какая-то из поклонниц восхищалась слишком бурно, Распутин ее грубо осаживал, осыпал оскорблениями, на что она, довольная, отвечала еще большим восхищением. Самый распространенный способ «унижения» состоял в совместных хождениях в баню: дамы мылись вместе со старцем и мыли его. Лечь с Гришкой в постель для изгнания «блудного беса» считалось особым отличием. Связей этих большинство не скрывало. Иные шли на них с согласия и даже по настоянию своих мужей: такова была плата за гришкины услуги. Если какая-то из новеньких посетительниц с непривычки отклоняла домогательства, старец искренне обижался, но домогательств не прекращал. Сулил непременно исполнить просьбу, но не раньше, чем получит требуемый аванс.

Подачки и подношения — дорогими винами, яствами, бобровыми шубами, пачками ассигнаций были не в счет. Денег он не жалел, охотно раздавал небольшие суммы бедным просителям, остальные просаживал в дорогих ресторанах. Кутежи его

были многолюдными, шумными, с музыкой, плясками, цыганским хором, битьем зеркал. Когда приходило время платить по счету, Григория Ефимовича обычно просили не беспокоиться: все уже было уплачено.

Отнюдь не праведная жизнь «старца», столь приближенного к коронованным особам, становилась предметом пересудов в гостиных и клубах, в разных слоях общества. Только во дворце ничего «не знали». По указанию Столыпина, а затем и его преемников, за Гришкой велось полицейское наблюдение, все его похождения фиксировались филерами и докладывались начальству. Но для государыни, а, под ее давлением, и для государя все это была клевета на праведника, месть знати и интеллигенции за то, что царь напрямую общается с «человеком из народа».

Архимандрит Феофан, поняв, как сильно ошибся в «Божьем человеке», попытался открыть на него глаза царице. Но едва он заговорил о Гришке, как услышал, что должен немедленно удалиться, иначе будет приказано его вывести. Затем его вообще удалили из Петербурга.

Черногорки тоже поняли, кого привели в свое время во дворец. Но стоило им заикнуться об этом перед Александрой Федоровной, как дружба кончилась навсегда. Родная сестра императрицы, великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого великого князя Сергея Александровича, после гибели мужа прославилась праведной жизнью и благотворительностью. Она тоже пыталась объяснить сестрице, какое впечатление на общество производит пригретый ею старец. Отношения между сестрами прекратились. Воспитательница великих княжон доложила, что Распутин заходит в спальни девушек в неурочный час, когда они уже лежат в постелях, и она, воспитательница, не может этого допустить. Она лишилась места.

Разочаровался в Гришке епископ Гермоген и — был удален из Священного синода. Его верный ученик иеромонах Илиодор — настоятель монастыря в Царицыне, где за короткий срок развил бурную деятельность и стал очень популярен, — поначалу особенно близко сошелся с праведным старцем. Распутин не раз приезжал в Царицын, Илиодор вместе с ним ездил в его родное село Покровское. Но чем ближе молодой монах наблюдал старца, тем сильнее его точил червь сомнения. Особенное смятение в его душу вносили «изгнания блудного беса». Илиодор был молод, горяч, окружен богомолками, среди них попада-

лись писанные красавицы. Дабы не впадать в греховные искушения, он старался на них не заглядываться; и то, что «святой старец» вытворял с женщинами на глазах у всех, его глубоко изумляло. На осторожные вопросы Григорий отвечал, что святостью своей добился полной свободы от «блуда»; и баб он тоже освобождает от блуда, потому они и льнут к нему. С особым вкусом он рассказывал, как после совместного мытья в бане они ложатся вокруг него, одна прижимается к правому боку, другая к левому, третья обвивает правую ногу, четвертая — левую, а он изгоняет «бесов». Две знатные дамы даже подрались, потому что ни одна не хотела уступить место у его правого бока!

От таких разговоров у иеромонаха туманилось в голове, возникали греховные видения. Стали закрадываться подозрения: уж не дурачит ли Гришка его и весь Божий свет? Илиодор гнал от себя эти мысли как недостойные и греховные, но они возвращались. Праведник он или дьявол? Коль скоро вопрос возник, доискаться ответа было нетрудно: некоторые поклонницы старца исповедовались у Илиодора. Несколько наводящих вопросов, и ему стало ясно, *какими* прикосновениями старец изгонял из них «блудного беса».

Однако с разоблачениями Илиодор не спешил. Предстояла тяжелая борьба. Илиодор знал, как велика власть Гришки над самыми влиятельными особами. Вот как он описал сцену, при которой присутствовал:

«Распутин в это время прямо-таки танцевал около Вырубовой; левой рукою он дергал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее целовал... Я грешно думал: „Фу, гадость! И как ее нежное, прекрасное лицо терпит эти противные жесткие щетки...“ А Вырубова терпела, и казалось, что находила даже некоторое удовольствие в этих старческих поцелуях. Наконец Вырубова сказала: „Ну, меня ждут во дворце; надо ехать, прощай, отец святой...“ Здесь совершилось нечто сказочное, и если бы другие говорили, то я бы не поверил, а то сам видел. Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась лбом обоим ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала „старца“ в губы и несколько раз его грязные руки»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Сергей Труфанов (бывший иеромонах Илиодор). Святой черт. В кн.: «Григорий Распутин. Сборник исторических материалов». Т. I. М.: Терра, 1997. С. 336–337.

Когда Вырубова ушла, Гришка, заметив ошеломление монаха, не без горделивой усмешки намекнул, что нечто подобное происходит и с «царями». И это походило на правду.

Набрав достаточно, как ему казалось, компромата, Илиодор сбросил маску и накинулся на Гришку со всей неистовостью своего темперамента. Не щадил он и церковных покровителей Распутина, в чем, возможно, была его основная ошибка.

Его пытались урезонить, а когда это не удалось, последовал указ о высылке его из Царицына. В ответ Илиодор забаррикадировался в своем монастыре вместе с тысячами преданных ему богомольцев и продолжал произносить громовые речи, а газеты разносили их по всей стране. Указ о высылке монаха был отменен. Его пригласили в Петербург, царь удостоил его аудиенцией.

«Николай, считающий, по словам самого же Распутина, „старца“ Христом, на приеме страшно нервничал, моргая своими безжизненными, усталыми, туманными, слезящимися глазами, мотая отрывисто правой рукою и подергивая мускулами левой щеки, едва успел поцеловать мою руку, как заговорил буквально следующее:

— Ты... вы ты не... трогай моих министров. Вам что Григорий Ефимович говорил... говорил. Да. Его нужно слушать. Он наш... отец и спаситель. Мы должны держаться за него... Да... Господь его послал... Он... тебе, вам, ведь говорил, что... жидов, жидов больше и революционеров [надо ругать], а министров моих не трогай... На них и так нападают враги... жида. Мы слушаемся отца Григория, а вы что же...»<sup>1</sup>

Когда разговоры о скандальных похождениях Гришки перекочевали в газеты, Николай потребовал от Столыпина прекратить вмешательство в «частную жизнь его семьи». Увы, карать газеты можно было за революционную пропаганду или за «оскорбление величества»; похождения Григория Распутина под эти категории не попадали. На газеты оказывали неофициальное давление, но заставить их замолчать можно было только одним путем — удалением Гришки от трона. Столыпин вызвал к себе Распутина и, пригрозив полицейскими мерами, велел ему немедленно уехать в Покровское. По свидетельству М.В. Родзянко, которому об этом говорил сам Столыпин, он действовал при «кажущемся безмолвном согласии государя»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 344.

<sup>2</sup> Родзянко М.В. Указ. соч. С. 42.

Гришка испугался и подчинился. Но государыня пришла в ярость. Закатив сцену августейшему супругу, она отправила Вырбову за старцем, и та с торжеством вернула его.

Когда Распутин опять появился в Петербурге, Илиодор и епископ Гермоген, у которого тот остановился, зазвали его к себе. Тот пришел — насупленный, готовый к тяжелому разговору, со слабой надеждой на примирение. Они пытались вразумить и усовестить его; требовали, чтобы он перестал злоупотреблять доверием царя и царицы; объясняли, что своим присутствием при дворе, чем он к тому же не перестает похваляться, он наносит царю и всей России страшный вред. Завязался спор, посыпались оскорбления, и — два дюжих священнослужителя набросились на Гришку с ножом!

По одной версии, они хотели его убить, по другой — *только* кастрировать. Обливаясь кровью, рыча от боли и ярости, Гришка сумел вырваться из западни. Пощады с его стороны ждать не приходилось. Гермоген был лишен сана, сослан без суда и следствия в дальний монастырь. Илиодор скрылся, но был пойман и под конвоем препровожден в другой далекий монастырь, где содержался под стражей, как в тюрьме. Оттуда ему удалось бежать за границу. Он отрекся от монашества и стал публиковать скандальные разоблачения. Самой убийственной была публикация писем императрицы и ее дочерей к «отцу Григорию». Когда они еще дружили, Гришка показал Илиодору пачку таких писем, сполна наслаждался его изумлением и подарил по одному письму от царицы и от каждой из великих княжон. Вот что говорилось в письме Александры Федоровны:

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного, заснуть, заснуть, на веки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорее

приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя. М[ама]»<sup>1</sup>.

Публикации Илиодора проникли в Россию, а о том, чтобы они как можно шире разошлись, позаботились многие, и больше всех — А.И. Гучков, лидер октябристов, то есть *партии власти*, в Государственной Думе.

Столь откровенное письмо Александры Федоровны отнюдь не доказывало, что она была в интимных отношениях с Гришкой. Во дворце Распутин вел себя развязно, но известной черты не переступал. Даже в отношениях с Аннушкой Вырубовой он держал дистанцию. Позднее, при Временном Правительстве, когда Вырубова оказалось под следствием, она говорила, что Распутин как мужчина был ей «неаппетитен». А когда ей не поверили, она потребовала медицинского освидетельствования, и оно подтвердило: главная-то распутинка — девственница! Не приходится спорить с Коковцовым, когда он пишет, что письмо царицы к старцу было «проявлением ее мистического настроения». Но, по его же словам, оно «давало повод к самым возмутительным пересудам»<sup>2</sup>.

Как минимум, *давало повод!* Жена цезаря — и такое подозрение!

Ну, а сам цезарь? Что испытывал несчастный царь, когда ему пришлось познакомиться с изливаниями его августейшей супруги к Григорию Ефимовичу, — даже если он не сомневался в том, что для нее этот мужик — только облако в штанах?

Но разгневался он не на свою истеричку-жену, не на старца, сорившего *такими* письмами, даже не на Илиодора, опубликовавшего их в зарубежье, и не на Гучкова, почти открыто распространявшего гектографические копии этого письма в Государственной Думе и по всей России. Виноваты были чины администрации: они *допустили, не доглядели, не пресекли...*

Виноватее всех, конечно, был главный страж порядка, министр внутренних дел А.А. Макаров. «Я застал его в очень угнетенном настроении, — вспоминал Коковцов. — Он только что получил очень резкую по тону записку от государя, поло-

---

<sup>1</sup> Илиодор. Указ. соч. С. 331.

<sup>2</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 20.

жительно требующую от него принятия „решительных мер к обузданию печати“ и запрещению газетам печатать что-либо о Распутине»<sup>1</sup>.

От Макарова требовали невозможного, как годом раньше от Столыпина, ибо никакого нарушения закона о печати в тех публикациях не было. Если Столыпин тогда отреагировал высылкой Распутина из столицы, хотя бы кратковременной, то его преемники пошли другим путем.

Коковцов пишет, как Макаров, министр по делам печати и он сам уламывали редакторов и издателей газет. «Я воспользовался визитом ко мне М.А. Суворина и Мазаева [из „Нового времени“] и старался развить перед ними ту точку зрения, что газетные статьи с постоянными упоминаниями имени Распутина и слишком прозрачными намеками только делают рекламу этому человеку, но, что всего хуже, — играют в руку всем революционным организациям, расшатывая в корне престиж власти монарха, который держится, главным образом, обаянием окружающего его ореола, и с уничтожением последнего рухнет и самый принцип власти»<sup>2</sup>.

Но если не одна, то другая газета подхватывала очередной скандал, а остальные перепечатывали, комментировали, смаковали подробности.

Макаров был бессилён справиться с ситуацией. Тучи над ним сгустились. Желая показать свою расторопность и преданность государю, он организовал сверхсекретную разведывательно-финансовую операцию по изъятию оригиналов злополучных писем императрицы и великих княжон. Хотя они широко разошлись в печати, их подлинность не была подтверждена. Но они могли быть в любой момент опубликованы в фотокопиях, и тогда каждый, кому доводилось получать какие-либо записки от императрицы, мог бы сличить почерк. А что, если их представят на графологическую экспертизу и затем опубликуют заключение независимых экспертов? Не допустить этого можно было только одним путем — завладеть письмами. Узнать, где они находятся, и затем выкрасть или выкупить их.

---

<sup>1</sup> Там же. Т. 2. С. 26.

<sup>2</sup> Там же. С. 20.



Задуманная операция блестяще удалась! Но, заполучив выделенные письма, Макаров стал в тупик — что с ними делать: спрятать подальше или передать государю?

«Макаров дал мне прочитать все письма, — пишет Коковцов. — Их было 6. Одно сравнительно длинное письмо от императрицы, совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии; по одному письму от всех четырех великих княжон, вполне безобидного свойства, написанных, видимо, под влиянием напоминаний матери... и — одно письмо, или, вернее, листок чистой почтовой бумаги малого формата с тщательно выведенной буквою А, маленьким наследником»<sup>1</sup>.

На просьбу дать совет, какой из двух вариантов избрать, Коковцов отверг оба. Он пояснил, что в первом случае Макаров даст повод к подозрению в каких-то неблагоприятных намерениях; во втором — поставит в неприятное положение царя, а в царице наживет врага. Коковцов посоветовал испросить аудиенцию у императрицы и передать письма ей — без свидетелей, из рук в руки.

Макаров согласился, но затем передумал. Ему было ясно, что государыня, скорее всего, уничтожит письма, ничего не скажет государю, и тот даже не узнает о высокоценной услуге своего министра! Макаров решил все же обрадовать подарком самого Николая.

«По собственному его [Макарова] рассказу, — завершает этот эпизод Коковцов, — государь побледнел, нервно вынул письма из конверта и, взглянув на почерк императрицы, сказал: „да, это не поддельное письмо“, а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным ему жестом швырнул туда конверт. Мне не оставалось ничего другого, как сказать Макарову: „зачем же вы спрашивали моего совета, чтобы поступить

---

<sup>1</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 44. Не могу здесь не напомнить, что, согласно Илиодору, он получил от Распутина пять писем — императрицы и четырех ее дочерей, по одному от каждой; что же касается листка с буквой «А», выведенной Алексеем (мальчик только начал учиться писать), то его Распутин *показал* Илиодору, но не отдал. Если так, то Макаров не мог завладеть этим *шестым* документом. Не преувеличивал ли Коковцов свою осведомленность? Похоже, что об этих письмах он писал не столько по памяти, сколько по книге Илиодора, но прочел ее невнимательно.

как раз наоборот, теперь ваша отставка обеспечена»<sup>1</sup>. Чтобы прийти к такому заключению, не надо было обладать пророческим даром Распутина.

Между тем, скандал перешел с альковного уровня на церковный.

Приват-доцент Московской духовной академии Новоселов, специалист по сектантству, собрал материалы, доказывавшие близость проповедей и поведения Распутина к хлыстовской ереси, и обвинил Священный синод и церковное руководство в потворстве сектантству.

Макаров приказал изъять брошюру Новоселова из продажи, но этим только подлил масло в огонь. Газета «Голос Москвы» поместила статью Новоселова, в которой тот повторил основные положения своей брошюры. На газету был наложен крупный штраф, а номер — конфискован.

«Эти репрессии имели, однако, обратное действие, — свидетельствовал председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. — Брошюра Новоселова и номер газеты в уцелевших экземплярах стали покупаться за баснословные деньги, а в газетах всех направлений появились статьи о Распутине и о незаконной конфискации брошюры; печатались во всеобщее сведение письма его бывших жертв, прилагались фотографии, где он изображен в кругу своих последователей. И чем больше усердствовали цензура и полиция, тем больше писали и платили штрафы»<sup>2</sup>.

Группа депутатов Думы во главе с Гучковым подала запрос о «незаконномерных» действиях правительства. В текст запроса была включена статья Новоселова в полном объеме, и она стала достоянием всей страны, ибо Запрос был официальным документом Думы, его напечатали чуть ли не все газеты в обеих столицах и на местах.

«Верховная власть была поставлена лицом к лицу с необходимостью решить безотлагательно вопрос: быть или не быть Распутину, — писал М.В. Родзянко. — Всякому было ясно, что

---

<sup>1</sup> Там же. С. 44.

<sup>2</sup> Родзянко М.В. Крушение империи. Первое полное издание записок председателя Государственной Думы, с дополнениями Е.Ф.Родзянко. Нью-Йорк, 1986. С. 47.

борьба распутинского кружка с Россией должна была разрешиться победой или поражением той или другой стороны. Силы, однако, были неравные. На стороне Распутина стояла волевая и властная императрица Александра Федоровна, имевшая подавляющее влияние на своего августейшего супруга, и подержанная придворной камарильей, хорошо знавшей, чего она хочет. А в лагере противников царила нерешительность, опасение энергичным вмешательством разгневать верхи и отсутствовало объединение, потому что не помнили главного — блага России»<sup>1</sup>.

В борьбу за удаление Распутина были втянуты многочисленные родственники государя, двор императрицы-матери Марии Федоровны. Она приглашала к себе премьер-министра Кокцовца, председателя Думы Родзянко и выслушивала ужасы о художествах «старца».

«Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию, и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье», — горько обливаясь слезами, говорила императрица-мать Кокцовцу, и он назвал ее слова «пророческими»<sup>2</sup>.

Однако, если верить Родзянко, это он внушал ей: «Государыня, это вопрос династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать»<sup>3</sup>.

И снова вопрос: «А что же царь?»

В его восковой душе и ватном мозгу, как всегда, происходило перетягивание каната. Его разрывало на части, шатало из стороны в сторону. Все зависело от того, какая из команд в данный конкретный момент тянет сильнее.

Волевая августейшая супруга требовала от безвольного августейшего супруга ответить на запрос Думы ее роспуском. Но Кокцов пугал непредсказуемыми последствиями, а Родзянко, шумно демонстрировавший свою преданность престолу, просил принять для личного доклада, и государю было неловко распустить Думу, даже не выслушав ее председателя.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 50–51.

<sup>2</sup> Там же. С. 34.

<sup>3</sup> Там же. С. 53.

Прием состоялся, и августейший супруг должен был битых два часа, тоскливо глядя в окно, выслушивать разъяснения о том, какую угрозу монарху и монархии представляет близость к трону «грязного хлыста».

Если верить Родзянко, то его доклад произвел столь сильное впечатление, что «государь почти не прикасался к еде за обедом, был задумчив и сосредоточен»<sup>1</sup>. А на следующий день распорядился: «Пусть он [Родзянко] из Синода возьмет все секретные дела по этому вопросу [о сектантстве Распутина], хорошенько все разберет и мне доложит. Но пусть об этом пока никто не будет знать»<sup>2</sup>.

Безмерно польщенный секретным поручением, Родзянко тотчас придал ему широкую огласку. Он привлек к делу Гучкова и ряд других лиц — из числа самых ярких разоблачителей Распутина. Александра Федоровна стала принимать контрмеры. Она засылала к председателю Думы своих эмиссаров, передававших ее повеление прекратить расследование и вернуть дело в Синод. Но тучный председатель Думы стоял, как скала, заявляя, что только сам государь может отменить свое поручение. Он подготовил новый доклад, «окончательно» уничтожавший Распутина, но повторно государь его не принял — под предлогом готовящегося отъезда на лето в Ливадию. Причина же была в том, что волевая супруга усилила нажим, да и вообще разговоры с напористым председателем Думы государю были тягостны. Впрочем, он тяготился разговорами о Распутине со всеми, кто не считал старца святым.

Стало ему тягостно и с Коковцовым после того, как тот вынужденно принял Распутина, а затем доложил, что старец произвел на него крайне негативное впечатление, напомнив «типичных представителей сибирского бродяжничества, с которыми [Коковцов] встречался в начале [св]оей службы в пересыльных тюрьмах, на этапах и среди так называемых „не помнящих родства“, которые скрывают свое прошлое, запятнанное целым рядом преступлений, и готовы буквально на все во имя достижения своих целей»<sup>3</sup>. Коковцов *посоветовал* Распутину (не приказал, как годом раньше Столыпин, а только посоветовал) уехать из Петербурга.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 61.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 40. В начале своей карьеры Коковцов возглавлял тюремное управление.

Тот и сам решил уехать на время. Он сознавал, что находится в эпицентре скандала; если об отъезде его попросит сам царь, то ему уже нельзя будет вернуться. Но царице он преподнес дело так, что премьер его *заставляет* уехать. Премьер попал к ней в немилость.

Как ни сторонился Коковцов всего, что касалось Распутина, долго выдержать такую линию было невозможно. Чем более высокий пост занимал чиновник, тем скорее он должен был определиться: либо он за Распутина и должен плясать под его дудку, либо он его враг. А значит, и враг царицы.

Удалив Макарова с поста министра внутренних дел, государь поставил на его место черниговского губернатора Н.А. Маклакова, который в своей губернии отличился только тем, что восстановил против себя земство. Зато он был «любимцем» князя Мещерского, и тот делал ему карьеру. На аудиенцию к государю Маклаков явился с бантом Союза русского народа в петлице, держался бодро, а представленный наследнику, изобразил влюбленную пантеру, чем очень развеселил мальчика. Вопрос о его назначении был решен. Никаких данных к тому, чтобы возглавить важнейшее министерство, он не имел, на что Коковцов почтительно указал государю. Добавил, что ему будет трудно сработаться со ставленником князя Мещерского, с которым он расходится по всем основным вопросам. Но государь его успокоил:

— Вот вы увидите, какого послушного сотрудника я приготовил вам в лице Маклакова.

Новый министр внутренних дел с каждой неделей входил все больше в фавор. К верноподданническим докладам он непременно прибегал забавные истории. Он умел их рассказывать так, что сдержанный государь хохотал до слез. После доклада его непременно приглашали к завтраку, и он очень веселил великих княжон и государыню шутовскими выходками. Само собой понятно, что он был другом Распутина и получил высокий пост с его одобрения.

Он действительно стал послушным сотрудником, но не Коковцова, а... Щегловитова. Он активно взялся за полицейское обеспечение всего того произвола, который позволял двигать в нужном направлении «ритуальное» дело Бейлиса, ради чего он

творил беззакония с еще большим энтузиазмом, чем до него Макаров, а до Макарова — Столыпин. Почему же эта грандиозная провокация провалилась?

Прежде всего потому, что против средневекового мракобесия восстала общественность. В деле Бейлиса она увидела попытку ослепить народ племенной ненавистью и под разгул «патриотических» страстей похоронить остатки гражданских свобод, дарованных в 1905 году, но с тех пор постоянно урезаемых. На защиту Бейлиса встала русская интеллигенция. Из писем и дневников видных деятелей той эпохи (Александра Блока, Александра Куприна, Зинаиды Гиппиус) известно, насколько сильным у некоторых из них было личное нерасположение к евреям. Не ради инородцев они выступили против судилища над Бейлисом, а ради самой России. Как вспоминал П.Н. Милюков, «высшая точка общественного негодования была достигнута, когда вся неправда режима, все его насилие над личностью воплотилось в попытке сосредоточить на лице невинного еврея Бейлиса обвинение против всего народа в средневековом навете — употреблении христианской крови. Нервное волнение захватило самые глухие закоулки России, когда, в течение 35 дней [сентябрь-октябрь 1913-го] развертывалась в Киеве, при поощрении или прямом содействии властей, гнусная картина лже-свидетельства, подкупленной экспертизы, услужливых прокурорских усилий, чтобы вырвать у специально подобранных малограмотных крестьян-присяжных обвинительный приговор. Помню тревожное ожидание этого приговора группой друзей и сотрудников, собравшихся вечером в редакции “Речи”. Помню и наше торжество, когда темные русские крестьяне вынесли Бейлису оправдательный приговор»<sup>1</sup>.

А как реагировал на дело Бейлиса старец Распутин? В материалах о нем я не нашел указаний на то, чтобы он сказал хоть слово *в пользу* ритуального обвинения евреев или *против* него. Похоже, что он и его окружение были настолько поглощены улаживанием скандалов, вызываемых его похождениями, что главное общественное событие, будоражившее страну больше двух лет, ими просто не было замечено. Правда, есть указание на то, что когда, после оправдания Бейлиса, черносотенцы возна-

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 141.

мерились воздвигнуть памятник Андрею Ющинскому с надписью «Убиенный от жидов», Распутин посоветовал царю этого не допустить, чтобы не возбуждать новый скандал. Однако личная непричастность старца к делу Бейлиса не отменяет того факта, что оно стало одним из самых ярких симптомов распутинщины. Оно показало, что система власти поражена гангреной и стремительно разлагается.

Казалось бы, инстинкт самосохранения должен был подтолкнуть к перемене курса, к тому, чтобы не изолировать власть от общества, а пойти на сближение с ним. Но для этого у власти должны были стоять люди, способные на смелые и разумные решения. Увы, таких не было, и само появление их становилось все менее вероятным. Власть лишь сильнее закусывала удила, приближая собственное падение.

«По делу Бейлиса, — итожил Милюков, — на печать были наложены 102 кары — в том числе шесть редакторов арестованы. 120 профессиональных и культурно-просветительских обществ были закрыты или не легализованы. В Петербурге мне с Шингаревым запрещено было сделать доклад избирателям о Четвертой Думе, а в Москве такое же собрание вновь избранных членов Думы к.д. Щепкина и Новикова было закрыто полицией. Закрыто было полицией и юбилейное заседание в честь пятидесятилетия “Русских ведомостей” и банкет по тому же поводу. Мне были запрещены лекции по балканскому вопросу в Екатеринодаре и Мариуполе. Это — только отдельные эпизоды из целого ряда подобных. Все это вместе напоминало предреволюционные настроения и полицейскую реакцию на них 1905 года»<sup>1</sup>.

Государственная машина была уже настолько разболтана, люди, толпящиеся у трона, настолько погрязли в *распутинщине*, что ни довести до «победного» конца мракобесное дело Бейлиса, ни сделать надлежащие выводы из его провала, они не могли.

Отношения царского правительства с Думой продолжали осложняться. Дошло до того, что октябристы, то есть *партия власти*, перешли почти в прямую оппозицию. По свидетельству

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Указ. соч., т. 2. С. 141–142.

председателя Думы Родзянко, на съезде партии октябристов «Гучков в блестящей речи обрисовал внешнее и внутреннее положение политики России. Он говорил о том, что надо одуматься, что Россия накануне второй революции и что положение очень серьезное и правительство неправильной своей политикой ведет Россию к гибели»<sup>1</sup>.

В резолюции съезда давался следующий наказ депутатам Думы:

«Парламентской фракции Союза 17 октября как его органу, наиболее вооруженному средствами воздействия, надлежит взять на себя неуклонную борьбу с вредным и опасным направлением правительственной политики и с теми явлениями произвола и нарушения закона, от которых ныне так тяжело страдает русская жизнь. В парламентской фракции должны быть использованы в полной мере все законные способы парламентской борьбы; как то: свобода трибуны, право запросов, отклонение законопроектов и отказ в кредитах»<sup>2</sup>.

Лидер кадетов Милюков подтверждал:

«Среди своих верных он [Гучков] чеканит новую эффектную формулу отказа от своей прежней деятельности: „Мы вынуждены отстаивать монархию против тех, кто является естественными защитниками монархического начала, церковь — против церковной иерархии, армию — против ее вождей, авторитет правительственной власти — против носителей этой власти“. И он же диктует городскому съезду его заключительную резолюцию об угрозе стране тяжкими потрясениями и гибельными последствиями от дальнейшего промедления в осуществлении реформ 17 октября»<sup>3</sup>.

Конечно, кадет Милюков всем этим недоволен: по его мнению, октябристы полевели недостаточно, их оппозиционные настроения в Думе «быстро сходили на нет». Но ничто не демонстрирует так наглядно тот факт, что власть восстанавливала против себя даже те слои общества, которые еще недавно служили ее опорой.

---

<sup>1</sup>Родзянко М.В. Указ. соч. С. 91.

<sup>2</sup>Там же.

<sup>3</sup>Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 141.



Коронованный революционер, ведомый своей августейшей супругой, полностью поработанной Распутиным, снова привел страну к краю пропасти. На этот раз отсрочить падение в нее могло только чудо. И оно произошло.

Началась мировая война.

15 (28) июня 1914 года в сербском городе Сараево был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, а на следующий день в далеком сибирском селе Покровское, — тяжело ранен приехавший на побывку в родное гнездо Григорий Распутин. Два террористических акта, разделенные расстоянием в половину земного шара, но почти совпавшие по времени, оказались роковыми для дальнейших судеб России и мира.

Описывая обстоятельства покушения на Распутина, его дочь Матрена сообщает, что Григорию Ефимовичу принесли телеграмму от царицы с просьбой немедленно вернуться в Петербург. Он пошел отбить ответную телеграмму, чтобы следом и выехать, но его остановила укутанная в платок нищенка. Пока он рылся в кармане, выуживая монету для подаяния, она выхватила из-под полы длинный острый нож и ударом снизу вверх пропорол ему живот.

Террористку звали Хиония Гусева. По версии Матрены Распутиной, она никогда прежде не встречала ее отца, личных мотивов у нее быть не могло. Она была подослана врагами Распутина, действовала совместно с журналистом Давидсоном, выслеживавшим передвижения старца от самого Петербурга<sup>1</sup>. Но книга Матрены — одна из самых «распутинских» во всем распутиноведении. Более правдоподобна другая версия: Хиония — одна из многих жертв Распутина, которая доверилась его «святости», а после изгнания «блудного беса» пошла по рукам, заразилась сифилисом и к моменту покушения уже была обезображена тяжелой болезнью. Основной мотив ее преступления — месть за свою загубленную жизнь. Третья версия, не отвергающая, а дополняющая вторую: сообщником Хионии был иеромонах Илиодор. Он не отрицал знакомства с нею, называл

---

<sup>1</sup> Распутина М. Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М.: Захаров, 2000. С. 248–250.

ее своей «духовной дочерью» и характеризовал как «девицу — умную, серьезную, целомудренную и трудолюбивую». По его словам, она была «начитана очень в священном писании, и на почве этой начитанности она кое-где немного заговаривалась»<sup>1</sup>. Воспламененная ненавистью к «ложному пророку», Хиония просила Илиодора благословить ее на кровавый подвиг. Он уверял, что благословения не дал, а, напротив, пытался удержать ее от греха человекоубийства<sup>2</sup>. Так ли это, вряд ли когда-нибудь будет выяснено.

Результатом покушения Гусевой стало то, что вернуться в Петербург по призыву царицы старец не смог. Более того, с быстротою молнии распространилась весть о его гибели, что вызвало бурю ликования в Думе и во всей стране. Весть оказалось *преувеличенной*.

Пока старец в Тюменской больнице выкарабкивался с того света, Европа сползала в пропасть войны. С больничной койки он слал телеграммы, «умоляя государя не затевать войну, потому что с войной будет конец России и им самим [царствующим особам] и положат до последнего человека»<sup>3</sup>. Вырубова лично передала одну из таких депеш царю. Тот принял телеграмму с глухим раздражением, а, по другой версии, даже разорвал на мелкие кусочки.

События на Балканах не раз уже приводили Россию на грань войны «за славянское дело», хотя мало кто понимал, в чем, собственно, оно состоит. Освобождаясь от владычества Турции, малые балканские народы тотчас вступали в борьбу друг с другом, а это открывало калитку в их задний двор для Австрии. Россия бряцала оружием, но к войне готова не была. В 1910 году роковое развитие событий предотвратил Столыпин, в 1912-м — Коковцов. В 1914-м (премьером был «вынутый из нафталина» Горемыкин) отчаянную попытку остановить царя предпринял Витте. Давний сторонник континентального союза (Франции-Германии-России), он понимал, что война между ними может привести только к гибели. Но Витте был ненавистен *слабому и лукавому* самодержцу и повлиять на события не мог. Если у кого

---

<sup>1</sup> Илиодор. Указ. соч. С. 449.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Вырубова А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 88–89.

был шанс остановить его, то только у Распутина. Старец был убежден, что, будь он в тот момент в Петербурге, войны бы не допустил. Так это или нет, проверить невозможно. История не знает альтернативных вариантов, она сразу пишется набело.

Согласно доминирующему мнению, Первая мировая война открыла путь к революции. Такова основополагающая концепция советской историографии; из нее исходил и Солженицын, когда начинал раскрутку «Красного колеса» с августа 1914 года.

Между тем, внутреннее положение России было таково, что война *отодвинула* революционный взрыв, а не приблизила его. После позорного провала дела Бейлиса и распутинских скандалов власть находилась в глухой изоляции от страны и общества. Грозно нарастало забастовочное движение, сопровождавшееся массовыми демонстрациями под красными флагами, с пением революционных песен. За первые четыре месяца 1914 года, суммировала газета «Русские ведомости», в России бастовало 447 тысяч рабочих — против 95 тысяч за такой же период 1913 года, тоже далеко не спокойного<sup>1</sup>.

Но наиболее важным признаком надвигающегося взрыва был не сам по себе рост рабочего движения, а солидарность с ним почти всех слоев общества. Даже съезд промышленников, словно для намеренного посрамления марксистской ортодоксии, поддержал рабочее движение. В телеграмме на имя премьера Горемыкина съезд указал, что забастовки вызваны причинами, которые лежат «вне сферы действия торговли и промышленности». «Власть борется с рабочим движением средствами, которые промышленники не могут одобрить. Задача промышленности — ввести рабочее движение в должные рамки и смягчить его, а не обострять; между тем, правительство в своей борьбе с рабочими знает один лишь лозунг, держится одного лишь принципа: хватай!» — говорили делегаты съезда<sup>2</sup>.

Правительство насаждает «повсеместный административный произвол», «создает недовольство и глубокое брожение в широких и спокойных слоях населения»<sup>3</sup>, — констатировала резолюция Государственной Думы, принятая большинством в две

---

<sup>1</sup> Цит. по: Меницкий Ив. Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. I. М.: Изд-во коммунистической академии, 1925. С. 25.

<sup>2</sup> Там же. С. 29.

<sup>3</sup> Там же. С. 27

трети голосов, то есть ее поддержали не только революционные партии, не только умеренная кадетская оппозиция, но и партия октябристов.

«Наше объединенное правительство лишено творческих сил и государственного понимания... На одно только у объединенного правительства хватает энергии и страсти — на борьбу с обществом, — мотивировал резолюцию умеренный депутат-прогрессист Ефремов<sup>1</sup>. — Земства и города всячески стесняются, школы и суд разрушаются. На права народного представительства [Думы] ведется систематический поход. Только в этом правительстве объединено, только в этом здесь оно действует последовательно... Антагонизм различных ведомств во всем, что не касается борьбы с обществом, интриги сановников, своеволия местных властей, вмешательства союзнических [Союза русского народа] организаций и прикрывающихся религиозным мистицизмом развратных проходимцев [Распутин], вмешивающихся в назначение высших должностных лиц и в управление государством, — все это служит ясным показателем разложения и анархии власти»<sup>2</sup>.

Обстановка грозно напоминала 1905 год, причем становилась все более накаленной. С начала июля на Путиловском заводе начались волнения в знак солидарности с бастовавшими бакинскими нефтяниками, беспорядки перекинулись и на другие предприятия.

«4-го июля, с утра в течение дня, прекратили работу рабочие фабрично-заводских предприятий и типографий, в числе около 60 000 человек, причем большая часть из них, выйдя на улицу, пыталась петь революционные песни и по пути следования снимать с работ небастующих еще рабочих, но чинами полиции демонстранты были немедленно рассеиваемы», — писала газета «Ранее утро»<sup>3</sup>.

В столкновениях с полицией было убито несколько человек; их похороны вылились в еще более грозные демонстрации. Когда против демонстрантов вызывали казаков, демонстранты не разбегались, а строили баррикады.

---

<sup>1</sup> Партия прогрессистов занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами.

<sup>2</sup> Цит. по: Меницкий И. Указ. соч. С. 27–28.

<sup>3</sup> Там же. С. 33.

Забастовки протеста охватили многие предприятия Москвы, Харькова, Варшавы; в Риге бастовало 40 тысяч рабочих, восемь тысяч — на верфи в Николаеве. Волнения охватили крестьянство, оставшееся по преимуществу безземельным и малоземельным.

Но вот — объявлен манифест о войне, и, словно по волшебству, революционные выступления превращаются в патриотические манифестации. Улицы запружены народом, но вместо красных флагов над толпами развеваются государственные, вместо революционных песен звучит «Боже, царя храни!»; с балконов и с возвышений раздаются пламенные речи, но не «долой самодержавие!», а в защиту «братьев-славян». Председатель Думы Родзянко, смешавшись с толпой, с изумлением узнавал, что она состоит в основном из тех самых рабочих, которые только что «ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады»<sup>1</sup>. «Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства — красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 90 % всех призываемых, явились без отказа и воевали впоследствии на славу. Настроение было далеко не революционное, а чисто патриотическое и воодушевленное»<sup>2</sup>.

Лидер кадетов Милюков и вся его партия без колебаний выступили за войну. Более того, в поддержку войны выступили наиболее авторитетные лидеры революционной эмиграции — Плеханов, Кропоткин и другие. Бурцев вернулся в Россию, чтобы лично участвовать в борьбе с врагами отечества, но был арестован и отправлен в ссылку. Ленин в Цюрихе заклеил «социал-предателей», но большевистские лидеры в самой России, зная доминирующие настроения рабочих, растерянно мялись и не знали, каких лозунгов держаться...

Я далек от мысли, что война была развязана с сознательным расчетом — остановить революционный подъем, как это безуспешно пытался сделать Плеве десятью годами раньше. Тут был не расчет, а инстинкт самосохранения власти, и он сработал безошибочно. Войну в Европе, в непосредственной близости от жизненных центров страны, население восприняло иначе, чем далекую японскую.

---

<sup>1</sup> Родзянко М.В. Указ. соч. С. 242.

<sup>2</sup> Там же.

Непонятно было только одно — какова цель войны? Милюков, считавшийся специалистом по иностранной политике, и в особенности — по Балканам, пытался дать «общее понимание смысла войны, ее значения для России, ее связи с русскими интересами, [на чем] предстояло объединить русское общество». Он написал об этом сотни статей, которые «могли бы составить несколько томов», а добился только ироничного прозвища Милюков-Дарданельский<sup>1</sup>. Вот ради чего русский мужик должен был покинуть родную хату, мерзнуть в траншеях, кормить своим немытым телом тифозную вошь. Вот для чего предстояло ему погибнуть или остаться калекой, вот для чего надо было осиротить целое поколение детей, в конце разорить и без того бедствовавшую русскую деревню, заморить голодом и холодом города, поставить на карту само существование России! Ради Дарданелл!

Ввязавшись в небывалую по масштабам войну, страна не только не сумела определить своей национальной цели, но под мудрым руководством неунывающего военного министра Сухомятина она оказалась ужасающе неподготовленной. Правда, по его оптимистическим подсчетам, армия была всем обеспечена сверх головы — на шесть месяцев! А поскольку война должна была закончиться раньше, то беспокоиться было не о чем.

Похоже, что так считал и великий князь Николай Николаевич, назначенный главнокомандующим. Патронов войска не жалели, снарядов не берегли, чем и обеспечивались относительные успехи первых месяцев. Правда, армия генерала Самсонова, уверенно двинутая в Восточную Пруссию, попала в окружение и погибла; зато австрийцы русские войска вытеснили из Галиции, вторглись в австрийскую часть Польши. Потери были велики, но с этим командование не считалось: людишек в России хватало. Вот боеприпасы и снаряжение быстро истощались, а пополнений почти не поступало.

Уже в ноябре 1914 года главнокомандующий вызвал в ставку Родзянко и взмолился: «Я в безвыходном положении, армия без сапог, помогите!»

Срочно требовалось четыре миллиона пар сапог. Много это или мало? Для казенных предприятий, на которые только и

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 159.

ориентировалось правительство, то было непосильное бремя, но не для частной промышленности. Всего-то и дела — собрать съезд представителей общественных организаций, обсудить положение и распределить заказы по предприятиям в зависимости от их реальных возможностей. Но когда Родзянко обратился к министру внутренних дел Н.А. Маклакову за официальным разрешением на проведение съезда, тот ответил:

«Я *не могу* дать вам разрешение на созыв такого съезда; это будет нежелательной и всенародной демонстрацией в том направлении, что в снабжении армии существуют непорядки. Кроме того, я *не хочу* дать этого разрешения, так как, под видом поставки сапог, вы начнете делать революцию»<sup>1</sup>.

Правительство оказалось неспособным обеспечивать фронт оружием, боеприпасами, продовольствием; но, как собака на сене, не позволяло мобилизовать на это дело общественные организации и частную промышленность.

«При поездке моей в Галицию на фронт, весной 1915 года, я был свидетелем, как иногда отбивались неприятельские атаки камнями, и даже было предположение вооружить войска топорами на длинных древках», — писал Родзянко<sup>2</sup>.

Фронт был прорван, началось беспорядочное отступление, враг вторгся на территорию России. Участились случаи, когда русские солдаты сдавались в плен — без боя, целыми ротами и батальонами, порой массовые сдачи принимали характер эпидемии. Как констатировал еще в январе 1915 года командующий северо-западным фронтом генерал Н.В. Рузский, «к прискорбию, случаи добровольной сдачи в плен среди нижних чинов были и бывают, причем не только партиями, как сообщаете Вы, но даже целыми ротами»<sup>3</sup>. Известный историк М.К. Лемке, чьи военные дневники составили том более 800 страниц, приводит немало примеров того, как командование пыталось бороться с этой эпидемией. Вот выразительный фрагмент приказа по IV армии от 4 июня 1915 г.:

---

<sup>1</sup> Родзянко М.В. Указ. соч. С. 247.

<sup>2</sup> Там же. С. 250.

<sup>3</sup> Письмо генерала Рузского начальнику генерального штаба Н.Н. Янушкевичу от 21.1. 1915. Цит. по: Савелий Дудаков. Из личного архива. Иерусалим-Москва, 2014. С. 435.

«Приказываю также: всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдавшимся огонь из орудий, пулеметный и ружейный»<sup>1</sup>.

Но это — для внутреннего употребления. Для *города и мира* требовались иные виновники поражений, найти их оказалось проще простого. Протопресвитер российской армии и флота отец Георгий Шавельский не без иронии писал:

«Если в постигших нас неудачах фронт обвинял Ставку и военного министра, Ставка — военного министра и фронт, военный министр валил все на великого князя, то все эти обвинители, бывшие одновременно и обвиняемыми, указывали еще одного виновного, в осуждении которого они проявляли завидное единодушие: таким „виноватым“ были евреи»<sup>2</sup>.

«Завидное единодушие» трансформировалось в действия:

«В виду развившегося шпионажа со стороны евреев, немецких колонистов и разного рода пришельцев, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта приказал...»: «Воспринимаю прибытие в крепостной район лиц иудейского вероисповедания, выселяемых по военным надобностям из Курляндской, Лифляндской и Ковенской губерний и вообще из района военных действий...» «На основании телеграммы Сувалкского губернатора предписываю немедленно выселять поголовно всех евреев, находящихся в Гмине...» «Главномкомандующий приказал приостановить массовое выселение евреев из пунктов не районов военных действий [значит, и из тыловых районов высылали]. Евреям, выселенным из таких пунктов, главнокомандующим разрешено возвратиться в место своего жительства под ответственность заложников, неправительственных раввинов и богатых влиятельных евреев». «Верховный главнокомандующий признает поголовное выселение евреев крайне затруднительным и вызывающим много нежелательных осложнений. Главномкомандующий допускает применение поголовного выселения только в исключительных случаях и считает необходимым взять залож-

---

<sup>1</sup> Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пгд, 1920. С. 179. Цит. по: Савелий Дудаков. Из личного архива. Иерусалим-Москва, 2014. С. 434.

<sup>2</sup> О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том I. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954. С. 271.



ников из неправительственных раввинов и богатых евреев с предупреждением, что в случае измены со стороны еврейского населения заложники будут повешены»<sup>1</sup>.

Понятно, что при таком отношении командования, на местах не было недостатка в актах насилия и грабежа по отношению к беззащитному еврейскому населению. Вот свидетельство генерала М.Д. Бонч-Бруевича:

«Когда я подъехал к особнячку, около него, окруженные подвыпившими казаками, толпились испуганные евреи, вероятно хасиды, судя по бородастым лицам, люстриновым долгополым шюрткам и необычной формы “гамашами” поверх белых нитяных чулок. Было их человек двадцать.

— Кто это, спросил я, подозревая к себе казацкого урядника.

— Так что, вашскородие, шпиёны!..

— Как же они шпионили? — все еще ничего не понимая, заинтересовался я.

— Так что, вашскородь, провода они резали. От телефону, сказал казак. На ногах он стоял очень нетвердо, потное лицо его лоснилось.

— А ты видел, как они резали? — уже сердито спросил я.

Как ни мало я был в Галиции, до меня дошли уже рассказы о бесчинствах казаков в еврейских местечках и городишках. Под предлогом борьбы с вездесущими якобы шпионами казаки занялись самым беззастенчивым мародерством и, чтобы хоть как-то оправдать его, пригоняли в ближайший штаб насмерть перепуганных евреев»<sup>2</sup>.

Колоритно свидетельство академика Даниила Заболотного, известного бактериолога и эпидемиолога, о его встрече с командующим юго-западного фронта генералом А.А. Брусилковым. Ученый посетовал на то, что для задуманных экспериментов ему нужны обезьяны, но их трудно доставать, на что генерал «серьезно спросил: „А жиды не годятся? Тут у меня жиды есть, шпионы, я их все равно повешу, берите жидов“». «И не дожидаясь моего ответа, — продолжал ученый, — послал офицера узнать: сколько имеется шпионов, обреченных на виселицу. Я стал до-

---

<sup>1</sup> Архив русской революции, издаваемый Г.В.Гессеном. Т. XIX. Берлин, 1928. С. 247–258.

<sup>2</sup> Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам, 1964. С. 25–26. Цит. по: Савелий Дудаков. Указ. соч. С. 426–427.

казывать его превосходительству, что для моих опытов люди не годятся, но он, не понимая меня, говорил, вытаращив глаза: „Но ведь люди все-таки умнее обезьян, ведь если вы впрыснули человеку яд, он вам скажет, что чувствует, а обезьяна не скажет“. Вернулся офицер и доложил, что среди арестованных по подозрению в шпионаже нет евреев, только цыгане и румыны. „И цыган не хотите? Нет? Жаль“»<sup>1</sup>.

Тысячи еврейских семей, с детьми и стариками, больными и беременными были изгнаны из своих домов и высланы во внутренние губернии, для чего даже пришлось отменить пресловутую черту оседлости. Появление огромного числа беженцев — бездомных и нищих — сказывалось на условиях жизни местного населения, и без того нелегких, что вело к уже и понятному ожесточению против непрощенных гостей. Не эти обстоятельства заставили власти прекратить массовые депортации, а полная дезорганизация транспорта. Фронт страдал от этого куда больше, чем от мнимого еврейского шпионства.

Умный и ироничный протопресвитер Георгий Шавельский ядовито описывает, как припеваючи жила Ставка в то самое время, когда армия истекала кровью. Великий князь Николай Николаевич непременно почивал после обеда. Он пекся о своем здоровье и никогда не разрешал шоферу вести автомобиль со скоростью больше 25 верст в час, дабы не приключилось какой неосторожности. И окружил он себя сворой лощеных адъютантов, от скуки гонявших голубей под его окнами. Под стать ему был другой Николай Николаевич — начальник генерального штаба Янушкевич. Единственное его достоинство, отмеченное протопресвитером, состояло в том, что он сознавал свою некомпетентность и в военно-стратегическую работу генерального штаба не вмешивался, переложив ее на подчиненного ему генерала Данилова. Собственный боевой пыл он тратил на создание дымовой завесы вокруг военных просчетов и неудач, а когда скрывать их стало невозможно, — на поиски виновных. Ими и были объявлены евреи.

---

<sup>1</sup> Цит. по: Хейфец М. Цареубийство в 1918 г. Иерусалим, 1991. С. 142. В примечании автор поясняет: «Рассказ Д.Заболотного изложен в статье А.М.Горького “Война и революция”, цит. по сборнику: М.Горький. Из литературного наследия. Иерусалим, 1986. С. 355–356».

Что касается ироничного протопресвитера, то он не видел резона осложнять свою сладкую жизнь в Ставке, открывая военные действия против двух Николаев Николаевичей. Да пропади они пропадом, эти евреи! Не хотят, чтобы их — всех чохом — обвиняли в трусости и шпионстве, так пусть не чистоплюйствуют и принимают крещение!

Но если казенный духовник армии и флота умыл руки, то отношение *подлинных* духовных лидеров России к гонениям на *малый народ* было иным. Передо мной литературный сборник «Щит», 1915 года издания<sup>1</sup>. Материалы в нем расположены в алфавитном порядке авторов — за исключением двух последних, добавленных, когда сборник уже печатался. Вот авторский коллектив, как он представлен в оглавлении: Л. Андреев, К. Арсеньев, М. Арцыбашев, К. Бальмонт, М. Бернацкий, акад. В. Бехтерев, В. Брюсов, С. Булгаков, И. Бунин, З. Гиппиус, М. Горький, С. Гусев-Оренбургский, Л. Добронравов, Кн. Павел Долгоруков, Вяч. Иванов, А. Калмыкова, проф. М. М. Ковалевский, проф. Кокошкин, Ф. Крюков, проф. И. Бодуэн-де-Куртене, Е. Кускова, П. Малянтович, Вл. Соловьев, П. Соловьев, Ф. Сологуб, Тэффи, Тихобережский [псевдоним профессора Бехтерева, под которым он публиковал свои стихи], Гр. А.Н. Толстой, Гр. И.И. Толстой, Т. Щепкина-Куперник, А. Федоров, С. Елпатьевский, Вл. Короленко. Это цвет тогдашней русской культуры и литературы. Пафос всего сборника наиболее концентрировано выразил Максим Горький:

«Ненависть к еврею — явление звериное, зоологическое — с ним нужно деятельно бороться в интересах скорейшего роста социальных чувств, социальной культуры. Евреи — люди, такие же как все, и — как все люди, — евреи должны быть свободны... В интересах разума, справедливости, культуры — нельзя допускать, чтобы среди нас жили люди бесправные; мы не могли бы допустить этого, если бы среди нас было развито чувство уважения к самим себе... Но не брезгуя и не возмущаясь, мы носим на совести нашей позорное пятно еврейского бесправия. В этом пятне — грязный яд клеветы, слезы и кровь бесчисленных погромов... И если мы не попытаемся теперь же остановить рост этой слепой вражды, она от-

---

<sup>1</sup> «Щит. Литературный сборник». Под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. Петроград, 1915.

разится на культурном развитии нашей страны пагубно. Надо помнить, что русский народ слишком мало видел хорошего и потому очень охотно верит в дурное... Кроме народа есть еще „чернь“ — нечто внесловное, внекультурное, объединенное темным чувством ненависти ко всему, что выше его понимания и что беззащитно... „Чернь“ и является главным образом выразительницей зоологических начал таких, как юдофобство». Так писал Максим Горький<sup>1</sup>.

В новой травле евреев общество безошибочно разглядело неуклюжую попытку властей свалить вину за военные поражения с большой головы на здоровую. Что касается *реального* шпионажа (странно, если бы его не было), то он проводился врагом очень умело. Единственным разоблаченным шпионом высокого уровня оказался полковник С.Н. Мясоедов. Скоропалительный военный суд приговорил его к смертной казни, и он сразу же был повешен: чуть ли не из зала суда отправлен на виселицу. А затем, говоря словами британского историка Г.М. Каткова, «провели облаву по всей России. Арестовали жену Мясоедова, арестовали состоявшее главным образом из евреев [как же без них!] правление пароходной компании, членом которого был Мясоедов, арестовали множество лиц, имевших деловые или вовсе случайные контакты с Мясоедовым... После первого суда всех приговоренных к смертной казни казнили, а остальных судили во второй раз. И выносили новые приговоры — к смертной казни, к тюремному заключению»<sup>2</sup>.

Однако и это кровопускание было устроено вовсе не для искоренения шпионажа. «Ставке нужен был суд над изменником, чтобы изменой объяснить неудачи на фронте, и особенно поражение Десятой армии. Когда пришло сообщение о казни Мясоедова, стало уже известно, что армии не хватает оружия и боеприпасов, это и была главная причина отступления летом 1915 года»<sup>3</sup>. То есть и Мясоедов, на поверку, оказался еще одним козлом отпущения.

---

<sup>1</sup> «Щит. Литературный сборник». С. 52–57.

<sup>2</sup> Катков Г.М. Февральская революция. Перевод с английского Н.Артамоновой и Н.Яценко. Париж: YMCA-Press, 1984. С. 141. Книга вышла с предисловием А.И.Солженицына — в серии, издававшейся под его общей редакцией.

<sup>3</sup> Там же. С. 145.

За два года до войны жандармского офицера Мясоедова, оказывавшего особые услуги военному министру, публично обвинял в шпионаже А.И. Гучков. Сухомлинов вступился за своего протеже и спас его от суда; Мясоедов дрался с Гучковым на дуэли, — словом, скандал был громкий. Мясоедову пришлось уйти в отставку. Когда началась война, его призвали в ополчение, но он напомнил о себе Сухомлинову, и с его помощью был направлен на фронт. Попал в агентурную разведку Десятой армии, вскоре потерпевшей сокрушительное поражение. Так что новые обвинения Мясоедова прямо били по Сухомлинову.

Перепуганный военный министр, вместо того, чтобы потребовать тщательного расследования дела, трусливо сдал «„этого негодяя“, отплатившего ему черной неблагодарностью». Такого признания только и ждал Янушкевич, технично увязавший «шпионаж» Мясоедова «с резкими жалобами на нехватку оружия и боеприпасов, а тут уж ответчиком, в конце концов, был сам Сухомлинов»<sup>1</sup>.

Историк Г.М. Катков в книге «Февральская революция» замечает: «В этой игре в кошки-мышки Сухомлинов выглядит недостойно и жалко. Он даже не пытался оспаривать голословные обвинения Янушкевича, которые, помимо болезненной шпиономании, отдавали антисемитизмом и садизмом»<sup>2</sup>.

Если учесть, что книга Каткова написана с монархических позиций, то его характеристика высокопоставленных скорпионов, грызущих друг друга у подножья трона в годину тяжелейшей войны, выглядит особенно выразительно.

Раздув дело Мясоедова, генерал Янушкевич вынудил царя удалить незадачливого военного министра. И тотчас же должен был об этом пожалеть. Новый военный министр генерал А.А. Поливанов, назначенный вопреки его известной близости к Гучкову, увидев, в каком катастрофическом состоянии находятся дела, заявил в Совете министров, что «отечество в опасности» и больше всех в этом виноват генерал Янушкевич. Его поддержали другие министры — у них накопилось немало своих претензий к ставке. Обретя в лице Поливанова решительного лидера, они потребовали удаления Янушкевича, в противном случае грозили

---

<sup>1</sup> Там же. С. 144.

<sup>2</sup> Там же. 144–145.

коллективной отставкой. Премьер Горемыкин пытался внушить коллегам, что в самодержавном государстве они только покорные исполнители воли государя и никаких условий ему ставить не могут. Он намекал, что их «бунт» может привести совсем не к тому результату, какого они добивались. То был намек на «фактор Распутина». Но Поливанов и поддержавшие его министры то ли не поняли этого намека, то ли не придали ему значения. И были повергнуты в состояние шока, когда им было объявлено, что государь решил удалить из Ставки не только начальника штаба, но и Верховного — с тем, чтобы самому стать во главе войска.

Начался заключительный этап агонии российского самодержавия.

С великим князем Николаем Николаевичем-младшим, подомашнему Николашей, императора связывали особые отношения. Будучи наследником престола, Николай служил под командованием Николаши и... страшно его боялся. (Впоследствии он ему в этом признался, чем ввел в большое смущение). Высокий, стройный, с зычным голосом и уверенными жестами, Николаша был, что называется, военной кочечкой — таким, каким хотел, но не мог быть сам Николай. Никто не сидел так молодецки в седле. Никто не умел так властно заставлять офицеров ходить по струнке. Никто не умел быть таким простым, грубым и аристократичным в одно и то же время. Никто не выглядел таким уверенным и решительным. Ни зависти, ни ревнивого чувства к Николаше у робкого наследника, а потом императора, не возникало: он спокойно признавал превосходство своего бывшего «отца-командира», молча восхищался им.

Великий князь Николаша, со своей стороны, боготворил своего августейшего племянника. *Полубоготворил*, если понимать буквально. Как верноподданный и как мистик (фамильная черта Романовых), он вполне серьезно говорил, что хотя государь император не Бог, но он и не просто человек, а нечто среднее — *полубожественное*. Никаких выдающихся качеств у государя он не находил, но боготворил его, так сказать, из принципа — как помазанника Божьего. Государю льстило такое отношение. Даже после того, как Николаша, играя револьвером, заставил его подписать ненавистный Манифест 17 октября, он застил злобу не на него, а на Витте.

Желая лишний раз угодить августейшей чете, великий князь Николай Николаевич и его брат Петр Николаевич, вместе с их женами-черногорками, первые представили их величествам «святого старца» — чудодейственного целителя и ясновидца. Долго они сами пьянели от его туманных пророчеств. Секрет этого мистического пьянения объяснил сам Гришка: «Ты одно изречешь слово, а они нарисуют себе целую картину»<sup>1</sup>.

Скандальные похождения Гришки, в конце концов, развеяли мистический туман: Николаевичи увидели его подлинное лицо. Но когда они попытались по-семейному предостеречь их величества, то только обеспечили себе ненависть царицы. Однако расположение императора к великому князю Николаше и после этого оставалось не поколебленным — насколько это вообще было возможно при его колебательном характере. Назначив Николашу главнокомандующим, государь наделил его диктаторскими полномочиями над армией и над губерниями прифронтовой полосы. Поскольку фронт должен был взаимодействовать с тылом, и интересы фронта были приоритетными, то власть Николаши (и начальника генерального штаба Янушкевича) распространялась на все отрасли управления, связанные с нуждами армии.

Оправившись после раны, нанесенной Хионией Гусевой, Распутин вернулся в столицу, патриотически переименованную из Петербурга в Петроград, и быстро сориентировался в новой обстановке. Из миротворца он превратился в сторонника «войны до победного конца». Верховному главнокомандующему он телеграфировал, что хочет посетить фронт, чтобы благословить войска. Николаша ответил кратко и выразительно: «Приезжай, повешу!» Стало ясно, что им двоим на Олимпе власти слишком тесно. Распутин и царица сделали из этого свои выводы.

Пока с фронтов поступали победные репортажи, нечего было и думать о том, чтобы пошатнуть положение великого князя Николаши. Тем более, что пошатнулось положение самого Гришки. О новых похождениях «святого старца», выглядевших особенно вызывающими на фоне войны, опять стали трубить га-

---

<sup>1</sup> Распутин Г.Е. Житие опытного странника. (Май 1907 г.) Цит. по: Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 4. М.: Терра, 1997. С. 358.

зеты. Григорий Ефимович и Аннушка Вырубова без труда объяснили «маме», что это очередные происки врагов, мстящих святому человеку за его близость к «царям». Но когда пришлось объясняться с «папой», Гришка признал грех, оправдываясь тем, что грехи наши тоже угодны Богу: не согрешишь, так не покаешься. «Папа» так осерчал, что даже накричал на «старца» и запретил ему появляться в Царском Селе.

Неизвестно, как долго длилась бы эта опала, если бы не крушение поезда, в котором Аннушка Вырубова ехала из Царского Села в Петербург. С переломанными ногами и бедрами, с разбитой головой и поврежденными внутренностями, она долго пролежала под обломками вагона, замерзая и истекая кровью. В больницу ее доставили в тяжелом состоянии, ее рвало кровью, она металась в бреду и повторяла только одну фразу: «Отец Григорий, помолись за меня».

Узнав о случившемся, Гришка примчался в Царское Село (на автомобиле графини Витте, потому что выделенный ему от царя автомобиль был из-за немилости отнят), вошел в больничную палату, раздвинул столпившихся у постели умирающей. Тут были ее мать, отец, царь, царица, великие княжны — некоторые всхлипывали. Гришка взял больную за руку и громким повелительным голосом сказал:

«Аннушка, проснись, поглядь на меня!»

И она открыла свои воловьи глаза, улыбнулась и сказала: «Отец Григорий, это ты? Слава Богу!» После чего снова уснула, но уже спокойным младенческим сном.

— Поправится! — сказал Гришка. Шатаясь, он вышел из палаты и от изнеможения рухнул в обморок. Так гласит легенда.

Аннушка выжила, хотя осталась калекой и не расставалась с костылями; а Распутин после этого еще больше усилил свою власть над царицей, а через нее — над царем. Никакой «клеветы» на старца во дворце не хотели слышать. Все приближенные к царской семье, включая высших чинов министерства двора, дворцового коменданта, фрейлин императрицы, пели осанну «отцу Григорию».

Летом 1915 года товарищ министра внутренних дел и шеф корпуса жандармов генерал В.Ф. Джунковский вынужден был доложить его величеству о результатах дознания в Москве, в связи со скандалом в ресторане «Яр». Согласно донесению пол-



ковника Мартынова, «поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести разговоры с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: „люби бескорыстно“». Развеселившийся старец похвалялся: «Этот кафтан подарила мне сама „старуха“, она его и сшила»; «Эх, что бы сама сказала, если бы меня сейчас здесь увидела!».

Я привел часть документа, опубликованного в книге Олега Платонова «Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине)»<sup>1</sup>. Автор впервые ввел в оборот большое число архивных материалов, но предвзятым отношением к публикуемым документам автор в значительной мере обесценил свой труд. Всякую информацию, *не* подтверждающую святость Распутина, он дезавуирует как клеветническую, а носителей этой информации клеймит как врагов России, масонов, заговорщиков и просто негодяев. Его праведный гнев не ведает пределов. Так, дабы не оставить камня на камне от разоблачающей старца книги монаха-расстриги Илиодора (Труфанова), О. Платонов делает его... «большевиком-чекистом». Его якобы привлек в ЧК «сам Дзержинский», лично дававший ему «самые „деликатные“ (а значит, самые грязные и кровавые) поручения»<sup>2</sup>.

На какого читателя рассчитан этот бред? ВЧК была создана в советской России в декабре 1917 года, а Труфанов бежал из царской России в 1914-м, в Норвегию, откуда перебрался в США, где Дзержинский никогда не бывал.

Зачем понадобилась автору эта распутинщина?

Олег Платонов издал горы «трудов», разоблачающих *иудо-масонский заговор против христианской цивилизации*, — во всем причудливом разнообразии вариантов этого «заговора». Все они изданы под рубрикой «Терновый венец России». На некоторых из этих творений я кратко останавливался в книге «Расстление ненавистью»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Платонов О. Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине). СПб.: Воскресенье, 1996. Интернет-версия на сайте «Русское небо».

<sup>2</sup> Платонов О. Указ. соч. Интернет-версия. С. 55.

<sup>3</sup> Резник С. Расстление ненавистью: Кровавый навет в России. Москва-Иерусалим: Даат/Знание, 2001.

Житие Распутина изготовлено по той же методе, что и другие творения О. Платонова. Многочисленные выписки из опубликованных и неопубликованных источников, частоктолы библиографических и архивных ссылок, объемистые приложения, в которых перепечатывается историко-литературный хлам столетней и двухсотлетней давности, призваны придать работе вид научной основательности. Таково обрамление, упаковка. А внутри — псевдо-патриотическая труха. Цель книги о Распутине — вызвать ненависть к евреям, масонам и иным врагам *российской цивилизации*, а реальный результат — глумление над Россией. Чего стоит само название книги, ставящее Гришку Распутина (Распутина!!) в один ряд с легендарным героем Иваном Сусаниным!

Полицейское донесение об инциденте в московском ресторане «Яр» О. Платонов объявляет сфальсифицированным по заданию жандармского генерала Джунковского, который доложил о нем царю не потому, что был *обязан* по должности, а потому, что был масоном и имел цель — погубить Россию и ее праведника. Однако, согласно автору, принадлежность Джунковского к масонству (истинная или мнимая — для нас неважно) раскрылась уже после революции, так что царь о его зловердных кознях знать не мог и относился к нему с доверием. Тем не менее, результатом доклада Джунковского о непотребстве Распутина стала... отставка Джунковского. Снова сработала чудодейственная сила старца!

Великий князь Николаша был более твердым орешком, но когда победные реляции с фронта сменились известиями о беспорядочном отступлении, Распутин и Александра Федоровна поняли, что пробил час рассчитаться и с ним.

Государыня стала внушать августейшему супругу, что во фронтовых неудачах виноват Верховный. И все потому, что он — враг «нашего Друга» и друг «наших врагов». Это «подтвердилось» тем, что когда пала Варшава и германские войска подступили к городу Слониму, а вблизи, в Жировицком монастыре, томился на положении узника епископ Гермоген, то великий князь отправил его в Москву, да еще подчеркнул свое почтение к его сану, выделив для переезда два отдельных вагона. «Папе» этот эпизод был поднесен как заигрывание с оппозиционными кругами, осуждавшими опалу популярного епископа. А дальше

пошли разговоры о нелояльности великого князя, о подготовке им дворцового переворота. Кем-то, в провокационных целях, были отпечатаны тысячи экземпляров портрета главнокомандующего с подписью «Николай III».

Имея под рукой многомиллионное войско, Верховный мог сковырнуть императора одним движением пальца! Требовалось срочно лишить его такой возможности. Но кого поставить на его место? Любой генерал на посту главнокомандующего будет столь же опасен! Словом, «папа» позволил «маме» и ее (их!) духовному руководителю убедить себя, что у него нет иного выхода, как взвалить на свои плечи еще и эту ношу!

Когда решение государя — еще не объявленное стране, но уже бесповоротное — было сообщено на заседании Совета министров, оно вызвало бурю эмоций. Министры не ждали столь радикальной перемены. Они добивались удаления только начальника штаба Янушкевича, надеясь, что на месте заносчивого и бездарного генерала появится такой, с которым можно работать, а великий князь Николаша в роли главнокомандующего их устраивал.

Военный министр Поливанов назвал решение государя «непоправимым бедствием». С ним согласились другие министры, имевшие собственный голос. Благодаря тому, что царю пришлось вслед за Сухомлиновым отстранить еще нескольких наиболее одиозных министров — Щегловитова, Маклакова, Саблера (обер-прокурора Синода), — в правительстве появились независимые голоса (увы, ненадолго!). Новые министры понимали, хотя об этом не говорилось прямо, что роковое решение государя вызвано влиянием «темных сил».

Премьер Горемыкин предупреждал, «что любая попытка переубедить государя будет безуспешной: „Сейчас же, когда на фронте почти катастрофа, его величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях вы никакими доводами не уговорите государя отказаться от задуманного им шага. Повторяю, в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-нибудь [Распутина!] влияния“<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Цит. по: Катков. Г.М. Указ. соч. С. 153. Автор приводит высказывание Горемыкина по: «Архив русской революции». Т. XVIII. С. 54.

Но для министров не было секретом, что сам Горемыкин — креатура Распутина, и ни на что, кроме угодничания перед теми, кто выше и сильнее его, он не способен.

Некоторые министры на ближайших верноподданнических докладах пытались воздействовать на самого царя, но наталкивались на упрямое молчание. Тогда они, по словам Каткова, «сделали нечто неслыханное: подписали коллективное письмо, в котором еще раз умоляли государя не совершать этот ужасный шаг, угрожающий царю и династии»<sup>1</sup>.

«Отчаянные попытки министров» Катков считает непонятными, но они более, чем понятны. Великий князь Николай Николаевич, как кадровый военный высокого ранга, разбирался в своем деле лучше, чем государь, так что принятие императором верховного командования не сулило фронту ничего хорошего. Ответственность же за новые поражения ложилась непосредственно на государя, то есть каждая военная неудача становилась прямым ударом по престижу его власти, и без того крайне шаткой. А, главное, занимаясь фронтом, государь должен будет меньше внимания уделять тылу, а это вело к еще большему вмешательству царицы и ее «старца».

Сформировавшийся в Думе «Прогрессивный блок» согласился поддержать правительство, но поставил условие: оно должно состоять из лиц, «пользующихся доверием общества». Речь шла не о подотчетности правительства Думе, а только о том, чтобы к власти были призваны люди, известные стране и чем-то себя зарекомендовавшие.

Министры, готовые сотрудничать с Думой, стали намекать на необходимость смены премьера. «Правительство, опирающееся на доверие населения, — ведь это нормальный государственный порядок», — говорил Поливанов. Горемыкин предлагал вместо перемен в Совете министров распустить Думу.

Государь дал согласие на образование «министерства доверия», но его решение тотчас было перерешено. Как писал В.И. Гурко, Распутину Россия «обязана и тем, что осенью 1915 года государь изменил принятое им решение и, вместо призыва к власти лиц, пользовавшихся доверием общественности, уволил от должностей всех министров, для общественности приемлемых»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 154.

<sup>2</sup> Гурко В.И. Царь и царица. Цит. по: Николай II. Письма. Дневники. Спб., «Пушкинский фонд». С. 405.

О каком «министерстве доверия» можно было говорить, если во главе пирамиды власти стоял уже не вечно колеблющийся государь, и не его *железная леди*, и даже не *наш Друг* Григорий Распутин, а его... гребешок!

Да, когда Совет министров в полном составе явился по вызову государя в Ставку, чтобы изложить перед ним свои разногласия, государыня срочно настрочила ему письмо-инструкцию. Он должен перед встречей с министрами причесаться гребешком, подаренным «нашим Другом», отчего сойдет на него Божеская мудрость, твердость и благодать. Это он и сделал, чтобы потом доложить супруге: гребешок действительно выручил — встреча прошла благополучно; он всех примирил и дал указание, чтобы дальше работали дружно и не «бунтовали». Это не помешало отправить затем в отставку министров, которые «пользовались доверием».

Зачем министры и генералы, когда старец «имел ночное видение» о том, что нужно «начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови».

Олег Платонов, цитирующий это письмо царицы, находит, что «многие военные советы Распутина... были, как правило, очень удачны». Ну, а по части гражданского управления его советы были просто бесценны! Как в условиях войны, разрухи, бесконтрольного печатания бумажных денег (побокую золотое обеспечение рубля, введенное Витте и поддерживавшееся изо всех сил его антагонистом Коковцовым!), как в этих условиях сдерживать инфляцию? Оказывается, нет ничего проще! «Наш друг думает, — наставляет царица царя, — что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их»<sup>1</sup>.

Вот и решение вопроса, над которым лучшие экономисты мира бьются по сей день. Устыди «главных купцов», и все станет на место! Потешайся после этого над кремлевским мечтателем, который провидел будущее, в котором кухарка станет управлять государством. Такое светлое будущее уже было реализовано в прошлом! Государством управлял замечательный кухар!

---

<sup>1</sup> Цит. по: Платонов О. Указ. соч. Интернет-версия. С. 29. Эти откровения О. Платонов приводит как примеры *благотворного* влияния Распутина на государственные дела!

«Царствование Николая II превращалось таким путем в принципе в то самое, что утверждал еще в 1765 году фельдмаршал Миних: „Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными, — говорил Миних, — что оно управляется самим Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует“. Возвести это положение в догму суждено было Николаю II. Не на основании какой-либо системы или вперед намеченного плана и не в путях преследования твердо определенных целей стремился он править великой империей, а как Бог ему в каждом отдельном случае „на душу положит“», с горькой издевкой писал В.И. Гурко<sup>1</sup>.

Судьбе, однако, угодно было дать российскому самодержавию еще один, теперь уже последний шанс. С осени 1915 года фронт стабилизировался. Это не имело отношения к принятию царем верховного командования, но было прямо связано с удалением Янушкевича. Вместе с великим князем он был отправлен на второстепенный Кавказский фронт. Начальником штаба стал генерал М.В. Алексеев. Вот *это* назначение меняло дело: фактическое руководство войсками перешло в руки профессионала высокого класса.

Не менее важным было то, что, не пойдя на создание министерства доверия, царь вынужден был пойти на сотрудничество с общественностью. Было разрешено то, что раньше считалось крамолой. В работу по обеспечению фронта включилось земство, промышленные союзы, общественные организации. Заработали военно-промышленные комитеты. К фронту двинулись эшелоны с винтовками, патронами, снарядами, продовольствием, обмундированием. Материальные ресурсы страны еще не были исчерпаны. Наступление врага было остановлено, а в летнюю кампанию 1916 года русским удалось перейти в контрнаступление на юго-западном фронте (Брусиловский прорыв).

Но административная часть руководства оказалась в руках распутинской клики, то есть нравственно неполноценных, разложившихся казнокрадов, рвавшихся к постам, званиям и жирному государственному пирогу. С невероятной быстротой происходили смены министров. Предлагая «папе» кандидатов на высокие должности, «мама» признавала только один критерий:

---

<sup>1</sup> Гурко В.И. Указ. соч. С. 367.

«любит нашего Друга». Ну, а кто его любит, и кто не любит, под-сказывал сам Распутин. Хитрый мужик не всегда действовал прямо. Через Вырубову и других своих ставленников он внушал царице нужную мысль, а потом одобрял «ее» решение.

«Относительно преувеличения влияния Распутина ныне, после опубликования писем императрицы к государю, говорить не приходится, но нельзя согласиться и с тем, что главный вред произошел от разоблачения той роли, которую играл при дворе этот зловещий, роковой человек, — писал В.И. Гурко. — Нет, вред им приносимый, был непосредственный. Ведь ему Россия обязана тем, что правящий синклит в последний, распутинский период царствования становился все непригляднее и вызывал к себе, благодаря своей близости к этому человеку, и отвращение, и возмущение»<sup>1</sup>.

Чем больше в человеке было лакейского пресмыкательства, готовности на любую низость и подлость, тем легче ему было втереться в доверие государыне, государю и святому старцу. Иные качества не играли никакой роли. Так, экзарх Грузии Питирим (П.В. Окнов) был поставлен митрополитом Петроградским и Ладожским, хотя перед назначением открылось, что он — «человек сомнительной нравственности», то есть гомосексуалист, состоявший в связи со своим секретарем Осипенко. Ничего более постыдного, как священнослужитель, впавший в содомский грех, в те времена невозможно было вообразить, а тем более — для людей религиозных, чтивших Священное писание. Но Распутину был удобен Питирим. Питирим взял в столицу и своего секретаря Осипенко, который стал связующим звеном между ним и «старцем» (сам митрополит тщательно скрывал, что знает с Распутиным).

Концентрированным воплощением распутинщины стал тандем Хвостов-Белецкий. Старец провел их на посты министра и товарища министра внутренних дел. А.Н. Хвостов издавна стремился к «высшей власти», но путь к ней был тернист. В 1911 году, когда он был нижегородским губернатором, Распутин приезжал его «смотреть». После убийства Столыпина царь хотел поставить его министром внутренних дел, но этому воспротивился Коковцов — он в тот момент был

---

<sup>1</sup> Там же. С. 405.

нужнее. Хвостов заключил, что его дело не выгорело из-за того, что он не очень почтительно принимал Распутина, и он решил исправиться.

Чтобы быть поближе к старцу и вообще к верхам, Хвостов в 1912 году выставил свою кандидатуру в Четвертую Думу и, злоупотребляя положением губернатора, добился избрания. В Думе он занял место на самом правом депутатском фланге и был так активен, что стал лидером фракции правых. Во дворец он являлся с бантом Союза русского народа в петлице — это нравилось. Но, главное, он сумел заключить с Распутиным своего рода договор о взаимопомощи и взаимных услугах. Для еще большего укрепления своего положения он — с помощью того же Распутина — провел в свои заместители С.П. Белецкого.

Белецкий сыграл особенно грязную роль за кулисами процесса Бейлиса. Он служил связующим звеном между властью и главарями черной сотни, через него шли секретные выплаты Маркову Второму и другим деятелям того же пошиба. Несмотря на это, Белецкий застрял на посту начальника Департамента полиции, а потом и вовсе был сослан в сенат. Его ахиллесовой пятой была совестливая жена. Она не жаловала Распутина, заставляя и мужа держаться от него в стороне. Но карьерные соображения перевесили, и Белецкий, по секрету от жены, стал обхаживать Распутина. Очень скоро это принесло вожделенные дивиденды.

О том, что представлял собой этот тандем, лучше всего рассказать словами О. Платонова, хотя его текст мне придется проводить ремарками.

«Хвостов и Белецкий — два классических афериста и проходимца, рожденных разложением высших слоев государственного аппарата, — пишет автор „Жизни за царя“. — Такие люди, как они, были не единичны в то время. В жизни их интересовала только карьера, а где и с кем ее делать, их не волновало. Держа нос по ветру, они могли представлять себя ярыми сторонниками и патриотами России и вместе с тем находиться в постоянном контакте с самыми темными антирусскими силами: масонами, кадетами, большевиками».

Соглашаясь в основном с этой характеристикой, я должен поправить О. Платонова относительно «антирусских» сил. Главной такой силой в то время была Германия. Кадеты стояли на



патриотических позициях «войны до победного конца», в которой, между прочим, погиб сын Милюкова, добровольно пошедший на передовую по настоянию отца, тогда как призванный в армию сын Распутина отсиживался в тылу. В масоны О. Платонов записывает всех, кого хочет, а с большевиками у Хвостова и Белецкого возникли «контакты» уже после Октября 1917-го. Они оказались в большевистском застенке и оба были расстреляны.

«Хвостов был способен на любую подлость и низость, — продолжает автор Жития Распутина. — Он мог лебезить и пресмыкаться перед людьми, от которых зависела его карьера, и вместе с тем вести против них самые гнусные интриги. Когда был обед по случаю назначения Хвостова министром внутренних дел (которым он был обязан Распутину), то Хвостов отказывался есть, пока Распутин его не благословит. Тогда тот его благословил, а Хвостов поцеловал ему руку».

«Назначая Хвостова и Белецкого руководить министерством внутренних дел, царь и царица рассчитывали, что они положат конец кампании лжи и клеветы против Распутина ([Хвостов и Белецкий] их в этом заверяли). Об этом государыня говорила в своем письме от 20 сентября 1915 года».

Так вот в чем царь и царица видели основную задачу министерства внутренних дел: в ограждении старца от нападок! Кто же за кого отдал жизнь, старец за царя, или царь и царица заплатились собственной жизнью и жизнью своих детей — если не за Распутина, то *из-за* него!

Хвостов метил в премьеры, с тем, чтобы министром внутренних дел сделать Белецкого. Когда распутинская клика продвинула Штюмерера, они решили отделаться от старца. Технически это было просто: именно их филеры вели наблюдение за Распутиным и охраняли его. Но в этом состояла и главная трудность, ибо, в случае убийства старца, их обвинили бы, как минимум, в попустительстве и халатности. Белецкий понял, что играет с огнем, поэтому покушения роковым образом не удавались. А затем Белецкий донес на Хвостова. Старец и царица вышвырнули обоих.

Но те, кто пришел им на смену, оказались не лучше. Может быть, они не были столь коварны по отношению к старцу, но их некомпетентность, алчность и бездарность были такими же.

Становилось ясно, что распутинщина — это не отдельные личности, в которых ясновидящий старец мог ошибиться, а система. Страна шла к катастрофе, это понимали все, кто только способен был что-либо понимать. Все — кроме царя и «облепившей» его распутинской клики во главе с царицей. Кто только и как только не пытался пересилить эту страшную силу!

В Ставку приезжает великий князь Николай Михайлович, рисует перед Николаем картину приближающегося краха, умоляет поговорить о том же с самыми доверенными людьми, оставляет памятную записку... Но — возмущенная реакция Александры Федоровны, и все остается без перемен.

Император проводит два дня в Киеве с императрицей-матерью. Она рыдает, обливаясь слезами, прося что-то сделать для спасения страны и династии. И снова Александра Федоровна реагирует с возмущением.

Государя осаждают со всех сторон с такими же предостережениями, но тщетно. Даже протопресвитер Шавельский, столь ценивший личное спокойствие и благополучие, решился поговорить с государем начистоту. Воспоминания его хорошо передают атмосферу тех судьбоносных недель.

«Решаясь на беседу с государем, я сознавал, что делаю несколько ответственный, настолько же лично для себя опасный шаг. Но сознание необыкновенной остроты данного момента и массы соединенных с ним переживаний сделали меня совершенно бесчувственным и безразличным в отношении собственного благополучия....

— Ваше величество! — начал я — Я четыре дня пробыл в Петрограде и за это время виделся со многими общественными и государственными деятелями. Одни, узнав о моем приезде, сами ко мне поспешили, к другим я заезжал. Все это — честные, любящие вас и Родину люди.

— Верю! Иные к вам не поехали бы, — заметил государь.

— Так вот, все эти люди, — продолжал я, — обвиняют нас, приближенных ваших, называя нас подлыми и лживыми рабами, скрывающими от вас истину.

— Какие глупости! — воскликнул государь.

— Нет, это верно! — возразил я. — Не стану говорить о других, скажу о себе. В докладах о поездках по фронту и вообще в беседах с вами приятное я всегда вам докладывал, а о неприят-

ном и печальном часто умалчивал. Дальше я не хочу навлекать на себя справедливое обвинение, и, как бы вы не отнеслись к моему докладу, я изложу вам голую правду. Знаете ли вы, ваше величество, что происходит в стране, в армии, в Думе?... Там в отношении правительства нет теперь ни левых, ни правых партий, — все правые и левые объединились в одну партию, недовольную правительством, враждебную ему.... Вы знаете, что в Думе открыто называли председателя совета министров [Штюрмера] вором, изменником и выгнали его вон.... Гроза надвигается... Если начнутся народные волнения — кто поможет вам подавить их? Армия? На армию не надейтесь! Я знаю ее настроение — она может не поддержать вас. Я не хотел этого говорить, но теперь скажу: в гвардии идут серьезные разговоры о государственном перевороте, даже о смене династии... Пора, ваше величество, теперь страшная. Если разразится революционная буря, она может всё смести: и династию, и, может быть, даже Россию. Если вы не жалеете России, пожалейте себя и свою семью. На вас и на вашу семью ведь прежде всего обрушится народный гнев. Страшно сказать: вас с семьей могут разорвать на клочки...

— Неужели вы думаете, что Россия для меня не дорога? — нервно спросил государь.

— Я не смею этого думать, — ответил я, — я знаю вашу любовь к Родине, но осмеливаюсь сказать вам, что вы не оцениваете должным образом страшной обстановки, складывающейся около вас, которая может погубить и вас, и Родину. Пока от вас требуется немного: приставьте к делу людей честных, серьезных, государственных, знающих нужды народные и готовых самоотверженно пойти на удовлетворение их!»<sup>1</sup>

Испугавшись собственной смелости, отец Георгий стал просить у государя прощения за то, что осмелился беспокоить столь неприятным разговором. Он заверял, что руководствовался самыми лучшими побуждениями. Государь благодарил и просил всегда так поступать. А вскоре Шавельскому передали, что императрица, узнав о разговоре, возмутилась: «И ты его слушал!»; на что Николай отреагировал, как заводная кукла: «Еще рясу носит, а говорит мне такие дерзости».

---

<sup>1</sup> Цит. по: Николай Второй. Воспоминания. Дневники. С. 145–147.

Шавельский был не первым и не последним, кто подал государю сигнал тревоги.

Приехал в Ставку по делам своего второстепенного фронта великий князь Николай Николаевич. Государь встретил его с прохладцей, но вполне корректно. Николаша не выдержал, заговорил о главном, а затем передал разговор Шавельскому:

«„Положение катастрофическое, — говорю я ему. — Мы все хотим помочь вам, но мы бессильны, если вы сами не можете себе. Если вы не жалеете себя, пожалейте вот этого, что лежит тут“, — и я указал ему на соседнюю комнату, где лежал больной наследник. „Я только и живу для него“, — сказал государь. — „Так пожалейте же его! Пока от вас требуется одно: чтобы вы были хозяином своего слова и чтобы вы сами правили Россией“. Государь заплакал, обнял и поцеловал меня. Ничего не выйдет! — помолчав немного, с печалью сказал великий князь и безнадежно махнул рукой. — Все в ней, она всему причиной...». И еще раньше он твердил Шавельскому: «Дело не в Штюмере, не в Протопопове и даже не в Распутине, а в ней, только в ней»<sup>1</sup>.

Чтобы устранить *ее*, надо было устранить *его*, а решиться на это было очень непросто. Политическая и государственная элита пребывала в состоянии психологической сшибки. Измена государю, присяге в условиях войны была равносильна измене своему долгу, родине, всему святому, что было в человеческой душе. С другой же стороны, государь сам изменял родине, долгу и самому себе! В этом состоянии сшибки родилась паллиативная идея — избавить страну не от никчемного государя, а от его никчемности, от его злого гения-искусителя Гришки Распутина.

О том, кто и как привел в исполнение этот замысел, я говорить не буду, — об этом слишком хорошо известно. Скажу только, что как бы ни было отвратительно это злодеяние, все-таки оно совершилось из патриотических (без кавычек!) побуждений.

Но связанные с ликвидацией Гришки иллюзии быстро развеялись. Распутинщина оказалась шире, глубже, масштабнее Распутина, она его пережила, хотя и ненадолго. Место яс-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 148–149.

новидца при дворе пытался занять полоумный Протопопов, совмещая роли старца и его ставленника; когда его полоумия не доставало, государыня и ее верная подруга Аннушка черпали недостающее на могиле Распутина, где подолгу каждый день молились. Говоря словами В.И. Гурко, «для всех и каждого было совершенно очевидно, что продолжение избранного государыней и навязанного ею государю способа управления неизбежно вело к революции и к крушению существующего строя»<sup>1</sup>.

Больше не оставалось сомнений: спасти страну и армию может только устранение *самого* коронованного революционера.

---

<sup>1</sup> Гурко В.И. Указ. соч. С. 405.

## ЧАСТЬ III РАСПАД ИМПЕРИИ

И у преддверия могилы  
Вдохни в уста Твоих рабов  
Нечеловеческие силы  
Молиться кротко за врагов.

*С.С. Бехтеев<sup>1</sup>*

### ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ ФЕВРАЛЬ 1917

В сумбурных, непоследовательных, многословных, напыщенных воспоминаниях М.В. Родзянко запечатлен трагичный, бьющий по сердцу эпизод:

«После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

— Я утомил вас, ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня — ходил на глухарей... Хорошо в лесу было.

Государь подошел к окну (была ранняя весна). Он стоял молча и глядел в окно. Я тоже стоял в почтительном отдалении. Потом государь повернулся ко мне:

— Почему это так, Михаил Владимирович. Был я в лесу сегодня... Тихо там и все забываешь, все эти дрызги, суету людскую... Так хорошо было на душе... Там ближе к природе, ближе к Богу...»<sup>2</sup>

Николай едва выносил Родзянко: считал его бестактным, назойливым, принимал его редко и только при крайней необхо-

---

<sup>1</sup> Автором стихотворения «Молитва» часто ошибочно считают дочь Николая II великую княжну Ольгу Николаевну, но она только переписала его в свой дневник.

<sup>2</sup> Родзянко М.В. Крушение империи. 1986. С. 216.

димости, с трудом выслушивал его многословные, напыщенные и всегда неприятные предостережения — тем более неприятные, что по сути-то они были верными! И, при всей своей замкнутости, вдруг обнажил перед совершенно чуждым ему человеком нечто самое сокровенное. Родзянко замечает: «кто так чувствует, не может быть лживым и черствым». К этому нельзя не добавить, что тот, кто так *говорит*, должен быть бесконечно одиноким, растерянным и несчастным.

22 февраля 1917 года государь император, по срочному вызову начальника генерального штаба М.В. Алексеева, отправился из Царского Села в Ставку, располагавшуюся в Могилеве. Он не подозревал, что государем уже не вернется.

Алексеев сам только что вернулся в Могилев — после трехмесячного лечения в Крыму.

Зачем в Ставке так срочно понадобился царь, если все дела решались без него, а его присутствие в основном всех тяготило?

Задавшись таким вопросом, исследователь февральских событий Г.М. Катков нашел вполне определенные свидетельства: «государь выехал по телеграфной просьбе генерала Алексеева, *не зная, в чем именно заключается срочное дело, требующее его присутствия*» (курсив мой — С.Р.)<sup>1</sup>. Более того, оказалось, что никаких срочных дел его в Ставке не ожидало. Катков, вполне логично, ставит этот факт в связь с показаниями Гучкова в Следственной комиссии Временного правительства о намерении «захватить императорский поезд по дороге между Петроградом и Могилевым»<sup>2</sup>.

Был ли Алексеев в прямом сговоре с Гучковым? Не утверждая этого наверняка, Катков приводит данные о том, что начальник генерального штаба и председатель военно-промышленного комитета имели не только официальные контакты, но вели секретную переписку.

О наличии заговора еще более ясно говорят контакты Председателя земского союза князя Г. Львова (будущего первого премьер-министра Временного правительства), через городского голову Тифлиса А.И. Хатисова, с великим князем Николаем Николаевичем. Вернувшись на новый (1917-й) год из Москвы, Ха-

---

<sup>1</sup> Катков Г.М. Указ. соч. С. 245.

<sup>2</sup> Там же.

тисов, от имени князя Львова, сообщил, что Николая II намерено свергнуть с престола, царицу отправить в монастырь или выслать за границу, а императором провозгласить его, великого князя Николашу, — но при условии, что он установит конституционную форму правления. Выслушав это, по видимому, не очень его удивившее предложение, великий князь попросил время подумать. На следующий день, в присутствии генерала Янушкевича, он ответил отказом. Объяснил это тем, что не уверен, поймет ли такой переворот «мужик» и поддержит ли армия.

Никаких прав на престол у Николая Николаевича не было, он это сознавал. Похоже, что он был чуть ли единственным во всей правящей элите, кто серьезно относился к юридической стороне вопроса о перемене власти. Хатисов уведомил князя Львова условной телеграммой: «Госпиталь открывать нельзя»<sup>1</sup>.

По долгу воинской присяги и просто верноподданного, великий князь обязан был немедленно донести государю о сделанном ему предложении. Он этого не сделал, и, видимо, заговорщики имели основания этого не опасаться. Не донес и генерал Янушкевич, от которого великий князь не имел секретов.

Необходимость устранить Николая для спасения страны от революции и от военного поражения к началу 1917 года стала убеждением почти всей правящей элиты. Насколько это убеждение было справедливо, отдельный вопрос, но оснований для него было достаточно.

Вот как описывал обстановку в стране председатель Государственной думы Родзянко:

«Совершенно ясно, что вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство с начала войны, неизбежно и методично вела к революции, к смуте в умах граждан, к полной государственно-хозяйственной разрухе.

Довольно припомнить министерскую чехарду. С осени 1915 года по осень 1916 года было пять [на самом деле шесть] министров внутренних дел: князя Щербатова сменил А.Н. Хвостов, его сменил Макаров, Макарова [А.А.] Хвостов старший [дядя А.Н. Хвостова] и последнего Протопопов. На долю каждого из этих министров пришлось [в среднем] около двух с половиной

---

<sup>1</sup> Там же. С. 221–222.



месяцев управления [На самом деле, меньше; Родзянко забыл, что три месяца пост министра внутренних дел занимал Штюрмер, совмещая его с постом премьера]. Можно ли говорить при таком положении о серьезной внутренней политике. За это же время было три военных министра: Поливанов, Шуваев и Беляев. Министров земледелия сменилось четыре: Кривошеин, Наумов, граф Бобринский и Риттих. Правильная работа главных отраслей государственного хозяйства, связанного с войной, неуклонно потрясалась постоянными переменами. Очевидно, никакого толка произойти от этого не могло; получался сумбур, противоречивые распоряжения, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, решимости и одной определенной линии к победе.

Народ это наблюдал, видел и переживал, народная совесть смущалась, и в мыслях простых людей зарождалось такое логическое построение: идет война, нашего брата, солдата, не жалеют, убивают нас тысячами, а кругом во всем беспорядок, благодаря неумению и нерадению министров и генералов, которые над нами распоряжаются и которых ставит царь»<sup>1</sup>.

Конечно, это свидетельство пристрастное: Родзянко, как один из участников переворота, завершившегося катастрофой, задним числом оправдывал свои действия.

Но вот взгляд с другой стороны. На допросе в Следственной комиссии Временного правительства последний царский министр внутренних дел Протопопов показал:

«Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль... пути сообщения — в полном расстройстве... Двоевластие (ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасающим беспорядкам... Наборы обезлюдели деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наемным трудом персов и китайцев.... Общий урожай в России превышал потребность войска и населения; между тем система запрета вывозов — сложная, многоэтажная, — реквизиции, коими злоупотребляли [Вот откуда берет начало практика продрозверсток времен военного коммунизма!], и расстройство вывоза создали местами голод, дорого-

---

<sup>1</sup> Родзянко М.В. Падение империи. С. 204.

визну товаров и общее недовольство... Многим казалось, что только деревня богата; но товара в деревню не шло, и деревня своего хлеба не выпускала. Но и деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций. Единственного пути к установлению цен — конкуренции — не существовало... Таксы развили продажу „из-под полы“, получилось „мародерство“, не как коренная болезнь, а как проявление недостатка производства и товарообмена... Армия устала, недостатки всего принизили ее дух, а это не ведет к победе»... «Упорядочить дело было некому. Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много. Но направляющей воли, плана, системы не было и не могло быть при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля над работой министров. Верховная власть... была в плену дурных влияний и дурных сил. Движения она не давала. Совет министров имел обветшавших председателей, которые не могли дать направления работам Совета... Работу захватили общественные организации, они стали „за власть“ [вместо власти], но полного труда, облеченного законом в форму, они дать не могли»<sup>1</sup>.

О том, что творилось в армии, весьма осведомленный Родзянко, при всей своей приверженности к пышной патриотической риторике, свидетельствовал:

«Я не хочу порочить нашу доблестную армию, а тем более доблестнейшее офицерство, которое кровью своею стяжало себе неувядаемую, бессмертную, всемирную славу, но справедливость требует указать, что симптомы разложения армии были заметны и чувствовались уже на второй год войны. Так, например, в период 1915 и 1916 гг. в плену у неприятеля было уже около 2 миллионов солдат, а дезертиров с фронта насчитывалось к тому же времени около полутора миллионов человек. Значит, отсутствовало около 4 миллионов боеспособных людей, и цифры эти красноречиво указывают на известную степень деморализации армии.

По подсчету, сделанному одним из членов Государственной Думы, получилось такого рода соотношение: число убитых из состава солдат выразится 15 %, но по отношению к офицерству этот процент выразится цифрой 30 %, а раненых еще больше.

---

<sup>1</sup> Цит. по: Милюков П.Н. Т. 2. С. 222.

Процентное отношение пленных ко всему солдатскому составу выражается цифрой около 20 %, между тем как по отношению к офицерам этот процентное обозначение выражается 3 %. Дезертиров офицеров не было вовсе...

Пополнения, посылаемые из запасных батальонов<sup>1</sup>, приходили на фронт с утечкой 25 % в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались в виду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров»<sup>2</sup>.

Родзянко продолжал: «Кроме этого, я должен с большим огорчением констатировать, что далеко не всегда распоряжения высшего командного состава были на высоте своего положения. Так, например, было с блестяще подготовленной, блестяще начатой и имевшей в начале успех операцией прорыва на Стоходе. Когда, под командованием генерала Брусилова, совершен был глубокий прорыв, и наши войска в начале имели крупный успех, этой операцией не было достигнуто поставленных целей и, главным образом, потому, что распоряжения командного состава не всегда обеспечивали успешные действия доблестных наших частей.

Я был на месте этих боев и знаю, что в силу недостаточной артиллерийской подготовки и не выполненных своевременно других условий — я говорю это со слов специалистов и участников боев, — например, гвардейский корпус, пополненный блестяще за время своего отдыха в тылу, потерял до 60 % своего состава вследствие неумелого командования, полного отсутствия воздушной разведки (на весь гвардейский корпус было, кажется, только четыре аэроплана) и других причин... Кампания могла и

---

<sup>1</sup> Порядок пополнения армии был таков. Новобранцев призывали в так называемые запасные батальоны, располагавшиеся в тыловых гарнизонах, где, по идее, солдаты должны были проходить интенсивную боевую и «патриотическую» подготовку, а затем отправляться на фронт. Плохая организация набора, часто в избыточном количестве, приводила к тому, что запасные батальоны непомерно разбухали — до 12–19 тысяч человек в каждом — и становились неуправляемыми. Переполненные казармы, плохое питание, недостаток обмундирования и даже стрелкового оружия, низкая дисциплина превращали запасные батальоны в рассадники смуты и разложения.

<sup>2</sup> Родзянко М.В. Указ. соч. С. 276–277.

должна была быть окончена тогда же полной победой, именно тогда, в этот период начавшегося наилучшего снабжения армии людскими пополнениями и предметами боевого снабжения: почетный и славный мир мог быть куплен ценой этих жертв и этого последнего напряжения народной энергии, а между тем это-то достигнуто не было»<sup>1</sup>.

23 февраля, на следующий день после отъезда государя из Петрограда в Ставку по вызову генерала Алексеева (словно этого только и ждали), в столице начались волнения и забастовки, которые нарастали с каждым днем. Тысячи, затем десятки и сотни тысяч демонстрантов требовали хлеба (в связи с перебоями в снабжении столицы мукой), а затем появились и политические лозунги: «Долой самодержавие!», «Земли и воли!» Интересно отметить, что ни большевики, ни меньшевики, ни эсеры этих выступлений не организовывали и не возглавляли. Напротив, они пытались их *предотвратить*, считая преждевременными и чуть ли не спровоцированными властями для того, чтобы их разгромить.

Первые два дня в Ставке Николай не имел представления о грозном нарастании событий, так как получал успокоительные послания и от Протопопова, и от начальника Петроградского военного округа генерала Хабалова, и от плохо осведомленной царицы. 26 февраля, когда до него, наконец, дошло, что события приняли угрожающий оборот, он дал Хабалову телеграмму:

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

Приказ выполнен не был, сколько-нибудь серьезных попыток его выполнить тоже не было. Любопытная подробность: в столице стояли лютые морозы, и на ночь демонстранты расходились по домам; но власти не использовали ночные затишья, чтобы установить контроль над стратегическими пунктами города и подавить волнения.

Похоже, что беспорядки в столице, если не были напрямую спровоцированы властями, то молчаливо ими поощрялись. Они давали основание генералу Алексееву «на коленях» молить государя о введении конституционной формы правления. Такие

---

<sup>1</sup> Родзянко М.В. Указ. соч. С. 277–278.

же пожелания слали по телеграфу командующий Северным фронтом Рузский и командующий Юго-западным фронтом Брусилев. В самой Ставке Алексеева поддерживали все генералы. Не отвечая, по своему обыкновению, ни «да», ни «нет», государь только поощрял наращивание давления, хотя уступать не собирался. Он вызвал генерала Н.И. Иванова, которого считал особо преданным престолу и себе лично, и приказал возглавить карательную экспедицию в столицу, сняв с фронта наиболее надежные части. «Прощаясь с императором, генерал Иванов еще раз попробовал затронуть вопрос о конституционных уступках, но получил уклончивый ответ»<sup>1</sup>.

Результатом уклончивости государя стала уклончивость «преданного» генерала. Н.И. Иванов задержал свой отъезд из Ставки почти на сутки. Снятые с фронта кавалерийские полки, поступившие в его распоряжение, до столицы не дошли. Объясняли это тем, что они выходили из подчинения и «братались» с рабочими. С.П. Мельгунов, детально изучивший ход тех судьбоносных событий, информацию о том, что «войска, посланные на усмирение бунта, переходят на сторону революции», назвал «ложной»<sup>2</sup>.

Николаю не терпелось вернуться в Царское Село, но необходимость двинуть войска кратчайшим путем к Петрограду давала повод искусственно затягивать отправление двух императорских поездов, а затем пустить их кружным путем: через Смоленск, Вязьму и Лихославль к Николаевской (московско-петроградской) железной дороге.

Поздно вечером, еще до отбытия царских поездов, в Ставку позвонил великий князь Михаил Александрович и предложил свою «помощь»: если государь соизволит отречься от престола, то пусть не беспокоится, — он, Михаил, готов стать регентом при несовершеннолетнем императоре Алексее. Кажется, до этой минуты никто еще не ставил перед Николаем вопроса об отречении! Он сухо поблагодарил брата за неуместную инициативу.

В пять часов утра 28 февраля два царских поезда отошли, наконец, от Могилева, а во второй половине дня маршрут их снова был изменен: от станции Бологое их направили на

---

<sup>1</sup> Катков Г.М. Указ. соч. С. 309.

<sup>2</sup> Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 177.

Псков, где, как было сказано, штаб Северо-Западного фронта — командующий генерал-адъютант Н.В. Рузский — возьмет их под свою защиту.

«Защита» обернулась неофициальным, но явным арестом императора.

Как записал в дневнике генерал-квартирмейстер Северного фронта Болдырев, «решается судьба России... Пскову и Рузскому, видимо, суждено сыграть великую историческую роль... Здесь, в Пскове, окутанному темными силами монарху придется вынужденно объявить то, что могло быть сделано вовремя...»<sup>1</sup>.

Капкан захлопнулся. Катков, так же тщательно изучивший материалы, как и Мельгунов, рисует драматическую картину:

«Переговоры между императором и Рузским затянулись до поздней ночи с 1 на 2 марта. Они несколько раз прерывались, в частности — мрачным обедом, во время которого, как обычно, политические темы не затрагивались. Во время перерывов Рузский ждал в императорском поезде, беседуя с встревоженными придворными. Их шокировала его точка зрения, в которой они видели вольнодумство, граничащее с изменой. Рузский не смог удержаться и сказал, что предостерегал от принятого политического курса, упомянув при этом, что во влиянии Распутина видит одну из главных причин всех бед. В какой-то момент его спросили, что же, по его мнению, надо теперь делать, и он, как будто, отвечал: „Сдаться на милость победителя“»<sup>2</sup>.

Но почему — *как будто*? Катков словно бы не уверен в том, что Рузский занял столь жесткую позицию. Однако Мельгунов подчеркивает, что этот ответ командующего фронтом зафиксирован в дневниках и воспоминаниях *всех* светских, которые оставили письменные свидетельства. Разночтения состоят только в том, что «каждый из них относит слова Рузского к разным моментам»<sup>3</sup>.

«„Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Гос[ударственной] Думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия“... — с яростью и злобой гово-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 176–177.

<sup>2</sup> Катков Г.М. Указ. соч. С. 322.

<sup>3</sup> Цит. по: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 179.

рил ген[ерал]-ад[ъютант] Рузский. После разговора с Рузским мы стояли все потрясенные и как в воду опущенные. Последняя наша надежда, что ближайший [к столице] главнокомандующий Северным фронтом поддержит своего императора, очевидно, не осуществится», записал в дневнике один из свитских генералов, историограф Д.Н. Дубенский<sup>1</sup>.

Больше всех негодовал адмирал К.Д. Ниров. «Он, задыхаясь, говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить... Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь», записал с его слов генерал Дубенский<sup>2</sup>. Однако протест Нилова ограничивался... замкнутым пространством его купе. В прошлом он был «любимцем» князя Мещерского, благодаря его протекции попал в свиту и был лакейски предан государю — ровно до тех пор, пока это было ему выгодно и безопасно. Из своего купе он не выходил до окончания драмы.

Миллионная армия Северного фронта стояла в непосредственной близости от Петрограда. На фронте было зимнее затишье, и во всей стране — относительное спокойствие. То был не 1905 год, когда войско застряло на Дальнем Востоке, промышленность и транспорт были парализованы всеобщей забастовкой, а над необъятными просторами сельской России стелился дым от горевших помещичьих усадеб. Положение теперь было качественно иным: очаг смуты был локализован. Однако, вместо того, чтобы употребить силу для водворения порядка в столице, генерал Рузский, как он вспоминал впоследствии, продолжал «уговаривать» государя.

«Надо заметить, — уточняет Катков, — что слова Рузского о том, что он „уговаривал“ государя, могут ввести в заблуждение. На самом деле он просто не дал императору никакого выбора: план Алексеева-Родзянко он представил как единственную возможность»<sup>3</sup>.

Между тем, Алексеев из Ставки снова прислал «совет» царю даровать конституционную форму правления и прилагал текст манифеста.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Катков Г.М. Указ. соч. С. 323.

«Нет сомнения, что телеграмма Алексева была решающим моментом акции», пишет Катков, но в данном случае он торопит события. На самом деле, удалившись для подписания манифеста, Николай вернулся с *другим* текстом. В нем говорилось о назначении Родзянко премьером, но ключевых слов о «правительстве, ответственном перед Думой», не было. Рузский его решительно забраковал.

Еще два часа продолжалось выкручивание рук. А когда нужный текст был, наконец, подписан, Рузский, словно издаваясь над бессильным самодержцем (а, скорее, чтобы обезопасить себя), стал лицемерно выспрашивать, сделал ли тот выбор по собственной самодержавной воле и не пожалееет ли о нем? Нетрудно представить, как в этот момент Николай его презирал! По обыкновению сдержанный, он ответил с сарказмом: да, он принял решение по собственной воле, потому что два советника, генерал Рузский и генерал Алексеев, *мало в чем между собою согласные*, в *этом* вопросе оказались единодушны.

«Был ли тут намек на сговор?» — спрашивает Катков<sup>1</sup>. Мне думается, что ответ однозначен.

Но завершился только первый акт драмы!

Второй понадобился потому, что теперь праздновал труса Родзянко. Став главою Временного комитета Государственной Думы, то есть «ответственного» правительства, чего он так напористо добивался, он убоился ответственности.

В панических телеграммах Родзянко в Ставку теперь говорилось об арестах министров, убийстве офицеров, всеобщей ненависти к царю и династии. И о том, что только отречение государя от престола может успокоить страсти и спасти положение.

О содержании долгого и крайне нервного разговора по телеграфу между Рузским и Родзянко государю не сообщили. Вместо этого оно было передано в Ставку. Оттуда телеграмма о необходимости отречения царя от престола была разослана командующим фронтами. И только после получения их ответов они были доложены Николаю. Приведу наиболее характерный из них — от великого князя Николаши:

«Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше импе-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 325.



раторское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие»<sup>1</sup>.

Можно лишь удивляться, откуда взялось столько елейного красноречия у необструганного вояки. Такие же лицемерные послания пришли от других командующих фронтов. Все были в сговоре! Его императорскому величеству коленопреклоненно указывали на дверь.

«Всюду вокруг трусость, обман и измена», понял, наконец, Николай.

2 марта, к десяти часам вечера, член Государственного Совета Гучков и член Государственной Думы Шульгин, с большим трудом добравшиеся до Пскова, с места в карьер начали обработку царя. Они убеждали, что посылка войск в столицу бесполезна и может только вызвать гражданскую войну. Генерал Рузский добавил, что войск для направления в Петроград у него все равно нет.

Питерские посланцы готовились к долгой осаде и были поражены, когда царь, спокойным, почти отрешенным голосом, сказал, что еще в три часа дня принял решение отречься от престола в пользу цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила. Но теперь он желает внести в это решение поправку. В случае воцарения Алексея, ему, Николаю, вряд ли позволят с ним видеться. Поэтому он решил отречься и за себя, и за сына, а престол передать Михаилу.

«Вы поймете чувства отца», — скорбно произнес государь.

Питерские эмиссары переглянулись. Они были приятно поражены тем, что царь так легко сдался, но удивлены неожиданной комбинацией, которую он предложил. Они запросили небольшого перерыва, чтобы посоветоваться.

«Вскоре я пошел к Гучкову и Шульгину, — расскажет позднее Рузский, — и спросил их, к какому они пришли решению. Шульгин ответил, что они решительно не знают, как поступить. На мой вопрос, как по основным законам: может ли [царь] отречься за сына, они оба не знали. Я им заметил, как это они едут по такому важному государственному вопросу и не захватили с собой ни тома основных законов, ни даже юриста. [Основных

---

<sup>1</sup> Там же. С. 330.

законов, как видим, не оказалось ни в штабе фронта, ни в царских поездах — такое значение им придавалось! Шульгин ответил, что они вовсе не ожидали такого решения. Потолковав немного, Гучков решил, что формула государя приемлема, что теперь безразлично [!], имел ли государь право [отречься за сына] или нет», а Шульгину, которого Гучков назвал «специалистом по такого рода государственно-юридическим вопросам», вопрос: «Алексей или Михаил? Перед основным фактом отречения казался частностью». «С этим они вернулись к государю»<sup>1</sup>.

В приведенном отрывке важно каждое слово. Невозможно более наглядно показать, как коронованный революционер, долго и упорно рубивший сук, на котором сидел, в последний момент подрубил под корень все дерево российской государственности. И как помогли ему в этом «спасители монархии» — Гучков, Шульгин и Рузский. Оказывается, ни царь, ни его советники не имели понятия об основах государственной системы, которую они «спасали»!

Гучков и Шульгин предложили государю привезенный с собой проект манифеста, в который теперь надо было внести «небольшую» поправку. Но Николай ответил, что проект манифеста уже подготовлен. Когда он был исправлен и подписан, государь вручил его Гучкову, тот зачитал вслух. «Пламенный» монархист Шульгин описал эту сцену напыщенным слогом, разукрашенным глубокомысленными многоточиями:

«Текст был написан теми удивительными словами, которые теперь все знают. Каким жалким показался мне набросок, который мы привезли... Государь принес и его и положил его на стол... К тексту отречения нечего было прибавить... Во всем этом ужасе на мгновение пробился один светлый луч... Я вдруг почувствовал, что с этой минуты жизнь государя в безопасности... Половина шипов, вонзившихся в сердце его подданных, вырвалась этим лоскутком бумаги... Так благородны были эти прощальные слова... И так почувствовалось, что он так же, как и мы, а, может быть, гораздо больше любит Россию»<sup>2</sup>.

Приведя это «свидетельство очевидца», Мельгунов ядовито замечает, что «история несколько подшутила над мемуари-

---

<sup>1</sup> Цит. по: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 194.

<sup>2</sup> Шульгин В.В. Дни. М: Современник, 1989. С. 257.

стом, слишком нарочито и неумеренно выставлявшим свои монархические чувства»<sup>1</sup>. Прощальное объяснение в любви к России было написано не самим Николаем. Его изготовил в Ставке камергер Н.А. Базили, отредактировали генерал-квартирмейстер А.С. Лукомский и сам Алексеев. Государю принадлежало лишь поправка о том, что престол он передает не сыну Алексею, а брату Михаилу.

Итог свершившемуся перевороту подвел на следующий день великий князь Николаша. Из Тифлиса в Ставку пришла депеша:

«Ожидал манифест о передаче престола наследнику цесаревичу с регентством великого князя Михаила Александровича. Что же касается сообщенного вами сегодня утром манифеста о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу, то он неминуемо вызовет резню»<sup>2</sup>.

Прогноз оказался точным, но для него не требовалось пророческого дара. Напомню, что монархия — это вид правления, при котором существует, действует, свято охраняется вековой традицией и самой властью, по крайней мере, один закон, который выше воли монарха: это закон о престолонаследии. Он обеспечивает легитимность и преемственность власти. Там, где этого нет, под ликом монархии прячется деспотия. Она держится не на законе, а только на силе; когда иссякает сила самодержца, происходит переворот.

Николай II, постоянно нарушавший собственные законы, не посчитался и с законом о престолонаследии. Отрекшись за сына, на что он не имел права, передав престол брату, на что он тоже не имел права, он лишил императорскую власть малейшего призрака легитимности. Милюков впоследствии даже допускал, что Николай намеренно совершил незаконный акт: чтобы оставить за собой шанс позднее отказаться от него, но вряд ли он был способен на *такой* «макиавеллизм». Он просто не сознавал пределов своей власти.

Между тем, воцарение несовершеннолетнего Алексея при регентстве Михаила Александровича разоружило бы противников режима (кроме самых непримиримых, но не они задавали

---

<sup>1</sup> Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 195.

<sup>2</sup> Цит. по: Катков Г.М. Указ. соч. С. 394.

тон). А введение регентом конституционного правления могло бы и вовсе утихомирить страсти. Но то, что Михаил мог предложить стране в качестве *законного регента*, он не мог предложить в качестве *беззаконного императора*.

3 марта, в Петрограде, на Миллионной улице, в квартире князя Путятина, собрались ведущие деятели Государственной Думы и общественных организаций, представители ведущих политических партий. В их числе М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, князь Г.Е. Львов, В.В. Шульгин, В.Д. Набоков, М.И. Терещенко, А.Ф. Керенский и многие другие. Вопрос, который поставил перед ними великий князь Михаил, состоял в том, следует ли ему брать власть в качестве императора, или нет. Все присутствующие, кроме Милюкова и Гучкова, дали отрицательный ответ. Законного права на престол он не имел, а так как *силы* на его стороне тоже не было, то и он должен был отречься. 3 марта 1917 года, в шесть часов вечера, российская империя перестала существовать. Не Ленин в Цюрихе, а Николай II в Пскове дал толчок к цепной реакции распада. Она скоро привела к «резне», жертвой которой стал он сам, его семья, великий князь Михаил Александрович, многие другие члены императорской фамилии.

## ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

После того, как Николай подписал отречение от престола, удерживать его в Пскове смысла не было.

Он поехал назад в Могилев, в Ставку Верховного командования, но, как частное лицо, он и там никому не был нужен. К своему семейству, он смог вернуться только 9 марта — под конвоем. Ибо Временное правительство, под давлением возникшего в те же дни Совета рабочих и солдатских депутатов, постановило: «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село».

Что чувствовал, что переживал в эти дни многострадальный Иов? Непосильная ноша, лежавшая на его плечах больше двадцати лет, наконец-то, сброшена. Думаю, он был бы счастлив, если бы о нем просто забыли.

Увы, бывший царь был слишком заметной фигурой. Вокруг царкосельского дворца бушевали страсти. Временное прави-

тельство должно было выставить вооруженную стражу — то ли чтобы охранять царя от самосуда толпы, то ли чтобы охранять революционную Россию от происков контрреволюции.

А.И. Солженицын в книге «Двести лет вместе» писал: «В марте [1917-го] Гендельман и Стеклов на Совещании Советов требовали более сурового заключения императорской семьи и дополнительного ареста всех великих князей — *так уверенно чувствовали себя у власти*» (т. II, стр. 60, курсив мой. — С.Р.).

Однако, по свидетельству П.Н. Милюкова, в марте 1917 года, на совещании недавно возникших Советов рабочих и солдатских депутатов, большевик Стеклов говорил о *неучастии* его партии во власти, а эсер Гендельман выразился еще категоричнее: «Нельзя брать на себя власть ни целиком, ни частично»<sup>1</sup>.

Почему нельзя? А потому, что социалисты разных мастей, зашоренные теоретическими абстракциями, считали, что в полуфеодальной России могла произойти только *буржуазная* революция, открывавшая путь для развития капитализма. Соответственно и власть в ней должна принадлежать буржуазии. Вот через сотню-полсотни лет, когда капитализм достигнет зрелости и выпестует своего *могильщика*, то есть пролетариат, — вот тогда возникнут условия для социализма! А до тех пор социалистам участвовать во власти — это таскать каштаны из огня для буржуазии. Ох, как изощрялся А.Ф. Керенский, то ли трудовик, то ли эсер, убеждая Совет рабочих депутатов не отлучать его от социализма за то, что он согласился войти в «буржуазное» Временное правительство!

Когда Ленин, в апреле, прибыл в Россию и провозгласил курс на захват власти Советами, с ним не согласилась даже большевистская «Правда»: «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит из признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Воспоминания, т. II, М., «Современник», 1990. С. 322.

<sup>2</sup> «Правда», 8 апреля 1917 г. Цит. по: Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 308.

Ленина такая реакция «товарищей» не обескуражила, но и он от лозунга «Вся власть Советам!» должен был отказаться, ибо в Советах доминировали «не те» социалисты: эсеры, меньшевики и прочие *соглашатели*. С его точки зрения, они были более опасными врагами рабочего класса, чем буржуазные партии. С теми всё было ясно, а этих надо было — *разоблачать*. Таскать каштаны из огня для *социал-предателей* он не собирался. По его мнению, «рабочие и крестьяне во сто раз революционнее нашей партии». На них он и решил опереться, зная, что его партия пойдет за ним, никуда не денется.

«Буржуазное» Временное Правительство намеревалось продолжать войну до победного конца. Решение коренных вопросов государственного устройства и прав собственности откладывалось до созыва Учредительного Собрания. С этим в основном соглашались и *соглашатели*. А бурлившие массы рабочих и солдат хотели *мира и земли*, и немедленно. Этого они требовали от своих представителей в Советах, но *соглашатели* (ох, как ненавидел их Ленин!) стремились успокоить, утихомирить стихию, объяснить горячим головам, что надо подождать, ещё не время. Через два месяца после переворота П.Н. Милуков был свидетелем сцены, которую описал скупно, но выразительно: лидера партии эсеров Чернова «застигли на крыльце, и какой-то рослый рабочий исступленно кричал ему, поднося кулак к лицу: „Принимай, сукин сын, власть, коли дают“»<sup>1</sup>. Чернов понюхал кулак, но выстоял. Власти не принял.

Положение в стране с каждым днем все более осложнялось. Нарастала анархия. Позднее, уже в эмиграции, возражая тем, кто «объяснял» все беды, свалившиеся на Россию, «еврейским заговором», один из ведущих кадетов, поборник народной свободы, но не анархии, Ф.И. Родичев напоминал:

«С первых дней революции 17-го года в Петрограде началась проповедь разложения русской армии, её дисциплины — её начали не евреи, а совет рабочих депутатов, сделавшийся советом и солдатских депутатов. Совет, издавший приказ № 1 [о неподчинении солдат офицерам], возглавлялся не евреем, а русским чистейшей крови Соколовым, не ведавшим, что творит, и грузином Чхеидзе, очень хорошо знавшим, что делает»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Милуков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 334.

<sup>2</sup> Родичев Ф.И. Большевики и евреи. Лозанна, «Общество имени Герцена», 1922. С. 5–6.

Присутствие рядом царской семьи усугубляло общую нестабильность. Ненависть *улицы* к августейшему узнику кипела, а на охрану дворца нельзя было положиться. Требования «более строгого» заключения царской семьи звучали со всех сторон: одни опасались того, что царь сбежит и возглавит контрреволюцию, другие — того, что толпа ворвется во дворец и растерзает его. Угроза «революционной расправы с Николаем Кровавым» была, конечно, более реальной.

Временное правительство торопилось сплавить августейшее семейство за границу. Лихорадочно прощупывались разные варианты, но... Испания отнеслась к судьбе свергнутого царя с сочувствием, но гостеприимства не предлагала. Короли Дании и Греции вообще никак не прореагировали, хотя датский король Христиан I был двоюродным братом Николая. Только британский король Георг и его правительство согласились приютить Николая II, о чем их посол Джордж Бьюкенен известил министра иностранных дел П.Н. Милюкова. Казалось бы, щекотливый вопрос был решен. Но никаких активных действий Британия не предпринимала, а на вторичный запрос пришел ответ от премьера Ллойд Джорджа: «Британское правительство не может принять царскую семью во время войны». Тем временем против высылки бывшего царя за границу восстал Петроградский Совет: «...решено объявить немедленно Временному правительству о непреклонной воле Исполнительного Комитета не допустить отъезда в Англию Николая Романова и арестовать его. Местом водворения Николая Романова решено назначить Трубецкой бастион Петровской крепости, сменив для этой цели командный состав последней. Арест Николая Романова решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом отношений с Временным правительством»<sup>1</sup>.

После этого о высылке царской семьи за границу можно было забыть, и А.Ф. Керенский приложил немало изощренных усилий, чтобы отправить ее подальше от бурлящей столицы.

---

<sup>1</sup> Царская семья: последние дни. Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666–93. Постановление от 17.07.1998 г. Подпись: Старший следователь Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ, старший советник юстиции Соловьев В.Н. <http://www.nik2.ru/documents.htm?id=267> Распечатка на 55 страницах в архиве автора. С. 5.

На пути следования в небольшой и сравнительно тихий уральский город Тобольск и в самом Тобольске августейших узников стерег сильный отряд из трехсот бойцов под руководством комиссара В.С. Панкратова, эсера, бывшего каторжанина, которому Керенский доверял. И тот с честью исполнял трудную миссию.

Пало Временное правительство, прекратилась выдача жалования Панкратову и его бойцам; советская власть, совершив «победное шествие», утвердилась на Урале и в Сибири; отряды красногвардейцев — самостийные и присылаемые из «столицы красного Урала» Екатеринбурга — не раз пытались захватить Николая и расправиться с ним; но триста поблескивавших штывков Панкратова охлаждали их пыл.

С возвращением Ленина в Россию в апреле 1917 года большевики быстро набирали очки, но организованное ими вооруженное выступление против Временного правительства в июле месяце провалилось. Ленин и Зиновьев, дискредитированные вскрывшимися связями с германским генштабом, прятались в Разливе. Те, кто не верил в такие страшные обвинения, недоумевали: почему Ленин скрылся вместо того, чтобы в суде разоблачить *клеветнические измышления* классового врага. Общественное мнение отшатнулось от большевиков. Те большевистские лидеры, которые не стали скрываться, включая только что примкнувшего к ним Троцкого, арестованы, сидят в «Крестах». Опасность большевистского переворота, столь реальная еще месяц-полтора назад, отступила. При всей шаткости Временного правительства появилась реальная возможность дотянуть до Учредительного Собрания и благополучно передать ему власть.

Но тут произошло то, что вошло в историю под названием «Корниловский мятеж», или «корниловщина». В трактовке А.И. Солженицына это выглядело так:

«Конец августа, „корниловские дни“. Россия зримо гибнет, проигрывает войну. Армия развращена, тыл разложен. Генерал Корнилов, перед тем ловко обманутый Керенским (не обманувший, а обманутый! — *С.Р.*), в простоте взывает, почти воет от боли: „Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины... Все, у кого бьётся в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молитте Господа Бога об явлении вели-



чайшего чуда спасения родимой земли“. — Идеолог Февраля, один из ведущих членов Исполнительного Комитета Гиммер-Суханов тут хихикает: „Неловко, неумно, безыдейно, политически и литературно неграмотно... такая низкопробная подделка под суздальщину!“» (т. II, стр. 62).

Но генерал Корнилов не только молитвами готовил «чудо спасения». Всё еще существовавшую, кое-как державшую германский фронт армию он решил направить на Петроград, дабы смести Временное Правительство, — конечно, вместе с Советами, — а себя объявить диктатором. Такова сердцевина его Воззвания. Солженицын при цитировании эту сердцевину вырезал. Соответственно, и в сухановском комментарии ампутировано главное место, где генерал назван «нашим отечественным Бонапартом, ударившим ва-банк»<sup>1</sup>.

Солженицын столкнул лбами две кастрированные цитаты, да так, что не искры летят, а целый фейерверк: «Да, пафосно, неумело, да, нет ясной политической позиции: к политике Корнилов не привык. Но — заливается кровью сердце его. А Суханова — коснется ли боль? Он не знает чувства сохранения живой культуры и страны, он служит идеологии, Интернационалу, и тут для него налицо всего лишь безыдейность... И вот с таким пренебрежением ко всему настою русской истории и направляли Февральскую революцию Суханов и его дружки — пена интернациональная — в злопотребном Исполнительном Комитете» (т. II, стр. 62).

Такой тут *наклон*: чужеродному Гиммеру с его бездушной *идеологией* плевать на матушку-Россию, а корниловская *суздальщина* — это кровоточащее сердце!

Почему Суханов-Гиммер чужероден?

В полицейском досье он проходил как *православный* и *великоросс*, да и в его внешности никаких признаков чужеродности замечено не было: «телосложение — среднее, цвет глаз — серый, волосы — белокурые, на голове курчавые, борода густая, рост — 171 см, на лице следы натуральной оспы; рубцов, родимых пятен не имеется»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Суханов Н.Н. Записки о революции, т. 3. М., «Республика», 1992. С. 111.

<sup>2</sup> Цит. по: Корнилов А. Суханов Н. и его «Записки о революции». В кн.: Суханов Н.Н. Записки о революции. В трех томах. Т. 1. М.: Современник», 1991. С. 19. Подробнее о Н.Н. Сухарове см.: С. Резник. Вместе или врозь? М. «Захаров», 2005. С. 397–402.

О *Воззвании* Корнилова Суханов писал с горьким сарказмом:

«Чего конкретно хочет Главковерх, „открыто выступая“, что собирается он сделать, в чем надлежит ему содействовать „верящим в храмы“ и проч., — это никому не известно. Исходный пункт Корнилова: предание русского народа германскому племени, обвинение коалиции [Временного правительства] в контакте с немецким штабом на фоне собственного похода с фронта на Петербург! Можно ли придумать что-либо более лубочное, корявое, нелепое, неискусное, подрывающее собственное дело?»<sup>1</sup>.

Мятеж был подавлен, круги от него пошли очень круто. Генерал Корнилов сыграл в судьбе России роль *медведя в посудной лавке*. Не случайно у великоросса Н.Н. Суханова нелепые действия «спасителя отечества» вызвали «чувство ущемленной национальной гордости»<sup>2</sup>.

Генерал Корнилов хотел *как лучше*, а получилось — *хуже некуда*. Собственных сил для подавления военного мятежа у Временного правительства не было, и оно вынуждено было обратиться к Советам, где давно уже верховодили большевики, да к их *красной гвардии*, то есть наспех сколоченным отрядам вооруженных рабочих. В тот самый момент, когда большевистские вожди были в тюрьме или в подполье из-за обвинений в связях с германским генштабом, красногвардейцам раздавали винтовки, и Керенский должен был призвать кронштадтских матросов — самые разнузданные элементы большевистского лагеря — выступить на защиту Временного правительства. Тюремное заключение „немецкого агента“ Троцкого приобрело фарсовый характер: в самый разгар следствия к нему пришла делегация тех же кронштадтских матросов, чтобы спросить совета: защищать ли им Керенского против Корнилова, или прикончить обоих.

До штурма Зимнего Дворца оставалось чуть больше месяца.

## ЦАРЕУБИЙСТВО

«Ваш спор с большевизмом — глубочайшая ошибка, вы боретесь против духа нации, стремящегося к возрождению. В боль-

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Суханов Н.Н. Указ. соч., т.3. С. 111.

шевизме выражается особенность русского духа, его самобытность... Именно наш дух освободит мир из цепей истории», — возражал на «Несвоевременные мысли» Максима Горького некий пр. Роман Петкевич — то ли прапорщик, то ли профессор, по ироничному замечанию самого Горького<sup>1</sup>.

Горький и сам считал, что большевизм выражает дух нации, однако у него это не вызывало восторга. (*Сменит веки* он позже).

Только через полгода после Октябрьского переворота у Кремлевских главарей «дошли руки» до поверженного царя. Проверенный большевик В.В. Яковлев (Мячин) (впоследствии он «изменит делу революции»), с мандатом Ленина и Свердлова, прибыл в Тобольск, чтобы снять эсеровскую охрану и перевезти царскую семью в Центральную Россию, поближе к Москве. Труднейшая миссия была предпринята из тех же опасений, что были когда-то у Керенского: царь либо сбежит и станет «знаменем контрреволюции», либо будет убит местными товарищами.

Ленина ни то, ни другое не устраивало: царь ему был нужен живым. Конечно, не из гуманных соображений, а из далеко идущих революционных планов. В январе 1918 года Совет Народных Комиссаров принял решение — начать следствие над бывшим царем и предать его суду, для чего при СНК была создана особая Комиссия.

Затея была столь же дерзкой, сколь и преступной, но таковы были все «революционные» начинания Советов после захвата власти.

Следствие о преступлениях царского режима, как мы помним, было начато сразу же после Февраля. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства мы не раз цитировали. К ответу были привлечены наиболее одиозные чины высшей царской администрации, но не сам царь: царская Россия имела формальный статус монархии, а монарх, как мы помним, людскому суду не подлежал.

Ленин был юристом по образованию, да и другие ведущие большевики не могли этого не понимать. Но юридические нор-

---

<sup>1</sup> М. Горький. Несвоевременные мысли. // «Новая жизнь», № 43 (258), 16 марта 1918 г. Цит. по: Бунин И. Окаянные дни. — Горький М. Несвоевременные мысли. М., «Айрис-Пресс», 2004. С. 290.

мы их так же мало стесняли, как и прочие «буржуазные пред-  
рассудки». К тому же, имелись исторические прецеденты: «осу-  
ждение» и казнь Карла I в ходе Британской революции в 1649  
году, Людовика XVI — в ходе Французской революции в 1793-м.  
Коль скоро «буржуазные» судилища могли приговаривать вен-  
ценосцев к смерти, то что говорить о «пролетарском суде рево-  
люционной совести»!

Большевики ликвидировали Чрезвычайную следственную  
комиссию Временного Правительства и прекратили расследова-  
ние. Зачем разбираться в тонкостях, когда арестованных можно  
прикончить без следствия и суда — «именем революции»?

Суд над «Николаем Кровавым» — другое дело. Не правосу-  
дие нужно было большевистским вождям, а грандиозный про-  
пагандистский спектакль: ведь к процессу было бы приковано  
внимание всего мира. Бывшему царю припомнили бы всё: от  
Ходынки до Распутина, от Кровавого Воскресенья до Ленского  
расстрела, от «стольпинских галстуков» до еврейских погромов,  
от японской войны до германской. И многое другое — что было  
и чего не было. Такую потрясающую возможность обличения  
«старого мира» Ильич не хотел упустить.

Если бы «революционный суд» состоялся, то в смертном  
приговоре не приходится сомневаться, так что Николай II в лю-  
бом случае был обречен. Вероятно, и Александра Федоровна. Но  
дети их получили бы шанс на спасение. При публичности про-  
цесса и внимании к нему всего мира даже ленинская клика вряд  
ли решилась бы казнить невинных детей.

Однако Красный Урал после Брестского мира не доверял  
Кремлю. Главари Уральского Совета рабочих депутатов «болели  
левизной в коммунизме». Они даже официально отвергли Бре-  
стский мир и от имени Уральской республики «объявили войну»  
кайзеровской Германии. Они не хотели выпускать царскую се-  
мью из своих рук. Более того, в Тобольске то и дело появлялись  
вооруженные группы с намерением учинить расправу над царем  
и его семейством. Сведения об этом достигали Москвы, побуж-  
дая власти принять срочные контрмеры.

«1 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК об охране Николая  
Романова в Тобольске было приятно следующее решение: “По-  
ручить комиссару по военным делам немедленно сформировать  
отряд в 200 чел. (из них 30 чел. из Партизанского отряда ЦИК

[??], 20 чел. из отряда левых с.-р. [левых эсеров]) и отправить их в Тобольск для подкрепления караула и в случае возможности немедленно перевезти всех арестованных в Москву. (Настоящее постановление не подлежит оглашению в печати). Председатель ВЦИК Я. Свердлов. Секретарь ЦИК В. Аванесов»<sup>1</sup>.

Выполнить столь сложное задание было поручено опытному боевику В.В. Яковлеву (К.А. Мячину). Выходец с Урала, он хорошо знал местную обстановку. До революции зарекомендовал себя крупными боевыми операциями по экспроприации для партии крупных денежных сумм. Вернувшись в Петроград после нескольких лет эмиграции, Яковлев активно участвовал в штурме Зимнего дворца, при образовании ЧК стал заместителем председателя. Затем был отправлен Военным Комиссаром на Урал, однако вступить в должность не смог, так как Уральский Совет не захотел подчиниться ставленнику Москвы. В голодающий Петроград Яковлев вернулся во главе поезда с хлебом, пробиться с которым по железным дорогам в тех условиях было очень непросто.

В Тобольск Яковлев приехал с отрядом красноармейцев и с мандатом Ленина и Свердлова. Он взял под охрану царя и всех, кто был с ним, но очень быстро убедился, что Уральский Совет не желает выпускать царскую семью из своих рук и, более того, намерен ее ликвидировать.

Положение осложнила болезнь царевича Алексея, из-за чего вывезти всю семью было невозможно, а медлить было нельзя. Яковлев решил увезти пока царя и царицу. На семейном совете было решено, что с ними поедет одна из дочерей, Мария Николаевна, и пятеро домочадцев, а остальные останутся с Алексеем.

О том, чтобы везти венценосных узников в Москву через Екатеринбург, нечего было и думать. Яковлев знал, что Уральский Совет его поезд не пропустит и даже до Екатеринбурга довести не даст. Как признал впоследствии председатель Уралсо-

---

<sup>1</sup> Цит. по: Царская семья: последние дни. Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93. Постановление от 17.07.1998 г. Подпись: Старший следователь Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ, старший советник юстиции Соловьев В.Н. <http://www.nik2.ru/documents.htm?id=267> Распечатка на 55 страницах в архиве автора. С. 7.

вета А.Г. Белобородов, «мы считали, что, пожалуй, нет даже необходимости доставлять Николая в Екатеринбург, что если предоставятся благоприятные условия во время его перевода, он должен быть расстрелян в дороге»<sup>1</sup>.

Уральцы были готовы, если Яковлев окажет сопротивление, вместе с царем уничтожить его и весь его красноармейский отряд.

При тщательном сборе и изучении материалов, имеющих отношение к этим драматическим дням, генеральный прокурор РФ В.Н.Соловьев обнаружил телеграмму В.В.Яковлева Я.М.Свердлову от 27 апреля 1918 года:

«Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа [!]. Отряд особого назначения дал отпор — едва не дошло до кровопролития. Когда я приехал, екатеринбуржцы же дали мне намек, что багаж довозить до места не надо... Они просили меня, чтобы я не сидел рядом с багажом (Петров). Это было прямым предупреждением, что меня могут тоже уничтожить... Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом. Они решили, что если я им не выдам без боя багаж, то решили перебить нас... У Екатеринбурга, за исключением Голощекина [то есть у всего руководства Уральским совдепом, кроме одного], одно желание: покончить во что бы то ни стало с багажом. Четвертая, пятая и шестая рота красноармейцев готовят нам засаду. Если это расходится с центральным мнением, то безумие — везти багаж в Екатеринбург»<sup>2</sup>.

Уничтожение «багажа» с центральным мнением расходилось, поэтому комиссар Яковлев погнал поезд с августейшими узниками на восток. В Омске его можно было перевести на южную железнодорожную ветку и доставить в центральную Россию в обход Урала.

Узнав об этом, председатель Уральского Совета А.Г. Белобородов принял экстренные контрмеры, разослав по железным дорогам телеграмму: «Всем, всем, всем!» Яковлев объявлялся

---

<sup>1</sup> Там же. С. 8.

<sup>2</sup> Там же. С. 9–10.

изменником, подлежащим аресту и расстрелу на месте. (Его чуть было не расстреляли в Омске). Напряженные переговоры по прямому проводу Свердлова с Белобородовым и с Яковлевым привели к компромиссу. Кремль согласился доставить царскую семью в Екатеринбург, а Белобородов обязался обеспечить надежную охрану, безопасность и относительно приличное содержание семьи, Яковлева же отпустить подобру-поздорову.

И Белобородов, и Яковлев остались недовольны этим компромиссным решением. Белобородов послал телеграмму Ленину, в которой обвинял Свердлова в том, что он взял сторону «изменника» Яковлева, а Яковлев написал Свердлову, что решение передать «багаж» Уральскому Совдепу считает безумным и ответственность за его дальнейшую безопасность с себя снимает.

Не решаясь сразу покончить с царем и царицей, Уральский Совдеп выместил злобу на прибывшей с ними челяди. Двух из пяти сопровождающих, бывшего гофмаршала В.А. Долгорукова и лакея И.Д. Седнёва, сразу же отделили от царя и царицы и посадили в тюрьму. Затем расстреляли без следствия и суда.

23 мая в Екатеринбург из Тобольска доставили вторую половину семьи с остальной челядью. Пятеро из вновь прибывших тоже были посажены в тюрьму, через пару дней к ним прибавили шестого — камердинера Т.И. Чемодурова.

В Доме Особого Назначения (он же ДОН, дом Ипатьева) содержалось 12 человек: бывший царь Николай II, царица Александра Федоровна и пятеро их детей — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей. А также лейб-медик Е.С. Боткин, камерлакей А.Е. Трупп, горничная А.С. Демидова, повар И.М. Харитонов, поваренок Леонид Седнёв — он же товарищ по детским играм царевича Алексея.

Вскоре группа заговорщиков-монархистов стала готовить её побег. Царю тайно доставлялись письма на французском языке от некоего «офицера». В них излагался план побега и давались указания, как к нему подготовиться. Николая эти письма глубоко волновали, он отвечал по тем же каналам. Вот один из его ответов:

*«Мы не хотим и не можем БЕЖАТЬ. Мы только можем быть похищены силой, как силой нас привезли из Тобольска. Поэтому не рассчитывайте ни на какую нашу активную помощь. У коменданта много помощников, они часто сменяются*

*и стали тревожны. Они бдительно охраняют нашу тюрьму и наши жизни и обращаются с нами хорошо. Мы бы не хотели, чтобы они пострадали из-за нас или чтобы вы пострадали за нас. Самое главное, ради Бога, избегайте пролить кровь. Собирайте информацию о них сами. Спуститься из окна без помощи лестницы совершенно невозможно. Но даже если мы спустимся, остаётся огромная опасность, потому что окно комманданта открыто и на нижнем этаже, вход в который ведёт со двора, установлен пулемёт. [Зачеркнуто: “Поэтому оставьте мысль нас похитить”.] Если вы за нами наблюдаете, вы всегда можете попытаться спасти нас в случае неминуемой и реальной опасности. Мы совершенно не знаем, что происходит снаружи, так как не получаем ни газет, ни писем. После того как разрешили распечатать окно, наблюдение усилилось и мы не можем даже высунуть в окно голову без риска получить пулю в лицо”.*

Письма доставлялись прямо в местную ЧК.

Понятно, зачем понадобилась эта провокация. Белобородов и другие главари Красного Урала не оставили мысль о «революционной расправе» над царем, но хотели заручиться алиби. Фиктивный побег готовился для того, чтобы доложить Кремлю, что царя прикончили «при попытке к бегству».

Восстание корпуса пленных чехословаков, а затем мятеж левых эсеров в Москве, а также приближение армии белых к Екатеринбург у сделали эти предосторожности излишними.

Желая сорвать Брестский мир, чекисты-левоэсеры убили германского посла Мирбаха, при весьма подозрительной роли главы ВЧК левого коммуниста Ф.Э. Дзержинского. Германия потребовала пропустить в Москву батальон своих войск для защиты посольства. Принять ультиматум — значило капитулировать перед «германским милитаризмом», в чем Ленина и без того обвиняли левые эсеры и левые коммунисты. И ведь на это накладывались недавние обвинения в его личном сотрудничестве с германским генштабом! Отклонение же ультиматума вело к возобновлению войны на оголённом германском фронте, а Ленин ничего так не боялся, как «бронированного кулака Вильгельма». О том, что Германия находится при последнем издыхании и на возобновление крупных военных действий не пойдет, в Москве не знали.



В этих условиях перевозить царскую семью в Москву стало крайне опасно, в чем убеждал кремлевских вождей «товарищ Филипп» (Голощекин), прибывший в Москву в качестве делегата Уральского совета. По воспоминаниям одного из палачей, М.А. Медведева (Кудрина), «Я.М. Свердлов пытался приводить [Ленину] доводы Голощекина об опасностях провоза поезда царской семьи через Россию, где то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания в городах, о тяжелом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своем: “Ну и что же, что фронт отходит. Москва теперь — глубокий тыл! А мы уж тут устроим суд на весь мир”. На прощанье Свердлов сказал Голощекину: “Так и скажи, Филипп, товарищам: ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает”»<sup>1</sup>

Воспоминания М.А. Медведева (Кудрина) не во всем достоверны, но в данном пункте подтверждаются другими документами. Так что президиум Уральского Совета принял решение о расстреле царской семьи, вопреки инструкциям Кремля. Приведение «приговора» в исполнение было поручено охране Дома Особого Назначения.

Охрану возглавлял член президиума Уральской ЧК Я.М. Юровский, назначенный комендантом ДОНа взамен отстраненного А.Д. Авдеева.

Авдеев был не дурак выпить и бражничал вместе со своими подчиненными. Они постоянно задирали узников, донимали скабрёзными «любезностями» великих княжон, куражились, уворовывали какие-то вещички и просто их объедали. Продукты в Дом Особого Назначения (ДОН) ежедневно доставлялись из Ново-Тихвинского женского монастыря. Охранники часть из них тайно крали, а часть уплетали открыто: бесцеремонно садились за стол рядом с узниками, хватали еду руками, громко рыгали, жевали с демонстративным чавканьем — в том была потеха.

Сменив Авдеева, Юровский такие безобразия прекратил. Он перешерстил охрану, подтянул дисциплину, установил некоторый порядок.

С узниками новый комендант был подчеркнуто вежлив. Просьбы старался удовлетворять. Узнав, что у 12-летнего Алексея, после недавнего ушиба, распухло колено, он осмотрел его и дал медицинские советы. По первоначальной профессии Юров-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 14.

ский был часовщиком, но в 1915 году был призван в армию, прошел короткий курс медицинского обучения, после чего его определили фельдшером в военный госпиталь.

Он составил опись всех представленных ему драгоценностей (правда, львиную долю узники прятали), сложил их в особую шкатулку, опечатал сургучной печатью и вручил под расписку главе арестованного семейства — дабы не допустить хищений. Судя по дневниковым записям царя и царицы, новый комендант им нравился.

Когда Юровский собрал свою разношерстную команду и объявил, какое ответственное задание им поручено, среди охранников поднялся ропот. Двое из «латышей» (так называли всех инородцев, говоривших с иностранным акцентом) сказали, что они готовы участвовать в расстреле Николая Кровавого, но не его детей. Юровский решил, что им недостает «пролетарской сознательности» и их надо заменить более надежным элементом.

Кто же входил в расстрельную команду?

Российскими национал-патриотами настойчиво культивируется *мнение*, что «русские люди» не могли стрелять в «помазанника Божьего», потому команда «иудея» Юровского состояла преимущественно из «латышей».

Состав расстрельной команды на сегодня выяснен почти полностью. Это Я.М. Юровский, его заместитель Г.П. Никулин, П.З. Ермаков, М.А. Медведев (Кудрин), П.С. Медведев, С.П. Ваганов, А.Г. Кабанов, В.Н. Нетребин и, возможно, Я.М. Цельмс. То есть «расстрел царской семьи был произведён группой, состоявшей по национальному составу почти полностью из русских, с участием одного еврея (Я.М. Юровского) и, вероятно, одного латыша (Я.М. Цельмса)». Так сказано в Википедии<sup>1</sup>.

Историк Иван Плотников, тщательно исследовавший этот вопрос, уточняет:

«В убийстве царской семьи определенно приняли участие: Я.М. Юровский, Г.П. Никулин, М.А. Медведев (Кудрин), П.С. Медведев, П.З. Ермаков, С.П. Ваганов, А.Г. Кабанов, В.Н. Нетребин. В числе расстрельщиков мог быть еще только один человек, не более. Мы видим восемь установленных убийц, хотя в некоторых

---

<sup>1</sup> Убийство царской семьи. Википедия.

воспоминаниях называется 11, по числу казненных. Роль “ла-  
тышей”, “команды внутренней охраны”, оказалась в итоге не-  
значительной, вспомогательной. Следовало бы обратить внима-  
ние на слова бывшего помощника начальника внутренней охра-  
ны, одного из руководителей расстрела — Никулина: “Нас было  
исполнителей восемь человек: Юровский, Никулин, Медведев  
Михаил, Медведев Павел — четыре, Ермаков Петр — пять, вот я  
не уверен, что Кабанов Иван (имя названо неточно, надо Алек-  
сей. — *И.П.*) — шесть. И еще двоих я не помню фамилий”. Мы  
назвали эти две фамилии: Ваганов и Нетребин»<sup>1</sup>.

В заключении прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева при-  
водятся те же имена, но добавлено, что в расстрельную команду,  
возможно, входил еще А.А. Стрекотин, а также один австриец  
или венгр.

Начальник расстрельной команды Я.М. Юровский, еврей *по  
происхождению*, был далек от еврейских корней. В 1904 году он  
принял лютеранство, а по убеждениям, как положено созна-  
тельному партийцу, был атеистом. Ни иудейских, никаких дру-  
гих религиозных обрядов Юровский не соблюдал, зато строго  
соблюдал партийную дисциплину и с готовностью выполнял по-  
ручения, строго руководствуясь полученными инструкциями.  
Когда же приходилось принимать самостоятельные решения, он  
действовал крайне бесполово. В том, что усердия у него было  
много больше, чем сообразительности, нам предстоит убедиться.

Получив задание уничтожить царя и всех узников Дома  
Особого Назначения в ночь с 16 на 17-е июля, комендант был  
полон решимости исполнить приказ, но о том, каким образом  
это сделать, инструкций не было. Может быть, перестрелять их  
спящими в своих постелях? Или — закидать гранатами? Но  
взрывы разбудят город, народ, чего доброго, сочтет, что в него  
уже ворвались беляки...

...Было далеко за полночь, когда комендант Юровский под-  
нялся на второй этаж ДОНа. Там все давно спали. Он разбудил  
доктора Боткина и сказал, что беляки ведут обстрел города; для  
безопасности царской семьи и остальных обитателей ДОНа им  
следует спуститься в нижний полуподвальный этаж.

---

<sup>1</sup> Плотников Иван. О команде убийц царской семьи и ее национальном  
составе. [http:// pravoslavnaa.livejournal.com/129825.html](http://pravoslavnaa.livejournal.com/129825.html)

Боткин разбудил остальных, они оделись, умылись, спустились... Алексей, из-за поврежденной ноги, не мог сам идти по лестнице, отец нес его на руках.

Из двенадцати обитателей ДОН в наличии было одиннадцать. Паренька Лёню Седнёва Юровский еще днем отослал — якобы для встречи с дядей И.Д. Седнёвым, который давно был расстрелян. Не иначе, как дрогнуло пролетарское сердце Юровского, и он решил пощадить мальчика...

Комната в нижнем этаже оказалась пустой: всю мебель из нее заранее вынесли. Как долго в ней предстояло пробыть, спустившиеся не знали. Александра Федоровна сказала, что стоять не может, ей нужен стул. Тотчас принесли два стула: на второй усадили больного царевича.

Юровский вынул бумагу и зачитал приговор. Александра Федоровна стала истово креститься. Николай, видимо, думавший о своем, не сразу понял смысл сказанного и пытался что-то переспросить, но тут началась стрельба. Члены расстрельной команды торопливо вбегали в комнату, а палить начинали еще из открытых дверей. Пули отскакивали от каменной стены и ricochetили в самих убийц. Одна пуля просвистела у самого уха Юровского, другая ранила в руку одного из стрелявших. На улице тархтел грузовик, заведенный для того, чтобы заглушить выстрелы, но сильнее их заглушали душераздирающие крики великих княжон. Девушки визжали, но не падали...

Об этой поразительной подробности я впервые прочитал полвека назад в воспоминаниях академика Л.А. Зильбера, которые готовил к публикации в Пятом томе альманаха «Прометей». Редактором-составителем тома был мой друг и коллега Марат Брухнов, но поскольку учеными в серии ЖЗЛ «заведовал» я, то редактировать эту рукопись довелось мне.

Крупнейший микробиолог и вирусолог, старший брат писателя В.А. Каверина, Л.А. Зильбер в гражданскую войну служил военврачом в Красной Армии, чему и был посвящен данный отрывок из его мемуаров. Среди красноармейцев, пациентов Л.А. Зильбера, ходил слух о «мистике», сопровождавшей убийство царской семьи: пули от царских дочерей отскакивали, запаниковавшие расстрельщики усилили пальбу и с большим трудом их добились. В рукописи Зильбера об этом было два коротких абзаца. В печать они не прошли: удалила цензура.

Согласно свидетельству из первых рук, то есть самого коменданта Юровского, он был очень сердит на свою команду:

«Тут вместо порядка, началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и очень маленькая, все однако могли бы войти в комнату и провести расстрел в порядке. Но многие, очевидно, стреляли через порог»<sup>1</sup>.

С трудом остановив стрельбу, Юровский обнаружил, что «многие еще живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом с ним покончил, Алексей, Татьяна, Анастасия, и Ольга тоже были живы. Жива еще была и Демидова. Тов. Ермаков хотел окончить дело штыком. Но однако, это не удавалось».

«Мистика» выяснилась при осмотре трупов: «на дочерях были бриллиантовые панцири вроде лификов».

*Панцирями* Юровский называл вшитые в одежду драгоценные камни. «Помимо того, что это представляло ценность, это было боевой защитой: ни пулей, ни штыком не возьмешь»<sup>2</sup>.

В другом варианте своих воспоминаний о той страшной ночи Юровский писал (стиль и орфография сохранены):

«На дочерях же были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и др. ценных камней, представлявших собой не только вместилища для ценностей, но и вместе с тем и защитные панцири.

Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих, никто не повинен. Ценностей этих оказалось всего около (полу)пуда. Жадность была так велика, что на А[лександр]е Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой золотой проволоки, загнутой в виде браслета, весом около фунта... Те части ценностей, которые были при раскопках обнаружены, относились несомненно к защитным отдельно вещам и при сжигании остались в золе костров»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Из рассказа Я.М. Юровского о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске. «Сборник документов, относящихся к убийству Императора Николая II и его семьи, 1999. <http://rus-sky.com/history/library/docs.htm#16>», Док. № 9. Компьютерная распечатка в архиве автора.

<sup>2</sup> Розанова Н. Указ. соч. 131. Орфография и пунктуация в цитатах сохранены.

<sup>3</sup> Соловьев В.Н. Сравнительный анализ документов следствия 1918–1924 гг. с данными советских источников и материалами следствия 1991–1997 гг.

В 1927 году, при сдаче своего «исторического» оружия в Музей революции, Юровский и Никулин объяснили необычайно большой расход патронов: «патроны одной имеющейся заряженной обоймы кольта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов и странную живучесть наследника, на которую мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с бронированными дочерьми)»<sup>1</sup>.

Официальный приговор был опубликован через неделю:

*«Постановление Президиума Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Ввиду того, что чехо-словацкие банды угрожают столице красного Урала, Екатеринбург; ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа (только что обнаружен заговор белогвардейцев, имевший целью похищение всей семьи Романовых), Президиум областного комитета во исполнение воли народа, постановил: расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях.*

*Постановление Президиума областного совета приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля. Семья Романовых переведена из Екатеринбурга в другое, более верное место.*

*Президиум областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала».*

Сообщение выдает подлую трусость пролетарской власти: классовая непримиримость к врагам революции у нее сочеталась с дрожью в коленках. Преступники неуклюже заматали следы: царь — да! — расстрелян «по воле народа», а семья «переведена в более верное место»...

Куда же все они *на самом деле* были «переведены»?

---

<http://nikolai2.ru/sravnitelnyj-analiz-dokumentov-sledstviya-1918-1924-gg-s-dannymi-sovetskih-istochnikov-materialami-sledstviya-1991-1997-gg.html>

<sup>1</sup> Н. Розанова Указ. соч. С. 133.

## ЗАХОРОНЕНИЕ

Если с убийством царской семьи команда Юровского кое-как справилась, то с ликвидацией следов кровавой оргии обстояло гораздо хуже.

Как писал участвовавший в захоронении чекист И.И. Родзинский, «вопрос о сокрытии следов был важнее даже самого выполнения. Подумаешь там перестрелять, не важно даже с какими титулами они там были. А вот ведь самое ответственное было, чтобы укрыть, чтобы следов не осталось, чтобы никто использовать это не мог в контрреволюционных целях. Это самое главное было. А об этом и не думали»<sup>1</sup>.

*Не подумали!..*

По утверждению Юровского, захоронение трупов было поручено не ему. В его Записке говорится, что «ком[андан]ту, было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и т.д. лежало на обязанности г. Ермакова (рабочий Верхне-Исетского завода, партийн[ый] тов[арищ], б[ывший] каторжанин)»<sup>2</sup>.

Такое вот разделение труда!

Комиссар Верхне-Исетского завода Петр Ермаков «должен был приехать с автомобилем, и был впущен по условному паролю “трубочист”. Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Е[рмако]ва и ком. решил проверить сам лично всю операцию до конца»<sup>3</sup>.

Тут концы у Юровского не сходятся. Вся охрана Дома Особого Назначения знала Ермакова в лицо, для его опознания никакого *пароля* не требовалось. Ермаков был участником расстрела (добивал раненных страдальцев штыком), когда заведенный автомобиль уже тарыхтел во дворе. Когда же и к чему он «опоздал»?

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев разъясняет эту путаницу в свидетельствах Юровского тем, что из-за опоздания автомобиля сам расстрел был произведен на полтора часа позже намеченного времени: не в полночь, а уже в половине второго утра. Значит, готовая команда Юровского полтора часа томилась

---

<sup>1</sup> «Сборник документов...», Док. № 13, компьютерная распечатка. С. 47.

<sup>2</sup> Цит. по: Розанова Н. Указ. соч. С. 135.

<sup>3</sup> Там же.

в напряженном ожидании: когда же явится товарищ Ермаков с грузовиком. Можно понять негодование Юровского, но ведь Ермаков мог «опоздать» не по своей безалаберности, а по обстоятельствам, от него не зависевшим. Машину, с надежным шофером, с наполненным бензобаком не просто было заполучить: автопарк при Уральском Совдепе был на строгом учете, бензин был строго лимитирован, то и другое выдавалось по особому разрешению. Просто ли было все это заполучить посреди ночи?

...Перед погрузкой трупов фельдшер Юровский еще раз «проверил каждого отдельно умер он, или нет. И только тогда мы их выдавали и переносили»<sup>1</sup>.

Запомним эту подробность: он *каждого отдельно проверил!*

А вот того, что на трупах осталось немало драгоценностей, Юровский не доглядел! Обратил внимание только тогда, когда честная команда стала жадно срывать кольца, серьги, браслеты, вытаскивать из карманов золотые часы, усыпанные бриллиантами портсигары...

Терпеть мародерство Юровский не мог: «Пришлось потребовать от каждого, чтобы выложил все, что взял, иначе расстреляю беспощадно, тут же на месте»<sup>2</sup>.

Поеживаясь, бормоча оправдания, мародеры отдали награбленное. А усердный Юровский решил, что сам должен проследить за захоронением трупов: Ермаков и его люди оказались ненадежными товарищами.

Местом захоронения была намечена заброшенная шахта в 18 верстах от города, вблизи так называемой Ганиной ямы, в урочище Четырех Братьев. Юровский потом утверждал, что сам там прежде никогда не был, но, по показаниям некоторых свидетелей, его видели там накануне вместе с Ермаковым.

Ехали долго. Грузовик с трудом преодолевал колдобины, буксовал в грязи, пока не застрял так основательно, что трупы пришлось перегрузить на повозки и дальше везти лошаадьми. В завершение всего, Ермаков заблудился и долго не мог отыскать намеченной шахты.

Подъехали к ней уже утром, когда было светло.

---

<sup>1</sup> Там же. С. 136–137.

<sup>2</sup> Там же. С. 137.



Шахта, в которую предстояло вывалить трупы, была заполнена водой. Замерили ее глубину, и тут оказалось, что она очень мелкая: аршин с небольшим глубиной, то есть меньше метра. Можно представить себе как разъярился Юровский на нерадивого Ермакова.

...Парадокс состоял в том, что в аршине от поверхности воды проходил слой льда, а под ним, до дна шахты было еще метров пять. Там можно было бы укрыть сотню трупов — следовало только прорубить лед. Но до этого надо было додуматься! Пролетарской непримиримости к классовому врагу у Юровского, Ермакова и всей их братии было гораздо больше, чем смекалки!

Между тем, солнце уже было над горизонтом, а чего больше всего опасались похоронщики, так это посторонних свидетелей. Юровский приказал раздеть трупы царя, царицы и их детей (остальных оставили одетыми) и бросить одежду в разведенный огонь. Таково было его хитроумное решение: «уничтожить вещи все без остатка и тем как бы убрать лишние наводящие доказательства, если трупы почему-либо будут обнаружены»<sup>1</sup>.

Тут, к ужасу Юровского, оказалось, что он снова недоглядел. В сжигаемой одежде были зашиты еще какие-то драгоценности. Ему-то они были ни к чему: истый пролетарский революционер, он был бессребреником. Но это же будущие улики! Они выпадали, смешивались с золой и пеплом костра. Какие-то удалось извлечь, но далеко не все.

Как сообщал потом колчаковский министр юстиции С.С. Старынкевич управляющему Министерства иностранных дел от 19 февраля 1919 года, «при более подробном осмотре местности судебным следователем [И.С. Сергеевым] вблизи той же шахты, называемой “Исетский рудник”, были найдены — обгорелая старая дамская сумочка, тряпки, кружева и какие-то черные блестящие обломки. Там же затем были обнаружены два небольших загрязненных осколка изумруда и жемчуга, обрывок материи с запахом керосина и, наконец, сильно загрязненный водянистого цвета значительной величины в платиновой оправе камень, — оказавшийся при осмотре его через эксперта-ювелира бриллиантом высокой ценности (около 100.000 руб.), по заключению эксперта, бриллиант этот представляет собой часть друго-

---

<sup>1</sup> «Сборник документов...», Док. № 9, компьютерная распечатка. С. 32.

го украшения (подвес) высокохудожественной работы; около самого края шахты в глине был обнаружен осколок ручной нарезной бомбы, а при спуске в самую шахту на стенках ее найдены следы от разрыва ручной бомбы. По удалении воды из шахты находящиеся на дне ее песок и ил были промыты, причем в них оказались: отрезанный палец руки, вставная челюсть, осколки бомбы, поддержка для мужского галстука и другие, не имеющие особого значения предметы»<sup>1</sup>.

Трупы свалили в яму, один на другой. Верхние оказались почти на поверхности. Взорвали несколько гранат, чтобы как-то их присыпать, но было ясно, что обнаружить их здесь будет очень просто. Да и окрестные крестьяне давно проснулись. Охрана никого близко не подпускала, но утаить то, что здесь происходит что-то необычное, было уже невозможно.

Юровский отправился в Областной совет и в ЧК — доложить обстановку и получить новые указания.

Областную ЧК возглавлял ее основатель Федор Лукоянов. Он понял, что дело не кончено. Пришлось спешно сформировать спецотряд для перезахоронения тел. Как вспоминал М.А. Медведев (Кудрин), «когда все расстрелянные были вытащены веревками за ноги из воды на поверхность и уложены рядком на траве, а чекисты присели отдохнуть, то стало ясным, насколько легкомысленным было первое захоронение. Перед нами лежали готовые “чудотворные мощи”: ледяная вода шахты не только начисто смыла кровь, но и заморозила тела настолько, что они выглядели словно живые — на лицах царя, девушек и женщин даже проступил румянец. Несомненно, Романовы могли в таком отличном состоянии сохраниться в шахтном холодильнике не один месяц, а до падения Екатеринбурга, напомним, оставались считанные дни»<sup>2</sup>.

Юровский велел снова разжечь костер и сжечь в нем уже не одежду, а сами трупы. Более глупого решения быть не могло. Свежеомытые и замороженные тела, чадили, дымили, шипели, но не горели.

Юровский и «специалист по сжиганию» Д.М. Повлушин оседлали коней и поехали осматривать шахты на Московском

---

<sup>1</sup> «Сборник документов...», Док. №15. Распечатка С. 52.

<sup>2</sup> Там же. Док. № 11. Распечатка. С. 42.

тракте. По дороге думали думу и придумали, что часть тел они все же попытаются сжечь, а остальные обезобразят серной кислотой и сбросят в разные шахты: так труднее будет их опознать.

Взять на себя столь радикальное решение Юровский не мог. Присмотрев шахты, он и Повлушин явились в Исполком. Идея была одобрена. Но возникло новое осложнение. Пока Юровский сидел «у тов. Войкова на счет керосина и серной кислоты, которую не так уж просто было добыть», Повлушин поскакал куда-то по другому делу, упал с лошади и повредил ногу. Участвовать в деле он не мог. «Между тем вся работа по сжиганию возлагалась на него, как человека якобы имеющего так сказать некоторый опыт в операциях более или менее сложных»<sup>1</sup>.

Под покровом ночи одиннадцать тел снова погрузили в кузов машины и повезли к шахтам на Московской дороге. Теперь все было чин-чинарём: гребкопатели прихватили с собой лопаты (первой ночью об этом не позаботились), три бочонка с бензином, три банки с серной кислотой.

Шахты, намеченные Юровским и Повлушиным, были действующие и охранялись. Охранники могли стать нежелательными свидетелями захоронения. Но этот вопрос решался просто. Поехали не на одной машине, а на двух, в сопровождении отряда чекистов. Их задача — под выдуманным предлогом арестовать всех охранников и увезти их на время: для диктатуры пролетариата это не составляло проблемы.

Словом, все теперь было предусмотрено — кроме одного. Юровский забыл проверить, сможет ли проехать по грунтовой дороге к намеченным шахтам тяжёлый грузовик.

Медведев (Курдин): «Сложили в кузов грузовика все одиннадцать тел (из них четыре обгорелых), выехали на коптяевскую дорогу и повернули в сторону Верх-Исетска»<sup>2</sup>.

Один из грузовиков скоро увяз в грязи. Его с трудом вытолкали, но через какое-то время он снова застрял. Чтобы снова вытолкать, пришлось выгружать трупы...

Дорога спустилась в хлюпающую низину — *Поросенков Лог*. Такого названия он удостоился потому, что здесь почти всегда

---

<sup>1</sup> Розанова Н. Указ. соч. С. 153.

<sup>2</sup> «Сборник документов...», Док. № 11. Распечатка. С. 42.

было много грязи — эльдорадо для поросят и свиной. Грузовик опять застрял. Выбившаяся из сил команда билась с ним два часа, но тщетно...

«Мелькнула мысль, которую мы и осуществили, — вспомнил участник той эпопеи И.И. Родзинский. — Мы решили, что лучшего места нам не найти. Мы сейчас же эту трясиину расковыряли <...> разложили этих самых голубчиков и начали заливать серной кислотой, обезобразили все, а потом все это в трясиину. Неподалеку была железная дорога. Мы привезли гнилых шпал... <...> Разложили этих шпал в виде мостика такого заброшенного через трясиину, а остальных на некотором расстоянии стали сжигать». «Тут же развели костер и пока готовилась могила, мы сожгли два трупа: Алексея и по ошибке, вместо Александры Федоровны, сожгли, очевидно, Демидову»<sup>1</sup>.

Поблизости был железнодорожный переезд № 184, там штабелем лежали старые подгнившие шпалы. Их привезли, видимо, на лошадях.

Пока копали неглубокую яму, да доставляли шпалы, два трупа сожгли: один, самый маленький, царевича Алексея, второй — женский.

Остальные девять тел, обезображенные серной кислотой, закопали в хлюпающую трясиину, положив сверху настил из старых шпал. По настилу несколько раз проехал грузовик, вмятые в грязь шпалы создавали впечатление, что этот мосток был здесь всегда...

---

<sup>1</sup> Там же. С. 157–158.

## ЧАСТЬ IV

### СТО ЛЕТ — УПОКОЯ НЕТ

Сторож при морге говорил:  
«Вы мертвых не бойтесь. Они вам ничего не сделают.  
Вы бойтесь живых».

*Илья Ильф*  
*Из записной книжки*

### ТРОЙКА ГЕНЕРАЛА ДИТЕРИХСА

25 июля 1918 года передовые части белых вошли в оставленный большевиками Екатеринбург.

Офицеры сразу же бросились к Ипатьевскому дому, где и обнаружили плохо замытые следы недавнего побоища. Бестолковые попытки найти трупы привели к тому, что многие следы преступления были уничтожены. Офицерам, обрабатывавшимся черносотенной пропагандой, было ясно только одно: во всем виноваты евреи.

Следователя по особо важным делам А.П. Намёткина, которому было поручено расследование царского дела, «патриотическая» версия офицеров не вдохновила, и он был отстранен — якобы из-за недостаточного рвения. Затем полгода расследование вел И.С. Сергеев. Он и добыл львиную долю вещественных доказательств и свидетельских показаний. Но так как он был занят раскрытием преступления, а не еврейского заговора, то тоже был отстранен — как якобы тайный еврей и чуть ли ни большевистский агент.

Главную роль в перемене декораций сыграл генерал М.К. Дитерихс. В начале февраля 1919 года И.С. Сергееву было приказано передать ему материалы неоконченного следствия, после чего Дитерихс нашел «правильного» следователя, Н.А. Соколова, который направил расследование в «патриотическое» русло.

Одна из проблем для «патриотической» версии состояла в том, что решение о расстреле царя и его близких было принято Президиумом Уральского Совдепом во главе с Александром Георгиевичем Белобородовым. Ведущая роль Белобородова мешала национал-патриотам тогда и продолжает мешать до сих пор. Крайние из них пытались его *объевреить*, перелицевав в Вайсбарда (на идише — *Белая борода*), но таково достижение «патриотической мысли» более позднего времени. Первопроходцы до этого не додумались.

Первопроходцами я называю авторов трех первых книг о гибели царской семьи. Каждый из них располагал материалами незавершенного следствия, вывезенными из Екатеринбурга после развала армии Колчака. Это британский журналист Роберт Уилтон, генерал М.К. Дитерихс и следователь Н.А. Соколов. Англичанин, чех и русский: полный черносотенный интернационал!<sup>1</sup> Им пришлось задвинуть Белобородова в тень Филиппа Голощёкина, ибо о еврейском происхождении «товарища Филиппа» в следственном деле имелись шаткие сведения. Один из трёх экземпляров следственного дела хранится в архиве Гарвардского университета — я его просматривал. В нём имеются показания свидетеля, который в течение двадцати минут ехал с Голощёкиным в поезде. Этот свидетель показал, что у Голощёкина волнистые волосы с рыжеватым оттенком, из чего он вынес *впечатление*, что тот похож на еврея. Имея такую *зацепку*, первопроходцы наградили «товарища Филиппа» еврейским именем и передали ему первую скрипку, отобрав ее у Белобородова. Но сговориться между собой они не успели: у одного из них «товарищ Филипп» стал Исааком, у второго — Исаем Исааковичем, у третьего он Шая.

А.И. Солженицын знал, что «Шая-Филипп Голощёкин славы не искал, всю её перехватил долдон Белобородов»; и что «в 20-е годы так все и знали, что это он [Белобородов] — главный убийца царя; даже в 1936 г. гастролируя в Ростове-на-Дону на какой-то партконференции, он еще похвалялся этим с трибуны. (Всего за год перед тем, как расстреляли его самого)» (т. II, стр. 92).

---

<sup>1</sup> Robert Wilton. The Last days of the Romanovs. London, Thornton Butterworth Limited, 1920; Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Тт. 1–2. Владивосток, 1922; Соколов Н.А. Убийство царской семьи, «Слово», 1925.

Но и похвальба Белобородова не помешала Солженицыну, в унисон с тремя первопроходцами, наделить ролью закоперщика Шаю-Филиппа, резонерски воскликнув по этому поводу: «О, как должен думать каждый человек, освещает ли он свою нацию лучиком добра или зашлёпывает чернью зла» (т. II, стр. 92).

Полагаю, что каждый человек должен, прежде всего, думать о том, освещает ли он добром или зашлёпывает злом самого себя. Если он об этом не думает, то о нации и подавно не озаботится. Да и не так всё однозначно в многоцветном нашем мире. Сплошь и рядом творящий зло уверен, что делает добро. Не только Белобородов гордился тем, что избавил народ от «Николая Кровавого». Между членами расстрельной команды разгорелась борьба — кому из них считаться *прямым* убийцей царя. Яков Юровский утверждал, что это он застрелил Николая, М.А. Медведев (Кудрин) приписывал эту честь себе, и у обоих её оспаривал Петр Ермаков. Никто из них не считал екатеринбургское побоище грязным пятном на своей совести; напротив, считали его делом добрым и доблестным.

Следствие об убийстве царской семьи во многом напоминало расследование убийства Андрюши Ющинского, ставшее делом Бейлиса<sup>1</sup>.

Как в Киеве в марте 1911 года, сразу после нахождения трупа мальчика, стали распространяться листовки, утверждавшие, что он убит евреями, так и в Екатеринбурге в июле 1918 года, сразу после вступления в город передовых отрядов армии белых и чехословацкого корпуса, до начала какого-либо расследования, пошла гулять версия, что расправу над царем учинили евреи. В Киеве ее распространяла черносотенная молодежная организация «Двуглавый орел», в Екатеринбурге — черносотенное офицерство. В Киеве, один за другим, были отстранены три следователя по делу об убийстве Андрея Ющинского, после чего *уголовное* дело передали охранному отделению, то есть *политической* полиции, где оно и было превращено в ритуальное дело Бейлиса. Менделя Бейлиса арестовал глава киевской охраны полковник Кулябко — тот самый, который вскоре после это-

---

<sup>1</sup> См. С. Резник. Убийство Ющинского и Дело Бейлиса: К столетию процесса века. СПб., «Алетейя», 2013.

го проглянул — если не спровоцировал — убийство премьер-министра П.А. Столыпина. В Екатеринбурге неудобные следователи тоже отстранялись до тех пор, пока оно не попало в руки удобного — «патриота» Н.А. Соколова.

«Еврейская» версия царевубийства была настолько распространена, что дошла до сведения главы британской военной миссии при правительстве Колчака генерала Нокса, а тот сообщил о ней в свое военное министерство. Попав в печать, она обеспокоила еврейскую общину Великобритании. Для выяснения обстоятельств, она направила в Омск (столицу Колчака) делегацию. Ее принял министр юстиции С.С. Старынкевич. Он объяснил, что генерал Нокс был введен в заблуждение военными кругами. Однако следствие проводится *гражданской* властью, в рамках закона. Старынкевич пояснил, что каждую неделю получает донесения и полностью в курсе дела.

О том, как пристально он следил за екатеринбургским расследованием, говорит его письмо управляющему Министерством иностранных дел от 19 февраля 1919 года, которое мы уже цитировали<sup>1</sup>.

С.С. Старынкевич был эсером, в коалиционном правительстве Колчака он представлял самую левую часть политического спектра. Логика гражданской войны вынудила Колчака объединить под своим главенством разные антибольшевистские силы, но черносотенные элементы были крайне недовольны сотрудничеством с либералами и социалистами. Разногласия между ними оставались столь же глубокими, как и до революции.

Вернувшись в Лондон, делегация опубликовала авторитетные заверения министра юстиции. Когда об этом стало известно в России, возмущение офицерских кругов многократно усилилось. Ведущую роль в них играл генерал М.К. Дитерихс. Одно время он был командующим Уральским фронтом, но затем был отстранен от командования. Оказавшись в резерве, он рвался к «царскому делу».

Как упоминалось, первоначально расследование убийства царской семьи было поручено следователю по важнейшим де-

---

<sup>1</sup> «Сборник документов...», Док. № 15.



лам А.П. Намёткину. Об этом человеке известно мало. Достоверно лишь то, что он не подыгрывал черносотенцам. Сперва он вызвал гнев тем, что отказался приступить к расследованию без санкции прокурора, а когда санкция была дана, повел его так, что вызвал еще большее негодование военных кругов.

Другого профессионального следователя в прифронтовом городе не было, поэтому дело решили передать одному из членов окружного суда. В исключительных случаях закон это допускал. В результате закулисного сговора между военными, председателем суда и прокурором на эту роль был рекомендован некто Михнович. Видимо, он устраивал черносотенные круги. Но решение принимало общее собрание членов суда, и оно дружно прокатило Михновича. Так же дружно оно проголосовало за Ивана Сергеевича Сергеева.

Слухи о «еврейском ритуальном убийстве» царя следователя Сергеева не впечатляли. Это снова вызвало гнев в кругах черносотенного офицерства. Был пущен слух о еврейском происхождении самого следователя. Наговоры привели к желанному результату: обойдя министра юстиции, Дитерихс добился лично от Колчака его отстранения. Вскоре должен был уйти в отставку и Старынкевич. За те несколько месяцев, что Сергеев вел расследование, то есть с августа 1918 по январь 1919, была установлена львиная доля фактов, которыми потом воспользовался его преемник. Сам Сергеев, после развала фронта, попал в лапы большевиков и был расстрелян.

Генерал Дитерихс сблизился с находившимся в стане белых британским журналистом Робертом Уилтоном и нашел в нем горячего почитателя и единомышленника. Оба сообразили, что могут быть полезны друг другу. Уилтон получал от Дитерихса сенсационные сведения о «еврейских зверствах», творившихся на «немецкие деньги», против царя, России и Великобритании. А Дитерихс, через энергичного и неумного Уилтона, получил возможность вести черносотенную пропаганду на весь мир. Книга Уилтона «Последние дни Романовых» стала первым опубликованным трудом о екатеринбургской трагедии. Вторым стало двухтомное сочинение самого Дитерихса. Оно было написано в бытность его главой Дальневосточной Республики — последнего оплота антибольшевистских сил на территории России.

Оба автора не жалели красок, чтобы опорочить И.С. Сергеева и А.П. Намёткина как несведущих и нерадивых людей, но проговаривались, что истинные причины недовольства обоими лежала в иной плоскости.

«Следователь Намёткин и член суда Сергеев, *независимо от их личных качеств, характеров и политических физиономий*, в своей следственной деятельности безусловно были под влиянием... большого политического течения мысли тогдашней гражданской власти и влиявших на нее политических партий бывших учредильцев» (Дитерихс, т. 1, стр. 125. Курсив мой. — С.Р.).

В учредилке, то есть в Учредительном собрании, разогнанном большевиками и затем продолжившим работу в Самаре, доминировали эсеры и близкие к ним партии. По мнению Дитерихса, они были заражены тем же *еврейским духом*, что и большевики, потому их сторонникам нельзя было доверить расследование «царского дела». С солдатской прямоотой генерал излагал свое кредо: «Сергеев хотя и крещеный, а все же был еврей, еврей по крови, плоти и духу, а потому отказаться от своих соплеменников никак не мог» (Дитерихс, т. 1, стр. 129–130). С такой же прямоотой Дитерихс излагал *высшую цель* расследования царевбийства: «для укрепления среди народных масс и в рядах нарождающейся армии монархических принципов и тенденций» (Там же, стр. 124). Стало быть, раскрытие истины, какой бы она ни оказалась, для Дитерихса не было целью. Что же до «монархических» тенденций, то под ними понимался «патриотизм» в духе Союза Русского Народа.

Пороча первых двух следователей, генерал Дитерихс обнаруживал незаурядное красноречие, но, превознося третьего, Н.А. Соколова, он превзошел самого себя.

До октябрьского переворота Соколов работал в Пензе, откуда бежал на восток, переодевшись крестьянином. Эта обычная для того времени акция по спасению собственной жизни под пером Дитерихса превратилась в величайший патриотический подвиг во имя России.

Но, при всей романтической приподнятости «прозы» Дитерихса, в ней проступают реалистические подробности. Из них явствует, что Соколов был крайне неприятным субъектом и производил отталкивающее впечатление. Нервный, вспыльчивый, ошетиненный, болезненно самолюбивый, он постоянно прику-

сывал усы и не смотрел в глаза собеседнику. Генерал объяснял это тем, что один глаз у Соколова был искусственный, а другой косил. Зато Соколов был «национальным патриотом» — это испугало все.

Передав дело Соколову, Дитерихс оставил за собой «общее руководство», о чем писал в своей книге, не сознавая, насколько этим компрометирует «независимое» следствие. Когда его книга дошла до Европы и попала в руки Соколову, у того потемнело в единственном глазу. Его протест появился в эмигрантской газете:

«Во время хода предварительного следствия, осуществлявшегося на основании закона единоличной следственной властью, генералу Дитерихсу никогда не только не принадлежало какое-либо руководство делом, но одним из... повелений адмирала [Колчака] ему было категорически запрещено какое бы то ни было вмешательство в следствие»<sup>1</sup>.

Однако в той же заметке Соколов подтверждал участие Дитерихса, признавая, что полномочия были выданы не только ему, но и генералу «по некоторым совершенно частным поводам» (? — С.Р.).

Позднее, в *своей* книге, Соколов снова пытался оспорить «укоренившееся в обществе ошибочное представление» о том, что Дитерихс направлял его действия, но делал это еще менее вразумительно. Его опровержение сводилось к красивой, но малосодержательной фразе: «Дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество»<sup>2</sup>. Тут же, однако, он признавал, что Дитерихс «оберегал работу судебного следователя более, чем кто-либо. Ему более чем кому-либо обязана истина»<sup>3</sup>.

Увы, с тех пор, как следствие перешло в руки Соколова, Дитерихса и примкнувшего к ним Уилтона, поиски истины об убийстве царской семьи отошли на задний план. На первый план вышло раскрытие «еврейского ритуального убийства».

Соколов в основном передопрашивал свидетелей, чьи показания уже были запротоколированы И.С. Сергеевым. Чтобы показать, насколько он превосходил предшественника

---

<sup>1</sup> «Последние новости», № 974, 26.6.1923.

<sup>2</sup> Н. А. Соколов. Убийство Царской семьи. «Слово», 1925. С. 4.

<sup>3</sup> Там же.

тщательностью в работе, Дитерихс подчеркивал, что его протоколы были в несколько раз длиннее сергеевских. Но он не приводил никаких доказательств того, что они были более содержательными.

Важным вкладом самого Соколова можно считать расшифровку нескольких телеграмм и записанных разговоров по прямому проводу между председателем ЦИК Я.М. Свердловым и председателем Уральского Совета А.Г. Белобородовым. Обнаружил их И.С. Сергеев, но они были написаны цифровым кодом, ключа к нему он не нашел.

Соколов их расшифровал и сделал вывод, что Москва заранее дала санкцию на убийство царя и остальных обитателей ДОНа. Этот вывод всегда представлялся спорным, а из расследования группы экспертов во главе с прокурором-криминалистом В.Н. Соловьевым (об этом речь впереди) ясно, что вывод Соколова был неверным.

Из следственных материалов, которыми располагал Соколов, вытекало, что кремлевские мечтатели планировали публичный суд над царем, — почему же они переменили свое решение? Такие вопросы Соколова не интересовали. Более того, он не допускал самой их постановки. В теорию «еврейского заговора» не укладывались возможные разногласия в Кремле или Екатеринбурге, или трения между ними. Вопрос о степени виновности отдельных лиц — на месте и в центре — тоже отпадал. Само собой разумеется, что главные виновники — евреи, а все остальные — либо орудие в их руках, либо подставные фигуры, призванные закамуфлировать еврейский характер преступления.

Идеологию такого «расследования» с лукавой прямотой изложил Дитерихс:

*«Когда совершается какое-либо событие, в котором участвуют евреи, или хотя бы один еврей, то психология народных масс всегда обобщает их участие и относит события к разряду совершенных будто бы всем еврейским народом. В поступках и деяниях одного еврея виновным считается весь еврейский народ. Народная масса не способна пока проводить грани между Янкелем, старьевщиком в Теофитоле, и Янкелем Свердловым, председателем ЦИКа в Москве; между Исааком Юровским, часовщиком в Харбине, и Янкелем Юровским, руководителем идейного преступления в Ипатьевском доме, меж-*

ду Рубинштейном, гением музыкального мира, и Бронштейном [Троцким], гением кровавых социалистических операций. Для толпы, да и для значительной части интеллигентной общественной массы, всякое зло, творимое при участии того или другого Янкеля или Лейбы, исчерпывается нарицательным определением — еврей... Следовательно, преступления Бронштейна, Голощекина, Янкеля, Сруля суть преступления евреев, еврейского народа. Еврей один никогда не действует, за одним, кто бы он ни был, всегда стоят все другие евреи, весь народ. Такова психология масс. Это первая роковая историческая ошибка, осложняющая соответственное разрешение “еврейского вопроса”»<sup>1</sup>.

В книгу Дитерихса перенесены все антисемитские мифы, когда-либо появлявшиеся в истории: эрудиция в этом вопросе у генерала была знатная. Особенно пространно он рассуждает о деле Бейлиса (знала кошка, чье мясо съела!). По его логике, существенно не то, совершают евреи ритуальные убийства или не совершают, а то, что «народная масса» в это верит.

Лукавые генеральские потуги на то, чтобы самому дистанцироваться от «народного» антисемитизма, перекрываются энергией ненависти, достигающей большого накала:

*«Шайка циммервальдовских революционеров Израиля»<sup>2</sup> почувствовала себя полными, свободными и всемогущими хозяевами водворения в России царства религии Лжи, опыта, неудавшегося их племенным предкам в Израиле. Начался тот неудержимый разгром жизни бывшей могучей и сильной духом страны, который поверг ее в современное придушенное, придушенное состояние. Началась та бесконечная Вальпургиева ночь, пляска диких и сатанинских социалистических экспериментов, которая бросила обезумевших и изголодавшихся людей в погоне за куском хлеба в кровавую Антихристову борьбу: брата на брата, отца на сына, сына на мать и матери на*

---

<sup>1</sup> Дитерихс. Указ. соч., т. 1. С. 325–326.

<sup>2</sup> Имеется в виду Циммервальдская конференция левых социалистов-интернационалистов 1915 года, на которой была принята пацифистская резолюция, осудившая войну и призвавшая рабочий класс воюющих стран к неучастию в ней. В.И. Ленин предложил более радикальную резолюцию: о «превращении империалистической войны в гражданскую», но большинство делегатов его не поддержало.

дочь. И в триумфе своей победы, упиваясь успехом, вдохновители изуверы готовы крикнуть России: “Мы распяли вашу Россию, мы распяли вашу идеологию...”»<sup>1</sup>.

Громокопящая риторика генерала Дитерихса свидетельствовала лишь о предвзятости, которая отнюдь не помогала расследованию царубийства.

Для доказательства того, что царь и его семья действительно были убиты, требовалось, прежде всего, отыскать трупы. На это и были направлены основные усилия следователя И.С. Сергеева. Вещественные доказательства, найденные в кострище у Ганиной ямы, где трупов не оказалось, путали карты следствия, но можно не сомневаться, что если бы Сергеев мог продолжать расследование, он бы их отыскал.

У Дитерихса и Соколова были иные приоритеты. Для них не так важно было найти убитых, как отыскать евреев. Хотя, как правильно указал Старынкевич, ни одного юридически доказанного факта причастности евреев к убийству царской семьи, выявлено не было. Ведь даже Яков Юровский, еврей *по происхождению*, был выкрестом и по российским законам к евреям не причислялся.

Были ли среди руководителей Уральского совдепа другие лица иудейского исповедания или происхождения? Вопрос об исповедании лишен смысла, так как все большевики были атеистами. Что же касается еврейского *происхождения* руководителей Совдепа и самих расстрельщиков, то оно достоверно было установлено только в отношении Юровского и не очень достоверно — в отношении Голощёкина. Главой совдепа, как мы знаем, был А.Г. Белобородов. Все три автора первых трех книг признали его русским, но сделали подставной фигурой, за чьей спиной будто бы орудовала шайка евреев во главе с Голощёкиным. Парадокс в том, что, будучи связующим звеном между Екатеринбургом и Москвой, Голощёкин был единственным членом президиума Уральского совдепа, который был противником бессудной расправы над царем, о чем, как упоминалось, телеграфировал в Кремль еще В.В. Яковлев.

Дитерихс: «Головы членов царской семьи и убитых вместе с ними приближенных были зашифрованы в трех доставлен-

---

<sup>1</sup> Дитерихс. Указ. соч., т. 1. С. 388.

*ных в лес железных бочках, утакованы в деревянные ящики и отвезены Исааком Голощёкиным в Москву Янкелю Свердлову, в качестве безусловного подтверждения, что указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте»<sup>1</sup>.*

Сага о заспиртованных головах нашла дальнейшее развитие. Описывались тайные религиозные церемонии в Кремле, с еврейскими молитвами, песнопениями и танцами вокруг этих голов!

Забегая вперед, надо сказать, что как ни гротескна была эта версия, она была тщательно проверена судебно-медицинской экспертизой «екатеринбургских останков», проводившейся в 1990-х годах. «При первичных и дополнительных судебно-медицинских и медико-антропологических исследованиях всех костных останков на черепках и шейных позвонках скелетов следов действия острых орудий (режущих, пилящих, рубящих), которые бы могли свидетельствовать об отчленении головы, не обнаружено»<sup>2</sup>.

Но это почти 80 лет спустя.

Отдавая справедливость следователю Н.А. Соколову, надо сказать, что сказок об отсеченных головах он не рассказывал. Однако дух его сочинения такой же. Когда он вел следствие под патронажем генерала Дитерихса, в евреи были зачислены Дидковский, Сафаров, Войков, Сыромолотов, Чуцкаев — почти весь президиум Уральского Совдепа. И действовал он в полном согласии с велениями Кремля.

То, что большевистский ЦК тогда далеко еще не консолидировал власть, да и сам был расколот, в теорию «еврейского заговора» не укладывалось. Между тем, мирный договор с Германией, подписанный в Брест-Литовске, вызвал крупные разногласия на большевистском олимпе. Только угрозой уйти в отставку Ленину удалось утихомирить «левых коммунистов», но он прослыл либералом, что стимулировало своеволие уральцев, болевших той же «левизной в коммунизме».

---

<sup>1</sup> Дитерихс. Указ. соч. С. 273–274.

<sup>2</sup> Царская семья: последние дни. Расстрел. Обретение останков. <http://www.nik@ru/documentnts.htm?id=267>, пункт 13. Компьютерная распечатка в архиве автора. С. 35.

Считая *архиважным* устроить судилище над «Николаем Кровавым», которое, конечно, приговорило бы его к расстрелу, Кремль планировал обменять его детей на своих германских единомышленников Карла Либкнехта и Розу Люксембург, а если не получится, то *продать* их Германии — в погашение огромной контрибуции, которую требовалось выплатить по Брестскому договору. Называлась даже цена выкупа: триста миллионов золотых рублей. Эти далеко идущие планы и поручил Уральский Совдеп в июле 1918-го.

Однако признание за Екатеринбургом какой-то доли самостоятельности подорвало бы версию еврейского заговора, суть которого Дитерихс выразил четкой формулой: «указания изуверов центра в точности выполнены изуверами на месте».

Тут, однако, возникала, казалось бы, непреодолимая трудность. Ведь по этой версии верховным изувером должен считаться глава большевистской власти Владимир Ильич Ульянов-Ленин — потомственный русский дворянин! «Открытие» того, что Ленин «четверть-еврей» (и наполовину калмык, а еще на четверть — разный прочий швед) — приобретение новейшего времени. Ни Соколов, ни Дитерихс, ни Уилтон до этого не додумались. Но нет таких крепостей, какие не могли бы взять adeпты «еврейского заговора». С Лениным они обошлись, как с Белобородовым: отобрали у него первую скрипку. «Ленин не управлял. Советской системой руководили другие люди», уверенно писал Роберт Уилтон<sup>1</sup>. Отдельную главу своей книги он посвятил Янкелю Свердлову, коего изобразил «Красным кайзером».

Для еще большей убедительности «еврейский заговор» подтверждался «каббалистическими знаками» и стихотворными строками «еврейского» поэта Гейне на стене полуподвальной комнаты, где производился расстрел:

Belsazar ward in selbiger Nacht  
Von seinen Knechten umgebracht.

В известном переводе М. Михайлова:

В ту ночь, как теплилась заря,  
Рабы зарезали царя.

---

<sup>1</sup> Wilton. Указ. соч. С. 26.



И эти строки, и непонятные «знаки» обнаружил, сфотографировал и приобщил к делу И.С. Сергеев, но он не придавал им сакрального смысла. Зато под пером Уилтона «знаки» стали «каббалистическими», хотя ни один знаток каббалы не мог их распознать. Скорее всего, эти загогулины были пробой пера перед тем, как была сделана стихотворная надпись. А смысл надписи был перетолкован на противоположный истинному.

Стихотворение Генриха Гейне «Валтасар» написано на сюжет библейского сказания из книги пророка Даниила, относящейся к эпохе вавилонского плена.

В плен большую часть еврейского населения Иудеи увел великий завоеватель Навуходоносор. Однако к пленникам он относился уважительно: не притеснял их, разрешал исповедовать свою веру, почитал Бога Иегову, и Бог был к нему милостив. Иначе повел себя после смерти Навуходоносора его сын Валтасар. Одержимый непомерной гордыней, он надругался над святынями иудеев и бросил вызов самому Иегове, за что тот его покарал.

Таков сюжет библейского сказания, но Гейне, внес в него дополнительный смысл. Валтасар не просто «убит», как сказано у пророка Даниила, а *убит своими рабами*. В стихотворении есть и такие строки:

Хвастливый дух в нем рос. Он пил  
И дерзко божество хулил.  
И чем наглей была хула,  
Тем громче рабская хвала.

Те самые *рабы*, которые подбивали царя на богохульство, прирезали его, как только он стал бессилён!

Мог ли эту надпись на стене сделать кто-то из участников убийства, радующихся тому, что еврейский Бог отомщен? Такое допущение может явиться только в помутненном мозгу юдофоба, который во всем отыскивает тайные еврейские козни. У Диттерихса степень помутнения была такова, что он *забыл*, на каком языке написаны стихи: в его книге сказано, что строки «еврейского поэта» Гейне были написаны на идише. Генерал подзабыл или вовсе не знал, что *немецкий национальный поэт* Гейне писал *по-немецки*, и строки на стене были немецкими. Тот, кто сделал эту надпись, *заклеймил* убийц, а не ликовал вместе с ними.

Кто это мог быть?

Человек этот должен был знать немецкую поэзию и хорошо владеть немецким языком. Эти простые соображения сужали поиск «подозреваемого» до одного лица — австрийского военнопленного Рудольфа Лахера. Он даже оставил свое имя на стене подвала: «Rudolf Lacher Y. T. K. Jager. Trient». Эту подробность сохранил для истории тот же пунктуальный следователь И.С. Сергеев. Кстати, в книге Дитерихса упоминается пленный австриец «Адольф». Это, конечно, он, Рудольф Лахер. В ночь расстрела он, видимо, находился поблизости, слышал выстрелы, может быть, видел, как тела убитых втаскивали в кузов грузовика. Когда подвал опустел, он вошел в него и, под впечатлением увиденного, вспомнил строки Гейне о рабах, убивших поверженного повелителя...

### ФАРС ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ

Убийством Николая II и его семьи завершилась история царского самодержавия, но не история борьбы за российскую корону. Только теперь эта борьба — в силу ее бессмысленности — приобрела гротескную форму. Трагедия стала фарсом. В 1922 году великий князь Кирилл Владимирович, старший из двоюродных братьев Николая II, объявил себя *хранителем* императорского престола, а в 1924-м — императором Всея Руси. Однако большинство родственников царя, сумевших выбраться из России и уцелеть, включая императрицу-мать Марию Федоровну и его двоюродного дядю великого князя Николая Николаевича, восстали против «узурпации» несуществующего трона.

Как старший из двоюродных братьев Николая II, Кирилл Владимирович имел основания стать его наследником, ибо Михаил Александрович Романов и другие Романовы, попавшие в руки большевиков, были уничтожены, как и сам царь. Но выжившие Романовы стали оспаривать легитимность притязаний Кирилла. Указывали на то, что брак с дочерью герцога Эдинбургского, хотя и династический, был заключен с католичкой и против воли государя. Правда, позднее молодая жена приняла православие, стала Викторией Федоровной, после чего царь про-

стил непослушного кузена и вернул его в лоно царствующего дома. Однако эта история давала повод для непризнания его прав. Кириллу Владимировичу припомнили и другие прегрешения, ронявшие «честь и достоинство» царственной особы, такие, как поддержка февральского переворота и «дезертирство» из армии в июле 1917 года. Была создана «Ассоциация семьи Романовых» с целью противостоять притязаниям самопровозглашенного императора.

В пылу борьбы с Владимировичами остальные Романовы упорно отказывались признать сам факт гибели Николая II и его семьи. Когда на Западе объявился следователь Николай Алексеевич Соколов, Романовы не захотели с ним разговаривать. Особенно непреклонной была императрица-мать Мария Федоровна. Она упорно отказывалась верить, что ее Никки уже нет в живых. Поскольку трупов следователь Соколов не нашел, привезенные им доказательства гибели Николая II и его семьи считались не убедительными.

В феврале 1920 года, в Берлине, полицейские спасли молодую женщину, пытавшуюся утопиться. В больницу ее доставили в беспамятстве, никаких документов при ней не было, ни полиция, ни врачи не могли установить, кто она. Придя в себя, неизвестная назвалась великой княжной Анастасией Николаевной Романовой — дочерью Николая II.

Она неплохо знала обстоятельства жизни и смерти царской семьи и хорошо вжилась в принятую роль. Некоторые Романовы — в пику Владимировичам — охотно признали ее истинной Анастасией, и потом эта экспансивная женщина дурачила мир на протяжении десятилетий, озадачивая следственные и судебные органы и экспертов многих стран, пытавшихся разрешить тайну ее происхождения.

Названная Анастасия умерла в 1984 году. Через 10 лет после ее смерти появилась возможность сопоставить строение ее ДНК с ДНК останков царской семьи. Молекулярно-генетическая экспертиза показала, что Анна Андерсен (таково было имя авантюристки) не могла состоять в родстве с Романовыми.

Анна Андерсен была лишь одной из ряда «чудесно спасшихся Анастасий». Но особенно обильным оказался урожай на «чудесно спасшихся» царевичей Алексеев.

Первый из них объявился в столице Колчака Омске еще в 1919 году, где он был предъявлен для опознания учителю царевича Алексея П. Жильяру. Мальчик был очень похож на царевича и так искусно играл свою роль, что доверчивый и простодушный Жильяр чуть было не признал в нем своего воспитанника. Но при жестком допросе в колчаковской охранке мальчика уличили во лжи.

В книге Эдварда Радзинского об убийстве царской семьи вполне серьезно обсуждается версия «чудесного спасения» недобитых Анастасии и Алексея из грузовика, в котором трупы везли хоронить. Впервые рассказанная на страницах весьма популярного *флагмана перестройки* — журнала «Огонек», эта версия вызвала поток читательских писем. Из одного из них автор узнал историю некоего Ф.Г. Семенова, узника сталинских лагерей, доставленного в 1949 году в психбольницу города Петрозаводска, где он и назвался царевичем Алексеем.

Поразителен не бред сумасшедшего, а то, с какой серьезностью к нему относились в постсоветской России. Проверяя полученные сведения, Эдвард Радзинский отыскал в архиве образцы почерка царевича Алексея, а затем просил Институт криминологии Академии Наук сопоставить его с почерком больного Ф.Г. Семенова, благо после него тоже осталось какое-то письмо. Почерки оказались разными. Тем не менее, вопрос о том, был ли Ф.Г. Семенов царевичем Алексеем или не был, автор книги оставил открытым<sup>1</sup>.

Пожалуй, наиболее примечательна история учителя географии Василия Ксенофонтовича Филатова, рассказанная тремя солидными учеными. В их книге, изданной в переводе на английский язык нью-йоркским издательством «Эйбрамс», проанализирована огромная литература, прямо или косвенно касающаяся гибели царской семьи, включая многие малодоступные публикации, архивные документы, многочисленные фотографии. Все источники тщательно сопоставлены и подвергнуты строгому научному анализу. Подсчитано число пуль, выпущенных расстрельной командой в узников Дома Особого Назначения, подвергнуты анализу пули, которые были обнаружены след-

---

<sup>1</sup> Эдвард Радзинский. «Господи...спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть, New York, Liberty Publishing House, 1993.

ствием, уточнено оружие, из которого стреляли убийцы, и все это сопоставлено с сохранившимися свидетельствами Юровского, Никулина, Медведева (Кудрина) и других убийц. Отмечены бесчисленные противоречия в этих свидетельствах, вызванные ошибками памяти, либо намеренными или ненамеренными умолчаниями. Заново прослежен и нанесен на карту маршрут грузовика, в котором вывозили тела казненных, отмечены все его возможные остановки, вызванные плохим состоянием дороги или другими причинами. Все это изложено в первой половине книги с большой тщательностью и основательностью — на уровне самых высоких стандартов научного исследования. За исключением, может быть, одной небольшой передержки.

Авторы многократно подчеркивают, что трупы не были освидетельствованы врачом, из чего заключают, что факт смерти всех расстрелянных не был удостоверен профессионалом. О том, что начальник расстрельной команды Яков Юровский был фельдшером и особо оговаривал, что перед погрузкой тел в грузовик лично проверил и удостоверил, что все они мертвы, авторы умолчали. Признавая большую достоверность отчетов и воспоминаний Юровского, авторы в то же время не верят его утверждению, что два трупа были сожжены, и потому в общей могиле было зарыто девять трупов из одиннадцати. По их версии, повторяющей версию Э. Радзинского, двое расстрелянных могли бежать во время одной из остановок грузовика. Если так, то для Юровского и его команды это был бы непозволительный «брак» в работе, так что у них были причины его скрывать.

Чтобы сделать такую версию мало-мальски правдоподобной, авторы пускают в ход весь арсенал современной науки, в частности, доказывают, что на открытом воздухе трупы вообще не горят. Они также пытаются «научно» объяснить, как предположительно недобитый, но изрешеченный пулями царевич Алексей мог не истечь кровью и выжить, хотя с рождения страдал гемофилией и тяжело заболел при малейшем ушибе.

Все это сделано лишь для того, чтобы во второй половине книги рассказать историю жизни провинциального учителя географии Василия Ксенофонтовича Филатова, который от рождения был хромым, поздно женился, о своем прошлом говорить не любил даже самым близким людям, на расспросы отвечал инсказательно. Учитель умер в 1988 году. И вот после его смерти,

анализируя задним умом то, что он рассказывал о себе, его дети пришли к заключению, что их отец был вовсе не Василием Ксенофонтовичем Филатовым, а чудесно спасшимся царевичем Алексеем Николаевичем Романовым. Авторы книги с доверием отнеслись к версии названных внуков Николая II и понесли эту благую весть городу и миру<sup>1</sup>.

Будучи серьезными учеными, авторы признают, что их версия недоказуема, но прилагают невероятные усилия, чтобы сделать ее правдоподобной.

А в 2016 году вихрем пронеслась по российским СМИ еще одна сенсация. Кто-то вдруг вспомнил о «сталинском наркоме» Алексее Николаевиче Косыгине. После снятия Хрущева Косыгин возглавил правительство, с его именем связывали намечавшийся частичный перевод экономики «на рыночные рельсы», в нем многие видели альтернативу генсеку Л.И. Брежневу. В подковой борьбе на кремлевском Олимпе Брежнев взял верх, попытки оживить экономику провалились, Косыгин утратил влияние. Умер в декабре 1980 года и вскоре был основательно забыт. И вдруг ожил в новом качестве. В нем признали чудесно спавшегося царевича Алексея: ведь того тоже звали Алексеем Николаевичем!

Какие-то ясновидцы сопоставили ушные раковины на фотографиях двух Алексеев и установили их полное сходство. Оказывается, и Сталин, который благоволил к молодому *Косыге*, называл его «царевичем» и продвигал вверх, потому что приходился ему двоюродным дядей (!), а самому царю Николаю — двоюродным братом (!!).

Если *Косыгу* (как и В.К. Филатова) сделали престолонаследником уже после его смерти, то глава общества «Память» Дмитрий Васильев претендовал на эту роль при жизни. Сыном Николая II он не мог быть по возрасту, зато сыном «чудесно спавшегося» царевича Алексея, — вполне! Говорил он об этом не прямо, но намеки делал прозрачные, чем приводил в восторг многотысячные аудитории своих красно-коричневых почитателей<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Vadim Petrov, Igor Lysenko, Georgy Egorov with Never-Before-Published Personal Reminiscences by the Family of Vasily Filatov. *The Escape of Alexei, son of the Tsar Nicholas II*, Harry N. Abrams, Inc., Publishers, N. Y., 1998.

<sup>2</sup> Резник С. Красное и коричневое: книга о советском нацизме. Вашингтон, «Вызов», 1992, Глава 7: Говорит Дмитрий Васильев. С. 190–215.

Как мы видели, русская история густо заселена самозванцами. Может быть, это вызвано не только тем, что самозванщина была одним из способов борьбы за власть. Однако, основная причина обильного урожая на «чудесно спасшихся» Алексеев и Анастасий мне видится в том варварстве, с каким большевики учинили расправу над царской семьей. Элементарное чувство справедливости восстает против того, чтобы такое жестокое злодеяние могло в полной мере удался. Стойкости мифов и легенд способствовало и то, что большевики окутали происшествие плотным слоем таинственности и лжи.

Расправа над царской семьей покончила с царским самодержавием, но не с российским деспотизмом. Он принял иную, гораздо более тотальную форму. Самовластие партийных вождей сомкнулось с самовластием бунтующей черни, аракчеевщина с пугачевщиной. Жестокая борьба за власть на большевистском Олимпе — это лишь продолжение того, что происходило на вершинах власти в царской России. Но эта тема за пределами нашего повествования.

## ЦАРСКИЕ ОСТАНКИ

Кремлевские власти скупно повторили трусливую ложь Уральского Совдепа, то есть официально подтвердили, что «Николай Кровавый» казнен, а его семья переведена в «надежное место». Позднее признали и то, что вместе с царем были убиты члены его семьи.

Подробности злодеяния не афишировались, но и не очень скрывались.

В 1921 году, к четырехлетию «Великого Октября», в Свердловске был издан сборник «Рабочая революция на Урале». Одна из статей называлась «Последние дни последнего царя». Автор, Павел Михайлович Быков, был одним из самых значительных революционных деятелей на Урале, основателем и первым главой Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов, уступивший этот пост Белобородову. Сборник вышел огромным по тем временам тиражом, 10 тысяч экземпляров. Большевистские власти Урала придавали ему большое значение.

А.Н. Соколов, продолжавший в эмиграции расследование царевубийства, нашел статью Быкова полезной для себя, хотя и

крайне тенденциозной, в чем был безусловно прав. Однако, при всей ее тенденциозности, статья Быкова содержала подробности, которые «не украшали» кровавую оргию, учиненную советской властью над царем и его семьей. Сборник вскоре был изъят из обращения и запрещен.

В 1926 году тот же П.М. Быков выпустил книгу «Последние дни Романовых». На этот раз она была написана по заданию Кремля, как альтернатива книге А.Н. Соколова, вышедшей годом раньше на Западе, где она имел заметный резонанс. В книге Быкова с циничным торжеством рассказывалось не только о расстреле Николая II и других обитателей Дома Особого Назначения, но и о столь же гнусной расправе над Михаилом и другими Романовыми, попавшими в руки большевиков. То был «наш ответ Керзону».

*«Своей победной над последними защитниками монархизма трудящиеся России еще глубже вогнали кол в могилу династии Романовых, и какие бы меры не предпринимали оставшиеся в живых охвостья этого дома заграницей, покойника из могилы не вернуть»<sup>1</sup>.*

Таков стиль и пафос этого произведения.

В январе 1928 года пролетарский поэт Владимир Маяковский, посетив Свердловск (бывший и будущий Екатеринбург), захотел побывать на месте захоронения царской семьи. Председатель областного совета А.И. Парамонов не был прямым участником убийства или захоронения, но место знал и с готовностью проводил туда столичного поэта.

Специалисты отмечают, что в стихотворении В. Маяковского «Император» место захоронения царя описано с документальной точностью. Допущена лишь одна поэтическая вольность: вместо берез, на которых были оставлены зарубки, у него фигурируют кедры, коих в Поросячем Логе никогда не росло.

В черновом варианте стихотворения высказывалось некоторое сочувствие к беззащитным жертвам:

---

<sup>1</sup> Быков П.М. Последние дни Романовых / Под ред. и с предисл. А. Тяньева. Свердловск: Уралкнига, 1926. 130 с., ил.



Я вскину две моих пятерни  
Я сразу вскину две пятерни  
Что я голосую против  
Я голосую против  
Спросите руку твою протяни  
казнить или нет человечьи дни  
не встать мне на повороте  
Живые так можно в зверинец их  
Промежду гиеной и волком  
И как ни крошечен толк от живых  
от мертвого меньше толку  
Мы повернули истории бег  
Старье навсегда провожайте  
Коммунист и человек  
Не может быть кровожаден.

Но это — в черновике. В опубликованном тексте нет ни тени сочувствия к убиенным. Одно лишь глумление.

### **Император**

Помню —  
    то ли пасха,  
то ли —  
    рождество:  
вымыто  
    и сухо  
расчищено торжество.  
По Тверской  
    шпалерами  
    стоят рядовые,  
перед рядовыми —  
    пристава.  
Приставов  
    глазами  
    едят городовые:  
— Ваше благородие,  
    арестовать? —  
Крутит  
    полицмейстер  
    за уши ус.  
Пристав козыряет:  
    — Слушаюсь! —

И вижу —  
        катится ландо,  
и в этой вот ланде  
сидит  
        военный молодой  
в холёной бороде.  
Перед ним,  
        как чурки,  
четыре дочурки.  
И на спинах бульжных,  
        как на наших горбах,  
свита  
        за ним  
        в орлах и в гербах.  
И раззвонившие колокола  
расплылись  
        в дамском писке:  
Уррра!  
        Царь-государь Николай,  
император  
        и самодержец всероссийский!

Снег заносит  
        косые кровельки,  
серебрит  
        телеграфную сеть,  
он схватился  
        за холод проволоки  
и остался  
        на ней  
        висеть.  
На всю Сибирь,  
        на весь Урал  
метельная мура.  
За Исетью,  
где шахты и кручи,  
за Исетью,  
        где ветер свистел,  
приумолк  
        исполкомовский кучер  
и встал  
        на девятой версте.  
Вселенную  
        снегом заволокло.

Ни зги не видать —  
        как на зло.  
И только  
        следы  
        от брюха волков  
по следу  
        диких козлов.  
Шесть пудов  
        (для веса ровного!),  
будто правит  
        кедров полком он,  
снег хрустит  
        под Парамоновым,  
председателем  
        исполкома.  
Распахнулся весь,  
роют  
        снег  
        пимы.  
— Будто было здесь?!  
Нет, не здесь.  
        Мимо! —  
Здесь кедр  
        топором перетроган,  
зарубки  
        под корень коры,  
у корня,  
        под кедром,  
        дорога,  
а в ней —  
        император зарыт.  
Лишь тучи  
        флагами плавают,  
да в тучах  
        птичьё враньё,  
крикливое и одноглавое,  
ругается вороньё.  
  
Прельщают  
        многих  
        короны лучи.  
Пожалте,  
        дворяне и шляхта,

корону  
можно  
у нас получить,  
но только  
вместе с шахтой.

Вирши были опубликованы в апрельском номере журнала «Красная новь» того же 1928 года. По мнению литературоведа Олега Лекманова, то был отклик на Шахтинское дело: театрализованное судилище над мнимыми вредителями — горными инженерами Донбасса. Они якобы устроили заговор против советской власти, дабы возвести на престол нового царя, а шахты вернуть бывшим владельцам. Им и предназначалась издательская концовка: *Пожалте /дворяне и шляхта, / корону/ можно / у нас получить, / но только / вместе с шахтой.*<sup>1</sup>

Кажется, это был единственный отзвук «царского дела» в советской художественной литературе.

Не только из-за тотальной цензуры.

К убийству царя и его родичей не было интереса — ни у писателей, ни у читателей.

С годами все, кто был причастен к царубийству, отошли в мир иной. Некоторые были расстреляны или сгинули в тюрьмах и лагерях, другие умерли своей смертью. В начале 1964 года умер М.А. Медведев (Кудрин). Перед смертью он просил сына передать в ЦК партии его воспоминания и преподнести первому секретарю ЦК Н.С. Хрущеву реликвию: браунинг, из которого был убит Николай II. До конца жизни М.А. Медведев был уверен, что царя застрелил именно он.

Выполняя волю отца, его сын М.М. Медведев послал письмо Хрущеву. Он предлагал «разыскать место захоронения Николая II, его семьи и слуг... перезахоронить останки в Петропавловском Соборе, тем самым дать возможность наладить контакты с русской эмигрантской общественностью»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Олег Лекманов. Последний император, «Знамя», 2014, № 2. Трупы расстрелянных в доме Ипатьева были первоначально сброшены в шахту, об этом ниже.

<sup>2</sup> Цит. по: Лыкова Л.А. Следствие об убийстве императорской семьи. С. 34; Розанова Н. Указ. соч. С. 197–198.

Хрущева идея заинтересовала. Он наложил резолюцию: изучить обстоятельства расстрела и определить место захоронения царя и его семьи. С этой резолюцией письмо легло на стол А.Н. Яковлева, будущего «архитектора перестройки и гласности», а в то время — сотрудника Отдела пропаганды ЦК партии.

М.М. Медведев указал Яковлеву на двух еще живых участников тех драматических событий: Г.П. Никулина и И.И. Родзинского. Никулин мог рассказать о расстреле, но в погребении он не участвовал. Родзинский участвовал в погребении, но на старости лет мало что помнил.

В октябре 1964 года, когда Хрущева отстранили от власти, проблема для Яковлева стала неактуальной. Закрывая дело, он подвел итог: «считаю, что искать и вскрывать могилу не вызывается необходимостью».

По мере того, как в обществе иссякали надежды на реформирование коммунистического режима, стал расти интерес к судьбе последнего царя. Дом Особого Назначения — в нем много лет размещался областной партийный архив — стал местом паломничества.

Каждый приезжавший в Свердловск хотел там побывать. Власти обеспокоились. В 1977 году, по указанию из Москвы и по приказу Первого секретаря Свердловского обкома Б.Н. Ельцина, Ипатьевский дом снесли и сравняли с землей.

Но интерес к судьбе царской семьи продолжал нарастать.

...Гелий Трофимович Рябов был известным прозаиком и сценаристом. Большим успехом пользовался его роман (в соавторстве с А. Нагорным) «Повесть об уголовном розыске». В нем рассказывалось о подвигах «народной милиции, созданной Великим Октябрем». Действие начиналось в 1917 году и охватывало несколько десятилетий. По роману был поставлен телевизионный сериал «Рожденная революцией» (10 серий). Он много раз транслировался по телевидению, был удостоен Государственной премии. Министр внутренних дел Н.А. Щёлоков сделал Гелия Рябова своим консультантом по печати и кино. В одном из разговоров с ним Щёлоков упомянул о том, как однажды, будучи в Свердловске, посетил дом Ипатьева, чтобы «постоять на том месте, где упали Романовы»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Рябов Г. Как это было. Романовы: Сокрытие тел, поиск, последствия. М., 1998. С. 23. Цит. по: Розанова Н. Указ. соч. С. 164.

Интересы главы МВД Щёлокова были широки и нетривиальны. Он дружил с Мстиславом Ростроповичем и Галиной Вишневской. Если верить Википедии, Щёлоков покровительствовал опальному А.И. Солженицыну и даже направил в Политбюро записку, в которой ратовал за публикацию его романа «Раковый корпус», запрещенного цензурой; помогал писателю в сборе материала для «Августа 1914». У Щёлокова часто бывал скандально знаменитый живописец национал-патриотического толка Илья Глазунов; он, между прочим, подарил министру книгу-фотоальбом о царской семье, которую привез из Англии.

Я был далек от этой среды, но и мне довелось узнать о нетривиальных интересах главы МВД — от одной приятельницы-юристки, имевшей знакомства в самых неожиданных для меня кругах. Как-то она спросила, не могу ли я достать книги А.С. Шмакова. Я был поражен уже тем, что ей известно это имя. Шмаков умер в 1918 году, до этого был одним из ведущих идеологов черной сотни. Он разоблачал «жидо-масонский заговор против тронов и алтарей», был гражданским истцом на процессе Бейлиса. В каталогах советских библиотек книги Шмакова не значились: либо их там не было, либо они были упрятаны в спецхран. Я спросил, зачем ей понадобились сочинения Шмакова, и услышал в ответ: «Да это не мне! Щёлоков их ищет для своей библиотеки».

В Свердловске Гелий Рябов, при содействии городского управления милиции, посетил дом Ипатьева. Но этим не ограничился. Познакомившись с местным краеведом Александром Николаевичем Авдониным, геологом по образованию, Рябов предложил ему совместно заняться поисками останков царской семьи. Авдону идея показалась дикой, затея донкихотской и далеко не безопасной. Он решительно отказался участвовать... Потом стал колебаться... Потом согласился!..

«Был скреплен клятвой, данной друг другу и перед совестью, тайный союз. Началась поисковая работа. Как драматург, собирающий материалы для фильма, Гелий Рябов обратился к министру Щёлокову за разрешением попасть в спецхран — учреждение, доступное только для посвященных»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Розанова Н. Указ. соч. С. 168.

Щёлоков знал, для чего понадобились Гелию Рябову допуск к суперсекретным архивам. Пробить их было непросто даже для шефа МВД. Так, во всяком случае, он говорил своей дочери: «Гелий даже не представляет, чего мне стоило достать эти пропуски в архивы»<sup>1</sup>. Но он их достал.

Знакомясь с секретными материалами, Рябов обратил особое внимание на записку Я.М. Юровского, которая была написана по просьбе ведущего историка-марксиста М.Н. Покровского. (Говоря точнее, Покровский написал ее своей рукой со слов Юровского, который затем поправил неточности в машинописном экземпляре.) В ней детально сообщалось о захоронении царской семьи и описывалось место захоронения — с указанием ориентиров для его опознания. У сына Я.М. Юровского, на которого Рябов вышел тоже при молчаливом содействии Щёлокова, имелась копия той записки. Рябов снял копию для себя и смог детально ее изучить.

Современному читателю почти невозможно понять, почему преуспевающий московский литератор и сценарист, сделавший впечатляющую карьеру на воспевании подвигов советской милиции, и вполне благополучный свердловчанин-геолог занялись столь рискованным делом. Еще труднее понять негласное содействие Н.А. Щёлокова — министра внутренних дел, генерала армии, члена ЦК КПСС, осыпанного наградами и привилегиями. Тем, кто жил в то время, понять это тоже непросто, но все-таки легче. Характерной особенностью эпохи было *двоемыслие*. Оно было разлито в воздухе — им дышала не только интеллигенция, но и партийная номенклатура. Говорили одно, думали другое, делали третье, на душе лежало четвертое...

Утром 1 июля 1979 года, взяв на подмогу своих жен и двух друзей, Геннадия Васильева и Владислава Песоцкого, Рябов и Авдонин явились в Поросенков Лог. Вблизи железнодорожного переезда 184 они разыскали тот самый мосток из шпал, от коего уже почти ничего не осталось. Стали раскапывать хлипкую болотистую почву. И почти сразу наткнулись на что-то твердое. Думали, какая-то железяка, а выгнали тазобедренную кость человека...

---

<sup>1</sup> Цит. по: Розанова, Н. Указ. соч. С. 205. Автор указывает, что «Воспоминания об отце» И.Н. Щелоковой хранятся в ее личном архиве.

Все, конечно, были сильно взволнованы, но радость ожидаемого и все же неожиданного открытия тут же была перекрыта страхом.

«Мы все испугались, — вспоминал Г.Т. Рябов. — Кто-то обнаружил испуг непосредственно, по-детски немного. Кто-то холодел внутри. Всё по Блаженному Августину: мгновение назад мы были законопослушные советские люди (это прошлое), сейчас мы — с точки зрения Лубянки — враги пролетарского (кажется, уже общенародного?) государства. Это тягостный миг незримой линии между прошлым и будущим. Что-то нас ожидает в этом будущем?»<sup>1</sup>.

Выкопали еще несколько костей, черепов. Все тщательно осмотрели. В. Песоцкий, отличный фотограф, сделал множество снимков...

Гелий Рябов привез в Москву три черепа и обратился к знакомым криминалистам, прося провести научную экспертизу, чтобы удостоверить их принадлежность. Узнав, откуда эти черепа, спецы шарахались от него, как от прокаженного. Обратиться за помощью к Щёлокову Гелий не решился и пребывал в наивной уверенности, что тот ни о чем не подозревает.

Щёлоков все знал, но помочь не мог. Дочери сказал: «Это совершенно невозможно! Он плохо понимает, что делает, если об этом узнают, — ему головы не сносить»<sup>2</sup>. Через третьих лиц, дабы самому не засветиться, он дал понять Гелию Рябову, что ему следует, говоря словами Владимира Высоцкого, «лечь на дно, как подводная лодка, чтоб не могли запеленговать».

Щёлоков был из днепропетровской «мафии» Л.И. Брежнева, с ним и поднялся на Олимп власти. Он очень заботился об «имидже» своего ведомства и всячески старался поднимать авторитет милиции. Потому покровительствовал таким литераторам и кино-теледеятелям, как Гелий Рябов. При поощрении и содействии Щёлокова фильмы и телесериалы о доблестях советской милиции не сходили с экранов.

Оборотной стороной проводимой им линии было замалчивание злоупотреблений милиции. Жалобы прятались под сукно,

---

<sup>1</sup> Рябов Г. Как это было. С. 70. Цит. по: Розанова. Указ. соч. С. 207–208.

<sup>2</sup> Розанова Н. Указ. соч. С. 209–210.



скандалы заминались, расследованию преступлений милиции чинились препятствия, чем вольно или невольно поощрялись ее незаконные действия.

За несколько дней до Нового 1980 года группа блюстителей порядка, на одной из конечных станций московского метро, отдубасила и обобрала подвыпившего мужчину, задремавшего в поезде и проехавшего свою остановку. Потерпевшим оказался майор КГБ В.В. Афанасьев.

Милиции было строго запрещено задерживать сотрудников КГБ. Когда Афанасьев показал избившим его блюстителям порядка свою ксиву и пригрозил, что «это дело так не оставит», они запаниковали...

Труп Афанасьева был найден на следующее утро далеко за городом, на обочине дороги.

Расследованием убийства своего сотрудника занялся сам КГБ, а милиция делала все, чтобы преступление не было раскрыто. Нашла коса на камень. Следствие длилось два года, но в конце концов преступники были изобличены. А с ними и те, кто им покровительствовал.

После смерти Брежнева генеральным секретарем стал недавний глава КГБ Юрий Андропов. 17 декабря 1982 года Щёлоков был снят с министерского поста. Новый глава МВД В.В. Федорчук стал раскрывать злоупотребления, творившиеся при его предшественнике. Сотни высокопоставленных чинов милиции были уволены, многие оказались за решеткой. Щёлокова вывели из ЦК партии, потом лишили звания генерала армии, героя труда, орденов... В феврале 1983-го его жена Светлана Владимировна покончила с собой. 13 декабря 1984 года, после того, как его исключили из партии, Щёлоков выстрелил себе в голову из охотничьего ружья. Мозги разлетелись по комнате. За три дня до рокового выстрела он послал письмо генсеку Черненко (Андропова уже не было в живых), в котором писал, что законов не нарушал, и просил пощадить детей...

## **«РУСОФОБИЯ» И ЮДОФОБИЯ ИГОРЯ ШАФАРЕВИЧА**

Игорь Ростиславович Шафаревич рос вундеркиндом. Еще школьником он перечитал массу литературы по высшей матема-

тике, а затем явился в Московский университет с просьбой его проэкзаменовать. В 17 лет он был принят на последний курс университета, через год его окончил. В 20 лет он уже читал лекции и вел семинары, хотя был младше своих студентов. С годами его математический талант расцвел во всю мощь. Он внес крупный вклад в сложнейшие области математики, создал свою научную школу, стал членом-корреспондентом Академии Наук, членом ведущих академий мира: Американской, Лондонского королевского общества, Германской академии Леопольдина, ряда других.

Шафаревич не мог мириться с коммунистической системой власти и в 70-е годы оказался в числе ведущих диссидентов. Репутация ученого с мировым именем защищала его «от тюрьмы и от сумы», но от преподавательской деятельности его отстранили, не продвигали в академики, хотя по научному весу он этого заслуживал, пакостили, как могли.

Но среди диссидентов Шафаревич тоже вскоре стал диссидентом. Если большинство из них ориентировалось на западные ценности демократии, гражданских свобод и свободного предпринимательства, то для Шафаревича светлое будущее России лежало в ее самодержавно-православном прошлом. По его мнению, сближение с Западом могло только «разжижить» национальную самобытность России, ей это противопоказано. Толкает же ее на гибельный путь небольшая группа интеллигентов, в которой доминируют евреи.

По Шафаревичу, «малый народ», как он назвал такую интеллигенцию, не понимает чаяний «большого народа», не уважает его традиций и самобытной культуры, считает его быдлом, пригодным только на то, чтобы служить материалом для безответственных социальных экспериментов.

Свой главный труд — под названием «Русофобия» — Шафаревич закончил в 1982 году. Опубликовать его было невозможно, и даже в самиздат автор решился его запустить лишь через несколько лет, когда в воздухе запахло горбачевской гласностью и либерализмом. К 1989 году гласность зашла уже так далеко, что «Русофобия» появилась на страницах журнала «Наш современник».

Нам нет нужды касаться всех аспектов этой работы. На Западе она поставила недавнего диссидента вне цивилизованного общества. Президент и секретарь Американской академии наук

направили Шафаревичу письмо с просьбой выйти из ее состава, так как, по уставу, исключен из нее никто быть не может. Шафаревич стал первым американским академиком, получившим такой пинок!

Зато для российских национал-патриотов Шафаревич и его «Русофобия» оказались находкой. В их лагере не было людей со столь высокой репутацией и такого произведения, в котором бы столь ясно, и в то же время сдержанно, почти академично излагалась *наука ненависти* к евреям. Шафаревич был введен в редколлегию «Нашего современника» и ряда других изданий, стал раздавать интервью, часто появлялся на телевизионном экране, словом в одночасье стал знаменитостью, словно звезда рок-н-ролла или спортсмен, выигравший десяток олимпийских медалей.

В контексте нашего повествования интерес представляют всего несколько строк из «Русофобии»:

«Николай II был расстрелян именно как Царь, этим *ритуальным актом* (курсив мой — С.Р.) подводилась черта под многовековой эпохой русской истории... Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в Царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбард), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голошкекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двестише из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это»<sup>1</sup>.

К этому месту автор делает примечание, которое тоже нельзя обойти:

«Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаем из нее, что на стенах дома, где произошел расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!»

---

<sup>1</sup> И.Р. Шафаревич. Сочинения в трех томах. Т.2, Москва, «Феникс», 1994. С. 145.

На какую книгу двух журналистов ссылается Шафаревич, установить невозможно, так как не названы ни имена авторов, ни ее название. А откуда пошла сказка о «надписях на идиш», мы уже знаем. Будучи грамотнее генерала Дитерихса, Шафаревич его «отредактировал»: стихи Гейне, конечно, написаны по-немецки, зато *другие* надписи — на идише! Отредактировано и превращение А.Г. Белобородова в Вайсбарда. Эта остроумная находка принадлежит американскому профессору российского происхождения П. Пагануцци. В книге «Правда об убийстве царской семьи» биографическую справку о Белобородове он начинает так:

«Александр Григорьевич Белобородов (Вайсбард?), 27 лет»<sup>1</sup>.

В том, что здесь перевернуто отчество Белобородова (*Григорьевич* вместо *Георгиевича*), беда невелика; но, снабдив вопросительным знаком еврейский перевод его фамилии, Пагануцци допустил nepозволительный оппортунизм. Шафаревич редакторским карандашом удалил неуместный крючок.

Столь же неколебимо Шафаревич уверен в том, что царя *ритуально* застрелил еврей Юровский. На этом ведь настаивал сам убийца. То, что у него было минимум два конкурента, М.А.Медведев (Кудрин) и П.З. Ермаков, Шафаревича не смущало. И так, *ритуальный акт*. Слово произнесено! Кровавому навету придано новое измерение. Освободив миф о ритуальных убийствах от средневековых нелепостей, Игорь Шафаревич его радикально модернизировал. Если расстрел царя — это *ритуальный акт*, то любое убийство или только предполагаемое убийство, к которому причастны или только могли бы быть причастны какие-то евреи, или «масоны», или просто интеллигенты, подпадающие под понятие «малый народ», — может быть объявлено *еврейским ритуальным жертвоприношением*.

## ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Но вернемся к Гелию Рябову и его друзьям.

7 июня 1980 года, всё извлеченное ими из захоронения в Поросьячем Логу было туда возвращено.

---

<sup>1</sup> Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Св.-Троицкий монастырь, Джорданвилль, Н. И., 1981. С. 62.

Чего ждать от будущего никто не знал. Жить, неся в душе тайну, которой ни с кем нельзя поделиться, становилось все тяжелее. Внутри маленькой группы посвященных начались трения. В КГБ поступил донос на Гелия Рябова: он-де «в антисоветских целях» разыскивает останки царской семьи. Донос написала... его собственная жена! Хода ему, к счастью, не дали.

Но ушли в мир иной Брежнев, Андропов, Черненко... Генсеком стал М.С. Горбачев. Началась эпоха перестройки и гласности. Мало кто верил, что это всерьез и надолго. Но гласность набирала обороты...

В 1989 году, после десяти лет молчания, Гелий Рябов решил, что настала пора сообщить *городу и миру* о царских останках. Его *соучастники* готовы к этому не были. Характерен крутой разговор между Рябовым и Авдониным:

— Пока в нашем концлагере приоткрыли форточку, об этом нужно сказать!

— Гелий, я прошу тебя, меня нигде не поминай: у меня на повестке дня защита диссертации, а жена работает в высшей партшколе!

Газета «Московские новости» напечатала интервью с Гелием Тимофеевичем Рябовым. Рассказав о том, как были найдены останки расстрелянной царской семьи, своими соучастниками он назвал безымянных «помощников с Урала»<sup>1</sup>.

Негативных последствий для первооткрывателей захоронения не было, но широкая огласка привела к тому, что угроза нависла над самим захоронением. Останки надо было изъять, перевезти в надежное место, исследовать строго научными методами. Для этого требовалось привлечь специалистов и немалые денежные средства. Как все это организовать?

Авдонин, раскрыв свое инкогнито, обратился за поддержкой к главе областного совета Свердловской области Э. Росселю, а Рябов — к главе Кемеровской области А.Г. Тулееву. Оба согласились помочь, но каждая сторона ставила условия, неприемлемые для другой стороны. Рябов настаивал на том, чтобы при официальном вскрытии захоронения присутствовали представители прессы и церковные деятели. Другие участники операции этого не хотели. Дабы останки не были повреждены при из-

---

<sup>1</sup> Розанова Н. Указ. соч. С. 220.

влечении, Рябов настаивал на том, чтобы весь могильник был заморожен и вынут целиком в виде «саркофага». Выполнить это требование было сложно и дорого, а привлеченные к делу специалисты считали такие предосторожности излишними.

Перетягивание каната длилось два года. 11 июня 1991-го останки царской семьи, то есть пока только «екатеринбургские останки», были извлечены из захоронения.

Наконец-то за дело смогли взяться профессионалы. Археологи и судебно-медицинские эксперты, историки и архивисты, математики и биологи, дантисты и генетики.

Но теперь началось перетягивание каната между Екатеринбургом и Москвой. Как в 1918 году столица Красного Урала отказывалась уступить царскую семью Москве, так в начале 90-х Екатеринбург отказывался уступить ее прах.

Участники исследований разделились на два враждующих клана. Сторонники Екатеринбурга уличали в ошибках, методических просчетах, недостаточной компетенции и неэтичном поведении сторонников Москвы, а те, соответственно, наоборот.

Однако в обеих группах работали специалисты мирового класса. Первоначальные предположения Рябова и Авдонина были многократно перепроверены и уточнены многими разными методами: от судебно-медицинских и молекулярно-генетических до математико-статистических. Прежде всего, оказалось, что в захоронении покоилось девять трупов — из одиннадцати расстрелянных, а из записок Юровского следовало, что два трупа были сожжены, так что арифметика сходилась. Трудно предположить, что на том самом месте, которое точно указывалось в Записке Юровского, как место захоронения царя, его семьи и слуг, были зарыты *другие* трупы, и их тоже оказалось девять. Вероятность такого совпадения не равна нулю, но очень невелика.

Более углубленными анатомическими исследованиями было установлено, что четыре женских скелета (№ 3, 5, 6, 7) сходны между собой по ряду ключевых анатомических признаков, что говорило об их близком родстве. Возраст одного из скелетов был определен в 45–50 лет, три других принадлежали примерно двадцатилетним. Мужской труп № 4 тоже был родственником трем молодым женщинам. Снова все сходилось: три царских дочери, их мать и отец.

Ну а как остальные четыре скелета — три мужских и один женский? Ни один из них в родстве с пятью остальными не состоял. Именно это было известно о четырех лицах, расстрелянных вместе с царем, то есть о докторе Боткине, фрейлине Демидовой, поваре Харитонове, камердинере Труппе. Вероятность того, что найдены останки царской семьи, а не какие-то другие, приблизилась к 99 процентам.

Однако красно-коричневые ритуалисты использовали каждое мелкое разногласие или сомнение кого-то из специалистов, чтобы снова и снова внедрять в сознание обывателей *ритуальную* отраву.

Как писала в 1994 году публицистка «Известий» Элла Максимова, «параллельно с работой в лабораториях и архивах шло нагнетание страстей в прессе и эфире. В выступлениях ученых и неученых мужей нет новых фактов, находок, состоят они преимущественно из вопросов, рассчитанных на вселение в граждан подозрений. Что говорить, сам институт судебного следствия у нас скомпрометирован, а фальсификация истории вошла в набор типовых принципов власти. Но какая корысть усматривается в деле о царских останках? Не подпитывают ли гласы общественности совсем иные мотивы? Неутоленное честолюбие, обида — почему меня, тоже специалиста, не позвали, обошли? Или мракобесные слухи о заспиртованных головах Романовых в кремлевских тайниках? Поступили ведь к [прокурору Генеральной прокуратуры В.Н.] Соловьеву и такие заявления, да на официальных бланках с печатями»<sup>1</sup>.

Что же это за официальные бланки? Журналистка оборвала себя на полуслове. Не вытравленная с советских времен привычка к умолчаниям, дабы не пугать цензуру. Государственной цензуры давно уже не было, но живым оставался внутренний цензор!

Однако договорить недосказанное Э. Максимовой было не трудно. Очень и очень многие лица и организации «национал-патриотического» толка использовали понятный общественный интерес к «царскому делу» для нагнетания антисемитских мифов.

---

<sup>1</sup>«Известия», 1994, 6 апреля.

С 1992 года расследование проводилось под общим руководством прокурора генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьева. Для генетической экспертизы, которая была наиболее важной и доказательной, Соловьев привлек доктора биологических наук Павла Леонидовича Иванова — одного из наиболее авторитетных в России генетиков-криминалистов.

Из официальной биографической справки можно узнать, что профессор и доктор биологических наук П.Л. Иванов — судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории, один из основоположников и ведущих специалистов в области судебно-медицинской идентификации личности, установления биологического родства и т.п. В 1988 г. он — впервые в России — провел экспертизу по идентификации личности молекулярно-генетическими методами, после чего эти методы вошли в практику следственной работы. Им проведено более тысячи молекулярно-генетических экспертиз по установлению личности преступника, определению родства, установлению отцовства и материнства, фактов подмены детей, идентификации неопознанных останков. Он удостоен многими премиями и наградами «за фундаментальный вклад в разработку методов молекулярно генетической индивидуализации человека».

Иванов привлек ряд других ученых — не только российских. Генетические исследования останков царской семьи проводились в ведущих лабораториях Великобритании, США, Канады.

Чтобы *предполагаемая* принадлежность «екатеринбургских останков» царю, его жене и дочерям превратилась в действительную, требовалось сопоставить их ДНК с генетическим материалом их ближайших сородичей. Романовы и представители королевских династий сперва насторожено отнеслись к просьбам предоставить образцы крови или другой генетический материал. Но, убедившись в том, что идентификация останков производится честно, согласились.

Образцы ДНК предполагаемой царицы Александры Федоровны (скелет № 3) и трех ее дочерей (№№ 5,6,7) были сопоставлены с генетическим материалом внучатного племянника царицы принца Филиппа (герцога Эдинбургского) — внука родной сестры Александры Федоровны. Родство было подтверждено почти со стопроцентной вероятностью. Неясность оставалось только в отношении самой младшей из захороненных дочерей:



была ли это 19-летняя Мария (если так, то сожжена вместе с Алексеем была Анастасия), или то была 17-летняя Анастасия (а сожжена Мария).

Сложнее оказалось с мужским скелетом № 4: в нем была обнаружена очень редкая митохондриальная мутация. У Романовых, предоставивших свой генетический материал, этой мутации не было. Ее и не могло быть, ибо они были родичами царя по мужской линии, а митохондрии переходят к потомству только от матерей. На фоне практически полного совпадения очередности в цепочках нуклеотидов, в одной позиции, № 16 169, было обнаружено расхождение.

«К середине 1994 года членам правительственной комиссии стало ясно, что под Екатеринбургом обнаружены останки царской семьи. Единственный вопрос, тревоживший генетиков, состоял в том, что одна позиция в генотипе Николая II отличалась от подобной у его ныне живущих родственников»<sup>1</sup>.

Чтобы исключить сомнения, нужен был генетический материал близкого родича царя по материнской линии, а лучше всего — его собственный.

Как ни поразительно, но такой материал имелся... в Японии!

Когда Николай был еще наследником престола, Александр III отправил его в кругосветное путешествие. В Японии на него неожиданно напал какой-то помешанный самурай и дважды ударил саблей по голове. Самурая схватили, пострадавшему оказали медицинскую помощь. Ранение обошлось без тяжелых последствий, но произвело на наследника столь удручающее впечатление, что он вернулся домой. А повязка с пятнами августейшей крови хранилась в Японии как памятная реликвия. П.Л. Иванов пытался заполучить несколько нитей из нее, но переговоры, длившиеся полгода, были безрезультатными. Только после личного обращения прославленного музыканта М.Л. Ростроповича к императору японские власти согласились допустить россиян к реликвии.

Ростропович живо интересовался вопросом идентификации «екатеринбургских останков», всячески поддерживал ис-

---

<sup>1</sup> В.Н. Соловьев, прокурор-криминалист. Что делать с мертвым принцем? Русская Церковь не хочет хоронить царских детей. <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>

следователей, финансировал некоторые проекты. П.Л. Иванов отправился в Японию на личные средства Ростроповича. Увы, генетический материал, сохранившийся на «исторической» повязке, оказался загрязненным. Возлагавшиеся на него надежды не оправдались: для сопоставительных исследований он не годился.

Ближайшим родичем Николая II по женской линии был сын его младшей сестры Ольги Тихон Николаевич Куликовский. Он жил в Торонто (Канада). К нему и обратился П.Л. Иванов, как *«официальный представитель России в международной комиссии по изучению обстоятельств гибели Царской семьи»*. Безрезультатно. Затем к Куликовскому обращался прокурор-криминалист В.Н. Соловьев, обращались официальные представители центрального правительства России и властей Свердловской области. Главный судебно-медицинский эксперт России В.О. Плаксин пытался воздействовать на него через Российское Дворянское Собрание, через деятелей Русской Зарубежной Церкви, через представителей дома Романовых... Куликовский был непреклонен.

В апреле 1993 года он неожиданно умер от инфаркта, после чего делались попытки получить образцы его крови, оставшиеся у его вдовы Ольги Николаевны. Видимо, следуя завету мужа, она отвергала все просьбы.

Куликовский был самым близким, но не единственным родичем Николая по женской линии. Графиня Ксения Шереметьева-Сфири и герцог Файф согласились предоставить образцы крови. Результат сопоставления их генетического материала с ДНК скелета № 4 оказался неоднозначным.

Не оставалось ничего другого, как потревожить покоившийся в Петропавловском Соборе прах младшего брата Николая, великого князя Георгия, умершего молодым от туберкулеза. Добиться эксгумации его тела было непросто, пришлось снова задействовать тяжелую артиллерию в виде Мстислава Ростроповича. Он и помог преодолеть сопротивление тех, кто считал эксгумацию останков великого князя Георгия кощунственным и недопустимым.

При анализе его митохондриальной ДНК была обнаружена такая же мутация в позиции 16 169, как у скелета № 4. Экспертиза проводилась не только в России, но и в Олдермастонском

центре криминалистических исследований в Великобритании и в лаборатории генетической идентификации армии США. Результаты были идентичны. Случайное совпадение столь редкой мутации в двух разных скелетах исключалось! «Одного этого редчайшего признака было достаточно, чтобы поставить точку в этой истории»<sup>1</sup>.

Тем временем Ольга Куликовская сменила гнев на милость, хотя и очень условную. Она согласилась предоставить кровь покойного мужа для анализа, но только российскому генетику Е.И. Рогаеву, работавшему в то время в Торонто. Она прониклась к нему особым доверием. Передавая ему образец крови своего мужа, она поставила условие: ни с кем другим он этим материалом не должен делиться и не публиковать результатов без ее согласия. (Как замечает по этому поводу Н. Розанова, «независимость от государственных экспертиз не гарантировала ему [Рогаеву] независимости от лица, под чьим контролем проводилось это частное исследование»<sup>2</sup>).

Результат первого анализа Рогаева оказался неоднозначным, что заставило его усомниться в безупречности результатов генетической экспертизы. Для уточнения требовались более глубокие исследования. Рогаев их произвел три года спустя в Москве и полностью подтвердил результаты, полученные комиссией П.Л. Иванова. Исследования производились также в военно-медицинской лаборатории в Роквиле, штат Мэриленд, и в штате Массачусетс. В выступлении доктора Рогаева в Государственной Думе говорилось:

*«Выделены и определены последовательности нуклеотидов двух фрагментов митохондриальной ДНК (HV1 и HV2) из фрагмента костной ткани скелета N4 (предполагаемые останки Николая II-го). Данный анализ проведен флуоресцентным методом (такой же метод был использован в Англии и США), а также, дополнительно, изотопным методом. Аналогичный анализ был проведен для митохондриальной ДНК Т.Н. Куликовского-Романова — племянника Николая II. Сравнительный анализ впервые показал полное совпадение основных форм митохондриальной ДНК индивида N4 (образец*

---

<sup>1</sup> Соловьев В.Н. Указ. соч. <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>

<sup>2</sup> Розанова Н. Указ. соч. С. 318.

берцового костного фрагмента 4–46) и родственника Николая II по материнской линии (Т.Н. Куликовский-Романов), что свидетельствует в пользу их кровного близкого родства по материнской линии»<sup>1</sup>.

После этого Ольга Куликовская порвала с доктором Рогаевым все отношения, а некий Е.Л. Магеровский, именуемый членом Российской Зарубежной экспертной комиссии (что бы это значило?), заявил, что «д-р Евгений Рогаев известен своей “покладистостью” в отношении российских властямущих»<sup>2</sup>. Такой метод «полемики» стар как мир: не имея научных аргументов для отставания своей точки зрения, опорочить честного ученого, чьи выводы тебе *не нравятся*.

В 1995 году комиссия генеральной прокуратуры во главе В.Н. Соловьевым закрыла следствие, так как идентификация останков царской семьи была завершена, а организаторов и исполнителей кровавой акции уже не было в живых, привлечь к суду было некого. Президент Б.Н. Ельцин создал правительственную комиссию во главе с вице-премьером Ю. Яровым для организации похорон царской семьи в Петропавловском Соборе — традиционном месте упокоения Романовых со времен Петра I.

Однако работа комиссии Ярова была парализована. Причина состояла в том, что Священный Синод Русской Православной Церкви не признавал идентификацию «екатеринбургских останков» методами современной науки и требовал «подтвердить или опровергнуть ритуальный характер убийства», то есть использовать перезахоронение царских останков как повод для нового Дела Бейлиса.

С мертвой точки работа комиссии сдвинулась в декабре 1997 года, когда президент Ельцин поставил во главе ее другого вице-преьера: молодого, энергичного реформатора Бориса Немцова. Ему было поручено в короткий срок завершить работу, с тем, чтобы в 80-ю годовщину убийства, то есть 17 июля 1998 г., могли состояться официальные похороны цар-

---

<sup>1</sup> <http://www.tzar-nikolai.orthodoxy.ru/ost/dum/3.htm>

<sup>2</sup> Екатеринбургская трагедия: 90 лет спустя. Заочный Крутлый стол НЖ, «Новый Журнал», 2008, №251.

ской семьи. Возможно, инициатива исходила от самого Немцова, которого побудил к этому его советник Виктор Аксючиц, «монархист умеренных национал-патриотических взглядов»<sup>1</sup>.

В вопросе о «ритуальном характере убийства» Немцов не усмотрел неловкости, заявив, что считает его столь же законным и уместным, как и любой другой вопрос. Этим давалась правительственная санкция на превращение средневекового мифа о ритуальном каннибализме евреев в предмет озабоченности государственной власти. Немцов, видимо, исходил из «прагматических» соображений, не видя иного выхода из патовой ситуации, ибо без официального согласия церкви похоронить царскую семью с надлежащими почестями было невозможно.

Следственная комиссия генеральной прокуратуры под председательством прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева, должна была снова открыть давно завершённое дело и заново проанализировать все материалы. Всё было пересмотрено, кое-что уточнено. В результате было принято «Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93». Думаю, что по детальной проработке всех обстоятельств, связанных с убийством царской семьи, обнаружением ее останков и их идентификацией этот документ не имеет себе равных в мировой криминалистике<sup>2</sup>.

В Постановление включена все история обнаружения и идентификации «екатеринбургских останков». Подробно изложено, как «екатеринбургские останки», найденные Г.Т. Рябовым и Н.А. Авдониным, первоначально были исследованы традиционными методами, для чего были привлечены историки, архивисты, судебно-медицинские эксперты, анатомы, стоматологи и другие специалисты Министерства здравоохранения, Московского медицинского университета, Московского стоматологического института, научных учреждений Воронежа, Екатеринбурга. Было уставлено количество захороненных трупов (девять), их половая принадлежность (пять женщин и четверо мужчин), возраст и родственные отношения убитых. Портреты

---

<sup>1</sup>А. Верховский, Е. Михайлова, В. Прибыловский. Политическая ксенофобия. Радикальные группы-Представления политиков-Роль церкви. М., ООО «Панорама», 1999. С. 87.

<sup>2</sup> См.: <http://nik2.ru/documents.htm?id=266; 267, 268, 269>. Компьютерная распечатка большей части Постановления в архиве автора.

жертв, воссозданные на основании анатомических исследований, были сопоставлены с сохранившимися фотоснимками царя, царицы и их детей, а также погибшей с ними обслуги. Все это позволило с высочайшей долей вероятности установить, что останки принадлежали девяти лицам, из одиннадцати расстрелянных в подвале Ипатьевского дома, а затем захороненных в общей могиле в Поросенковом Логу. Удалось даже с высокой долей уверенности установить, что из двух младших дочерей царя, в общей могиле была захоронена 17-летняя Анастасия, а не 19-летняя Мария.

Результаты экспертизы, проведенной традиционными методами, были затем перепроверены новейшими методами молекулярно-генетической диагностики, которая проводилась не только в российских лабораториях, но в лабораториях Великобритании и США. Выводы, к которым привела всесторонняя экспертиза в 1995 году, были вполне однозначными и позволили прекратить дело. Три года спустя, из-за «несогласия» руководства Русской православной церкви (РПЦ), все исследования были проведены заново. И полностью подтверждены.

Особое внимание в Постановлении о прекращении дела 1998 года обращает на себя раздел № 9: *«Проверка различных версий о гибели членов Российского императорского дома либо об их спасении»*. В десяти подразделах этого раздела рассмотрены все версии, ставящие под сомнение идентификацию «екатеринбургских останков». Даже самым нелепым из них уделено пристальное внимание. Такова версия *«о чудесном спасении царевича Алексея Николаевича и его сестер»* (подраздел 9.8), версия *«о возможном отсечении голов Николая II и других членов царской семьи сразу после убийства»* (подраздел 9.10), версия *«о возможной фальсификации так называемой “записки Юровского”»*. Наибольшее внимание уделено версии *«о так называемом “ритуальном убийстве” и участии в убийстве царской семьи неких “тайных сил”»* (подраздел 9.1)<sup>1</sup>.

В заключительной части Постановления (разделы 10–12) рассмотрены обстоятельства гибели великого князя Михаила Александровича и других членов дома Романовых, названы имена их палачей.

---

<sup>1</sup> Компьютерная распечатка в архиве автора. С. 37–40.

Вывод остался прежним:

*«Мотивы такого решения [об убийстве царской семьи] носили политический характер и никак не были связаны с какими-либо религиозными тайными культами. Среди большевиков, принимавших такое решение, лица еврейского происхождения находились в меньшинстве: из 5 членов Президиума Уралсовета 1 еврей, из 6 членов коллегии Уральской областной Чрезвычайной комиссии 2 еврея. ...Среди них не было ни одного человека, активно участвовавшего до и после революции в каких-либо религиозных организациях. Можно с уверенностью сказать, что все участники решения о расстреле царской семьи, в том числе и в Кремле, как и исполнители приговора, были людьми нерелигиозными. Принятие решения о расстреле царской семьи не было связано с какими-либо религиозными или мистическими мотивами. Его определило в основном настроение руководства и широких масс Урала, а поводом стало обострение военной обстановки и близость падения Екатеринбурга»<sup>1</sup>.*

Казалось бы, убедительно!

Не для всех.

*«Работа комиссии вызывала раздражение черносотенных, ультранационалистических кругов. Проведенные исследования ставят под сомнение привлекательную для них версию «ритуального убийства» — царя-де убили евреи согласно своим тайным обрядам. Примечательна резолюция, которую принял III съезд Союза православных братств: выводы комиссии были названы “подлогом” — “для того, чтобы скрыть ритуальный характер преступления”»<sup>2</sup>.*

Пытаясь выйти из тупика, вице-премьер Немцов обсудил проблему с патриархом Алексием II, после чего «появилась абсолютная уверенность, что с идентификацией больше проблем нет — под Екатеринбургом найдены останки царя, его близких»<sup>3</sup>.

Принятие формального решения о захоронении царской семьи было вынесено на заседание правительства, назначенное на пятницу 27 февраля 1998 года. А утром того дня, в Свято-

---

<sup>1</sup> «Московские новости», 1998, № 8, 1–8 марта. С. 2.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Элла Максимова. Кого будем хоронить. «Известия», 3 марта 1998.

Даниловском монастыре, состоялось заседание Святейшего Синода, который принял *компромиссное* решение. Синод опять не признал «екатеринбургские останки» царскими, но согласился с тем, что они «принадлежали жертвам богоборческой власти» и предлагал «провести безотлагательное погребение их в символической могиле», ибо «церковь сомневается в их [останков] принадлежности и, дабы не смущать паству, не ввергать в поклонение ложным останкам, считает нужным поместить кости в склепе ... поверх земли, чтобы были доступны для будущих исследований»<sup>1</sup>.

Заседание правительства длилось три с половиной часа — вместо одного часа, как было намечено. О том, что на нем происходило, рассказал журналистам прокурор-криминалист В.Н. Соловьев:

«[Заседание началось] с полной неожиданности в виде решения Синода... Наступила не то, что общая растерянность, но удивление и недоумение: как поступить дальше? Ведь без участия церкви царских похорон быть не может. За кого она будет молиться?»<sup>2</sup>

После заседания к представителям прессы вышли растерянный Немцов и уверенный митрополит Ювеналий. Оба торжественно сообщили, что решение произвести погребение 17 июля 1998 года было единодушным. Открытым остался «только» один вопрос: *чьи* останки будут хоронить?

«Каких-либо исследований по инициативе Церкви не проводилось, зато горячо приветствовались “несанкционированные” государством»<sup>3</sup>.

Одним из таких «черных экспертов» стал доктор Л.А. Животовский, сотрудник академического Института общей генетики им. Н.И. Вавилова. К работе по идентификации «екатеринбургских останков» он привлечен не был, хотя, вероятно, этого очень хотел, и считал себя незаслуженно обойденным. Его узкая специальность — изучение популяций выюновых рыб, в чем он и его сотрудники, похоже, добились серьезных успехов. Но это «далеко не то же самое, что идентификация личности», как заметила Наталья Розанова<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Максимова, там же; Верховский и др. С. 88.

<sup>2</sup> Максимова, там же.

<sup>3</sup> Соловьев В.Н. <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>

<sup>4</sup> Розанова Н. Указ. соч. С. 304.



Доктор Животовский перечислил аж семь пунктов, по которым Комиссия генеральной прокуратуры, по его мнению, «нарушила основной принцип генетической идентификации личности». Так сказано в его докладе «Генетическая идентификация “екатеринбургских останков” проблематична». Доклад датирован 24 июля 1998 г., а в примечании к нему сказано: «Эта точка зрения и указанные возражения высказывалась мною неоднократно в рецензиях, печати, публичных выступлениях, и по московскому телевидению, начиная с декабря 1997 г.». Вот эти возражения:

1. Все ДНК-исследования должны проводиться несколькими независимыми экспертными группами и соответствующим образом документироваться.

2. Для ДНК-исследований должны быть использованы только апробированные методы, широко используемые в практике идентификации личности.

3. Для идентификации предполагаемых останков царя Николая II и других лиц из «екатеринбургского захоронения» необходимо исследовать, помимо митохондриальной ДНК, ещё и ядерную ДНК.

4. Необходимо провести ДНК-исследование всех основных частей скелета, в первую очередь черепа.

5. При вычислении вероятности ДНК-идентификации надо с необходимостью использовать генетические данные по населению России.

6. Расчёты величины вероятности ДНК-идентификации необходимо должны учитывать все выдвигаемые версии о происхождении захоронения и обнаруженных в нём останков.

7. Величина вероятности ДНК-идентификации предполагаемых останков царя Николая II Романова (как и других останков «екатеринбургского захоронения») должна быть столь большой, чтобы не было сомнений в уникальности генотипа останков<sup>1</sup>.

Все семь «возражений» д-ра Л.А. Животовского либо абсурдны, либо недобросовестны — это видно невооруженным глазом.

---

<sup>1</sup> <http://www.redline.ru/~sbeljaev/dz.htm>

Так, в первом пункте говорится, что изучение ДНК должно проводиться несколькими исследователями независимо друг от друга. Но так и проводилась молекулярно-генетическая экспертиза. Останки, как указывалось, изучались не только в России, но и в наиболее авторитетных лабораториях Великобритании, США, Канады.

Сродни «возражение» в пункте 3: генетические исследования трупа № 4 (царя Николая II) должны быть проведены не только на митохондриальной ДНК, но и на ядерной. Должны, конечно, должны! Неужели д-р П.Л. Иванов и другие генетики-криминалисты до этого не додумались? Додумались, исследовали и получили то, что ожидали. Неожиданной оказалась одна мутация в митохондриальной ДНК — потому ей и было уделено особое внимание.

В Пункте 4 выдвинуто требование исследовать *все* основные части скелета, в первую очередь череп. Оно совершенно абсурдно и говорит об отсутствии у «возражателя» гена здравого смысла. ДНК всех клеток тела идентична, нет никакой разницы, из какой части скелета взят материал. Важно совсем другое: чтобы материал был взят не с поверхности кости, а извлечен изнутри, дабы в нем не было посторонних примесей.

Д-р Животовский писал, что его математические расчеты определяют степень вероятности того, что эти останки принадлежат царской семье, в 98,6 процента, а этого недостаточно. Свои расчеты он обещал привести позднее, но ни в одной из публикаций их не привел.

Вот комментарий академика Георгия Павловича Георгиева: *«Ключевым вопросом является вероятность ошибки 1:100 (утверждение Животовского) или 1:108 (данные Иванова). <...> Ключевой факт — обнаружение той же самой мутации и, соответственно, двух типов ДНК у его брата Георгия Александровича Романова. Это сразу снижает вероятность ошибки до 1:108. Вывод является абсолютно однозначным»<sup>1</sup>.*

Вывод вполне однозначен для здравомыслящих специалистов, но не для д-ра Животовского. Позднее, во время стажировки в Стэнфордском университете (США), он опубликовал статью в соавторстве с американскими коллегами (д-р Найт и другие).

---

<sup>1</sup> Цит. по: Розанова Н. Указ. соч. С. 308. Документ опубликован также в сборнике «Четвертые Романовские чтения»: М. «Ява», 2000.

Костного материала «екатеринбургских останков» у них не было, а была фаланга пальца великой княгини Елизаветы Федоровны. Родная сестра царицы Александры Федоровны, она, как мы помним, после убийства эсером И. Каляевым ее мужа великого князя Сергея Александровича, постриглась в монахини. Это не спасло ее от большевистского террора, но ее почитателям удалось вывезти труп из Советской России и похоронить в Иерусалиме.

Анализ материала, полученного от епископа Антония (Грабе) из Нью-Йорка, обнаружил несходство ДНК Елизаветы с опубликованными данными о ДНК скелета № 3. Но такое же несходство обнаружилось и с ДНК их ближайшего родственника принца Филиппа. Объяснение могло быть только одно: генетический материал великой княгини Елизаветы оказался загрязненным.

О том, насколько легкомысленна была публикация Найта-Животовского, говорит, к примеру, такой пассаж в их статье: *«Вблизи Екатеринбурга имеется много неглубоких могил, в которых захоронены целые семьи, напоминающие исследуемые останки»*. Разумеется, ничего подобного *вблизи Екатеринбурга* не имелось. Не знаю, бывал ли там д-р Животовский, а д-р Найт, конечно же, не бывал. Значит, подмахнул текст, доверившись российскому соавтору.

К удовольствию ритуалистов, объявился еще один «возражатель» с научной степенью: японский ученый Т. Нагаи. Он исследовал *«ключок одежды Николая II, на котором удалось обнаружить следы царского пота»*, а также фрагменты скелета его брата великого князя Георгия (волосы, ногти, фрагмент нижней челюсти), которые ему «подарил» один из членов экспертной комиссии профессор В.Л. Попов. Попов активно участвовал в идентификации «екатеринбургских останков» и несколько не сомневался в том, что скелеты 3–7 принадлежат царю, царице и трем их дочерям. Об этом он писал до и после экспертизы, проведенной в Великобритании и США. Сомневаться он начал после того, как в захоронении обнаружили два коренных зуба, которые он ошибочно определил как «зубы подростка», то есть царевича Алексея (более точными исследованиями было установлено, что эти два зуба принадлежали Анастасии).

Вскрытие могилы великого князя Георгия было произведено при условии, «что все взятое для экспертизы должно быть воз-

вращено и захоронено»<sup>1</sup>. Это, однако, не помешало В.Л. Попову утаить фрагменты скелета и передать их д-ру Нагаи, что, прямо скажем, не очень этично. Тем более, что Попов публично заявлял, что считает изъятые из могилы Георгия останки подложными, а передал фрагменты профессору Нагаи как подлинные.

Заявление д-ра Нагаи в одном из интервью, что сопоставление останков Георгия и «следов пота» самого Николая противоречат выводам Комиссии по идентификации, вызвало сенсацию, которая так обрадовала вдову Т.Н. Куликовского, что она предоставила японскому ученому образцы крови своего мужа. Ждали новой сенсации, но обещанной научной статьи Т. Нагаи так и не написал. Вероятнее всего, опыты с ДНК Куликовского не подтвердили близость к ДНК «следов царского пота», что объяснялось биологическим загрязнением материала. Японский ученый оказался вне игры. Л.А. Животовский остался в гордом одиночестве, ибо другого ученого с репутацией видного генетика, который бы столь упорно оспаривал безупречность молекулярно-генетической экспертизы «екатеринбургских останков», не оказалось<sup>2</sup>. Зато, «патриотов» в светском и церковном облачении, которые охотно опираются на научный авторитет видного генетика доктора Животовского, предостаточно.

По постановлению Синода, патриарх Алексий II отказался участвовать в похоронах, и то же было рекомендовано всем епископам. В качестве *компромисса*, рядовым священникам не возбранялось отпевать «екатеринбургские останки», а некоторым даже рекомендовали, хотя более радикальные краснокоричневые патриоты требовали на своих сходах, чтобы никто из духовенства в нем не участвовал.

---

<sup>1</sup> П.Л. Иванов, цит: по Розанова Н. Указ. соч. С. 329.

<sup>2</sup> О том, сколь «безупречна» научная репутация Л.А. Животовского, наглядно демонстрирует его скандальная книга: «Неизвестный Лысенко» (2014, 2-е изд. — 2016), в которой восхваляется палач советской генетики. Под флагом так называемого мичуринского учения и при личном покровительстве Сталина Лысенко разгромил генетику в СССР и лучших ученых-генетиков, включая гениального Н.И. Вавилова, чье имя носит Институт, в котором работает автор скандальной книги. Подробнее см.: С.Е.Резник «Фарс или трагедия: размышления над книгой Л. Животовского “Неизвестный Лысенко”». Статья опубликована в ж-ле «Историко-биологические исследования» (т. 8, № 1, 2016. С. 121–130), полностью воспроизведена в *Приложении*.

Афронт настолько смутил президента Ельцина, что он тоже решил не появляться на похоронах. Это вызвало цепную реакцию отказов со стороны высших чинов правительства и депутатов Думы. Но в последний момент Ельцин все-таки приехал, отозвавшись на страстный призыв всеми почитаемого академика Д.С. Лихачева.

В телевизионном обращении накануне похорон Борис Ельцин сказал:

*«Долго раздумывая, разговаривая со многими нашими гражданами России, особенно работниками культуры, я пришел к выводу, что мне надо поехать завтра в Санкт-Петербург на захоронение останков царя Николая II и его семьи. Считаю это как покаяние нашего поколения перед ними. 80 лет эту правду скрывали, о ней ничего не говорили. И надо завтра эту правду сказать, а мне там принять участие. Это будет по-человечески справедливо»<sup>1</sup>.*

*По-человечески или по-божески?*

Похороны были крайне двусмысленными. Останкам вроде бы отдавались царские почести, и — не отдавались. Священники в своих молитвах не называли имен тех, кого хоронили. «Екатеринбургским останкам» было отказано лежать в традиционной усыпальнице Романовых в Петропавловском Соборе. Их построили в боковом притворе собора.

Для того, чтобы *не смущать паству*, как заявляли церковные владыки? Как раз напротив: чтобы *смущать!* Дабы не затухали пересуды о *еврейском ритуальном цареубийстве*, от коего-де и пошли все российские беды.

В 1998 году Николай II еще не был официально канонизирован Русской православной церковью, но влиятельные церковные круги добивались его канонизации. А, значит, и поклонения царским останкам как *святым мощам*. Для этого им нужен был царь-великомученик, *убиенный от евреев*. Святость царя, *убитого большевиками*, лишь усилила бы разлад церкви с компартией, которая, после падения советской власти, стала стратегическим и тактическим партнером национал-патриотов православно-монархического толка. Глава богоборческой компартии Геннадий Зюганов, став другом православной церкви, был озабочен тем, чтобы «отразить духовную агрессию заморских про-

---

<sup>1</sup> <https://yeltsin.ru/archive/video/51551/>

поведников и тоталитарных сект, мутным потоком обрушившихся на Россию». Компартии остро не доставало «внутренних и внешних врагов, объединенных стремлением лишить Святую Русь ее духовного богатства, оторвать русский народ от его исконных святынь». Она поднялась на защиту Святой Руси от «соблазнов экуменизма, стремящегося растворить Православие в «плавильном котле» единой «мировой религии», грозящей Русской Церкви тяжелыми внутренними потрясениями»<sup>1</sup>.

Такой альянс не был случайным: в руководстве церкви доминировали недавние агенты влияния и просто агенты КГБ. Патриарх московский и всея Руси Алексей II (в миру Ридигер Алексей Михайлович), академик Российской академии образования, почётный член Российской академии художеств, лауреат государственной премии, доктор богословия, и прочая, и прочая, с 1958 года был завербованным агентом КГБ по кличке Дроздов. КГБ высоко ценил его услуги и способствовал продвижению по лестнице церковной иерархии. «Согласно исследованию Кристофера Эндрю и Василия Митрохина *The Mitrokhin Archive*, в 1975 году А. Ридигер основал общество “Родина”, служившее организацией прикрытия для деятельности КГБ; деятельность “Родины” курировалась офицером ПГУ КГБ СССР П.И. Васильевым. Публикации о сотрудничестве “Дроздова” с КГБ были основаны на документах архивов КГБ, к которым был получен официальный доступ рядом лиц в конце 1991 года»<sup>2</sup>.

«Ряд лиц», получивших доступ, это, в первую очередь, известный диссидент, священник, борец за права верующих Глеб Якунин (1934–2014). После того, как, благодаря его архивным исследованиям, стало известно, что агент КГБ Дроздов и патриарх Алексей II — одно и то же лицо, положение Алексея в церкви не пошатнулось. А Глеб Якунин, который в советское время подвергался гонениям как борец за права верующих, в последние годы жизни подвергался гонениям со стороны руководства церкви. Он был лишен сана, отлучен и предан анафеме.

Показательна и такая подробность. В феврале 1974 года, когда А.И. Солженицын был лишен советского гражданства и насильственно выслан из страны, митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) *благословил* эту «правильную и даже гу-

---

<sup>1</sup> Цит. по: А. Верховский и др. С. 85.

<sup>2</sup> Википедия, статья Алексей II.

манную» акцию, заявив, что «церковные люди полностью одобряют такое решение и считают, что к А. Солженицыну и ему подобным применимы слова апостола Иоанна Богослова: “Они вышли от нас, но не были наши”». А в 1998 году патриарх Алексей II торжественно вручил Солженицыну орден святого благоверного князя Даниила Московского. Солженицын, гордо отвергнув награду президента Ельцина, *эту* с благодарностью принял. Бывший агент Дроздов и бывший агент Ветров зла друг на друга не держали.

У меня нет сомнений, что если бы опирающаяся на науку судебно-медицинская экспертиза не отвергла мракобесную версию *ритуального* убийства царской семьи, а оставила бы для нее хотя бы небольшую лазейку, Священный Синод РПЦ с готовностью одобрил бы идентификацию «екатеринбургских останков». Патриарх возглавил бы службу в Петропавловском Соброре, и царская семья была бы торжественно похоронена, как того требовала вековая традиция.

К религии все это отношения не имеет. Естественное сочувствие миллионов людей к трагической судьбе царской семьи российские национал-патриоты переплавляют в свой политический капитал.

Рекордсмен по части разоблачений *еврейского заговора* Олег Платонов писал о *ритуальном убийстве Николая II* уже не как о предполагаемом, а как об установленном факте<sup>1</sup>. Платонова никак не назовешь одиноким стрелком, донкихотски воюющим с ветряными мельницами еврейского сатанизма. В погоне за антисемитскими материалами он объездил весь мир. Только в Соединенных Штатах, по его словам, он побывал семь раз, месяцами колеся по стране, работая в архивах и библиотеках ведущих исследовательских центров и университетов. Он публиковал свои изыскания толстенными томами, причем больше половины каждого тома занимала перепечатка «классики» антисемитизма. Тома выходили в твердых кожаных переплетах, на мелованной бумаге самого высокого качества, с цветными иллюстрациями. Продавались по демпинговым ценам, так что были заведомо убыточными. Хотя Россия переживала тяжелый финансовый кризис, нагнетание ненависти к евреям и, в особенности, пропаганда кровавого навета щедро финансировались. Главным покровителем Олега Платонова был митрополит

---

<sup>1</sup> О. Платонов. Тайна беззакония: Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. М., «Родникъ», 1998. С. 346.

Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Он почил в 1995 году, но отважный борец с сионистско-масонским заговором без покровителей не остался.

Роли были неплохо распределены. Коммунисты добивались импичмента президента Ельцина — за покровительство евреям, «организовавшим геноцид русского народа», а Святейший Синод отказывался отпевать царские останки, дабы не похоронить вместе с ними ритуальную версию царевубийства.

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев:

*«В 2000 году Архидиоцезиальный собор Русской православной церкви канонизировал семью императора Николая II в чине страстотерпцев. Но Церковь официально не признала останки семьи последнего императора святыми мощами. Когда в Петропавловский собор для богослужения входят высокие церковные чины, двери в Екатерининский придел закрываются. Так случилось, когда в соборе проходило перезахоронение останков матери императора Николая II, вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Ни разу правящий архидиоцезиальный синод Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) не разрешил проведение богослужений в этом церковном приделе. Каждый день в тысячах храмов у икон царственных страстотерпцам приносятся молитвы, но получается, что сами святые мощи священноначалию не нужны»<sup>1</sup>.*

После канонизации царской семьи у Синода появился еще более веский аргумент в пользу того, что это *не те останки*: ведь они теперь стали *святыми мощами* и, значит, должны творить чудеса. А коль скоро чудес не происходит, то это не царские мощи, а черт знает что.

Как не вспомнить святую католическую инквизицию, отправившую на костер Джордано Бруно и принудившую к «покаянию» Галилея. С тех пор прошло полтысячи лет, католическая церковь за эти пять веков кое-чему научилась. Но не православные «патриоты».

## ЦАРЕВИЧ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ

Еще одной зацепкой для идеологов непризнания останков царскими служило то, что в Поросенковом Логу были найдены

---

<sup>1</sup> <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>



девять скелетов, а не одиннадцать. Это, правда, подтверждало свидетельство Я.М. Юровского, что два трупа были сожжены. Но кто сказал, что Юровский написал правду? Да и подлинность его Записки ритуалисты упорно ставили под сомнение.

Летом 2007 года, в 70 метрах от основного захоронения, на слегка возвышенном и потому относительно сухом месте, были обнаружены следы давнего кострища. А в нем — обугленные кости...

На том, как было сделано это поразительное открытие, я останавливаться не буду, интересующих отсылаю к эпилогу книги Наталии Розановой.<sup>1</sup>

Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев писал:

*«Когда в 2007 году неподалеку от первого захоронения нашли сожженные останки мальчика и девочки, я в первом же интервью, данном “МК”, сообщил: “Церковь информирована о находке, мы открыты для общения и участия православных ученых в исследованиях”. После обнаружения останков участники раскопок направили подробные сообщения об открытии патриарху Алексию II и архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию (Морарю). В октябре 2007 года антропологи и стоматологи сообщили, что пришли к единому выводу: фрагменты костей и зубы, обнаруженные неподалеку от останков царской семьи, принадлежат мальчику 12–14 лет и девочке 17–19 лет»<sup>2</sup>.*

Это совпадало с возрастом царевича Алексея и одной из младших великих княжон: Анастасии и Марии.

*«Стало ясно, что необходимы сложные и дорогостоящие генетические исследования. Учитывая то, что наука шагнула вперед, исследования проводили “с нуля”, не только по находкам 2007 года, но и по останкам, поднятым в 1991 году»<sup>3</sup>.*

Молекулярно-генетический анализ, проведенный «с нуля», по последнему слову науки, во-первых, снова полностью подтвердил идентификацию девяти скелетов основного захоронения, и, во-вторых, установил ближайшее генетическое родство скелетов царя, царицы и их трех дочерей с останками, найден-

---

<sup>1</sup> Розанова Н. Указ. соч. С. 480–507.

<sup>2</sup> В.Н. Соловьев. Указ. соч. <http://www.grani.ru/opinion/m.186337.html>. Распечатка в архиве автора. С. 9.

<sup>3</sup> Там же.

ными в кострище. В-третьих, в ДНК сожженного мальчика был обнаружен дефектный ген, ответственный за несвертываемость крови (гемофилию). Такой же ген был у скелета № 3 — Александры Федоровны, что и следовало ожидать: рецессивный ген передается по женской линии, а проявляется у мужчин. Никаких сомнений в том, что сожженным мальчиком был царевич Алексей, не могло быть.

Относительно женского скелета не могло быть сомнений, что он принадлежал четвертой дочери царя и царицы, родной сестре трех великих княжон, найденных в основном захоронении. Более детальные исследования показали, что она была младше двух старших дочерей царя, Ольги и Татьяны, но старше самой младшей, Анастасии. Триумфальное подтверждение выводов предыдущей экспертизы о том, что в основном захоронении самой младшей дочерью царя была именно Анастасия, а не Мария. Финишная лента в затянувшемся марафоне была пересечена.

Но-о-о!..

В.Н. Соловьев: *«12 апреля 2008 года вместе с начальником Свердловского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Николаем Неволным я встретился с архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским Викентием. К этому времени русским генетиком Евгением Рогаевым были получены первые результаты, подтверждающие принадлежность останков царской семье. Двухчасовая беседа с архиепископом не дала ничего. Он ссылаясь на то, что не имеет к проблеме никакого отношения, а по всем вопросам необходимо беседовать лично с патриархом. Вскоре на православных сайтах появилась информация о том, что архиепископ Викентий устроил встречу патриарха Алексея II с православными учеными Екатеринбурга — доктором медицинских наук, профессором, заведующим кафедрой биологии Уральской медицинской академии Олегом Макеевым и доктором медицинских наук, профессором Уральского гуманитарного института, протоиереем Сергеем Вогулкиным. Протоиерей Сергей Вогулкин широко прославился тем, что для повышения успеваемости студентов заправлял кофейные автоматы в институте святой водой (!!! — С.Р.). Ученые, не побеседовав ни с одним из экспертов, не изучив ни одного документа экспертизы, заявили: “Методика, которая была использована, до сих пор ни одним судом в мире не признается как доказательство. Если бы сегодня в суд*

были представлены все материалы дела об убийстве царской семьи, то они были бы возвращены для дополнительного расследования”.

27 мая 2008 года я написал очередное письмо священноначалию: “Сейчас я отбираю независимых специалистов для оценки работы. У меня просьба: назвать имена специалистов, которых я, несомненно, включу в экспертные группы по истории и идентификации. Они могут в рамках экспертизы высказать особое мнение, и Вы всегда будете иметь полную и достоверную информацию о происходящем”. Одновременно Церкви передавалась подробная информация о ходе следствия. Несмотря на это, в телеинтервью от 17 июля 2008 года митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей (Фомин) сообщил: “Закрытая комиссия, куда не допускается вообще никто, что-то там делает, куда-то что-то возит, а потом говорит: давайте почитайте это как мощи! (...) мы имеем дело с каким-то дьявольским желанием посмеяться над Церковью! И все время толкают Церковь на этот путь: объявить эти останки святыми мощами и заставить им поклоняться. ...А если эти „царские останки“ вовсе не царские? А если это останки безбожника, убийцы, сатаниста?! Вот к чему нас толкают, вот к чему призывают!”

Проблема останков царской семьи попала в замкнутый круг. Если следствие предоставляет материалы об исследовании, то это “навязывание выводов”, если материалы не предоставлены, то “закрытая комиссия”...»<sup>1</sup>.

Не могу не восхититься дипломатичностью прокурора-криминалиста В.Н. Соловьева. То, что он вежливо назвал замкнутым кругом, на более простом, да и на юридическом языке, которым он владеет лучше меня, называется *саботажем*.

В.Н. Соловьев: «События последних лет убедили меня, что попытка достучаться до священноначалия — это “глас вопиющего в пустыне”. Архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию не нравится, что на его территории находится место, где были обнаружены тела царской семьи. Он добился того, чтобы на месте исторического мемориала обустроили православное кладбище. Его поддержали

---

<sup>1</sup> Соловьев В.Н. Указ. соч. Распечатка. С. 9–10.

местные власти. Недавно праздновалось 80-летие со дня рождения Бориса Ельцина, и никого не остановило то, что первую свою поклянную клятву Ельцин давал перед гробами царской семьи, останки которой нашли на месте, подготовленном в 2010 году под уничтожение. Ни один из священников не выступил в защиту святого места, и только суд остановил архиепископа. Как коммунисты уничтожили дом Ипатьева, он [архиепископ Викентий] решил уничтожить место, где находилась могила царя.

Я недавно побывал в Екатеринбурге. Поехал к “мостику из шпал”. Запустение, снег по пояс, строительный мусор рядом с мемориалом. Уральцы сравнивают место, где пытались скрыть и уничтожить тела членов царской семьи, с Голгофой. Известен путь, по которому чекисты везли тела убитых. Раньше по этому пути проходили крестные ходы. К приезду патриарха Кирилла [патриарх Алексей II почил 5 декабря 2008 г.] в апреле 2010 года историю “подправили”. Дорога уже не проходит мимо “мостика из шпал”, ее спрямили. Она уже никакого отношения не имеет к трагическому пути, описанному следователем Соколовым...»<sup>1</sup>.

Чем же вызвано несокрушимое упорство церковного руководства?

На это В.Н. Соловьев дал ясный и вполне однозначный ответ: «Официальный представитель Церкви протоиерей Всеволод Чаплин высказался “о необходимости более детально исследовать вопрос о возможных оккультных и идеологических мотивах к преступлению”. Большая часть православных авторов утверждают, что правда об убийстве царской семьи содержится только в книгах следователя Соколова, генерал-лейтенанта Дитерихса и английского репортера Роберта Вильтона [Уилтона]. Особый акцент делается на “оккультных корнях” гибели царской семьи.

“Оккультные корни” — путь в мистику. Для большинства приверженцев теории “ритуального убийства” царя — возвращение к антисемитским проповедям колчаковского генерала Дитерихса, утверждавшего, что “еврейский народ есть то зло, тот народ сынов Лжи, который стремится возродить на земле свое царство, царство антихристианское и покорить ему Христианский мир...”. По его мнению, евреи были

---

<sup>1</sup> Там же. С. 10–11.

*“источником почти всех социальных катастроф, периодически посещавших мир... евреи изуверски уничтожили Царскую Семью. Евреи виновники всех зол, постигших Россию”.*

*Следствие категорически утверждает, что убийство царя не религиозное и “окультурное”, а политическое. То же сказал Президиум Верховного суда России. Но благодаря мнению представителя РПЦ Чаплина в души православных вползает гнилая “окультурная песня”. Вновь ставятся под сомнение выводы Синодальной комиссии по канонизации святых и Архиерейского собора 2000 года, указавших, что “окультурных корней” в убийстве царской семьи нет. “Окультурные корни” в следственном деле по убийству царя искали Гитлер и Розенберг (уголовное дело Соколова в 1946 году было найдено в архиве Рейхсканцелярии). Они собирались использовать материалы следователя для пропаганды борьбы с евреями, но не смогли найти в убийстве русского царя признаков “ритуального” убийства. К тому, от чего отказались Гитлер и Розенберг, ненавязчиво ведут “сомнения” Чаплина»<sup>1</sup>.*

*Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев задается вопросом: «как хоронить Алексея и Марию? Отправить останки наследника императора на забытое Богом муниципальное кладбище и похоронить среди невостребованных трупов? Без Церкви вопрос не решить, а Церковь решать не хочет. Прецедент есть. Несмотря на государственный характер захоронения, императора Николая II отпели как “бомжа”. Что ж говорить о его несчастных детях? Не могу достучаться до окаменевших сердец епископов и вымолить у них хотя бы сочувствия к погибшим царским детям — жертвам Гражданской войны»<sup>2</sup>.*

*Признав царя, царицу и их пятерых детей святыми великомучениками, церковные иерархи не испытывают элементарного сочувствия к их мученической судьбе.*

*Так где же похоронены царевич Алексей и царевна Мария?*

## **НОВОЕ НАЧАЛО ВМЕСТО КОНЦА**

Процитированная статья В.Н. Соловьева датирована январем 2011 года.

А вот сообщение ТАСС от 11 февраля 2015 года:

---

<sup>1</sup> Там же. Распечатка. С. 11.

<sup>2</sup> Там же. С. 12.

*«Заключение о подлинности останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии, найденных в 2007 году, Русская православная церковь ставила под сомнение. Согласно распоряжению правительства РФ, предполагаемые останки цесаревича Алексея и великой княжны Марии Романовых переданы на ответственное хранение РПЦ и будут изучены специалистами. Ранее предполагалось, захоронение останков царских детей — цесаревича Алексея и великой княжны Марии — может состояться в феврале этого года»<sup>1</sup>.*

Так предполагалось в начале 2015 года.

Но захоронение снова было отложено.

На неопределенный срок.

В сообщении ТАСС подчеркивалось, что правительство давно готово провести церемонию, но церковь не готова. Она продолжает что-то выяснять. А поскольку «“церемония должна не разъединять, а соединять” церковь и государство», то «сроки конкретные (захоронения) сейчас не ставятся, мы представителей церкви не торопим», — заявил собеседник [представитель кабинета министров]»<sup>2</sup>.

27 ноября 2017 года, в Москве, в Сретенском монастыре, состоялась Конференция на тему: «Дело об убийстве царской семьи».

Сообщение о ней было опубликовано под заголовком: «В РПЦ не исключают, что убийство Николая II и его семьи было ритуальным».

Конференция проходила под председательством патриарха Кирилла, ведущим докладчиком выступил епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов). (В прессе его называют «духовником» президента В.В. Путина.)

В своем докладе епископ Тихон *«сообщил о возможном ритуальном характере убийства Николая II и его семьи»* и подчеркнул, что *«этой версии придерживается значительная часть церковной комиссии по изучению результатов исследования останков, найденных под Екатеринбургом. «У нас самое серьезное отношение к версии ритуального убийства. Более того, у значительной части церковной комиссии*

---

<sup>1</sup> <http://tass.ru/obschestvo/2660077>

<sup>2</sup> Там же.

**нет сомнений в том, что это так и было»,** — сказал владыка Тихон, являющийся секретарем церковной комиссии (цитата по ТАСС)<sup>1</sup>. (Жирный шрифт мой. — С.Р.)

Не трудно понять, что конференция лишь официально *оформила* решение, ранее принятое в высших церковных кругах и, конечно же, согласованное со светской властью. Прокурор-криминалист В.Н. Соловьев, руководивший расследованием 26 лет, был оставлен. За два дня до конференции он опубликовал на сайте pravoslavie.ru острую полемическую статью. По форме она была направлена против конспиратологических фантазий некоего П.В. Мультатули, а по сути — в защиту своего человеческого и профессионального достоинства.

Зная уже о том, что произошло, В.Н. Соловьев дипломатично «согласился» с «единственно разумным решением» Святейшего Патриарха Кирилла «начать все исследования с нуля и участием Церкви довести эту трудную работу до логического конца».

Попутно следователь-криминалист дал понять, в каких не простых условиях ему довелось работать в течение тех 26 лет:

«Я совершенно спокоен за своё будущее, поскольку старался жить честно, и проведенная мной работа даёт мне полную уверенность в правильной идентификации останков.

Конечный результат даётся непросто. Никто путь мой не утирал коврами. Много лет оппоненты со мной боролись со страстью, достойной лучшего применения, и часто недозволенными методами. “Научные споры” иногда приобретали причудливый вид. Например, один известный князь попросил начальника [ельцинской] охраны Коржакова выделить некоего сексота (секретного сотрудника), чтобы он радикально изменил мои взгляды относительно останков Царской Семьи (Вы, Пётр Валентинович, с каким-то упоением и восторгом описали эту историю в своей книге). Ведь, правда, очень смешная история? История о том, как “жандарм”, лишь недавно по заданию КГБ “гонявший” диссидентов, даёт “руководящие указания” прокурору о необходимости смены его научной ориентации. Понятно, что ничего у него не вышло, а у Вас и подавно не выйдет. Достоверные научные исследования и данные исторических источников укрепили меня в своей правоте»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> <http://www.pravoslavie.ru/108631.html>

От имени Следственного комитета Российской Федерации на конференции в Сретенском монастыре выступила старший следователь по особо важным делам Марина Молодцова, заменившая впавшего в немилость В.Н. Соловьева. Она сообщила, что «следственный комитет планирует выяснить, не являлся ли расстрел царской семьи ритуальным убийством».

Это значит, следственное дело по идентификации «екатеринбургских останков», трижды завершенное большой группой ученых разных специальностей, открыто в четвертый раз.

«Следствием планируется назначение психолого-исторической судебной экспертизы для разрешения вопроса, связанного в том числе и с возможным ритуальным характером убийства царской семьи», — сказала сотрудница СКР, которую цитирует РИА «Новости»<sup>1</sup>.

Молодец, Молодцова! Кому, в самом деле, нужна эта митохондриальная ДНК и прочие премудрости молекулярной генетики. Дашь психолого-историческую экспертизу *жидо-масонского заговора* против России и всего человечества! А «екатеринбургские останки» пусть полежат. Они хлеба не просят.

Ждали сто лет, еще подождут.

...Крупнейший теолог и историк религии, профессор Духовной Академии, член-корреспондент Российской Академии Наук, еврей по происхождению и православный христианин по вероисповеданию, выдающийся исследователь многовековой истории кровавого навета Даниил Авраамович Хвольсон (1819–1911):

***«Иногда невольно приходит мысль, что история человечества есть отчасти история обитателей сумасшедшего дома, отчасти же история разбойничьей шайки»<sup>2</sup>.***

---

<sup>1</sup> <https://www.newsru.com/religy/27nov2017/ritual.html>. Распечатка в архиве автора.

<sup>2</sup> Хвольсон Д.А. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам, Спб., 1880. С. 225.



## Приложение

С.Е. Резник

### ФАРС ИЛИ ТРАГЕДИЯ

О книге Л.А. Животовского «Неизвестный Лысенко».

Поначалу я считал невозможным участвовать в дискуссии по книге Л.А. Животовского «Неизвестный Лысенко»<sup>1</sup>. Автор книги — доктор биологических наук, и его книга, как минимум, по внешним признакам (цитаты с точными ссылками, список использованной литературы и т.п.), носит характер историко-научного исследования. Тогда как я не биолог и не историк, а только писатель. Моя миссия — создавать художественные образы, а не обсуждать научные труды.

Однако эти соображения вытеснило твердое чувство, что я морально обязан высказаться. История науки, биографии виднейших биологов — составная часть моих литературных интересов более пятидесяти лет. Моя первая книга (1968 год, серия ЖЗЛ) — биография академика Николая Ивановича Вавилова. В ходе работы над ней я вынужден был погрузиться в конфликт между Вавиловым и Лысенко, исследовать его социальные, идеологические и психологические корни, роковую роль этого конфликта в судьбе Вавилова и всей советской генетики. С тех пор я не раз возвращался к вавиловско-лысенковской теме, сейчас интенсивно работаю над обновленной биографией Н.И. Вавилова, в которой снова вынужден уделять много внимания Трофиму Лысенко<sup>2</sup>. Хотя я никогда не претендовал и не претендую на какой-либо вклад в историю науки, я думаю, что ориентируюсь в данном материале не хуже профессиональных биологов и профессиональных историков.

---

<sup>1</sup> Обсуждение книги Л.А. Животовского «Неизвестный Лысенко» состоялось в Институте океанологии РАН в 2015 г.

<sup>2</sup> Книга вышла два года спустя: Семен Резник. Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время. Предисловие Жореса Медведева. М., «Захаров», 2017, 1056 стр.

Название книги Л. Животовского «Неизвестный Лысенко» ни в коей мере не соответствует ее содержанию, ибо ничего ранее *неизвестного* о Т.Д. Лысенко в ней нет. Это поверхностная компиляция широко доступных фактов и цитат, что само по себе могло бы быть полезным, если бы не их тенденциозный подбор, искажающий истинное лицо главного персонажа и ложно обрисовывающий его место в истории науки и общества.

Из книги видно, что автор является опытным «селекционером». Направленная селекция — могучий инструмент для выведения продуктивных сортов, но исторической науке она противопоказана.

Еще на заре советской власти в России произошло массированное вторжение селекции в историческую науку. Ведущим историком в СССР считался Михаил Николаевич Покровский, основатель школы историков-марксистом. Ему принадлежала крылатая формула: «История — это политика, опрокинутая в прошлое». Этой формулой и руководствовалась марксистская историческая псевдонаука на протяжении всех десятилетий советской власти; она же остается руководящей для многих «историков» в нынешней России. Есть такие «историки» и на Западе, но там они не доминируют.

*Опрокидывая в прошлое* текущие политические и идеологические установки, царскую Россию изображали отсталой, феодальной «тюрьмой народов», а когда — при товарище Сталине — установки переменялись, та же царская Россия стала передовой многонациональной державой, объединяющей семью братских народов под руководством *старшего брата* — более равного, чем все остальные.

Весьма характерны политико-идеологические метаморфозы при изображении исторической роли евреев. Их многократно превращали из самого забитого и преследуемого народа в угнетателя и спаивателя бесхитростных россиян; из героев гражданской и второй мировой войны в толпы, штурмующие Ташкент; из враждебных России и советской власти космополитов в ее главную опору; из террористов, стрелявших в вождя революции, в его верных друзей и последователей. Да и сам вождь из *великого гения, рожденного русским народом*, превращался в *руссофоба, инородца и почти еврея*. Характерен в этом отношении двухтомник Александра Солженицына «Двести лет вместе» — на его полях мне пришлось написать третий объемистый том.

Ныне самым *русским* из всех носителей *русской идеи* снова стал Иосиф Джугашвили, а его подмастерью в биологической науке, Трофима Лысенко, снова усиленно делают корифеем самой передовой науки и самой передовой сельскохозяйственной практики, великим патриотом России. Этому не мешает его украинская фамилия, как Джугашвили-Сталину не мешала грузинская. На фоне нынешней демонизации Украины и всего украинского возвеличивание Лысенко — интересный феномен, заслуживающий особого исследования.

Такие метаморфозы происходили и происходят во всех сферах советской и постсоветской исторической «науки». Книга Л. Животовского «Неизвестный Лысенко» в этом смысле весьма показательна.

История — наука точная. Не менее точная, чем математика, физика или молекулярная генетика. Что было — то было, тут ни убавить, ни прибавить, по слову поэта. Переделка прошлого по прямому или косвенному заказу властвующей идеологии — это материализация мрачной утопии Оруэлла.

Сказанное не означает, что сложившиеся представления о деятелях прошлого навеки незыблемы. Пересмотр возможен и необходим, когда обнаруживаются новые факты и документы, конфликтующие со сложившимися представлениями. В биографии Лысенко немало темных пятен, их прояснение, возможно, потребовало бы уточнить некоторые оценки.

К примеру, из какой семьи происходил Трофим Денисович? Сам он позиционировал себя сыном крестьянина. Но, согласно марксистской доктрине, для всех тогда обязательной, крестьянство делилось на классы эксплуататоров (кулаков) и эксплуатируемых (бедняков), между коими стелилась неудобная для классового сознания прослойка середняков. Кем же был отец Трофима Лысенко? Наверняка не бедняком, а то газеты трубили бы о сыне крестьянина-бедняка. Был ли Денис Лысенко кулаком или середняком? Судя по тому, что его земельный надел вырос от 2 гектаров до 14-ти, вести дела он умел, и без наемного труда вряд ли мог обходиться. Если так, то каким образом ему удалось избежать репрессий, обрушившихся в годы коллективизации на «кровапийцев-кулаков», а его сыну — поддерживать имидж «народного» ученого? Насколько я знаю, местные архивы на этот предмет никто не исследовал, и г-н Животовский этим себя тоже не утруждал. Отец Трофима Лысенко в книге лишь бегло

упомянут. Даже о судьбоносном для Трофима опыте с посевом озимых весной, произведенном его отцом в своем хозяйстве в 1929 году, в книге не упомянуто. А ведь вне этого события *колхозный ученый* не мог бы состояться.

Другой пример — средняя школа садоводства в Умани, где Трофим Лысенко учился с 1917 по 1920 год. У кого учился, чему учился, учился ли вообще?? Это сплошное белое пятно в его биографии, или, если хотите — черная дыра. То были годы войны — мировой, потом гражданской, а Трофиму Лысенко было от 19 до 22 лет. Умань захватывали то красные, то белые, то различные банды. Всем требовались пополнения. Мужчины, способные носить оружие, подлежали мобилизации — добровольной, либо принудительной, либо добровольно-принудительной (гениальное, кстати, изобретение большевистских идеологов). Как Трофиму Лысенко удавалось многократно этого избегать? Или не всегда удавалось? Если так, то в чьем войске и как долго он служил? (Наверняка не в Красной армии — иначе его сделали бы героем гражданской войны). Всего этого мы не знаем. Казалось бы, столько возможностей для исследователя не известного Лысенко! В книге Животовского обо всем этом ни полслова.

Кто был учителем Трофима Денисовича?

О Н.И. Вавилове мы знаем, кто были его учителя, чем он был обязан каждому из них. А о Лысенко? Своим учителем он называл И.В. Мичурина. Однажды он приезжал к Мичурину в Козлов, но по одним сведениям, после короткого разговора чем-то рассерженный Мичурин палкой выгнал его из своего кабинета, а по другим — он заперся и отказался его принимать, так что Трофиму Денисовичу пришлось уехать, не повидав «учителя». Интересно было бы проверить эти сведения по архивам Мичурина и Мичуринска. Однако автор книги о «неизвестном» Лысенко этим тоже себя не утруждал<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Во время обсуждения моей книги о Н.И. Вавилове во Всероссийском институте общей генетики, выступил ученый, бывавший в Мичуринске и знакомившийся там с бумагами Лысенко, присланными им Мичурину с дарственной надписью. Он обратил внимание на то, что бумаги эти вымазаны в грязи. Обратившись за разъяснением к работнику архиву, он узнал, что И.В. Мичурин, получив от Лысенко этот подарок, скомкал его и выбросил в лужу. В его архив они попали после того, как их вытащили из грязи и высушили.

В книге читаем: «Что касается особенностей влияния на растение светового режима, то эту сторону стадийного развития (фотопериодизм у растений) детально исследовал коллега Т.Д. Лысенко по Гандже Н.А. Максимов». И дальше: «Так Т.Д. Лысенко открыл первый, ключевой в жизни растения этап развития, названный им *стадией яровизации*».

Вот это действительно новое! Но — неверное. По Животовскому, Лысенко — первооткрыватель и единственный исследователь стадии яровизации, а заодно и теории стадийного развития, тогда как «коллеге по Гандже» Н.А. Максимова отводится роль исследователя второй стадии — световой.

Можно лишь поражаться, какая бездна незнания стоит за этой короткой фразой. Николай Александрович Максимов никогда не был «коллегой Лысенко по Гандже». Крупнейший физиолог растений, он возглавлял отдел физиологии в ВИРе. С начала 20-х годов Максимов, ставил эксперименты по *холодному проращиванию*, исследуя — вслед за Гаснером, — воздействие низких температур на рост и развитие культурных растений. Им было выявлено и задокументировано, что воздействие холодом на ранней стадии ускоряет рост и развитие некоторых растений и сортов.

Лысенко пришел к аналогичным результатам позднее, хотя и вполне самостоятельно, ибо опубликованных работ Максимова не читал и лично с ним не был знаком. *Новое слово* Лысенко в значительной мере сводилось именно к **слову**, к простому и понятному термину — **яровизация**. Термин сразу попал в газеты, овладел массами, стал (по Марксу) материальной силой. **Яровизация**, а не какое-то **холодное проращивание**. Но суть была та же. Максимов, отмечал совпадение результатов Лысенко со своими собственными и не без оснований оспаривал у него приоритет. В марте 1933 года Максимов был арестован, сослан в Саратов, где работал в Институте зернового хозяйства. Тягаться с Лысенко он больше не пытался, а, напротив, высказывал похвалы «колхозному ученому», за что был щедро вознагражден. Репрессиям больше не подвергался. Стал директором Института физиологии им. К.А. Тимирязева, академиком, был награжден орденом. А для автора книги о «неизвестном» Лысенко Максимов — его коллега по Гандже, исследовавший световую стадию!

Кстати о фотопериодизме. Это явление было открыто американцами Аллардом и Гарнером, а в России его изучал большой коллектив ученых под руководством Н.И. Вавилова, организовавшего географические посевы по всей стране. Именно эти опыты по системе Вавилова, а вовсе не яровизация, позволили выявить сорта и культуры, которые ускоряют свое развитие при долгом световом дне и могут быть продвинуты далеко на север. Параллельно с этим Г.С. Зайцев, в Средней Азии, выявил формы египетского хлопчатника, которые ускоряли развитие при укороченном дне. Их удалось вовлечь в скрещивания и вывести сорта тонковокнистого хлопчатника, которые плодоносили в условиях Средней Азии. Это было стратегическое сырье: оно шло на изготовление парашютов.

Ну, а кто был истинным коллегой, вернее руководителем Лысенко в Гандже? Имя Николая Федоровича Деревницкого в книге о «неизвестном» Лысенко не упомянуто. Между тем, именно Деревницкий поручил начинающему ученому опыты по возможному возделыванию бобовых культур зимой, для чего следовало выявить подходящие сорта и наилучшие сроки посева. Методику определения оптимальных сроков посева разработал Г.С. Зайцев, вавиловский «король» хлопчатника. Селекционная станция, которой руководил Зайцев, находилась под Ташкентом, но в Гандже, у Деревницкого, его друга детства, был ее опорный пункт, Зайцев туда наезжал. Так что идея производить посевы одних и тех же сортов каждые десять дней пришла Лысенко отнюдь не «сама собой», как он вспоминал впоследствии. Опыты он ставил под руководством Деревницкого, по методике Зайцева.

Обо всем этом в селектированном изложении д-ра Животовского не упомянуто.

Теорию стадийного развития г-н Животовский объявляет великим открытием, которое научные противники Лысенко замалчивали. Это неверно. Теорию стадийного развития никто не замалчивал. Особенно активно ее пропагандировал Н.И. Вавилов, и по очень простой причине: он лучше самого Лысенко понимал научный смысл этой теории, ее значение для селекции. Вавилов подчеркивал, что теория стадийности позволяет выводить скороспелые сорта путем скрещивания форм, имеющих короткую стадию яровизации, с формами, имеющим ко-

роткую световую стадию. Два поздних родительских сорта могут произвести ранний сорт. Для выявления таких форм требовалось «прогнать» через яровизацию тысячи сортов мировой коллекции, что и стало проводиться в вавиловском институте — ВИРе. Вавилов пытался вовлечь в эту работу самого Лысенко. Но тщетно. Вместо этого Лысенко, поддержанный наркомом земледелия Украины Шлихтером, затем наркомом земледелия СССР Яковлевым, а за ними и самим Сталиным, стал вводить яровизацию в широкую практику в качестве технического агроприема. Под яровизированные посевы отводились тысячи, потом десятки, сотни тысяч гектаров колхозных и совхозных полей; тысячи «передовиков» мочили семена в так называемых хатах-лабораториях. Массовые опыты проводились без должного контроля, потому их научная ценность равнялась нулю. Но Лысенко слал победные реляции властям в то время, как стекавшиеся к нему данные массовых опытов подвергались *селективной* обработке, точно так же, как теперь г-н Животовский селективно обработал исторический материал, дабы восславить «неизвестного Лысенко».

Тем временем практическая эффективность яровизации как агроприема была проверена в опытах профессорами Лисицыным и Константиновым. Опыты проводились в течение пяти лет (1932–1936) на 54-х сортоучастках в разных регионах страны. Испытывалось 35 сортов пшеницы и других зерновых культур. Как полагалось в научном опыте, яровизированные посевы сопоставлялись с контрольными. Оказалось, что в отдельные годы в отдельных районах отдельные яровизированные сорта приносят незначительную прибавку урожая (доли процента), в другие годы они дают убыль. Яровизированные посевы сильнее контрольных поражались твердой головней. Посевного материала для них требовалось в два раза больше, чтобы компенсировать потерю всхожести при перелопачивании «наклюнувшихся» семян.

В книге Животовского об этом не упоминается, зато настойчиво проводится мысль, что Лысенко был нацелен на практику, тогда как его противники занимались теорией; он делал упор на развитие растений в конкретных условиях внешней среды, а его противники условия среды игнорировали. Все это, мягко говоря, не имело ничего общего с реальностью. Ни

один здравомыслящий биолог никогда и нигде не игнорировал и не мог игнорировать условия среды, в которой растет и развивается живой организм. Спор шел о том, можно ли условиями среды переделать в нужном направлении наследственную природу или нет. Доказательств в пользу такой возможности не было, Лысенко ни одного нового доказательства не дал, но требовал, чтобы его доктрине все верили без доказательств. Несогласных третировал как врагов народа, социализма, советской власти. В этом суть биологических «дискуссий» того времени.

Лысенко занимался «расшатыванием» наследственности и «воспитанием» растений в нужном направлении, тогда как генетики и растениеводы вавилонской школы собирали и исследовали в разных условиях среды исходный материал и выводили новые сорта. Они широко использовали гибридизацию, в том числе отдаленную, полиплоидию, инцухт для перекрестно-опылителей и другие методы генетики, которые давали практические результаты.

В отчаянном письме Сталину, посланном за две недели до «окончательного» разгрома генетики на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, П.Н. Константинов перечислил имена крупнейших селекционеров классической школы (Лисицын, Шехурдин, Писарев и др.), чьими сортами было в то время занято 90 процентов всех посевных площадей в стране. Кто же больше давал практике — классические генетики, якобы увлекавшиеся чистой теорией, или нацеленные на практику лысенковцы? Ответ ясен, но Животовский об этом не упоминает.

По мнению автора книги, если Лысенко и допускал «ошибки», то именно из-за своей чрезмерной нацеленности на немедленную практическую пользу. В книге есть такое примечательное место: «Сам же Т.Д. Лысенко, желая быстрее достичь новых практических результатов, но, не имея на посту Президента ВАСХНИЛ времени на кропотливые научные исследования, которые двумя десятилетиями ранее возвели его на пьедестал научного успеха, стал делать стратегические ошибки. Так, например, им были разработаны невыполнимые рекомендации по выведению сорта за 2.5 года и даны предложения о расширении посевов ветвистой пшеницы с целью увеличения производства зерна».



Правда здесь снова перемешана с неправдой. Никакой «разработкой рекомендаций» по выведению сортов в 2,5 года Лысенко не занимался. Он взял на себя **невыполнимое обязательство** вывести сорт пшеницы для Одесской области за 2,5 года, а потом доложил в сенсационной телеграмме, адресованной заву сельхозотделом ЦК партии Яковлеву, наркомун земледелия Чернову и президенту ВАСХНИЛ Муралову, что обязательство выполнено. Это очковтирательство имело место за много лет до того, как Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ.

Что касается ветвистой пшеницы, то прежде чем расширять ее посевы, надо было вывести рекордные по урожайности сорта. Специалисты знали, что это невозможно, ветвистая пшеница для этого не годится. Но она понравилась Сталину, потому Трофим Денисович и взялся за заведомо провальное дело. Не было таких крепостей, которые не могли взять большевики, и вместе с ними брал воображаемые крепости беспартийный большевик Трофим Денисович Лысенко.

По мнению д-ра Животовского, «Т.Д. Лысенко обладал феноменальным “чувством растения”, и в этом он был сродни гениям практической селекции — Ивану Владимировичу Мичурину и Лютеру Бербанку».

Увы, между двумя великими садоводами, с одной стороны, и Трофимом Лысенко, с другой, была большая разница. Две больше разницы, как говорят в Одессе. Мечурин и Бербанк создали много сортов плодовых и ягодных культур, приносящих витамины и радость нескольким поколениям жителей Советской России, США и других стран. Незабываем для меня особый запах и вкус мичуринских яблок — редкого деликатеса моего не богатого деликатесами послевоенного детства. Как Мичурин, так и Бербанк, по праву считаются великими селекционерами. А Лысенко, вопреки громогласным обещаниям, не вывел ни одного сорта. Такова первая разница между ними. Вторая, не менее существенна. Ни Бербанк, ни Мичурин никому не навязывали своих взглядов, не третировали несогласных как врагов народа и государственного строя своих стран, никого не доводили до тюрьмы, сумы или самоубийства.

Одним из главных козырей д-ра Животовского служат положительные высказывания о Лысенко некоторых мировых авторитетов генетики, таких, как д-р Хаксли или д-р Ашби. В книге читаем:

«Вот что сказал о Т.Д. Лысенко австралийский ученый Э.Ашби, направленный правительством Австралии в конце 1940-х для изучения организации науки в СССР: “Он крестьянин и понимает крестьян. ... Он — лидер деревни. Что он говорит им — то претворяется в жизнь. И он олицетворяет диалектический материализм в действии; он даёт колхозам практическую философию” (Ashby 1947)». ( С. 27)

Эрик Ашби (Эшби) и его британский друг доктор Хаксли (Гексли) приезжали в СССР не в конце 1940-х годов, а в 1945-м — на торжества по случаю 220-летия Академии наук. Тогда они познакомились с Лысенко и получили некоторые представления о том, что происходит в советской биологической науке.

Приведенную в книге д-ра Животовского цитату я не проверял, достоверность ее под сомнение не ставлю. Но вот другое высказывание того же ученого, которого в его книге нет:

«Что касается положения советской генетики, то подтвердились наихудшие опасения иностранных ученых. Советских биологов, чьи взгляды были на подозрении, лишали работы. До Запада докатывалось эхо бурных собраний, на которых некоторые биологи, с подлинным героизмом, были готовы повторить в двадцатом веке бессмертный протест Галилея: “А все-таки она вертится”». (Из предисловия к книге Э. Маневич «Такие были времена». (1990, С. IV.)

Свидетелем прямого контакта Ашли и Хаксли с Лысенко была известный генетик Р.Л. Берг:

«Гексли спросил Лысенко: “Если нет генов, как объяснить расщепление?” “Это объяснить трудно, но можно, — сказал Лысенко. — Нужно знать мою теорию оплодотворения. Оплодотворение — это взаимное пожирание. За поглощением идет переваривание, но оно совершается не полностью. И получается отрывка. Отрывка — это и есть расщепление”. Элеонора Давидовна [Маневич] перевела... Эти слова Гексли привел в своей книжке (ссылка). После доклада два джентльмена, два немолодых сдержанных англичанина сперва в замешательстве посмотрели друг на друга, потом вдруг обернулись друг к другу, вскинули руки на плечи друг друга и захохотали. Первый акт представления позади». (Р.Л. Берг. «Суховой», Нью-Йорк, 1983, С. 103).

О том же эпизоде, независимо от Раисы Берг, поведала Элеонора Маневич. Она же объяснила, почему, вернувшись из СССР, ни Хаксли, ни Ашли не высмеяли лысенковскую отрывку, а даже высказали о колхозном ученом что-то неопределенно-положительное. Э.Д. Маневич, для которой английский язык был таким же родным, как русский, была приставлена к ним в качестве переводчицы и могла откровенно говорить с ними без свидетелей. Она их просила помнить, что их неосторожное слово может «отрыгнуться» советским генетикам, пытавшимся в тех жутких условиях по-галилеевски противостоять лысенковской инквизиции.

Что касается полемики между генетиками и лысенковцами, то, по мнению Животовского, те и другие были ожесточены друг против друга, одинаково правы и неправы, а теперь, когда осела пыль века, следует признать, что позиции их были вовсе не противоположны, как им самим казалось, они лишь дополняли друг друга, внося позитивный вклад в науку с обеих сторон; но если достижения генетиков признаются, то достижения Лысенко замалчиваются. Эту несправедливость д-р Животовский и пытается устранить. Так что, ребята, давайте жить дружно!

Невольно вспоминаю газетную статью известного лысенковца профессора А.Н. Студитского 1987 года, когда весь мир отмечал столетие Н.И. Вавилова и в некоторых публикациях недобрым словом поминался Трофим Денисович. Студитский тогда выступил с голубиным воркованием: когда-то мол мы все не в меру горячились, а теперь давайте жить дружно. Это тот самый Студитский, который, после погрома на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, настолько разгорячился, что опубликовал в самом массовом и популярном журнале «Огонек» статью под убойным названием «Мухолобы-человеконенавистники», разукрашенную серией карикатур известного мастера этого жанра Бориса Ефимова. Так они с улюлюканьем добивали поверженную генетику. Около трех тысяч ученых было уволено и на годы отлучено от любимой науки; другие сотни, если не тысячи, спасаясь от репрессий, официально каялись в своих «ошибках», клятвенно обещали перестроиться и стать сторонниками Лысенко. Многие были арестованы, профессор физиологии МГУ Сабинин покончил с собой. Это не считая Вавилова, Карпеченко,

Фляксбергера, Левитского, Мальцева и других ведущих приверженцев классической генетики, репрессированных еще до войны и расстрелянных или умерших в заключении. Затем последовала «Павловская сессия» двух академий, в результате чего участь генетиков должны были разделить многие физиологи, медики и ученые смежных дисциплин.

Для сравнения полезно сопоставить эти данные с тем, как *горячились* противники Лысенко после снятия Хрущева, когда «мичуринцы» лишились официальной поддержки власти. Академия Наук провела расследование научной и практической деятельности лысенковского экспериментального хозяйства в Горках Ленинских и пришла к выводу, что научные данные там систематически подтасовывались и фальсифицировались. Материалов одного этого расследования было более чем достаточно, чтобы возбудить уголовное дело против Лысенко и его ближайших сотрудников. Но никто из них не был арестован, не был лишен ученого звания, не потерял работы. Более того, партия и цензура вскоре стали ограждать Лысенко от критики и зажимать рот тем, кто не хотел молчать. Мне это довелось испытать на себе. Рукопись моей книги о Вавилове для серии ЖЗЛ в процессе подготовки к печати усохла на сто страниц, причем изъятию подверглись многие страницы, изобличавшие Лысенко. Когда книга была подписана в свет и сигнальные экземпляры были разосланы в соответствующие организации, по доносу Лысенко в ЦК партии почти весь тираж книги был арестован и около года томился в запечатанной комнате. Книгу выпустили на свободу лишь после новых цензурных изъятий, с опозданием на год.

Д-р Животовский прав в том, что с конца 1960-х годов до начала перестройки имя Лысенко почти не упоминалось в советской печати — общей и специальной. Но объяснялось это не тем, что генетики его «замалчивали», а тем, что в стране проводилась ползучая ресталинизация и на изобличение лысенковщины был наложен запрет. Что же касается его сторонников, то они замолкли, восхвалять его после всего, что произошло, никто не решался. В XXI-м веке сторонники Лысенко стали вылезать из щелей, и теперь его усиленно делают «предсказателем» новейших достижений молекулярной био-

логии и генной инженерии. Думаю, многим памятна овечка Долли, полученная путем клонирования, и статья профессора Анохина в Литгазете, узревшего в этой овечке торжество лысенкизма. За годы, прошедших с тех пор, волна лысенковщина продолжала нарастать, на этой волне и появилась книга д-ра Животовского.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

### А.

Аванесов В.А. — 253  
Авдеев А.Д. — 257  
Авдонин Н.А. — 294–295,  
301–302, 309  
Адашев Алексей — 13–14  
Азеф Е.Ф. — 85, 89, 106, 133,  
145–149, 151, 157–158, 170  
Александр I — 36, 38–40  
Александр II — 42–44, 55–56,  
69, 116, 156  
Александр III — 44–45, 49–50,  
53, 56–59, 64–65, 87, 108, 110,  
123, 205  
Александр Михайлович  
(Сандро), великий князь —  
53, 62–66, 76, 81, 87–88  
Александра Федоровна  
(Алиса Гессенская), царица,  
государыня — 56–58, 87, 94,  
110, 155, 182–187, 190–191,  
193, 195–197, 218, 220–221,  
223, 225–226, 229, 252, 255,  
260, 261, 268, 282, 304, 315,  
322  
Алексеев Е.И., адмирал — 77,  
81, 89  
Алексеев М.В., генерал — 222,  
231, 236–237, 239–240, 243  
Алексей Александрович,  
великий князь — 59, 77, 83  
Алексей Николаевич,  
царевич — 5, 48–49, 169, 193,  
237, 241–243, 253, 255, 257,  
260–261, 268, 283–284,  
286–287, 305, 310, 315, 321,  
325, 326  
Алексей Михайлович,  
великий князь — 19–20

Алексей Петрович, царевич —  
21–24, 27, 41, 46  
Алексий II (Ридигер А.М.),  
патриарх — 311, 316, 318–  
319, 321–322, 324  
Аллард Г.А. (H. A. Allard) —  
334  
Анастасия Николаевна,  
царевна, великая княжна —  
5, 255, 261, 284, 287, 305, 315,  
321, 322  
Анастасия Николаевна,  
великая княгиня — 184  
Андерсен Анна  
(Лжеанастасия) — 283  
Андреев Л.Н. — 211  
Андропов Ю.В. — 297  
Анна Иоанновна — 28–31  
Анна Леопольдовна — 29–33  
Анна Петровна — 24, 28, 34  
Анохин М.И. — 341  
Антон Брауншвейский — 29  
Антоний (Грабе), епископ —  
315  
Антоний, митрополит  
(Вадковский А.В.) — 83  
Арсеньев К. — 211  
Артомонова Н. — 212  
Арцыбашев М. — 211  
Афанасьев В.В. — 297, 301  
Ашби (Эшби) Э. (Ashby) —  
337–338

### Б.

Базили Н.А. — 243  
Бакунин М.А. — 157  
Балмашов С.В. — 66  
Бальмонт К.Д. — 95, 211  
Безобразов А.М. 76–77, 91  
Бейлис М. (дело Бейлиса) —  
82, 99, 133, 176–178, 181,  
197–199, 203, 224, 271, 277,  
284, 308

- Белецкий С.П. — 172, 176,  
223–225  
Беляев М.А. — 233  
Белобородов А.Г. — 254–256,  
270–271, 276, 278, 280, 287,  
299–300  
Бербанк Лютер — 337  
Берг Р.Л. — 338–339  
Берия Л.П. — 174  
Бернацкий М.В. — 211  
Бестужев П.М. — 28  
Бехтеев С.С. — 130  
Бехтерев В.М. — 211  
Бирон (Бирен) Эрнст — 28–32  
Бисмарк Отто фон — 52  
Блок А.А. — 198  
Бобриков Н.И. — 80  
Бобринский А.А. — 233  
Богдан Хмельницкий — 19  
Боголепов Н.П. — 157  
Боголюбов А.П. — 56  
Богров В.Г. — 157  
Богров Д.Г. (Аленский) —  
152–154, 156–164, 174, 177, 178  
Бодуэн-де-Куртене И.А. — 211  
Бок М.П. — 101, 153  
Болдырев В.Г., генерал — 238  
Бонч-Бруевич М.Д.,  
генерал — 209  
Борис — 11–12  
Борис Годунов — 15–17  
Борятинский Ф.П. — 29  
Боткин Е.С. — 255, 259–261,  
303  
Брандорф, прокурор — 162  
Брежнев Л.И. — 286, 296,  
297, 301  
Бруно Джордано — 6, 320  
Брусиллов А.А., генерал — 209,  
222, 235  
Брухнов М.А. — 260  
Брюсов В.Я. — 211  
Будберг А.А. — 94  
Булгаков С.Н. — 211  
Бунин И.А. — 211, 251  
Булыгин А.Г. — 87–88, 92–93,  
107, 109  
Бурцев В.Л. — 146–147, 149,  
151, 205  
Быков П.М. — 287–288  
Бьюкенен Джордж — 247
- В.
- Вавилов Н.И. — 316, 329, 332,  
334–335, 339, 340  
Ваганов С.П. — 258–259  
Валтасар — 281, 299  
Василий I — 12  
Василий II Темный — 12  
Василий III  
(Василий Васильевич) — 13  
Василий Иванович,  
великий князь — 13  
Василий Иванович  
Шуйский — 15, 17–18,  
Василий Косой — 12  
«Вася» — 160, 162  
Васильев Г. — 295  
Васильев Дмитрий — 286  
Васильев П.И. — 318  
Веденяпин М.А. — 149  
Викентий (Морарь),  
архиепископ — 321–324  
Виктория, королева  
Английская — 56  
Виктория Федоровна,  
великая княгиня — 282  
Вилинбахов В.Д. — 45  
Вильгельм II (кузен Вилли),  
кайзер Германии — 61, 73–74,  
91, 98, 256  
Виригин — 153–155  
Виссарионов С.Е. — 150–151  
Витте С.Ю. — 54, 58–60,  
64–66, 68–71, 73–76, 78–81,  
83–86, 89–96, 102–113,  
117–118, 121, 123–124, 139,  
177–178, 202, 214, 216, 221

Вишневская Г.П. — 294  
Вишнеградский И.А. — 54  
Владимир Александрович,  
великий князь — 52, 69, 83  
Владимир (Котляров),  
митрополит — 320  
Владимир Старицкий — 14, 16  
Владислав — 18  
Войков П.Л. — 267, 279  
Воейков В.Н., генерал — 51  
Вольнский А.П. — 29  
Воронцов-Дашков И.И. — 58  
Вырубов А. — 185  
Вырубова А.А.  
(Аня, Аннушка) — 171, 176–  
177, 185, 188–191, 202, 216,  
223, 229

## Г

Галилей, Галилео — 6, 320,  
338  
Галицкий Юрий — 12  
Гапон Григорий — 86, 105  
Гарнер У.У. (W. W. Garner) —  
334  
Ге, Н.Н. — 46  
Гейне, Г. — 280–282, 299–300  
Гексли Д. — см. Хаксли Д.  
Гендельман М.Я. — 245  
Георг V (король, принц  
Йоркский) — 57, 247  
Георгий Александрович,  
великий князь — 306, 314,  
315–316  
Георгиев Г.П., академик —  
314  
Герасимов А.В. — 105–106,  
108, 118, 120, 128, 134,  
136–137, 140–42, 144–47,  
149–151, 153, 157–158, 170  
Гермоген, епископ — 184, 187,  
190, 218  
Герцен А.И. — 61  
Герценштейн М.Я. — 119

Гессен Г.В. — 209  
Гинцбург Г.О., барон — 175  
Гиппиус З.Н. — 198, 211  
Гитлер, Адольф — 121–122, 325  
Глеб — 11–12  
Глебов Степан — 23  
Глобачев К.И. — 176  
Голиков А.Г. — 79, 104  
Голощекин Ф.И.  
(товарищ Филипп) — 254, 257,  
270–271, 277–279, 299  
Голубев В.С. — 162  
Горбачев М.С. — 298, 301  
Горемыкин И.Л. — 65–66, 94,  
112–114, 118–119, 121, 125,  
202, 203, 214, 219–220  
Горький А.М. — 86, 210–212,  
251  
Горячкин Ф.Т. — 122  
Григоренко П.Г. — 151  
Григорьев А.Г. — 168–169  
Гурко В.И. — 92, 96, 98, 220,  
222–223, 229  
Гусев-Оренбургский С.И. —  
211  
Гусева Хиония — 201–202,  
215  
Гучков А.И. — 181, 191, 193–  
194, 196, 200, 213, 231, 241–  
242, 244

## Д

Даниил, библейский пророк —  
281  
Дедюлин В.А. — 150  
Демидова А.С. — 255, 261, 268  
Деревицкий Н.Ф. — 334  
Джунковский В.Ф. — 216, 218  
Дзержинский Ф.Э. — 217, 256  
Дидковский Б.В. — 279  
Димитрий Иванович, внук и  
наследник Ивана III — 12–13



Димитрий Иванович,  
царевич, сын Ивана IV  
Грозного — 15  
Дитерихс М.К., генерал — 5,  
269–270, 272–282, 300, 324.  
Дмитрий Шемяка — 12  
Дмитрий Павлович,  
великий князь — 174  
Добронравов Л. — 211  
Дойл Конон — 6  
Долгорукий В. В. — 29  
Долгорукий В.Л. — 29  
Долгорукий И. Л. — 29  
Долгорукий Юрий — 29  
Долгоруков В.А. — 255  
Долгоруков П.Д. — 211  
Достоевский Ф.М. — 151, 275  
Дубасов Ф.В. — 106–107, 145  
Дувидзон (Давидсон) В.Б. —  
175, 201  
Дубенский Д.Н. — 239  
Дубровин А.И. — 82, 111, 118,  
167, 169  
Дудаков С. Ю. — 207–209  
Думбадзе, полковник — 141  
Дурново П.Н. — 103, 105–106,  
108–109, 111, 140, 143–144

## Е

Евдокия (дочь Марфы  
Старицкой) — 16,  
Евдокия, царица — 21, 23, 27  
Екатерина I (Марта) — 21,  
24–26  
Екатерина II  
(Софья Фредерика Анхальт-  
Цербская) — 35–37  
Елена, великая княгиня —  
12–13  
Елизавета, королева  
Английская — 7–8, 14  
Елизавета (Елисавета)  
Петровна — 26–28, 31–35

Елизавета Федоровна,  
великая княгиня — 87, 315  
Елпатьевский С.Я. — 211  
Ельцин Б.Н. — 293–308, 317,  
319–320, 324  
Еремин А.М. — 127–128, 151,  
157  
Ермаков П.З. — 258–259, 261,  
263–265, 271, 300  
Ефимов Б.Е. — 339  
Ефремов И.Н. — 204

## Ж

Жевахов Н.Д. — 172  
Животовский Л.А. — 312–316,  
329–341  
Жученко З.Ф. — 145–146

## З.

Заболотный Д. К. — 209–210  
Зайцев Г.С. — 334  
Замысловский Г.Г. — 167  
Засулич В.И. — 56  
Зильбер Л.А. — 260  
Зиновьев Г.Е. — 248  
Зубатов С.В. — 86, 144  
Зюганов Г.А. — 317

## И.

Иван III (Иван Васильевич) —  
12–13  
Иван IV Грозный — 13–16,  
45–46  
Иван Алексеевич,  
царь — 19–21  
Иван Иванович, сын и  
соправитель Ивана III — 12–13  
Иван Иванович, царевич, сын  
Ивана Грозного — 14, 45–46  
Иван Сусанин — 218  
Иванов В.И. — 211

Иванов Н.И., генерал — 237  
Иванов П. — 160, 162  
Иванов П.Л. — 304–307, 314,  
316  
Игнатьев А.В. — 79, 104  
Извольский А.П. — 90  
Изгоев А.С. — 99  
Ильф И.А. — 269  
Иоанн (Снычев)  
митрополит — 320  
Иоанн Антонович  
(Иван VI) — 29, 32–35  
Иоанн Богослов — 319  
Иоанн Кронштадтский — 184  
Иов — 49–50, 52, 78, 97, 244  
Ирина Годунова — 15

## К.

Кабанов А.Г. — 258–259  
Каверин В.А. — 260  
Казимир,  
король Польский — 12  
Калмыков А. — 211  
Каляев И.П. — 87, 315  
Карл I, король Англии — 252  
Карл XII,  
король Швеции — 34  
Карл-Фердинанд, герцог — 34  
Карнеги Эндрю — 70  
Карпеченко Г.Д. — 339  
Карпов С.Г. — 150–151, 158  
Каршович П.В. — 146–147  
Катков Г.М. — 212–213,  
219–220, 231, 237–240, 243  
Керенский А.Ф. — 244–245,  
247–248, 250–251  
Керзон Джордж — 288  
Кизеветтер А.А. — 137  
Кирилл Владимирович,  
великий князь — 282–283  
Кирилл (Гундяев В.М.),  
патриарх — 324, 326–327  
Ковалевский М.М. — 211

Кокцов В.Н. — 52, 86,  
113–115, 119, 121, 124–126,  
134–135, 137, 143–144, 154–  
156, 163–168, 178–181, 191–  
193, 195–197, 202, 221, 223  
Кокшкун Ф.Ф. — 211  
Колчак А.В. 270, 272–273, 275,  
284  
Комиссаров М.С. — 89, 176  
Кони А.Ф. — 52, 56, 63, 87,  
154–156  
Коновницын А.И. — 168–169  
Константин Павлович,  
великий князь — 38–40  
Константин Константинович,  
великий князь — 59  
Константинов П.Н. —  
335–336  
Корников А. — 249  
Корнилов Л.Г.,  
генерал — 248–250  
Короленко В.Г. 54–55, 68, 211  
Костомаров Н.И. — 13, 17, 19,  
32–33  
Косыгин А.Н. — 286  
Котген М.Ф. фон — 158  
Кривенко В.С. — 58  
Кривошеин А.В. — 179, 233  
Кристи Агата — 6  
Кропоткин П.А. — 157, 205  
Крюков Ф.Д. — 211  
Ксендзук О. — 141  
Кузминский А.М. — 98–99,  
102, 168  
Кузьмин-Караваев В.Д. — 119  
Куликовская О.Н. — 306–308  
Куликовский Т.Н. — 306, 308,  
316  
Кулябко Н.Н. — 153–155,  
157–158, 161, 178, 271  
Куприн А.И. — 198  
Курлов П.Г. — 147–148,  
150–156, 172, 179

Куропаткин А.Н. — 70, 75, 81,  
89,  
Кускова Е.Д. — 211  
Кутлер Н.И. — 99, 117–118  
Кшесинская М.Ф. — 52–53, 57

## Л.

Лазарев Егор — 158–159  
Ламсдорф В.Н. — 75–76, 83,  
90–92  
Лауниц В.Ф. фон — 170  
Лахер Рудольф  
(Lacher Rudolf) — 282  
Левитский Г.А. — 340  
Лекманов О. — 292  
Ленин (Ульянов) В.И. — 40,  
67, 118, 133, 174, 205,  
244–246, 248, 251–253,  
256–257, 277, 279, 280  
Лемке М.К. — 207–208  
Лесток Иоганн Герман  
(Иван Иванович) — 31  
Лжеалексей, царевич — 284  
Лжеалексей (Косыгин А.Н.) —  
286  
Лжеалексей (Семенов Ф.Г.) —  
284  
Лжеалексей (Филатов В.К.) —  
284, 286  
Лжеанastasия  
(Анна Андерсен) — 283  
Лжедмитрий I — 16–17  
Лжедмитрий II  
(Гушинский вор) — 17–18  
Лжедмитрий III — 18  
Лжесимеон — 19  
Ли Хун-Чжан — 74  
Либхнет Карл — 280  
Линар, граф — 31  
Лисицын П.И. — 335–336  
Лихачев Д.С., академик — 317  
Ллойд Джордж — 247  
Лобачевский Н.И. — 174

Ломов — 149  
Лопухин А.А. — 84, 89,  
147–148, 151–152  
Лукомский А.С., генерал —  
243  
Лукоянов Ф.Н. — 266  
Лыкова Л.А. — 292  
Лысенко Д.Н. — 331  
Лысенко Т.Д. — 316, 329–341  
Львов Г.Е. — 231–232, 244  
Львов Н.Н. — 119  
Людвик XVI — 252  
Люксенбург Роза — 280  
Лятковский Петр — 159–162

## М.

Магеровский Е.Л. — 308  
Маззев М.Н. — 192  
Макаров А.А. — 191–194,  
197–198, 232  
Макеев О. — 322  
Маклаков В.А. — 113, 129,  
136–138  
Маклаков Н.А. — 197, 207, 219  
Максимов Н.А. — 333  
Максимова Э.М. — 303,  
311–312  
Максудов Сергей — 99  
Мальцев А.И. — 340  
Мальянгович П.Н. — 211  
Манасевич-Мануйлов И.Ф. —  
75  
Маневич Э. Д. — 338–339  
Манус И.П. — 175  
Мария Николаевна, царевна,  
великая княжна — 5, 253, 255,  
305, 310, 321–322, 325–326  
Мария Александровна,  
царица — 43  
Мария Федоровна,  
императрица, царица-мать —  
80, 143, 282–283, 320  
Мария Мнишек — 18

Мария Стюарт, королева  
Шотландии — 7, 11, 14  
Марков Н.Е. (Марков Второй)  
— 166–167, 169  
Маркс, Карл — 61, 333  
Мартынов, полковник — 217  
Марфа Старицкая — 16  
Махони Дэниел  
(Mahoney Daniel J.) — 122  
Маяковский В.В. — 288  
Медведев Ж.А. — 329  
Медведев (Кудрин) М.А. —  
257–259, 266–267, 271, 285,  
292, 300  
Медведев М.М. — 292–293  
Медведев П.С. — 258–259  
Мельгунов С.П. — 237–238,  
242–243  
Меницкий И. — 203–204  
Меншиков А.Д. — 21, 23,  
25–27  
Меншикова М.А. — 26  
Меньшиков М.О. — 93, 166  
Меттерних Клеменс фон — 52  
Мешерский В.П. — 76, 93, 166,  
197, 239  
Милица Николаевна,  
великая княгиня — 184–185  
Милорадович М.А., генерал —  
41  
Милоков П.Н. — 107–109,  
113, 118–120, 198–200, 205–  
206, 225, 234, 243–247  
Мин Г.А. — 106  
Минин Кузьма — 18  
Миних Б.-Х., фельдмаршал  
— 30, 32, 222  
Мирбах Вильгельм фон — 256  
Мирович В.Я. — 35  
Миронова Т.Л. — 173–175  
Митрохин В. — 318  
Михаил Александрович,  
великий князь — 84  
Михаил Федорович, царь —  
18–19

Михайлов М. — 280  
Михнович — 273  
Мичурин И.В. — 332, 337  
Молодцова М. — 328  
Монтескье, Шарль — 8, 11  
Морозов Б.И., боярин — 19  
Мульгатули П.В. — 327  
Муравьев Н.В. — 90  
Муравьев Н.М. — 70–75  
Муравьев Н.К. — 155  
Муралов А.И. — 337  
Муромцев С.А. — 119, 126  
Муссолини Бенито — 121  
Мясоедов С.Н. — 212–213

Н.

Набоков В.Д. — 119, 244  
Навуходоносор — 281  
Нагаи Т. 315–316  
Нагорный А.П. — 293  
Намёткин А.П. — 269,  
273–274  
Наполеон I — 38, 174  
Нарышкина Наталья — 19, 20  
Наталья из рода Нагих — 15  
Наумов А.М. — 233  
Наумов Владимир — 135–136  
Нейгардт Д.Б. — 102, 168  
Нелидов А.И. — 68–69, 90  
Немцов Б.Е. — 308–309, 311–312  
Негребин В.Н. — 258–259  
Николаевский Б.И. — 126, 146  
Николай I — 39–42, 55, 56  
Николай II (Никки, государь,  
царь) — 5–6, 47–53, 56–98,  
103, 106–107, 110–115, 118–  
121, 123–127, 129, 135, 137,  
140–145, 147–153, 155–156,  
159, 162–163, 165, 168–169,  
171, 173, 178–181, 183, 185–  
187, 189, 191–193, 195–197,  
202, 214–215, 219–223, 226–  
232, 236–237, 239–244, 247–  
248, 252, 254–255, 258, 260–

262, 271, 280, 282–284, 286,  
288, 290, 292, 299, 305–307,  
310, 313–317, 319–320,  
325, 326  
Николай Михайлович,  
великий князь — 62, 226  
Николай Николаевич  
(Николаша), великий князь  
— 92, 95, 111, 135, 184, 206,  
210–211, 214–215, 218–219,  
228, 231–232, 240, 243, 282  
Никольский Б.В. — 82–84,  
93, 149  
Никулин Г.П. — 258–259,  
262, 285, 293  
Нилов К.Д. — 239  
Новиков Н.Н. — 199  
Новоселов М.А. — 194  
Нокс (Кнох) Альфред Уильям  
— 272  
Носарь (Хрусталеv) Г.С. —  
104–106

## О.

Оболенский Н.Д. — 110  
Ольга Александровна,  
великая княгиня — 306  
Ольга Николаевна, цареvна,  
великая княжна — 230, 255,  
322  
Ольденбургский А.П.,  
принц — 170  
Оруэлл (Orwell), Джордж —  
123, 331  
Осипов Максим (Нечай) — 19  
Орлов А.Г. — 36  
Остерман А.И., барон — 27,  
30, 32

## П.

Павел I — 35–37, 39, 41–42  
Пагануцци П.Н. — 300

Пален П.А., граф — 38  
Панкратов В.С. — 248  
Парамонов А.И. — 288, 291  
Пергамент О.Я. — 141  
Песочкий В. — 295–296  
Пестель П.И. — 41  
Петкович — 251  
Петр I — 19–22, 24, 27, 30–31,  
34, 36, 46, 83  
Петр II — 25–27, 31  
Петр III (Карл-Петр Ульрих)  
— 34–36, 41  
Петр Николаевич,  
великий князь — 184, 215  
Петр Петрович,  
сын Екатерины I — 22–24  
Петров (Воскресенский) Алек-  
сандр — 149–152  
Петрункевич И.И. — 119  
Питирим (Окнев П.В.),  
митрополит — 223  
Платонов О. А. — 175,  
217–218, 221, 224–225, 319  
Плеве, В.К. фон — 65–68,  
77–79, 84, 87, 91, 108–109,  
144, 149, 205  
Плеске Э.Д. — 78  
Писарев В.Е. — 336  
Плеханов Г.В. — 205  
Плотников И. — 258–259  
Победоносцев К.П. — 44,  
64–66, 69, 83  
Повлушин Д.М. — 266–267  
Подгоричани М.А. — 103  
Пожарский Дмитрий,  
князь — 18  
Покровский М.Н. — 295, 330  
Поливанов А.А. — 213–214,  
219–220, 233  
Попов В.Л. 315–316  
Порудоминский В.И. — 55  
Протопопов А. Д. — 132, 179,  
228–229, 232–233, 236  
Пугачев Емельян — 36

Пуришкевич В.М. — 136, 167,  
169, 174  
Пустошкин, подполковник —  
30  
Пушкин А.С. — 7, 38, 48

Р.

Радзинский Э.С. — 284–285  
Разин Степан — 19  
Разумовский, Алексей — 34  
Распутин Г.Е. — 142–143, 150,  
155, 171–177, 181, 183–199,  
201, 203–204, 214–218,  
220–226, 228–229, 238, 252  
Распутина Маргрена — 175, 201  
Ратимов — 135  
Рачковский П.И. — 111, 118,  
144–146, 157, 170  
Рейн Г.Е. — 102  
Резник, Р.З. — 6  
Рекло Элизе (Reclus Elisee) —  
157  
Решин И.Е. — 45, 46  
Ритгих А.А. — 233  
Ришелье (Richelieu),  
кардинал — 52  
Родзинский И.И. — 263, 268,  
293  
Родзянко Е.Ф. — 194  
Родзянко М.В. — 132, 143, 189,  
194–196, 200, 205–207, 230–  
233, 235–236, 239, 240, 244  
Родичев Ф.И. — 60–61, 246  
Родолин — 74  
Рождественский З.П.,  
адмирал — 81  
Розанова, Наталья — 6,  
261–263, 267, 292–296, 301,  
307, 312, 314, 316, 321  
Розенберг Альфред — 325  
Россель Э.Э. — 301  
Ростропович М.Л. — 294,  
305–306

Рубинштейн Д.Л.,  
банкир — 175  
Рубинштейн Антон — 277  
Рузвельт Теодор,  
президент США — 89  
Рузский Н.В., генерал — 207,  
237–242  
Рухлов С.В. — 180  
Рысс, С. — 127–129, 157  
Рюрик — 11–12  
Рябов Г.Т. — 293–296,  
300–302, 309

С.

Сабинин Д.А. — 339  
Саблер В.К. — 219  
Савенко — 167  
Савенков Б.В. — 85  
Сазонов С.Д. — 180  
Салтыков С.В. — 33, 36  
Салтыков-Щедрин М.Е. — 42  
Самсонов А.В., генерал — 206  
Сафаров Г.И. — 279  
Свердлов Я.М. — 253–255,  
257, 276, 279, 280  
Святополк, князь Киевский —  
11–12  
Святополк-Мирский П.Д. —  
61, 79–80, 85–87, 109  
Седнёв И.Д. — 255, 260  
Седнёв Леонид — 255, 260.  
Семенов Ф.Г. (Лжеалексей) —  
284  
Сергеев И.С. — 265, 269,  
273–276, 278, 281–282  
Сергей Александрович,  
великий князь — 54, 62–63,  
66, 85, 87, 149  
Сергей Михайлович,  
великий князь — 52  
Сергий (Вагулкин),  
протоиерей — 322

- Сергий (Фомин),  
митрополит — 323
- Серебряков А. — 123
- Сидоровнин Г. — 123
- Симанович Арон — 175
- Симеон Бекбулатович — 16
- Сипягин Д.С. — 65–66, 109
- Скобелев М.Д., генерал — 45
- Скуратов-Бельский,  
Малюта — 14–15
- Слегов — 149
- Созонов Е.С. — 66, 78
- Созонов С. — 78–79
- Соколов Н.А. — 5, 269–270,  
272, 274–276, 278–280, 283,  
287–288, 324–325
- Соколов Н.Д. — 246
- Солженицын А.И. — 6, 54–55,  
67, 96, 98, 100, 102, 105, 122–  
123, 158, 164, 166, 175, 177–179,  
181, 203, 212, 245, 248–249,  
270–271, 294, 318–319, 330.
- Соловьев В.Н. — 247, 253–254,  
259, 261, 263, 276, 303–309,  
312, 320–325, 327–328
- Соловьев В.С. — 55
- Соловьев Вл. — 211
- Соловьев П. — 211
- Соловьев С.М. — 12, 14, 16
- Сологуб Ф.К. 211
- Софья, великая княгиня — 13
- Софья, царевна — 19–21
- Сперанский М.М. — 38
- Спиридович А.И. — 136,  
153–156
- Сталь Анна Луиза  
Жермен де — 7, 38
- Сталин (Джугашвили) И.В. —  
67, 174, 284, 286, 316,  
330–331, 335–337, 340
- Старынкевич С.С. — 265,  
272–273, 278
- Стахович М.А. — 107
- Стеклов Ю.М. — 245
- «Степа» — 160–162
- Степанов С.А. — 132, 169
- Столетов — 29
- Стольпин А.А. — 133
- Стольпин П.А. — 52, 84,  
101–102, 115, 120–156,  
158–171, 176–177, 187, 189,  
192, 196, 198, 202, 223, 252, 272
- Стольпина О.Б. — 102
- Стрекотин А.А. — 259
- Струве П.Б. — 61–62
- Студицкий А.Н. — 339
- Суворин А.С. — 91
- Суворин М.А. — 192
- Суханов (Гиммер) Н.Н. —  
249–250
- Сухомлинов В.А. — 179–181,  
206, 213, 219
- Сыромолотов Ф.Ф. — 279
- Т.
- Тараканова, Елизавета,  
княжна — 35
- Татьяна Николаевна,  
царевна, великая княжна —  
255, 261
- Терешенко М.И. — 244
- Тихобережский  
(Бехтерев В.М.) — 211
- Толмачев И.Н. — 169
- Толстой А.К. — 43
- Толстой А.Н. — 171–172, 211
- Толстой И.И. — 211
- Толстой Л.Н. — 39–40, 44, 55
- Трепов А.Ф. — 119–120
- Трепов В.Ф. — 140, 143–144,  
152
- Трепов Д.Ф. — 57–58, 85–89,  
92–93, 109–113, 117, 119,  
120–121
- Трепов Ф.Ф. (старший) — 56,  
58

Трепов Ф.Ф. (младший) —  
152–153, 163  
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. —  
67, 248, 250, 277  
Трубецкой Е.Н. — 107  
Труш А.Е. — 255, 303  
Трусевич М.И. — 128, 144,  
153–155  
Труфанов Сергей  
(иеромонах Илиодор) — 173,  
187–191, 193, 201–202, 217  
Тулеев А.Г. — 301  
Турау Е.Ф. — 98–100, 102  
Тэффи (Лохвицкая Н.А.) —  
211

У.

Уилтон Роберт (Wilton Robert)  
— 270, 273, 275, 280–281, 324  
Урусов Д.С. — 89, 108  
Ухтомский А.А. — 37

Ф.

Федор Алексеевич,  
царь — 19–20  
Федор Годунов — 17  
Федор Иванович — 14–15, 17  
Федоров А. — 211  
Федорчук В.В. — 297  
Фененко В.И. — 162  
Феодосия, царевна — 16  
Феофан, архимандрит — 184,  
187,  
Филарет (Федор Никитич  
Романов), митрополит,  
патриарх — 16–18  
Филагов В.К. (Лжеалексей) —  
284, 286  
Филипп, митрополит — 14  
Флавицкий К.Д. — 35  
Флякбергер К.А. — 340

Франц Фердинанд, эрцгерцог  
Австро-Венгрии — 44, 201  
Фредерике В.Б. — 85, 94–95,  
110, 112  
Фуллер И.А. — 86

Х.

Хабалов С.С., генерал — 236  
Хаксли Д. (Huxley) 337–338  
Харитонов И.М. — 255, 303  
Хатисов А.И. — 231–232  
Хвольсон Д.А. — 328  
Хвостов А.А. — 232  
Хвостов А.Н. — 176, 223–225,  
232  
Хейфец М. — 210  
Христиан I, король Дании —  
247  
Хрущев Н.С. — 292–293, 340

Ц.

Цвейг Стефан — 7–8, 11  
Цельмс Я.М. — 258  
Цихоцкий В. — 102

Ч.

Чан Ин-Хуан — 74  
Чаплин В.А. — 324–325  
Чаплинский Г.Г. — 99, 162  
Черненко К.У. — 297, 301  
Черномудров Т.И. — 255  
Чернов В.М. — 246,  
Чернов М.А. — 337  
Чернышевский Н.Г. — 43  
Чуцкаев С.Е. — 279  
Чхеидзе Н.С. — 246

Ш.

Шавельский Григорий,  
протопресвитер — 208, 210,  
226–228



Шарлотта, царевна — 24  
Шафаревиц И.Р. — 297–300  
Шванебах П.К. — 114  
Шехурдин А.П. — 336  
Шипов Д.Н. — 107, 119  
Шлихтер А.Г. — 335  
Шорникова (Казанская) Е. —  
134–135, 170  
Штюрмер Б.В. — 225, 227–228,  
233  
Шуваев Д.С. — 233  
Шульгин В.В. — 122, 241–242,  
244

### Щ.

Щегловитов И.Г. — 133, 135,  
147–148, 177–178, 181, 197, 219  
Щепкин Н.Н. — 199  
Щепкина-Куперник Т.Л. — 211  
Щербатов, Н.Б. — 232  
Щёголев П.Е. — 133, 148,  
171–172  
Щёлоков Н.А. — 293–297  
Щёлокова И.Н. — 295  
Щёлокова С.В. — 297

### Э.

Эндрю Кристофер — 318

### Ю.

Ювеналий (Поярков),  
митрополит — 312  
Юровский Я.М. — 257–267,  
271, 276, 278, 285, 295,  
299–300, 302, 310, 321  
Юрьевская (Долгорукая) Е.М.  
— 43  
Юсупов Ф.Ф. — 174  
Ющинский Андрей — 163,  
177–178, 199, 271

### Я.

Яковлев А.Н. — 293  
Яковлев В.В. (Мячин К.А.) —  
251, 253–255, 278  
Яковлев Я.А. — 335, 337  
Якунин Г.П. — 318  
Янушкевич Н.Н., генерал —  
207, 210, 213, 215, 219,  
222, 232  
Яров Ю.Ф. — 308  
Яценко Н. — 212

Mahoney Daniel J.  
(Махони Дэниел) — 122  
Stephan John J. — 122

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i> .....	5
------------------------	---

### Часть I

#### Цареубийство в русской истории

Вместо вступления .....	7
Рюриковичи .....	11
Смута .....	16
Романовы.....	18
Вторая Смута.....	24
Псевдо-Романовы.....	34

### Часть II

#### Коронованный революционер

Воцарение.....	48
Между мерзавцами и дураками .....	58
Безобразовщина 1904–1905.....	68
Эпоха Витге 1905–1906 .....	96
Эпоха Трепова 1906.....	113
Эпоха Столыпина 1906–1911.....	121
Эпоха Распутина 1911–1916.....	171

### Часть III

#### Распад империи

Заговор обреченных. Февраль 1917.....	230
От февраля к октябрю .....	244
Цареубийство .....	250
Захоронение .....	263

Часть IV  
Сто лет — упокоя нет

Тройка генерала Дитерихса.....	269
Фарс после трагедии .....	282
Царские останки.....	287
«Русофобия» и юдофобия Игоря Шафаревича .....	297
Идентификация.....	300
Царевич многострадальный.....	320
Новое начало вместо конца .....	325
<i>Приложение С.Е. Резник. Фарс или трагедия .....</i>	<i>329</i>
<i>Указатель имен .....</i>	<i>342</i>

**Резник Семен Ефимович**

**ЦАРЕУБИЙСТВО**

Николай II: жизнь, смерть, посмертная судьба

Главный редактор издательства  
*Игорь Александрович Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*  
Оригинал-макет *Б. Н. Марковский*  
Корректор *И. Е. Иванцова*



ИД № 04372 от 26.03.2001 г.  
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,  
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна  
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,  
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

**www.aletheia.spb.ru**

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести  
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru  
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97  
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16  
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6  
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

*в Киеве:*

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

*в Минске:*

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.  
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

*в Варшаве:*

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,  
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

*в Риге:*

«Intelektuāla grāmata»  
Rīga, Kļ. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

**Интернет-магазин: www.ozon.ru**

Формат 60x88<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Усл. печ. л. 21,76. Печать офсетная.

Заказ №